

Cofe

**Демон тринадцатого
месяца**

Демон Черной луны, демон Тринадцатого месяца. Не всякий способен призвать эту адскую тварь. Нужна жертва кровью и небывалое чародейское мастерство, что бы исчадь откликнулась на зов призывающего. Случается подобное раз в тысячелетие, но даже если и случается, то и тогда нельзя считать это удачей ибо всемогущ и могущественен демон и горе призвавшему его, если не справится с его злой и мстительной мощью. Насколько же нужно впасть в отчаяние, чтобы решиться призвать демона тринадцатого месяца?

Демон

— Это еще, что такое? Разве я вызывал Ху Ли Цзян? — воскликнул ошарашенный маг, подслеповато взглянув в свиток, что держал в руке.

Тем временем демон, что был заключен в круг пентаграммы, поднялся на ноги.

— Все джинсы перепачкала, — сокрушалась адская тварь, отряхивая колени.

Маг недоверчиво смотрел в древние письмена, потом опустив свиток, внимательно взгляделся в демоническую сущность, вызванную его заклинаниями. И чем больше разглядывал ее, тем больше убеждался, что перед ним именно демон. Его уверенность подкреплял необычайный вид потустороннего существа: штаны из протертой до дыр на коленях ткани, короткая желтого цвета облегающая кофта без привычного запаха впереди, что вызывающе обтягивала соблазнительную грудь искусительницы, будто вторая кожа. «Нельзя, нельзя поддаваться ее лукавым чарам», — моргнул маг с усилием отводя глаза от изящной фигуры, переводя взгляд на необычную обувь демоницы с перекрещивающимися спереди веревочками и необычайно толстой ребристой подошвой, громоздко смотрящейся на длинных ногах.

Но глаза словно притягивало к изящным формам чаровницы. Вон даже гладкие тонкие руки оголены и вводят в искушение мага, разменявшего без малого шестой десяток лунных лет, которого так и тянуло провести по ним ладонью. О Небо! Где, в каких лабиринтах подземного судилища Диюя создали эту отраду глаз, — ох нет! — печаль для старческого сердца?! В полной мере испытав на себе силу демонического обольщения, маг не решился взглянуть демонице в лицо, страхась встретиться с взглядом янтарных глаз. Случись такое и он пропал. Обольстит даже его, что не падок на женские чары и выдержит ли такое испытание его старческое сердце? О, это тяжкое испытание соблазнением! Ах, как сладко быть соблазненным

— Кто знал, что в зданиях танцевальных классов имеется такой подвал? Прикольно! Очень похоже на пещеру... антураж что надо и камень, кажется, не бутафорский, — пробормотало меж тем порождение преисподни.

Как ни странно, маг отлично понимал, что говорит потусторонняя сущность, не смотря даже на непонятные слова, что она произносила.

Язык был родным, но диалект странный и непонятный. А эта необычайная торба, что свисала на широком ремне с хрупкого плеча адского создания.

— А можно я уже пойду? — как-то робко для демоницы, спросило адское создание.

— Стой, где стоишь, исчадие ада! — завопил перепуганный маг, понимая, что ее кажущаяся беззащитность всего лишь демонская уловка. — Без моего соизволения тебе и шага не ступить! Ты не переступишь магической черты сдерживающего круга! Это божественные знаки Неба!

— Да ладно, нельзя так нельзя. Чего сразу кричать-то, — обиженно проговорила демоница. — Только, от меня, что хотите? Я на лекцию опаздываю.

Тут она передвинула свой странный баул на плоский живот и чем-то на нем вжикнув, достала странную диковину, каковую магу не доводилось видеть прежде. Прямоугольное глянцево черное зеркальце, обсыпанное блестящими камнями с одной стороны. Но вместо того, чтобы посмотреться в него и призвать адовых тварей, чтобы науськать их на мага,

демоническая дева потыкала в него пальчиком. Глянцево темная сторона, будто проснувшись, засветилась голубоватым призрачным светом, открывая выход из потустороннего мира для ее жуткой подмоги. Маг, отпрянув от линии пентаграммы выронил свиток потертых бамбуковых дощечек, и схватив глиняный горшок с крупной алмазной солью, добытую им в запретном озере, начал сыпать дополнительную черту вокруг основной линии пентаграммы, которую до того начертил собственной кровью. При этом громко нараспев читал заклинание, чтобы заглушить собственный страх: «Ты то, чем стану после смерти я; я — то, чем ты был до гибели своей. Не делай мне вреда, и я не принесу тебе несчастья. К тебе обращаю я слова свои, взывая к тебе: убирайся, а не упорствуй!».

Вот только проклятое исчадие не билось в конвульсиях, не рычало с пеной у рта, не кидалось на невидимую преграду, выросшую из линий магического узора, а вело себя необычайно тихо, что пугало еще больше. И маг невольно покосился на ту, что стояла посреди пентаграммы с удивлением наблюдая за откровенно трусившим стариком, начисто позабыв о той зловредной вещице, которая уже не испускала бледного голубого свечения. Вот она сила священной соли, что закрыла проход в адовы глубины! Или Небо милостиво или чародейство, которым владел маг, оказалось сильнее демонской ворожбы.

И тут маг замолк на полуслове, позабыв все заклинания, глядя в юное лицо демона у которой оказался взгляд перепуганной девчонки. И глаза были не янтарными с непроницаемым зрачком, а черными, округлившимися от страха и недоумения. Демон имел вид девицы прожившей от силы двадцать лун и как всякая чаровница обладал не круглым лицом простолюдинки с широким носом и щелочками глаз, а тонким удлинённым с аппетитно полными губами, четко очерченным носом, чистым лбом и большими глазами. Милое и смышленное лицо. Длинные волосы демоницы собраны в высокий хвост, перевязанный бархатной тугой ленточкой.

— Вот блин! — потрясенно прошептала демоническая дева. — Он же ненормальный! И связь здесь ни фига не берет... — поводила она по сторонам своим темным «зеркальцем».

— Как твое имя демон?! — вскричал вдруг опомнившийся маг так, что обольстительный демон шарахнулся от него.

— А чего кричать-то?! Я все слышу...

— Назови себя демонское отродье! — потребовал бесноватый старик.

— Да зачем вам это? — чуть не плакала потусторонняя сущность. — Я же ничего такого не делала, чтобы жаловаться на меня в деканат.

— Имя!!! — вопил маг, умирая от страха.

— Ну Ли Мин я и что... — призналась девушка, решив, что с чокнутым лучше не связываться.

— Как Ли Мин? — растерялся маг, опустив вздетые к низкому пещерному своду руки и недоуменно спросил: — Разве не Хуа Ли Цзян?

— Спасибо, конечно, — шмыгнула носом юная демоница, — но у меня не настолько большое самомнение, чтобы возомнить себя девятихвостой лисицей. А разве ее призывают как какого-нибудь демона? Вы что сатанист?

И это говорит демоническая тварь?

— Ты кто? — сбавив обороты, озадаченно поинтересовался старик, разглядывая эту... Ли Мин.

— Студентка и что? — с вызовом ответила девушка. — Прохожу интернатуру в Больнице Гуаньаньмэнь. Вот мой пропуск, — вытащила она какую-то тонкую дощечку

умещающуюся на ее ладони, настолько гладкую, что в нее можно было смотреться.

«Видно эта вещица из самой преисподни», — с невольным трепетом и опасливым уважением подумал маг невольно отступив. Но демонская девка протянула ему руку с этой необыкновенно тонкой пайцзой на которую какой-то сверхъестественной силой был перенесен ее обольстительный образ «отпечатавшийся» на гладкой поверхности. Не в силах совладать с любопытством, маг, поколебавшись, осторожно взял необыкновенную пайцзу, протянутую ему над линией круга. Вертя и так и этак непонятную вещицу, старик даже умудрился прочесть знакомые не бывало четко и ровно выписанные иероглифы. Оказывается эта Ли Мин являлась каким-то медиком-ординатором. Это что же получается, что и преисподняя имеет лекарские школы? Зачем им это? Лекари призваны исцелять и спасать, а преисподняя растлевать и губить, прельщая и соблазняя смертных грехами, искушая и губя всяческими злодеяниями, потому что демоны питаются страхами, мучениями, унынием и малодушием людей.

— Откуда ты явилась в наш мир? Из какого круга ада? — это был второй вопрос из трех задаваемых адептам Диюя.

— Откуда... откуда... с танцпола, — последовал ответ полный досады и нетерпения. — С тренировки танцевального класса, — пояснила она и непонятно о чем добавила: — У меня через десять минут лекция по педиатрии. Можно, я уже пойду?

— Повелеваю тебе, нечисть мерзостная, стой там где стоишь! — прикрикнул маг, вытянув руки в заградительном жесте.

— Ну, вообще! — мило обиделась демоница. — Почему сразу мерзость? Чего вы все обзываетесь? Вы не имеете права так со мной говорить, хоть и старший. Мало того, что упала, торопясь на пару, так еще вы тут... — она огляделась. — Вы что оккультизмом занимаетесь? Смотрю, вы не слабо в роль вжились.

— О чем ты все время толкуешь? — рассердился маг и так пребывавший в раздрае чувств и не понимая, кого он умудрился все-таки призвать в свой мир.

Опасно было и то, что он не представлял с какого рода демоном имеет дело.

— Из какого круга ада ты явилась? — с похвальной настойчивостью потребовал ответа маг.

— С третьего курса... — вздохнула девушка и вдруг топнула ногой, потеряв терпение. — Нет, вы точно псих! У вас же обострение... Может, я провожу вас обратно? — вкрадчиво спросила она, заставив мага сильно занервничать, ибо началось его испытание демонским искусом. — Обещаю, никто не узнает, что вы самовольно покинули лечебницу. Мне поверят...

— На что ты меня подбиваешь, демоница? — подозрительно прищурившись, ехидно поинтересовался маг, готовый проявить стойкость и дать отпор демонским соблазнам. — Знай, я не поддамся на твои коварные уловки. Погоди-ка, — забормотал он. — Значит адовы круги, это у них отделения невро... Она говорит, что с третьего курса... это значит, что с третьего адова круга? — и маг изучающе взглянул на свой магический улов.

Демоница не выглядел злобной, а казалась даже беззащитной и испуганной. Не было в ней ужасающей надменности и превосходства над смертными, уж это маг мог распознать как никто другой. Сталкиваться было не в первой, как и видеть их отвратительное уродство. Что бы проверить свою догадку, что перед ним молодой демон-ученик, маг для эксперимента, бесстрастно швырнул в нее пригоршню соли, похожей на ледяную крупу, и пока его потусторонняя жертва возмущенно отряхивалась, запустил вдогонку амулетом с

сильнейшим заклинанием, выписанным киноварью на желтом пергаменте. Вопреки ожиданиям пергамент не обуглился, а упав к ногам демоницы, так и остался лежать у ребристой подошвы ее чудно обуви, ничуть не поврежденный злой аурой. Она же стряхнув соль, укоризненно заметила:

— Приличный на вид старичок, а безобразничаете. У вас деменция и слабоумие, раз такое вытворяете.

Маг поднял руки, чтобы эксперимента ради вывести в воздухе сложную оккультную фигуру, как его отвлекли.

— Фэй Я! Фэй Я! — позвали у входа в пещеру. — Где ты, мошенник, этакий?! Опять заснул после чарки? Нет, чтобы дождаться меня! Ну, не мошенник ли?

Маг, будто его застали врасплох за недозволенным делом, закинул в широкий рукав своих белых одежд чудную дощечку-пайцзу, и торопливо похромал к выходу обозначенного во тьме небольшой пещеры пятном блеклого дневного света. Но вдруг обернувшись к непонятной пленнице, погрозил пальцем:

— Не вздумай пересекать линию священного круга без моего на то дозволения.

— Да ладно, — обреченно пожала покатыми плечиками демон и со вздохом плюхнула на землю свою торбу.

У входа в пещеру мага поджидал его старый верный друг лекарь Лю Бин.

— Почему не заходишь? — поумерив хромой торопливый шаг, степенно вышел к нему маг.

— Боялся, помешать твоим магическим изысканиям, — ответил лекарь. — Дома тебя нет, вот и понял, что чародействуешь в своем убежище.

— Проходи же, — нетерпеливым жестом снова пригласил маг. — Мне как всегда нужен твой мудрый совет, друг мой.

— Ну уж, — хмыкнул польщенный лекарь оглаживая длинную, но редкую бороду, такую редкую, что просвечивала насквозь. — Не уж-то твои нынешние магические опыты принесли какие-то плоды?

— И к тому же небывалые, — важно кивнул маг и, заметив, что лекарь не торопится заходить, лишь с опаской заглядывает в пещеру, проговорил: — Не тревожься, я похоже и не демона вызвал вовсе, а не понятно что.

— Так ты вызывал демона?! Небо! — шарахнулся от входа благоразумный лекарь. — Сколько раз мы с тобой обсуждали, что Глава не потерпит подобного.

— А вот твои снадобья и лекарства помогали ему хоть как-то? — ехидно полюбопытствовал обидевшийся маг.

— Полагаюсь на твое слово ибо верю, что не навредишь мне, — сдался лекарь, не желая ссориться с другом и отважно шагнул в пещеру.

Маг похромал за ним. Когда лекарь остановился перед пентаграммой, глядя на создание, стоящее посреди круга, маг остановившись рядом, взволнованно спросил, заглядывая ему в лицо:

— Что скажешь? Не правда ли она воплощение Хуа Ли Цзян?

— Но... у нее же нет хвостов... — озадаченно проговорил лекарь, изучающе разглядывая демона.

— Показывай хвост! — строго приказал маг девице, дабы показать свою власть над ней.

— Что вы ко мне привязались со своими глупостями? Нет у меня никакого хвоста! — голос демонической гадины дрогнул от сдерживаемого рыдания.

— Все, я звоню в полицию и вас привлекут за домогательство. Достали уже! — выкрикнула она. Выдержать одного старого придурка еще куда ни шло, но когда их двое, вообще перебор.

— Чего мы должны ей достать? — спросил все больше удивляясь лекарь. — Что ты ей пообещал, старый ты дуралей?!

— Ничего не обещал! — возмущенно оправдывался перетрусивший маг.

— Я, — трясла между тем демон глянцево-темную штуковину, — записала весь наш разговор.

— Ты чтонибудь понял? — опять повернулся к магу лекарь. — Когда и на чем она писала? Ты дал ей стило и пергамент? Неужто ты уже продал ей свою душу, мой бедный друг?

— Ничего я не продавал, — взволнованно вскричал маг, схватившись за сердце. — И уж тем более ничего этой твари из своих вещей не передавал! Разве ты видишь в ее нечестивых руках пергамент и стило?

Услышав про «нечестивые руки», молодая демоница засунула глянцево-темную штуку куда-то за спину, и деловито потерла ладони о свои блекло-голубые штаны. Наблюдая за ней лекарь вдруг строго спросил:

— Ты демон?

— Вообще ни разу, — последовал ответ, озадачивший стариков.

— Она сказала, что она медик-студент, — неуверенно проговорил маг, припомнив разговор с демоницей.

— А что в преисподне имеются школы и студенты? — не переставал удивляться лекарь, с интересом глядя на необычайную девушку, которая не выглядела злобно и надменно.

— Еще она поведала о каком-то невро... невро... словом отделение куда может попасть только она.

— А я уже в нем! — огрызнулась заметно нервничая девица. — Вы же явные психи.

— Что она сказала? — разволновался маг.

— Сказала, что мы какие-то психи, — повторил лекарь.

— Она причислила нас к своему адову племени?! — не на шутку перепугался маг.

— Успокойся, может не так уж все непоправимо. Демон какого-то отделения? — оглядел лекарь демоницу с головы до ног. — И как называют демона сего отделения?

— У меня ее пайцца, — спохватился маг. — Вот посмотри... довольно необычайная, правда? — достал он из рукава тонкую гладкую табличку, протянув лекарю. — Как впрочем все, что исходит из адова пекла...

— Ты осмелился взять у нее нечестивую вещицу? — ужаснулся лекарь, попятившись от протянутой к нему руки мага.

— Это пластик, — насмешливо пояснили из магического круга и два старца повернулись к демонице, потом переглянулись, не понимая ее.

— Это дерево? — с сомнением переспросил лекарь, вытянув шею, разглядывая гладкий тонкий прямоугольник в руке мага.

Но маг бесстрашно согнул необычайную штуковину, пробормотав:

— Не дерево и не бумага будто...

— Верните мне пропуск, — потребовала непонятная сущность, переживая за судьбу своей чудной пайцзы.

— Так ты человек, как утверждаешь? — повернулся к ней лекарь Бин.

— Да, — тут же ответила демоница, не моргнув и глазом. — Бесите меня просто! Сколько уже можно повторять. Я целый час твержу о том, вот этому дяденьке, — указала она на мага.

— Тогда откуда ты родом и как нарекли тебя родители, ежели они у тебя были? — продолжал допрашивать лекарь, тогда как маг все кивал головой, усердно поддакивая его уверенным вопросам.

— Ли Мин, — ответила девица из преисподни. Лекарь вопрошающе взглянул на мага.

— Значит, она из семьи Ли? Тебе знаком этот род? — спросил он. Маг кивнув по привычке, тут же спохватился.

— Был в здешних местах торговый род Ли из Гоундчжоу, — сказал он и оба старика снова посмотрели на девушку.

— Я не из Гоундчжоу, — покачала та головой. — Я из Пекина.

Услышав это почтенные старцы посмотрели друг на друга и маг деловито осведомился:

— И где же находится сия местность? Не в преисподней ли, потому что такого города нет в Поднебесной.

— Э-э... из Янтина (старое название Пекина), — поправились она.

— Нет такого города на свете!

— Ой, мама... — выдохнула девушка, — тут нужно «скорую» вызывать.

Но когда старики попятнулись от нее видимо решив, что она хочет вызвать демонов, терпеливо пояснила:

— На севере Китая...

Ей стало не по себе, особенно после того, как дед с бороденкой в три длинных волоса уверенно заявил:

— Нет такого города в тех диких краях. Там земли варваров, что кочуют по степи.

— Есть, — последовал столь же твердый ответ демоницы. — Тогда скажите, где я сейчас, по-вашему, нахожусь?

— Ты находишься в Поместье клана Северного Ветра.

— В смысле в Поместье? — нахмурилась девушка. — А возле какого это города?

— Возле благословенной Небом столицы империи Тан.

— Та-ак... а какой сейчас год? — дрожащим голосом спросила потустороннее создание, с явным намерением развеяться.

Старики озадаченно переглянулись. Разве демоны не живут вне времени? И разве демонов должен интересовать какой сейчас год?

— Сейчас второй день девятого месяца третьего года правления У-дэ, — сказал лекарь.

— Третий год правления императора У-дэ? Это же Северная Чжоу, а У-дэ правил где-то с 627 по 650 годам. Ну зашибись! — потрясенно хлопнула себя по лбу девушка. — Я что, угодила в Древний Китай?!!!

— Что значит в Древний? — оскорбился маг. — Мы в современной, самой просвещенной империи, центре мироздания и всего мира!

— Ну да... ну да... точно. Ну все я пошла, — дрожащим голосом проговорила девушка и, повесив на плечо свою необыкновенную торбу, шагнула из круга.

Старики шарахнулись в ужасе, глядя на демоницу, которая вот так запросто, вдруг пересекла невозможную для нее преграду.

— Куда это ты направилась, враг всего живого? — севшим голосом пискнул вслед ей маг.

— Сделай же что-нибудь! — в панике сипло потребовал у него лекарь. — Нельзя впускать темное зло в наш мир.

— Что ты хочешь, что бы я сделал? Сам не видишь сколь силен сей демон, что даже магические символы Неба не в силах сдержать ее, — пожаловался маг, понимая, что оба они обречены. — Или она действительно рода человеческого, если ей все ни почем? — смотрел он вслед вышедшей из пещеры странной девушке.

А Ли Мин, держа туго набитую торбу на хрупком плече, стояла перед темной стеной леса, глядя на возвышающуюся за ним пагоду с красными ступенями изогнутых крыш. Она не улетела черным вихрем, не ускакала балохвостой лисицей-оборотнем.

— Так скажи мне, чадо, что за место такое — Пекин? — спросил подавленную девушку, вышедшей за ней и вставший рядом лекарь Бин, оглаживая редкую длинную бороду.

Ледяная соль

— Как?! Как могло случиться, что вместо демона ты умудрился призвать в наш мир человека... девицу из будущих времен?! — недоуменно воскликнул лекарь Бин, сердито глядя на виноватого мага.

— Ну вот же, — разложил тот перед ним свиток с магическими заклинаниями. — Я все делал строго по записям, не пропустив ни единого иероглифа!

Вдруг замолчав, маг принялся разглядывать надпись на одной из бамбуковых дощечек из которых состоял свиток.

— Разве этот иероглиф не означает «земные недра»? — озадачился он.

— Дай-ка взглянуть, — подвинул его лекарь и оба старика напрягая подслеповатые глаза, склонились над свитком.

— Зрение-то у меня все же получше твоего, — бормотал лекарь. — И этот иероглиф вовсе не «земные недра», а «земной мир».

— Быть того не может! — упрямылся, не желавший сдаваться, маг.

Тогда подхватив свиток и подвинувшись к светильнику, лекарь Бин, отставив от глаз нужную дощечку, прищурившись прочел:

— «Земной мир». Это точно «земной мир», а ты сослепу прочел его как «земные недра».

— Да какой же это «земной мир»?! — недоверчиво выхватил у него свиток маг. — Глаза, говоришь, лучше моих, а черточку разглядеть не можешь, — ворчал он ехидно.

— Где ты тут черточку увидел? Совсем одряхлел? Это вот, — ткнул лекарь узловатым пальцем в злополучную запись, — не черточка, а зазубрина на дощечке.

Ли Мин сидела за низеньким столиком у стены пещеры на толстой тростниковой циновке и безучастно жевала комковатую просяную кашу, запивая водой из тыквенной бутылки, что принесли ей ругавшиеся сейчас старики. Большой гадости она в жизни своей не ела, но она пропустила обед из-за репетиции восточного танца, который ее группа должна представлять на конкурсе студенческих коллективов. И вместо того, чтобы вовремя быть на лекции по педиатрии, угодила в непонятное место к двум чокнутым дедкам. Бред полный!

— Ну-ка, девочка, глянь, глаза у тебя молодые, зоркие, — подошел маг к Ли Мин с развернутым свитком. — Вот сюда смотри. Что это за иероглиф?

Взглянув девушка безразлично ответила:

— «Земной мир». Тут на дощечке развод, — и вдруг заплакала.

— Ну-ну... — заволновались старики, обступив рыдающую девушку.

— Не расстраивайся, дитя, — участливо склонился к ней лекарь и вдруг накинута на мага: — А все ты, старый дуралей! Слепой как крот, а все мнишь себя великим магом... заклинания читать взялся! Вот зачем ты это сделал?

— Будто тебе не известно наше положение? Нужно же как-то спасти клан, — виновато оправдывался маг.

— И для этого ты решил призвать демона? Вот что это дитя может сделать? Она себя не в силах спасти не то что клан?

— Если бы ты только знал, сколько неудач я терпел призывая демонов и духов, — обреченно вздохнул маг. — Ни один из них не являлся на мой призыв. Ничего никогда не

происходило, а тут...

— Вы ошиблись, а мне-то, что-о теперь дела-ать? — икнула девушка, прерывая их ругань. — Я д-о-омо-ой хо-очу! К ма-а-аме!

— Ну-ну, дитя, — гладил ее по голове лекарь, утешая. — Мы, что-нибудь придумаем и все исправим.

— Дайте мне время разобраться во всем, — решительно пообещал маг. — Ради этого перечту все свои записи. А покуда поживи у меня.

— Почему это у тебя? — встрепенулся лекарь.

— Я ее «вызвал», значит она моя подопечная.

— Ты уже «побеспокоился» о ней... — сварливо напомнил лекарь.

— Я здесь останусь, — прерывая их спор, всхлипнула зареванная девушка. — Рядом с ним... — кивнула она в сторону магического круга. — Вдруг он «сработает» и я вернусь обратно домой.

Старики нерешительно переглянулись, но возражать не стали, благоразумно промолчав. Оба уже не сомневались, что девчонка не демон, потому что в отличие от нее, демоны не горят желанием вернуться в свою преисподнею. И, правда, Ли Мин весь вечер и добрую половину ночи только тем и занималась, что подходила к пентаграмме и становилась в ее середину, придирчиво вглядываясь в непонятные знаки и каракули, словно стоящая на весах топ-модель, надеясь хотя бы на один сброшенный грамм. Но ничего не происходило и магический круг «не запускался». Зато выйдя из пещеры, она могла видеть редкие огни Поместья клана Северного Ветра и освещенную фонарями пагоду высившуюся среди ночной темноты.

Старички покинули ее, стремясь попасть домой затемно, а Ли Мин страдала без гаджетов: мобильный не работал, планшет с собой она не носила, а плеер разрядился. Пещера хоть и была сухой, но от каменных стен веяло прохладой, а на земляном полу невозможно было устроиться, чтобы заснуть. Так что спала она урывками, часто просыпалась, надеясь, что произошедшее всего на всего ночной кошмар, а на рассвете совсем зачоченела.

Утром явились маг и лекарь. Маг Фэй Я маленький с круглой головой на тонкой морщинистой шее, с поднятыми словно в вечном изумлении редкими бровями, внимательно оглядел ее. Из-за резких морщин отходящих лучиками от глаз, его взгляд казался озорным и смеющимся. Редкие волосы тщательно зачесаны в пучок на макушке закреплены серебряным, потемневшим от времени, широким кольцом с яшмой посередине. Сегодня он был в простом хлопчатом ханьфу вместо белых шелковых одеяний в которых предстал перед Ли Мин вчера. Он опирался на крепкий суковатый посох с корявым навершием — отшлифованным и покрытым лаком утолщением корневища с оставшимися на нем причудливыми обрубками корней.

Лекарь Бин был выше и плотнее Фэй Я, так что маг рядом с ним смотрелся мальчишкой. Бросались в глаза тронутые сединой густые волосы лекаря, в отличие от его реденькой бородки, непокорно выбивавшиеся из свернутого на макушке узла, перевязанного коричневым вылинявшим платком, а неулыбчивое лицо выдавало непростой характер старика. У него были крупные по прежнему сильные руки с длинными чуткими пальцами. На лекаре был все то же темно синее ханьфу поверх белого нижнего халата.

Увидев утомленное осунувшееся лицо своей нечаянной подопечной, лекарь покачал головой, а маг поставил на столик покрытую тряпицей корзину, откуда аккуратно извлек

миску с еще горячими лепешками и тыквенную бутылку с родниковой водой. Все трое разместились вокруг низкого столика.

— Все не так уж и плохо, — неуверенно начал маг под нетерпеливо настойчивым взглядом девушки, свалившейся на его голову из будущего, и под одобрителный кивок друга, поняв, что правильно начал разговор, что бы хоть как-то взбодрить, упавшую духом бедняжку. — Посмотрел я за эту ночь все записи, что имею и нашел нечто любопытное.

Лекарь подался вперед весь внимание, а девушка затаила дыхание, как будто выслушивала приговор о своей жизни и смерти.

— Вчера был день Черной Луны, вот в чем все дело. И демоны решили подшутить над таким надоедливым стариком как я. Видимо сильно я досаждал им своими требованиями явиться передо мной, чтобы распорядиться их силой.

— Вот-вот... своим занудством ты уже всех демонов вывел из себя. В такое я охотно поверю, — добродушно поддел его лекарь.

На что маленький маг не обратил никакого внимания.

— Так вот, — продолжал он. — Ровно через год, в такой же день Черной Луны, вынуждены они будут вновь приоткрыть проход в иномирье через который ты попала к нам, вот тогда-то я верну тебя обратно в твой мир, домой.

— Что? — задрожали губы девушки. — Год? Ждать целый год? Смеетесь?

Два старика с подозрением воззрились друг на друга, но никто из них даже не улыбался.

— У меня интернатура, сессия на носу и мама меня потеряла... Ой... а танцевальный конкурс! Я же всех подвожу... бли-ин! — вскочила Ли Мин, в безысходности кружа по небольшой пещере. — Вы не понимаете как это важно! — в смятении воскликнула она.

Лекарь и маг с готовностью закивали, сочувствуя несчастному дитя совсем впавшему в отчаяние, хотя при этом мало что поняли. Правда маг догадывался, что если не вернет девицу обратно, то вся ее жизнь там в будущем, разрушится. А лекарь с тревогой приглядывался к ее аккуратному носику на котором вскочила какая-то непонятная «сессия».

— Я не могу ждать целый год! Сейчас же верните меня обратно! Ведь есть же способ! Вы сами говорили... обещали... Ну, правда! — и она с размаху сев на пол, зарыдала, закрыв лицо ладонями. — Я тут с вами с ума сойду!

— Дитя, — дрогнув подбородком, начал маг, не представляя как утешить ее. — Этот год пролетит незаметно, вот увидишь.

Но его утешение лишь подлило масла в огонь. Лекарь с укором взглянул на мага, что с жалостью глядел на убивавшуюся девушку, поднялся со своего места и подойдя к ней, ткнул пальцем в какую-то точку у нее на шее, прекратив тем надрывные рыдания Ли Мин уже переходившие в истерику. Подхватив подмышки обмякшее тело, он, с помощью подсуетившегося мага, уложил девушку на циновку с брошенными на нее одеждами. После чего оба старика охая и потирая враз занывшие поясицы, добрались до столика и опустились на толстые тростниковые циновки для сидения.

— Если все так, как ты ей сказал, — вздохнул лекарь, — то следует подумать о приличном одеянии для нее и жилье. Как никак, а придется нам присматривать за ней весь этот год.

Маг потирая спину, согласно закивал.

Три дня после «приговора» Фэй Я, Ли Мин не могла прийти в себя и лекарь Биг отпаивал ее успокоительными травяными настоями. Очень тревожило стариков и то, что она ничего не ела.

— Хорошо будет если переживет все это без печальных последствий для себя, — вздохнул лекарь с беспокойством поглядывая на лежащую лицом к каменной стене, девушку. — Вот уже третий день лежит так, не двигаясь.

— Полагаешь, что уже повредила рассудком? — тревожно зашептал маг.

— Ладно бы это, — тихо ответил лекарь, — а то ведь уморит себя голодом до смерти.

В конце концов, оба старика пошептавшись немного, ушаркали из пещеры. А Ли Мин уже не замечала ни жесткого ложа, ни ночного холода, все думая об участи постигшей ее. Это наказание? За что? Злой рок? Как все это выдержать? Оставалось поверить в происходившее и принять какое-то решение. Если будет сопротивляться, то ни к чему не придет и не облегчит своего пребывания в чуждом ей мире. Нужно прекратить думать о сессии, танцах, маме и, вообще, поменьше вспоминать о доме, а думать о том как выжить здесь и сейчас. Ее задача продержаться год. Разве это невыполнимо? Жить в этом мире тихо и незаметно, не попадаться никому из здешних на глаза и ни во что не ввязываться. Вот и все. Это же вполне решаемо: Поместье как и деревня далеко от ее пещеры, из которой она и носа не высунет. Было бы идеально, чтобы о ее существовании не то что не знали, а даже не догадывались, как и о том, что в пещере кто-то живет. Она сумеет приспособиться ко всему с помощью двух забавных и добросердечных стариков, что приняли в ней искреннее участие. Маг, например, чтобы она не боялась, каждую ночь «запечатывал» пещеру. Рано отчаиваться, может проведенный здесь год, в ее мире окажется лишь тридцатиминутным отсутствием. Так что ничего страшного.

Приняв решение, Ли Мин немного успокоилась. Перед рассветом привычно очнулась от того, что промерзла до костей, а утром, пришедший проведать ее маг нашел свою подопечную бодрой и вполне вменяемой. За собой он волок туго набитый тюк.

— Это одежда, которая тебе вполне подойдет. Родственники исцеленных пациентов, иногда благодарят лекаря Бина вновь пошитой одеждой. Теперь вся эта одежда твоя. Выбери, что тебе по душе.

Пока девушка с придирчивым вниманием и подозрением осматривала содержимое тюка, маг нудно наставлял ее:

— Если начнут любопытствовать кто ты, откуда родом, да какой семье принадлежишь, говори, что ты из южного Чу, дочь моей племянницы Ли Юй, прибыла в Чжоу с торговцами-шанцами для того, что бы обучаться у меня или Бина лекарскому мастерству. Будешь жить в моем доме, заниматься хозяйством.

— Спасибо, дедушка. Буду помогать по хозяйству и вам и лекарю Бину, только жить останусь здесь, в пещере. Вдруг портал возьмет и откроется...

— Кто откроется? — не понял маг, перепугавшись незнакомого чудного слова, очень уж похожее на демонское.

— То есть магически круг, — кивнула Ли Мин туда, где на полу была начерчена пентаграмма.

— Как хочешь, — пробормотал маг. — Но наступит зима и тебе придется перебраться в мой дом.

Первое дни пребывания в пещере были трудными. К тому же именно на эти три дня зарядил дождь. Прохладный ветер, помимо дождевых брызг, заносил в пещеру терпкие запахи листвы, лесной свежести, влажной земли и мха, мокрого хвойного аромата. Ли Мин постоянно мерзла в каменном жилище, в конце концов ее нос заложило и она засопливила.

— Сколько еще раз тебе повторять, что бы перебиралась к комунибудь из нас! —

сердито выговаривал ей лекарь Бин, отпаивая упрямыцу согревающими отварами.

— Да все в порядке, — гудносила Ли Мин. — Просто я адаптируюсь.

— Придут холода, будет хуже, — ворчал лекарь, предпочитая не обращать внимание на замысловатое словцо. — Перебирайся жить ко мне, будешь помогать мне с больными. Один я не справляюсь, толкового помощника все не найду. А будет кто спрашивать, говори, что моя ученица.

Ли Мин же, когда на нее находила острая тоска по дому и по своему миру, носилась по пещере, бесилась или танцевала, пела во весь голос и шумела так, что похоже распугала всех горных духов в округе. Лекарь и маг все больше беспокоились о ней. Как-то навестив Ли Мин, маг, после покинув пещеру, посеменил к дому лекаря, торопясь рассказать ему последние впечатления об их общей подопечной. Тот на галерее перебирал мокрые травы для просушки, время от времени с кряхтением ерзая на циновке.

— Недужиться тебе, сосед? — участливо поинтересовался маг, заходя на открытую галерею, что шла вдоль дома.

— Ногу вот крутит от непогоды, — ворчливо ответил лекарь. — А ты не от нашей ли подопечной возвращаешься? Как она? Пришла в себя или все чудит?

— Да уж поняла, что дело это бесполезное и толку от пустых переживаний не будет. А все же не дает мне покоя сомнения, друг мой. Демоны хитры и изворотливы. Принять облик беспомощной девицы им ничего не стоит, уж больно она жалость вызывает.

Опустив пучок душицы, лекарь внимательно посмотрел на мага.

— Пришло мне в голову вот что, — продолжал маг, подсаживаясь к лекарю. — Безлицые ведь уже призывали нечисть, которую засылали к нам...

— ...и которую ты вовремя обнаружив, изничтожил, — кивнул лекарь.

Маг поднял руку, призывая друга оставить похвалы. Не до них сейчас было.

— А если безлицым на этот раз и впрямь это удалось? — задал он, беспокоивший его вопрос. — Вот, что меня тревожит.

— Ты подозреваешь, что эта девчонка, якобы прибывшая из будущего, и есть засланный безлицыми демон? — догадался лекарь. Маг кивнул, поняв, что и у друга возникали подобные подозрения.

— Но способны ли подлые убийцы придумать столь невиданную одежду в которой явилась сюда эта девушка? — задал маг встречный вопрос. — Безлицые лишь на то годны, чтобы жестоко убивать.

— Это правда, когда речь идет о простых воинах безлицых, — согласился лекарь. — Но их глава — адепт зла, изворотлив и изобретателен. Он уже раз подстроил ловушку, разве не может устроить еще одну?

— Тут мне нечего тебе возразить, друг мой. Только как можно проверить это дитя и отчего к тебя пришли подобные сомнения?

— Сам рассуди, кто не согласится поменять сумрачную холодную пещеру в безлюдной глуши на уютную хижину? А наша пришелица, больше похожая на изнеженную барышню, заявила, что и зиму останется зимовать в том скудном и суровом месте, лишь бы быть ближе к магическому кругу.

— Положение ее не из завидных, — покачал головой лекарь. — Но ты прав: сомнения наши желательно развеять окончательно, потому что рискуем мы жизнями людей нашего клана. Я буду не я, если не задумал ты что-то на сей счет.

— Ты прав. Хочу испытать ее Ледяным озером.

Охнув, лекарь резко сменил позу, застонав от стрельнувшей в ногу боли.

— Опасно совершать такое. Если это дитя демон, то с ней ничего не станется, а если человек... Подумай крепко, каково ей придется после этого? Ей и так худо и тут единственный кому она доверилась, поступит с ней столь бесчеловечно.

— Это так, но что если она все-таки шпионка безлицых? Вдруг она не так наивна и беззащитна как выглядит?

— Так-то оно так, только бы нам не ошибиться...

На следующее утро оба мудреца явились в пещеру — новое обиталище невероятной девушки из будущих времён, вдруг обнаружив, что какой-то юнец в штанах из домотканого сукна и такой же серой запашной кофте, подпоясанной синим обтрепанным кушаком, старательно метет земляной пол прутяным веником. Лекарь возрился на мягкие кожаные тапочки юнца, надетые на босу ногу, а маг на густые волосы паренька, собранные в высокий хвост бархатной стягивающей ленточкой. Увидев вошедших, юнец бросил веник и поклонился.

— Доброе утро.

Лекарь укоризненно взглянул на мага, но тот оставался непреклонным. «Никакой жалости!» — это лекарь. «И почему она выбрала мужскую одежду?» — это маг.

— Пойдем-ка с нами, — велел он Ли Мин, не отвлекаясь на пустячные вопросы донимавшие его, и она послушно пошла за ним.

Лекарь же задержался на пороге пещеры. Девушка из будущего не была белоручкой, постаравшись устроить свой быт. Пещера тщательно выметена, грубо сколоченный столик вычищен от воска, что горкой натек от свечей и жира с глиняного светильника. На столике даже красовался букет полевых цветов в глиняной бутылочке из-под рисового вина, позабытой здесь магом. На циновке, что служила девушке постелью разложены для мягкости и тепла все одежды, что принес ей маг. Покачав головой лекарь поспешил нагнать Фэй Я и девушку.

Спустившись с горы по пологой тропинке, троица углубилась в лесную чащу. Ли Мин шла за магом, позади держался лекарь. «Как под конвоем», — подумалось ей. Наконец, продравшись через нескончаемы заросли, они вышли к небольшому идеально круглому озерцу, ровному как доньшко кувшина. Ли Мин не верила своим глазам. Несмотря на то, что стоял разгар лета, это озерцо было покрыто искристым льдом. Интересное явление природы. Она посмотрела на мага, ожидая объяснений.

— Видишь этот лед? — спросил он. — На самом деле это магическая соль, она никогда не тает. Вот тебе корзина, набери в нее соли столько, сколько сможешь.

— Легко, — беспечно пожала плечами Ли Мин и, взяв корзину, спустилась к кромке ледяной соли. В чем проблема-то?

Поставив корзину на землю и, нагнувшись с невысокого, но крутого бережка, двумя руками загребла столько прозрачной ледяной крупы, сколько смогла. Только руки неожиданно обожгло так, что девушка подскочив, начала приплясывать, тряся обожженными кистями, как вдруг навернулась в это адское озерцо.

— А-а! — завопила она с головой уходя под проломившейся под ней «лёд».

Лекарь заметался вдоль берега, в поисках какой-нибудь палки. А маг, схватившись за сердце, осел на землю, хватая ртом воздух. Наконец, лекарь выдернул из кустов суковатую ветку и кинул разлапистым концом барахтающейся в ледяном крошеве девушке. Она быстро схватилась за ветки и лекарь с кряхтением выволок ее на берег, глянув на ее покрасневшую с

намечающимися язвами кожу.

— Больно... чешется... — приплясывала на месте девчонка, стуча зубами от холода и зуда, сдирая с себя мокрую заиндевевшую одежду.

— Не смей чесаться! — прикрикнул лекарь, поливая ее лицо и руки из тыквенной фляги, а после кинул ей свое верхнее темно синее ханфу, чтобы накинула его.

— Вот же лужа! — ругалась Ли Мин, плеская остатки воды из фляжки на плечи.

Когда сорванная задубевшая одежда валялась на земле, а девушка куталась в свободное длинное ханфу лекаря, тут-то оба и обратили внимание на лежащего на земле мага и кинулись к нему. По частому поверхностному дыханию Фэй Я, его бледности и холодной испарине, Ли Мин определила прединфарктное состояние. Лекарь Бин прослушивавший пульс своими чуткими пальцами, подтвердил ее диагноз, сказав:

— Сердце бьется часто с перебойми. Пульс едва слышен.

Ли Мин, повернув бесчувственного мага на спину, развязала кушак на его животе, принявшись ритмично давить на грудную клетку, вдувая воздух в открытый рот старика. Лекарь куда-то исчез и не видел всего этого безобразия, но через некоторое время появился с какой-то древесной корой, которую с помощью двух камней перетер в труху и залив водой из запотевшей тыквенной фляги, начал размешивать пальцем образовавшуюся кашу в своей горсти, подходя с ней к девушке, хлопотавшей над магом.

— Что это? — подозрительно спросила Ли Мин.

— Это растертая в порошок кора ивы, она снимает сердечную боль.

— Но где вы взяли воду?

— Через десять шагов отсюда ручей. Иди и омойся от ледяной соли, а я позабочусь о Фэй Я. Когда вернешься, присмотришь за ним, а я схожу в деревню за помощью. Туда будет ближе, чем до Поместья.

Ли Мин не говоря ни слова, кинулась в указанном направлении, к спасительной воде лесного ручья. После омовения в нем, стало намного легче и Ли Мин вернулась обратно к магу. Он все так же пребывал без сознания, но дышал ровно, его сердечный ритм восстановился. Лекарь переложил в ладонь девушке ивовую кашу, дал необходимые наставления и поспешил в деревню. А Ли Мин, время от времени, разводя ивовую кашу из тыквенной фляги, вкладывала ее в рот магу. Наконец, появился лекарь с двумя худосочными, плохо одетыми мужчинами. Они положили мага на носилки из двух палок и закрепленной меж ними циновки и отнесли в хижину лекаря, не обратив на Ли Мин никакого внимания. А она собрав свою одежду, вернулась в пещеру.

В те два дня, что маг лежал у лекаря, девушка, простирала и просушивала одежду от ледяной соли, все же сходила к Ледяному озеру, а после сменив, дежурившего возле мага лекаря, сидела возле больного, пока лекарь навещал других своих пациентов. Так что когда маг пришел в себя и увидел рядом Ли Мин, даже прослезился, расчувствовавшись. Он все гладил ее по руке и пытался оправдаться за свои подозрения на ее счет. Ли Мин, смеясь сказала, что зато теперь он будет уверен, что она человек, а не злая сущность.

— Я, конечно, не демон, — говорила Ли Мин, счастливая от того, что Фэй Я очнулся, — но корзину ледяной соли все же набрала.

Вечером второго дня, после того как маг очнулся и начал требовать, чтобы его подняли и усадили, лекарь Бин, отчитал упряма, а потом предложил Ли Мин все же стать его ученицей, на что она тут же согласилась. На следующее утро лекарь Бин дал ей первое задание: собрать три вида трав и принести ему, вручив для этого корзинку на которую Ли

Мин опасливо взглянула. Снова какой-то подвох? Но на этот раз обошлось.

Так Ли Мин стала ученицей лекаря, не чураясь никакой работы. Ведь за делом, не важно каким, время проходило быстрее.

Она убирала в доме и лекаря и мага, готовила им немудрящие блюда, научившись стряпать на открытом очаге, собирала по указанию лекаря ягоды и травы, блуждая в здешнем лесу, четыре раза заблудившись в нем, а вечерами слушала «лекции» лекаря Бина, делившегося с ней своими знаниями о медицине или невероятные истории Фэй Я. Так Ли Мин узнала о придворной медицинской школе где двум медицинским светилам и их помощникам подчинялись четыре класса лекарей, а именно: «и ши» — наставники медицины; «чжэнь ши» — наставники иглоукалывания; «ань мо ши» — наставники, успокаивающие и регулирующие дыхание; двое «чжоу цзинь ши» — наставники, пресекающие зло заклинаниями. Под этими двумя работали два «чжоу цзинь гун» — специалисты по заклинаниям.

Порой, что случалось очень редко, сама рассказывала о будущем: про высокие дома, летающие и едzące без лошадей повозки, про механизмы, делающих за слуг всю работу по дому. Старики слушали все это со скептическим интересом, не веря ни единому ее слову и оба просвещали ее о клане Северного Ветра, членом которого, она невольно стала. Только ее мало волновали дела клана, ведь она здесь ненадолго. И все же слушала мага, когда он рассказывал ей о важных и значимых адептах Северного Ветра. Разговоры же лекаря сводились к тому, кого и от чего он лечил, кто чем хворал и кому в этот день нездоровилось. А нездоровилось чаще всего дафу — главе клана, именно для него составляла Ли Мин большинство лечебных сборов, и лекарь голову сломал, что за недуг его одолевает. Маг же все напоминал лекарю дрожащим голосом, что жить дафу осталось недолго, что приводило стариков в отчаяние, потому что именно ему клан был обязан тем, что успешно отбивал нападки недругов. В Мире Цзянху (мир боевых искусств), Северный Ветер занимал, пусть не явное, но привилегированное положение, что не нравилось очень многим. К Северному Ветру обращались в щекотливых и непростых ситуациях с которыми клан всегда справлялся. К тому же имел он четкую организацию.

Вместе с Главой кланом правили три советника — Хранителя. Первый Хранитель ведал внутренними делами, второй — внешними, третий отвечал за сбор и хранение необходимой информации, что собирали шпионы и доверенные люди клана, как и те добровольные соглядатаи, кто был чем-то обязан клану. Маг утверждал, что существовал некий тайный архив к которому прибегал даже сын Неба. Хранителям подчинялись трое мастеров боевых искусств, оттачивающих особую манеру боя Северного Ветра. Освоить эту манеру желали многие, но не каждый допускался к ее изучению. В подчинении каждого мастера находился отряд учеников-воинов. Мастеру и его отряду вменялись свои обязанности. Отряд Первого мастера охранял Помесье, на нем была и безопасность дафу. Отряд Второго мастера снимался туда, куда его призывали, будь то просто разборки или непростые поручения. Отряд Третьего мастера охранял деревню, защищая ее жителей от бродяг и разбойников.

Отряд Первого мастера считался элитным, потому как владел секретными навыками боя Северного Ветра.

И все же, как ни стремилась Ли Мин ограничить свое общение с местным людом, не могла избежать этого, помогая лекарю лечить заболевших жителей деревни Снежные Листопады. В Помесье же сопровождать лекаря отказывалась наотрез, а лекарь Бин и не настаивал.

Трактир «Горный лотос»

Ли Мин возвращалась с городской ярмарки, куда учитель послал ее присмотреть специи, прикупить продукты и зайти в аптекарскую лавку, забрать готовые лекарства. Городок раскинулся у подножия горы Доуфэн, что означало Борьба Листьев, и отличался от деревни лишь тем, что имел немало ремесленных и мастеровых лавок, которые составили аж три коротких улицы: Гончарную, Плотницкую и Ткацкую, в начале этих улочек висели вывески с иероглифами обозначающие эти ремесла, так что найти аптекарскую лавку в небольшом Сюэфэне было немудрено. Помимо них в городе работали лавка скорняка, обувщика, котельщика, черепичных дел мастера, ювелира и, разумеется, ростовщика. Имел Сюэфэн и свою мрачную судебную управу на рыночной площади, куда сходились все улочки города. В эти три дня площадь перед ней была занята торговыми рядами, выставившими товары на любой вкус, от того и многолюдной от такого средневекового изобилия.

Неся за спиной целый короб покупок Ли Мин, прежде чем подниматься по пологой утопанной дороге на гору Доуфэн к Поместью, зашла в придорожный трактир «Горный лотос», что стоял на развилке двух путей и, несмотря на здешнее захолустье, дела у заведения шли неплохо.

Добродушный хозяин вмиг подхватился, когда в зашедшем пареньке узнал ученицу лекаря. Она поздоровалась и он поспешил провести гостью к спокойному местечку, усадил за столик, спросил о здоровье лекаря Бина и как у того идут дела. В свою очередь ученица лекаря поинтересовалась здоровьем самого хозяина, его жены и дочери, которая страдала желудком и непереносимостью к некоторым продуктам. Трактирщик присев напротив, принялся жаловаться на боли в боку. Ли Мин поняв, что его, любителя поесть и выпить, беспокоит поджелудочная, посоветовала воздержаться от пряного и острого, а так же жареного и месяц посидеть на каше из клейкого риса. Хозяин расстроено засопел и Ли Мин напомнила ему, что речь идет всего лишь о месяце воздержания. Хозяин сам взялся обслужить ее и принес сверх того, что заказала Ли Мин: булочки на пару, завернутые в рисовую бумагу, велел передать их лекарю Бину с его нижайшем поклоном. Ли Мин поблагодарила, с улыбкой предвидя, что все булочки, в конце концов, достанутся магу.

Она уже доедала суп из красной фасоли, когда в трактир вошла группа путников, державшихся неуверенно и незаметно. Старший группы попросил поспешившего к ним трактирщика, посадить их всех за один стол и подать общее дешевое блюдо. Судя по их утомленному, даже изможденному виду и пропыленной одежде, эти люди шли издалека. Хозяин захлопотал вокруг них, усадил за освободившийся стол и метнулся на кухню, чтобы распорядиться о заказе.

Предупредительный расторопный служка поставил для них кувшин с водой и чаши для питья, чтобы путники могли утолить жажду с дороги. Ли Мин сразу обратила внимание на молодую женщину на сносках, что была среди них. Бедняжке можно было только посочувствовать, хотя мужчина держащийся рядом с будущей мамочкой, как мог заботился о ней. Усадил на лавку, налил в чашу воды из кувшина и подал ей.

Разнося им похлебку, трактирщик участливо спрашивал откуда они держать путь, который судя по всему, был долгим. Нехотя, но Старший группы все же вежливо отвечал на его расспросы. Из его бессвязных скупых ответов, стало ясно, что они бежали из мест

разоренных войной и мародерами. Они хотели осесть под защитой сильного клана, который не позволяет бесчинствовать на своих землях, следит за порядком и соблюдением закона. Увлеченно прислушиваясь к разговору крепыша трактирщика с беженцами, ученица лекаря не сразу отвлеклась на стрелу, что вжикнув над ее головой, засела в столбе дрожа оперением. «Откуда это?» — удивилась она, выронив от неожиданности палочки.

И тут, словно отвечая на ее вопрос, из окон и распахнутой двери посыпался град стрел, убивая, еще не успевших ничего толком сообразить, обедавших за столами людей.

От страха Ли Мин мигом забилась под стол, загородившись лавкой, которую опрокинула мимоходом. Град стрел поредел, когда со второго этажа, где обедала состоятельная публика, начали, по-видимому, отстреливаться из окон. После того как Ли Мин немного отдышалась за своим надежным укрытием, она, услышав, что свист стрел поутих, рискнула высунуться из-за баррикады и перепуганным зверьком настороженно огляделась. Все столы, лавки, пол и стены были щедро усажены стрелами. Среди погибших утыканных ими словно подушечки для иголок, стонали раненные и таких пострадавших оказалось немало.

Осторожно выбравшись из-за лавки, чутко прислушиваясь, не раздастся ли вновь противное вжиканье стрел, Ли Мин преодолевая тошнотворную панику и пробираясь через частокол стрел, занялась сперва теми ранеными, что были к ней ближе всего, а после уже перестав думать об опасности, спокойно принялась за привычное для нее дело. Перевязочным материалом шла часть одежды самих пострадавших, да пузырек с лечебной мазью, который она постоянно держала при себе. Ли Мин тихо просила легкораненных укрыть за столиками и лавками тех кто не был способен двигаться из-за тяжелых ран или был без сознания, вдруг это затишье лишь временная передышка и их снова примутся расстреливать. И как в воду глядела.

Снова полетели стрелы, хотя и не так часто, что нервировало не меньше. Неприятно слышать вжикавшую вокруг смерть и ждать что вот-вот твое тело пробьет холодный наконечник безжалостной стрелы. Но еще не все раненные были укрыты, потому девушка, отбросив свои страхи, поползла к женщине у которой в ноге и в спине засели по стреле. Женщина, что называется в теле и в летах, охала, стонала и ворочалась, но сдвинуться не могла, потому Ли Мин быстренько на коленях двигалась к ней. Мимо вжикнули одна за другой две стрелы и ученица лекаря шустро юркнула под ближайшую лавку, где нос к носу столкнулась с щуплым мужичком, который до этого в Горном лотосе не столько ел, сколько пил вино, сидя за столом в полном одиночестве. Был он до невозможности костлявым с выпирающими вперед зубами, одет как мастеровой и Ли Мин сразу же определила его в неудачники. Сейчас перед ним лежала охапка стрел, которую он толкал вперед, пробираясь ползком к лестнице на второй этаж.

— Собираешь? — спросила запыхавшаяся девушка.

— Ага, — кивнул он и оба быстро прижались друг к дружке, когда над ними просвистела стрела. — Господа, что трапезничали наверху, отстреливаются от напавших... велели стрелы подносить, — торопливо сообщил он.

— А, что случилось-то? — спросила Ли Мин то, что тревожило сейчас каждого выжившего в Горном лотосе.

— Кто бы знал, — мрачно буркнул мужчина. Несмотря на количество выпитого вина, выглядел он трезвее трезвого. — Только вот из выкриков и ругани господ наверху, понятно, что на кого-то из них устроено покушение.

— Чудненко, устраивают на одного, а расстреливают всех, сволочи, — фыркнула Ли Мин, скрывая за бравадой тошнотворный страх. — Ладно, удачи тебе со сбором «урожая», — пожелала она ему.

— Тьфу на этот «урожай», — в сердцах плюнул храбрец, чуть не попав на отползавшую от него Ли Мин. — Эй, паренек, послушай, — окликнул он ее.

И когда Ли Мин замерла и, прижавшись щекой к полу, оглянулась на него, негромко посоветовал:

— Ты, когда переползаешь с места на место, пониже держи свой зад, а то по нему видно где ты находишься.

— Ага... благодарю, добрый человек, — прошептала девушка, едва ворочая языком от заморозившего ее ужаса, когда прямо перед ее носом в пол вонзилась стрела опасно дрожа оперением.

— Давай осторожнее... — напоследок посоветовал храбрец и оба расползлись в разные стороны.

Едва она оттащила громоздкую тетушку, — что помогала ей, отталкиваясь здоровой ногой, — под лестницу, как со второго этажа с топотом сбежали по ступеням несколько человек с криками: «Где стрелы?!» и есть ли среди выживших лучники. Уже знакомый мужичок-не красавец бегом понес наверх охапку стрел, за ним с такими же охапками двинулись еще двое, спрашивая на ходу дадут ли им луки, потому что стрелами их в избытке снабдили напавшие. Перевязав женщину на чьи повязки ушел подол ее же юбки, Ли Мин принялась перевязывать круглый живот стонущему трактирщику из которого одним махом, ловко извлекла стрелу отшвырнув ее подальше. Может, подберут.

Двое мужчин ушедшие на верх со стрелами, спустились с луками. Сверху им громко велели держать двери и окна, стреляя по тем, кто попытается в них сунуться.

Ли Мин забилась под лестницу вместе с ранеными и видела, как убили лучника, что прикрывал дверь изрешеченную стрелами. Тот, кто стоял у окна, продержался дольше своего товарища. У этих двоих просто не было шансов выжить, но, зная об этом, храбрецы продолжали обороняться до последнего.

— Господин Цуй, а, господин Цуй... — затормошила Ли Мин трактирщика и когда тот со стоном разлепил глаза, страдальчески взглянув на нее, спросила:

— Отсюда можно выбраться?

— Через кухню... — хрипло выдохнул он и потерял сознание от боли.

— Может, попытаемся? — спросила она испугано жавшихся под лестницей товарищей по несчастью.

— Мы умрем... нас всех перестреляют, — с тихой истерикой выкрикнул толстый торговец.

— А под лестницей тебя не убьют? — нарочито грубо заметила Ли Мин, давая панику остальных на корню.

Трое мужчин, кроме толстого торговца и четыре женщины, что умудрились потесниться под лестницей, молча закивали ей.

— Кто может, поддержите раненных, — попросила Ли Мин.

— Давайте, пока затишье, — скомандовал один из мужчин. — Начнут вновь стрелять, не выберемся.

Тогда двое мужчин подхватив с двух сторон полную тетушку, двинулись в сторону кухни. Грузного трактирщика поддерживали женщины и мужчина. Ли Мин взяла на руки

девочку из чьей спины до этого выдернула две стрелы и, конечно, следуя ее везению, от всех треволнений, начались схватки у молоденькой женщины на сносях, что пряталась где-то в стороне. Ее высокий вопль родовых схваток не заглушили даже яростные крики ворвавшихся в трактир и сбегавших им навстречу со второго этажа защищавшихся. Ли Мин передала девочку все собиравшемуся с духом торговцу, и когда тот ошалело уставился на нее темными на выкате глазами, она, пользуясь тем, что руки у него теперь заняты, придала ему ускорение добрым пинком, вложив в него всю свою силу и отчаяние, так что торговца вынесло чуть ли не на середину зала. А там, страх придал ему не меньшую скорость и проворства, если не большую, когда он увидел себя в гуще дерущихся. Но надо отдать ему должное, ребенка вверенного в его руки, он не выпустил и держал крепко. Но Ли Мин все же решила закрепить успех, крикнув ему вдогонку:

— Посмеешь бросить ее, найду и оскоплю!

Но толстяк уже благополучно скрылся в кухонном проеме. Зато двое дерущихся вдруг обернулись к Ли Мин и она юркнув под лестницу, уже оттуда по стенке, да под столами, пробралась в угол, к роженице. Возле бедняжки оставались женщина, должно быть ее матушка или близкая родственница, державшая ее за руку и, потерявший голову, от страха за молодую жену, муж. Хуже нет, когда при родах присутствует бестолково мечущийся, не знающий, что делать и куда себя деть, мужчина. Поэтому Ли Мин поспешила занять его делом.

— Огороди место родов и смотри, чтобы к нам никто не совался.

Миг и угол, где лежала рожавшая, был отгорожен сооружением из опрокинутого стола и лавки. Баррикада хлипкая и ненадежная, но яростный бой ведь когда-нибудь закончиться? Должен же кто-то победить?

За спиной Ли Мин послышался шум ожесточенной драки и она обернулась. Муж роженицы яростно защищал вверенный ему «бастион», никого не подпуская к углу где рожала его жена. А роды проходили сложно. Ребенок шел плечиком. Ли Мин спокойно и собрано, будто за спиной не бушевал смертельный бой, успокаивала измученную невероятной болью и страхом роженицу, прося ее, когда нужно тужиться, помогая появлению ребенка на свет, а когда размеренно дышать, замедляя схватку.

— Смотри на меня, — говорила ей Ли Мин, ловя ее блуждающий взгляд. — Сейчас для тебя важнее всего слушать мои слова. Хочешь, что бы ты и твой ребенок выжили? Отлично! — обрадовалась Ли Мин, когда та чуть кивнула. — Для тебя важно родить, а не то, что происходит за моей спиной. Это нас с тобой не касается.

Роженица слушала ее, часто дыша, потому что эта странная молодая повитуха уверенно сказала, что такое дыхание облегчает родовую боль.

— А теперь задержи дыхание, я попробую направить ребенка, тогда он родиться быстрее, — деловито попросила Ли Мин. — Так что помоги мне, хорошо?

Молодая женщина снова кивнула и послушно задержала дыхание, давая Ли Мин возможность выправить ребенка в ее влагалище. Над ними вжикнула стрела.

— Ничего, ничего... — пробормотала Ли Мин у которой душа ушла в пятки. — Ты настоящий боец. Полейте мне на руки, — попросила она притихшую рядом женщину, но та не торопилась с этим, хотя возле нее стоял чудом уцелевший в месиве боя кувшин с водой.

Ли Мин бросила на нее сердитый нетерпеливый взгляд. Зачем усложнять своей нерешительностью положение той, у кого оно и без того нелегкое? Но тут же прикусив губу, склонилась к разведенным коленям роженицы. Женщину пригвоздило стрелой к стене,

теперь было важно, чтобы этого не увидела рожавшая, и Ли Мин прикрикнула:

— Смотри на меня!

Прекратив выть, та послушно кивнула, сдерживаясь от боли. К ее потному лбу прилипли разметавшиеся пряди волос. Только длилось ее самообладание не долго, и Ли Мин под ее душераздирающий вой аккуратно выправила, наконец, ребенка, вновь потребовав тужиться, хотя у бедняжки уже не осталось на это сил. И вот показалась темная головка младенца.

— Ты просто умница! — подбодрила ее, обрадовавшаяся Ли Мин. — Осталось совсем чуть-чуть.

Над их головами градом просыпался частый перезвон клинков.

— А теперь со всей силы! — скомандовала Ли Мин увлеченно.

И вот, наконец, появилось второе плечико и тельце ребенка. Изможденная болью роженица поднатужилась из последних, взыв сквозь стиснутые зубы.

— Вот и все... — пробормотала измотанная не меньше ее Ли Мин, и перерезала пуповину ножом, что был при ней. Стоя на коленях перед молодой мамочкой, она осторожно гладила грудку ребенка, только что появившегося на свет. Он должен был закричать. Почему не кричит, волновалась Ли Мин. Вот он, слабо пискнув, запищал, протестуя подергивая крохотными ручками и ножками и Ли Мин засмеялась. Одной рукой стянув с себя безрукавку, бережно укутала в нее младенца, прижимая его к себе.

— Мальчик, — объявила она торжественно, бессильно плакавшей от всего пережитого измученной мамочке.

— Сын, — прошептала, та счастливо.

И тут Ли Мин толкнули в плечо.

— Полегче! — крикнула она, оглянувшись, испугано прижав ребенка к себе.

— Ой больно! Почему снова так больно?! — выгнулась в очередном приступе схватки молодая женщина.

— Все нормально, пошел послед.

Нужно было принять его, но Ли Мин не решилась выпустить кряхтевшего новорожденного из рук.

К счастью подоспел новоиспеченный папаша, слава всем богам, живой и даже не ранен, и Ли Мин деловито передала ребенка в его трясущиеся от волнения руки.

— Не урони и не сжимай так сильно, просто согрей его пока... — велела Ли Мин чувствуя странную слабость.

Мужчина с удивлением глянув на козявку шевелящуюся на его руках, склонился к Ли Мин, шепнув:

— Сестренка, у тебя стрела в плече.

— И чё? — огрызнулась та. Не до этого...

Важно было принять послед. Плечо, конечно, адски болело и дергало и одежду пропитало горячей липкой кровью, но это не важно, нужно было закончить с роженицей. Муж молодец, сел рядом с пострадавшей женой, аккуратно пододвинув погибшую женщину, загородил ее собой и, прислонясь к стене, гладил жену по голове, положив сына ей на грудь. Послед благополучно вышел и пока молодые родители ворковали над своим малышом, Ли Мин укрыла мамочку плащом.

Сзади поднимали, ставили столы, убирали с пути лавки. Ли Мин поднялась пошатываясь, чувствуя головокружение и слабость. Пофиг!

Она приняла сложные роды в экстремальных условиях и приняла их удачно. Ли Мин

довольно улыбалась пока какой-то гад, подошедший сзади, резко не выдернул из ее плеча стрелу...

Очнулась она в доме мага.

— Пришла в себя? — мрачно проговорил у ее постели лекарь Бин.

Дал ей выпить настой, осмотрел подживавшую рану, сменил повязку. И все это с мрачным, осуждающим молчанием.

— Что вы мне сейчас дали? — поинтересовалась Ли Мин, отдавая пустую чашу из-под отвара, стараясь разговорить учителя.

— Кровоостанавливающий и укрепляющий настой с женьшенем, — буркнул лекарь.

— Учитель я... — начала было объясняться Ли Мин, но лекарь хмуро перебил:

— После поговорим, — встал и вышел.

Маг, столкнувшийся с ним в дверях, поглядел ему вслед, покачал головой и поспешив к Ли Мин, сказал:

— Мы за тебя ужасно перепугались, девочка, когда тебя принесли люди Первого мастера всю в крови, бесчувственную. Говорят, ты под стрелами роды принимала и одна угодила в тебя.

— А что с раной?

— Лю Бин заявил, что ничего серьезного, только крови ты много потеряла и ослабла порядком.

Провалявшись еще день под придирчивым присмотром мага, Ли Мин на следующее утро была уже на ногах и получила заслуженную взбучку от недовольного учителя. Лекарь носился за ней по двору с палкой, а маг обоим мешался, путаясь под ногами то у одного, то у другого, пытаясь их помирить.

— За что вы меня лупите? — возмущалась Ли Мин, держась от взбешенного лекаря подальше, что бы сразу же дать стрекача, если он дернется в ее сторону со своей палкой.

— Кто тебя просил лезть в опасный бой?! В вашем времени не ведомо, что когда летят стрелы, нужно прятаться! Пря-та-ться!

— Я не лезла ни в какой опасный бой... Я не хотела...

— Не хотела, тогда почему в тебя попала стерла?! — кричал Бин, потрясая палкой издалека, как воин перед атакой и Ли Мин тут же напряглась, готовая стартовать с места в свою пещеру. — И не топчите мне грядки!

Тут-то Ли Мин и Фэй Я обнаружили, что разгоревшийся скандал из дома выкатился во двор, а после, в пылу погони за провинившейся, очутился на аптекарском огороде, где произрастали драгоценные лечебные травы лекаря Бина. Только скандала это не уняло.

— Прошу тебя, успокойся, — волнуясь, забегал то справа то слева от гневно переводящего дух лекаря маг, топча укроп. — А то у тебя случится удар.

— Я принимала роды! Мне некогда было уклоняться и уворачиваться от стрел! Я, что должна была ее бросить на произвол судьбы?! — храбро возмущалась с безопасного расстояния провинившаяся.

— А ты не могла быть поосторожней?! — топнул лекарь по грядке с какой-то особой редкой травой, выведенный из себя бестолковостью своей ученицы.

— Как?! — дерзко поинтересовалась та.

— Успокойтесь же оба! — настаивал маг. — Ли Мин, мы просто очень испугались. Небо вверило тебя нам и мы обязаны уберечь тебя до назначенного срока... Поэтому, не поступай так с нами.

— Не буду, — клятвенно пообещала тогда Ли Мин.

Безликие

В этот злосчастный день Ли Мин бродила по лесу в поисках травы, которая росла исключительно возле колючих кустарников, в местах темных и влажных, потому что тогда оно приобретало необходимую кислотность не дозрелости и терпкости в отличие от растущих на солнце трав в которых уже бродил сладкий сок спелости. С собой у нее был засушенный экземпляр стебля с листьями и соцветием. Это растение срочно потребовалось к лекарству для дафу. Накануне вечером, когда она и лекарь ужинали в доме мага, она спросила учителя, удалось ли ему определить, что за неизлечимая болезнь у Главы? При этом маг издал вздох бесконечного терпения, он всегда скучал, когда лекарь и его ученица заводили разговор о медицине.

— Я велел готовить ему легкие жаропонижающие блюда из продуктов предотвращающих накопление слизи и усиливающие отток желчи, — начал обстоятельно объяснять лекарь Бин. — К следующему дню мы должны приготовить желудочные настои и новое лекарство от кашля. Что с ним такое твориться в толк не возьму: ему то лучше, то хуже некуда, — расстроено покачал головой старый лекарь. — Кажется, уже вот-вот я постиг причину его недуга и все симптомы как будто подтверждают мою догадку, как ему опять становится плохо, если не хуже прежнего.

— Может, посоветоваться с другим опытным целителем, чья репутация не вызывает у вас сомнений? Вот в моем времени, когда врач затрудняется ставить диагноз или сомневается в нем, то созывают консилиум медиков-специалистов, — подсказала Ли Мин.

— Исключено! — отрезал лекарь. — Дафу не желает, чтобы о его болезни распространялись и болтали вне клана.

И вот теперь Ли Мин искала нужную траву для настоя от кашля для чего полезла в гущу кустов, за приметив что-то очень похожее на искомое.

Сквозь легкий запах прохладной луговой мяты и вороха разнотравья, какими была полна ее корзинка, она различала едва уловимый аромат горьковатой травы, спокойный, уравновешенный, вдумчивый.

Присев в гуще кустов, отмахиваясь от поднявшегося роя назойливых мошек, Ли Мин достала из-за пазухи сухой стебель и придирчиво сравнивала с только что сорванной находкой, когда в стороне от нее отчетливо хрустнула ветка, будто на нее наступили. Девушка подняла голову и взгляделась в просвет между густой листвы.

Из-за дерева, в пяти шагах от купы кустарника где она засела, появился человек, ступая медленно и осторожно. Остановившись, он прислушался. В чашобе, где густая зелень не пропускала и луча солнца, было тихо, лишь верхушки вековых сосен, царапали ясное небо, поднимая приглушенный вышиной шум.

Ли Мин с гулко бьющимся сердцем, опустила голову к коленям, чтобы ее не заметили, потому что этот человек не был деревенским и появился здесь явно с недобрыми намерениями. Чужак шел крадучись, держа руки на рукоятках двух сабель, заткнутых за пояс. Был он во всем черном, в мягких сапогах на войлочной подошве. На голову накинута глубокий капюшон и черная кожаная повязка, закрывающая лицо до глаз, казалась непроницаемой тенью. Внимательно оглядевшись и чутко прислушавшись, он поднял руку. Из-за деревьев появились еще двое, точно таких же как он, неотличимые друг от друга,

СЛОВНО КЛОНЫ.

Затаившейся в кустах тихим зайчонком, умирающей от страха Ли Мин вдруг подумалось, что ведь кто-то их так обшивает и экипирует. Или они снимают всю одежду, вплоть до лицевой маски, с погибших товарищей, забирая их себе «по наследству»? Первый лазутчик показал в сторону деревни и все трое бесшумно двинулись вперед, скрывшись в лесной чаще. А Ли Мин прямо с места рванула через кусты в сторону Поместья, туда было ближе чем до деревни, в которой, как она знала, находился отряд Третьего мастера. Только, вряд ли, она опередит шайку черных клонов. Она мчалась, что есть мочи и ворвавшись в открытые ворота Поместья, сразу же начала голосить во всю силу своих легких, что на деревню напали!

К ней подбежали, окружив ее воины клана, а подоспевший офицер быстро собрал их в отряд, который строем, выйдя из усадьбы, сразу перешел на бег. Ли Мин, конечно же, увязалась за ними, стараясь не отстать от замыкающих, то отставая, то нагоняя их.

Зачем она увязалась за ними, толком сказать не могла, хотя знала, окажется тревога поднятая ею ложной с нее спросят строго по закону средневекового времени, попросту спустив три шкуры. В Древнем Китае с простолюдинами не особо церемонились. Но случись тревога ложной, что было бы очень хорошо для деревни, то она, в свое оправдание, должна показать то место где видела подозрительно одинаковых воинов. Ведь не привиделись же они ей в самом-то деле?

Но если честно, она надеялась увидеть на самом ли деле мастера боевых искусств швыряются друг в друга сгустками духовной энергии так, что сбитые этой силой враги, отлетая на метр, бессильно шмякнувшись на землю, кашляют кровью. Владеют ли особыми приемами боя на мечах и перелетают по воздуху в красиво развевающихся одеждах, легко взмывая на дерево и плавно опускаясь с крыши домов на землю одним прыжком.

Когда отряд с Ли Мин на хвосте, ворвался в деревню, там всю кипел бой.

Десяток людей в черном бились с Третьим отрядом охраны, не сразу заметив, что попали в ловушку. Все выходы для них из деревни были перекрыты. Там, где они считали могут прорваться, их встречали озлобленные деревенские с вилами, мотыгами и цепями. Ли Мин теперь было не до полетов воинов в развевающихся одеждах, не видела она и швыряния друг в друга файрволлами из духовной энергии, ни сверхъестественных красивых поединков мастеров мечей, потому что металась среди сражающихся, уворачиваясь от занесенного оружия, не зная куда деться от свистящих в опасной близости стрел.

Воины клана проявили все свое недюжинное умение и сноровку, но горстка лазутчиков не только мгновенно отражала все их атаки с невероятным мастерством, но и дерзко нападала, пытаясь вырваться из окружения. А на Ли Мин вдруг повернулся вражеский боец с кожаной повязкой на лице над которой яростью горели глаза и кинулся на беззащитную, оторопевшую от ужаса жертву. Так вот какой будет ее смерть! Не за этим ли она попала сюда, что бы здесь погибнуть? И Ли Мин малодушно зажмурилась, крутанувшись на месте, когда нападавший занес над нею кривые сабли. Над ее головой раздался свист рассекаемого воздуха и звон столкнувшихся клинков. Открыв глаза она, дрожа от ужаса, увидела, что ее несостоявшийся убийца лежит на земле с рассеченным горлом.

Развернувшись, чтобы поблагодарить своего спасителя, девушка попятилась от стоявшего перед ней точно такого же воина в черном, чье лицо закрывала кожаная маска, а с опущенных клинков стекала кровь. Он устало смотрел на девушку, но глянув поверх ее головы, вдруг напрягся, поудобнее перехватывая свои окровавленные по самую рукоять

сабли. Обернувшись, Ли Мин увидела, что на них несется один из трех мастеров Северного Ветра, чтобы атаковать противника и спасти перепуганного деревенского паренька. Не раздумывая она встала перед черным воином-клоном, раскинув руки в стороны.

— Что ты делаешь?! Отойди сейчас же! — заорал ей офицер Северного Ветра, тот самый, с которым Ли Мин первым столкнулась в Поместье. — Убирайся с дороги!

— Не убивайте его! — крикнула в ответ Ли Мин, не двигаясь с места.

Офицер опустил меч, подозрительно и недобро глядя, то на врага, готовый тут же атаковать его, то на деревенского недоумка.

— Из ума выжил?! — выкрикнул он, продолжая взглядом буравить Кожаную маску.

— Убить всегда успеете, — выдохнула Ли Мин пересохшим от страха ртом.

— Ты сдаешься? — зло спросил врага офицер через ее голову.

Она обернулась. Человек в черном стоял все так же не шевелясь, опустив клинки и лишь кивнул на вопрос офицера.

— Но безлицые никогда не сдавались, — процедил офицер смерив врага недоверчивым взглядом и приказал: — Брось клинки, если сдаешься, а ты отойди, — велел он Ли Мин.

Видя, что офицер успокоился, Ли Мин отступила и без сил опустилась в дорожную пыль, возле обрушенной стенки колодца, отрешенно наблюдая, как офицер связывает руки пленнику, вяло подчинившемуся ему, будто из него ушли все силы.

— Присмотри, — небрежно бросил ей офицер и ушел к воинам своего отряда, что неподалеку подбирали оружие неприятеля и хлопотали возле раненных товарищей.

— Ты сдался потому что хочешь жить? — нерешительно взглянув на пленника и заметив, что он смотрит на нее так, будто желает что-то сказать, подо двинулась к нему Ли Мин. Но он лишь покачал головой.

— Тогда зачем сдались?

Сидя на земле Кожаная маска вытянул связанные руки и пальцем начертил в пыли иероглиф.

— Семья, — прочитала Ли Мин. — Так вы сдались из-за семьи?

Кожаная маска кивнул.

— А молчите почему? Не можете говорить?

Снова кивок. Встав, Ли Мин подошла и присев перед ним, протянула руку к маске. Но пленник отшатнулся, не позволяя коснуться ее.

— Это безлицый, — проговорил позади, подошедший маг. — Он из Сумеречного клана, что в постоянной вражде с нами.

— Учитель Фэй Я, — обрадовалась Ли Мин, а тот с тревожной быстротой оглядел ее подслеповатыми глазками.

— Не ранена? Ох и попадет тебе от Бина. Он рвал и метал покуда мы спешили сюда. Очень гневался на тебя и страшно ругался.

— Да, бли-ин! — расстроилась Ли Мин вскакивая и нервно озираясь.

— Ты кто такой? — остановил ее подошедший к Ли Мин давешний офицер. — Я тебя ни разу не видел ни в деревне, ни в Поместье.

— Второй мастер, — учтиво поклонился маг. — Это ученик лекаря Бина. Я же и рекомендовал это дитя ему в ученики.

— Почему не известили Третьего Хранителя? — строго поинтересовался Второй мастер.

— Поскольку сей ученик совершенно бесталанен и проку от него никакого, я со дня на

день ожидаю, что достопочтенный лекарь Бин откажется от него и отошлет обратно в Циньян.

Второй мастер взглянул на покрасневшую Ли Мин.

— Так тебя зовут Ли Мин? — спросил он уже дружелюбнее, явно сочувствуя пареньку угодившему к столь строгому и несговорчивому старику каким был лекарь. — Так вот кого все поминал и грозился сурово наказать лекарь Бин, попадись Ли Мин ему на глаза.

Он забавлялся тем, как беспомощно начал оглядываться вокруг чумазый, в перепачканных одеждах паренек, отличающийся от своих сверстников миловидностью и девчачьим изяществом.

— А меня зовут Пэн Хэн, — назвался вдруг он и спохватился: — Теперь за дело. Маг, выясни как получилось, что один из безлицых вдруг сдался?

— Он из-за своей семьи сдался, — выпалила Ли Мин, когда маг только открыл рот, чтобы ответить.

— Тебя не учили, что нельзя перебивать старших? — с невольной мягкостью одернул ее Второй мастер. — Кто тебя воспитывал?

Маг хотел было что-то сказать в защиту Ли Мин, когда она огрызнулась:

— Зачем тратить время на расспросы, если ответ уже известен?

Неожиданно ее поддержал пленный безлицый энергично кивнув.

— Хочешь сказать твою семью удерживают в плену? — удивился офицер Пэн Хэн, разглядывая пленника и когда тот снова кивнул, спросил: — Кто?

Пленник с надеждой взглянул на мага и едва тот собрался подойти к нему, как офицер поднял руку.

— Дайте-ка угадаю. Неужто Сумеречный клан?

Безликий подтвердил его догадку кивком.

— Так это правда? — нахмурился Второй мастер. — Ходят слухи, что Сумеречный клан занимается грязными делами, похищая мастеров боевых искусств. Так вот почему над воинами этого богомерзкого клана порой так трудно одержать вверх.

Он посмотрел на пленника и тот кивнул, вновь подтверждая его догадку.

— И что бы вас не узнали вас уродуют, обезличивают? — недоверчиво спросил Второй мастер.

Снова кивок.

— Что с ними делают? — подергала мага за длинный рукав Ли Мин. — Почему безликие не могут говорить?

— Потому что... — начал было маг, как его перебил Второй мастер.

— Потому что глава Сумеречных проклятый даосский чародей. И он своей богомерзкой ворожкой наловчился обтесывать лица тех, кто имел несчастье попасть ему в руки.

— Проклятый клан, — сжал зубы маг. — Но как тебе, безликий, удалось сохранить здравомыслие?

Кожаная маска взглянул на мага и тот, понял его. Подойдя к пленнику положил ладонь ему на голову и закрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то.

— Он не проглотил одурманивающего зелья, — проговорил через какое-то время Фэй Я, не открывая глаз, — которое дают выпить всем кто отправляется на задание главы Сумеречных. Он страстно хочет спасти семью, которые Сумеречные держат в плену, что бы он был послушен. Он просит спасти его родных, взамен расскажет все, что знает о богохульном клане. Все что знает он, будем знать мы. Но ты просишь восстановить твое

лицо? — вдруг спросил маг, открывая глаза. — Ах, во-от как! Ты все же думаешь, что моя магия слаба для этого? Ну, а мы все же попробуем. Как зовут тебя, несчастный?

Пленник вывел пальцем иероглиф в пыли и маг, читая за ним, повторил его имя вслух. Второй мастер вдруг разволновался.

— Ши Дин... Неужели вы тот самый Ши Дин? Но вы же легенда в мире цзянху (миг боевых искусств)! — воскликнул он восторженно и стало заметно, что офицер клана довольно молод, но тут же расsvирепел. — Как они могли... как посмели сотворить такое?! — сжал парень кулаки в праведном гневе.

Но увидев наворачнувшиеся на глаза безликого слезы, быстро взял себя в руки.

— Сделаю все, что бы вызволить вашу семью, — твердо пообещал ему офицер Пэн Хэн почтительно поклонившись.

— Что это такое? — высокомерно выговорила Второму мастеру, подошедшая девица в красных одеждах Третьего мастера. — Почему ты, офицер Северного Ветра, кланяешься безликому? И я должна смотреть на это, когда мне с трудом удалось очистить от жестокого врага западную часть деревни? Раз вы сумели взять одного из них в плен, то убейте.

— Он добровольно сдался, — вступился за пленника Второй мастер Пэн Хэн. — Почему мы должны его убивать?

— Ну так веди его в Помесье и хвастайся им перед дафу. Пора отводить из деревни отряды.

Маг отошел от безликого.

— Я закончил с ним говорить, — доложил он офицерам клана.

И тут все увидели несущегося к ним лекаря Бина.

— Вот вы где! — гаркнул он, завидев мага и Ли Мин. — У меня что сотни рук успевать везде?! Почему тут стоишь, бестолочь?! — эти упреки были, конечно, адресованы Ли Мин. — Раненых уйма, а ты не повернешься... Быстро следуй за мной!

Обежав лекаря по дуге, Ли Мин помчалась в ту сторону где находились раненые и куда лекарь махнул ей.

— Что это за деревенщина? — глядя ей вслед поинтересовалась девица-офицер.

Несмотря на жестокий бой, потери клана были небольшими: порезы, ушибы, выбитые суставы с чем Ли Мин справлялась без труда, набив, в свое время, руку на практике интернатуры и дежурствах в травмпунктах. Только вот, когда отряд Третьего мастера под предводительством девицы ушел к Помесью, деревенские вдруг принесли трех тяжело раненных. У одного был множественный перелом ноги и Ли Мин, прежде опоив бедолагу маковым настоем, аккуратно вправила кости, уложив ногу в шину из четырех узких дощечек. У второго оказалась проломлена голова и распорот бок. Третьему рассекли живот и он, постанывая, держался за него, боясь, как бы не вывалились внутренности. А поскольку лекарь Бин решил, что двое из этой горемычной тройцы, уже не жильцы, то лечил тех кого можно было спасти, позволив Ли Мин заняться обреченными.

Способ лечения лекаря Бина сводилось к прикладыванию к травмированным местам мази и примочек, что успокаивало и снимало боль, а поврежденные внутренние органы лечил иглоукалыванием, вводя иглы в определенные точки тела. Колотые раны, рассечения и порезы перевязывал, прежде присыпая их лекарственным порошком, в который, помимо растений, входило еще бог знает что, начиная от толченых ушей черного осла и заканчивая выпаренной мочой молодого поросенка. Тем не менее, это помогало.

Сам лекарь с напряженным вниманием, то и дело поглядывал в сторону своей ученицы,

склонившейся над стонущим раненым. Воины после лечения лекаря Бина, уходили в Поместье, тяжело раненных устраивали у себя деревенские и Ли Мин осталась с троими подопечными, проведя возле них всю ночь.

Тем же вечером Глава призвал к себе Второго мастера.

— Дафу, — поклонился Пэн Хэн, входя в его кабинет.

Тот поднял на него глаза от свитка, который читал и с трудом выбрался из-за письменного столика. Второй мастер с тревогой смотрел на него, ожидая привычного приступа кашля, который то и дело донимал дафу.

— Хранители рассказали о странном нападении безликих и о Третьем мастере, отличившейся в стычке с ними. Все же я попрошу тебя, Пэн Хэн, разобраться во всем этом как следует. С какой целью напали сумеречные на деревню? Допроси пленника. Даю тебе все полномочия расследовать это дело. Когда призову в следующий раз, ответь на мои вопросы, — проговорив это, дафу надсадно закашлялся, прижав к губам шелковый платок.

Жестом он отослал Второго мастера и тот поклонившись, удалился.

Лекарь Бин пришел в деревню утром и, осмотрев обреченных, покачал головой: при всей безнадежности, эти трое все еще были живы. Единственное, что его смутило и что он решительно отвергал, это то, что девчонка сшила края рассеченных и колотых ран, тогда как в практике всех праведных лекарей Поднебесной такие раны лечились накладыванием лечебной мази, либо кашиц из растертых растений, что помогали ранам затянуться. Еще когда Ли Мин зашивала рану, разгневанный лекарь шепотом накричал на нее:

— Ты что портняжничать вздумала на человеческом теле, словно это тебе полотно для штопанья?!

И в этот день Ли Мин не вернулась с лекарем из деревни, а осталась при своих пациентах, пока не миновала опасность для их жизней. После оставив поправляющихся на попечение добровольных деревенских сиделок, охотно взявшихся присматривать за ними, вернулась с лекарем в дом мага уже далеко за полночь, и пока Фэй Я хлопотал возле них с ужином, оба заснули там же где сидели.

Наутро к магу явился посланец из Поместья, новый знакомый Ли Мин — офицер Пэн Хэн. Он пригласил мага, лекаря и его ученицу в павильон Небесного Правосудия. Так Ли Мин впервые попала в Поместье, если не считать того раза, когда она ворвалась туда, подняв тревогу.

Поместье состояло из нескольких, изолированных друг от друга дворов с павильоном в каждом из них. Эти дворы соединяли ухоженные дорожки или, наоборот, были разделены ими. Некоторые дворы отделялись друг от друга невысокой оградой в которой находилась калитка. Сколько было таких дворов точно сказать трудно, но центром Поместья являлась высокая пагода все три яруса которой, якобы занимал архив клана. Перед пагодой простиралась вымощенная небольшая площадь на которой проходили собрания клана и судилища. Рядом павильон Небесного Правосудия, где собирался Глава с Хранителями, но мага, лекаря и Ли Мин, повели не к нему, а в сторону казарм, где теснились хозяйственные постройки. Они вошли в одну из них, не имеющей окон, дверь которой охраняли воины Первого мастера. Внутри постройка имела вполне жилой, хоть и аскетичный вид.

— Простите, что пришлось отрывать вас от дел, но то, зачем вы здесь срочно понадобились, очень важно. Прошу, садитесь, — пригласил, вошедший вслед за ними, Пэн Хэн.

У стола сидел Кожаная маска, который при виде вошедших, встал и поклонился. Ли

Мин он кивнул особо, по-свойски.

— Он пожелал непременно видеть тебя, — пояснил ей тихо Второй мастер и уже громко обратился к лекарю и магу. — Наши соглядатаи сообщили где находится семья мастера Ши Дина, выследив ее с риском быть разоблаченными безликими. Глава сделает все, чтобы вызволить ее, но мастер Ши Дин просит восстановить его прежнее лицо. И вот я спрашиваю самых опытных и мудрых в искусстве лечения и магии — возможно ли это?

Ли Мин сразу подумалось о пластической операции, но какая пластика в это доисторическое время?

— Прежде чем что-то пообещать мастеру Ши Дину, я должен посмотреть на его лицо, — проговорил маг почтительно поклонившись в сторону пленника, лекарь кивнул, присоединяясь к его просьбе.

Безликий беспокойно взглянув на Ли Мин, неохотно протянул руку к кожаной маске и помедлив, снял ее. Девушка ахнула, прижав ладони ко рту. Старики отшатнулись. Второй мастер сжав зубы, смотрел на обезображенного человека не отводя взгляда. Лицо безликого было стесано прямо от глаз так, что ни носа, ни губ, ни щек не было. Вместо носа — два трепещущих отверстия. Вместо рта — щель без языка, раскрывающаяся беззвучно как у рыбы. Видя, реакцию остальных, у обезображенного человека навернулись слезы. Видимо в тот момент ему подумалось о семье.

— Не похоже, что сие сделано вручную, — проговорил лекарь Бин, первым взяв себя в руки. — Что скажете, почтенный? — обратился он к магу.

— Это несомненно магия, — кашлянув, подтвердил более впечатлительный Фэй Я, подавшись вперед, чтобы хорошенько рассмотреть то, что раньше являлось лицом. — Это магия некромантии и если существует столь бесчеловечный метод уничтожения лица, значит есть способ его восстановления.

— Глава решил послать к сумеречным нашего человека. Возможно ли будет на время «стесать» лицо нашего шпиона так же? — обратился к ним Второй мастер.

— Стоит ли делать подобное? — рассердился лекарь. — Не лучше ли просто закрыть лицо кожаной маской?

— Мастер Ши Дин предостерег от этого, сказав, что когда безлицых поят дурманящим зельем, перед тем как дать выйти за пределы клана на какое-нибудь пакостное дело, они снимают маски, чтобы выпить поданое пойло. И при этом всегда присутствует глава сумеречных.

— Тогда достаточно будет наложить «иллюзию изменения черт». Но действует она не долго, — задумчиво проговорил маг, присматриваясь к безлицему. — Она срабатывает по мысленному приказу и рассеется через половину часа.

— Этого более чем достаточно, — уверенно проговорил Пэн Хэн.

— Так это вы пойдете к сумеречным?! — горестно воскликнул догадавшийся обо всем лекарь.

— Я сам вызвался, — уточнил молодой человек. — Тем более, что пойду туда не один, а с мастером Ши Дином.

Безликий решительно кивнул.

— А пока мы попытаемся справиться с главой сумеречных, вы почтенные старцы, изыщите способ вернуть прежний облик мастера.

— Все сделаю для этого, — с жаром заверил его маг.

— Что ж, пожелаю вам удачи и пусть Небо не обделяет вас ею, отважные воины, —

лекарь встал и поклонился Пэн Хэну и безликому.

Маг же просто сорвался с места и уже в дверях, спохватившись, счел нужным пояснить:
— Пойду готовить амулеты и практиковать «иллюзию изменения черт».

Второй мастер

Когда на следующий день Ли Мин появилась к завтраку у лекаря, тот встретил ее во дворе с поджатыми губами, сухо бросив:

— Ступай в дом, тебя там дожидаются.

Не успела Ли Мин поразмыслить с чего это у некоторых прямо с утра мрачное настроение, как удивилась сама, когда с циновки на встречу ей живо поднялся Второй мастер, сидевший до этого с видом бесконечного терпения.

— Что случилось, Второй мастер? — спросила Ли Мин, садясь на циновку напротив после того как поприветствовала его обязательным вежливым поклоном.

На этом месте за обшарпанным лакированным столиком обычно сидели ее старички играя в го, да те редкие гости, что посещали их.

— Вчера безликий сказал нечто встревожившее меня.

Ли Мин смотрела безучастно, ведь дела клана не касались ее, только вчера вот пришлось невольно вмешаться, но она не корила себя за невольный порыв, потому что это был особый случай, а вмешиваться по пустякам... но Второй мастер уже начал вполголоса рассказывать:

— Безликий утверждает, что сюда их отряд шел не набегом, а чтобы тайно встретиться с кем-то, то ли шпионом из Поместья, то ли из деревни. Об этом ему неизвестно наверняка. И если бы ты случайно не столкнулся с ними в лесу, да не будь Третий мастер столь бдительна, мы бы и не подозревали, что враг проник в наши пределы.

— Думаешь тот к кому они направлялись, кто-то из деревни? — спросила она заинтересовавшись.

— Это и следует выяснить. Старший отряда безликих помалкивал о том, куда их вел, — уже увереннее продолжал Второй мастер, видя как загорелись глаза его собеседника. — Наш безликий союзник узнал об этом только потому, что прислушивался к разговорам в клане и один раз ему удалось подслушать как старший отряда перед кем-то отчитывался.

— То есть, он больше ничего не знает? — разочарованно уточнила Ли Мин.

— Увы, — вздохнул Пэн Хен.

— Верись ему? — поинтересовалась Ли Мин.

— Не знаю, — признался тот.

— Понятно, — кивнула девушка и спохватилась, — только зачем вы мне все это рассказываете?

— Потому что нужна твоя помощь, — без обиняков признался молодой человек.

— Моя? — изумилась Ли Мин. — Так... а чем же я могу тут помочь?

— Я не так близок с деревенскими, чтобы они со мной откровенничали. А ты ученица лекаря и вхожа ко всем в Снежных Листопадах. К тому же тебе не нужно объяснять что к чему, ты и так уже посвящен в тайну безликого, и негоже, чтобы о ней знал всякий.

— Но вы и без этих объяснений можете попросить помощи кого-нибудь из Поместья.

— Кого?

— Ну да... — признала никчемность этой идеи, призадумавшаяся Ли Мин.

Пока Ли Мин покусывая губы, раздумывала, глядя перед собой, Второй мастер ожидающе смотрел на нее. Разумеется Ли Мин не должна ввязываться в дела клана, но ее

дни здесь ничто не разнообразило, она только и делала, что собирала травы, готовила лекарства, да слушала «лекции» своих вечно пререкающихся друг с другом старичков. Ее же мучил информационный голод и хотелось общения со сверстниками. А тут, прям шпионские игры: явки, пароли, конспирация... Пропустить такое?! Да ни в жизнь!

— Что от меня требуется?

Второй мастер выдохнул с заметным облегчением.

Ли Мин покосилась на Пэк Хэна с его открытым доброжелательным лицом, прямым взглядом с лукавыми искорками. Он был выше Ли Мин на голову, строен, с точными движениями хорошо тренированного человека. Главное симпатичный. Почему бы и не помочь, раз он просит? Помогать ему, ведь еще не значит вмешиваться в дела клана. Ей нужно только послушать, что болтают, это всего лишь наблюдение со стороны, а не вмешательство в здешнюю жизнь, она просто будет существовать около нее. Ой, ну вот не может она пройти мимо настоящего расследования.

— Ладно.

Когда они договорились и Ли Мин вышла проводить Второго мастера, то оба наткнулись на сидящих в галерее шепчущихся мага и лекаря. Едва Второй мастер шагнул за высокий порог полукруглых ворот внутреннего дворика, как старики обступили Ли Мин.

— О чем это вы говорили? — это маг.

— Что ему от тебя понадобилось? — это лекарь.

Причем, допытывались оба, подозрительно блестя глазами.

— Второй мастер просит, чтобы я помогла ему с пленным безликим и поговорила с ним, — тут же нашлась Ли Мин, потому что скрывать что-то от них бесполезно, иначе не отстанут. А правду о том, что ей выпало прислушиваться к здешним сплетням, говорить не хотелось. Будут ли они после этого чувствовать себя с ней свободно и болтать обо всем, что придет в голову.

— А я тебе что говорил?! — торжественно воскликнул лекарь, повернувшись к магу. — Какой еще у Второго мастера может быть к ней интерес? Ты только посмотри на нее, ее же от мальчишки не отличишь. Вечно чумахая, пропахшая горькими отварами. Уж на что первая женщина генерал Фу Хао была красива и то являлась на прием к императору У Ди каждый день в новых нарядах.

— Ах, да что ты можешь в этом понимать? — снисходительно отмахнулся от него маг. — Молодые мужчины даже под нищенскими лохмотьями все что надо разглядят.

Пока они привычно препирались, Ли Мин думала как ей приступить к поручению Второго мастера.

Известно, что любое событие оставляет «информационный след», который держится то время пока о помнят нем и говорят. Если это что-то необычное, из ряда вон выходящее, «след» держится долго и о нем так просто не позабудут. Ей нужно поймать слух, что держится и в деревне и городке дольше всего именно из-за необычности произошедшего.

И Ли Мин приступила к порученному «заданию». Чего только не наслушалась она и от своих пациентов, от завсегдагаев аптекарской лавки Сяофэна, и в рыночной толчее и в чайном доме. Но самое интересное можно было услышать в кабаке, тамошний народ в подпитии плел такие небылицы, что Ли Мин стоило больших трудов не расхохотаться. Забавлялась она всюю. В деревне главным поставщиком слухов, само собой, это кумушки, смысл существования которых был всласть посудачить да посплетничать. Тут следовало различать где правда, а где вымысел. Правда в этих вымыслах была словно семя в тыкве,

выковыривать замучаешься.

Более достоверную информацию поставлял городской рынок, так что когда Второй мастер навестил Ли Мин, ее прямо распирало от новостей, как тугое коровье вымя молоком. Они сидели во дворе у мага, куда он пришел и теперь выслушивал все, что она собрала для него.

— Половина слухов мне известна, — сказал он, когда она прекратила увлеченно тараторить, боясь что-то упустить и выдохнув с облегчением. — На них даже не следует обращать внимание из-за их давности и бесполезности. Вторая же половина просто выдумки, а то и откровенно пьяный бред.

— Это да, — разочарованно согласилась Ли Мин и спросила: — А что это за Песчаная хижина, что находится где-то в лесу? О ней я слышала на рынке.

— Очередная страшная байка, что в ходу среди деревенских, — пожал плечами Второй мастер. — Она-то чем привлекла твое внимание?

— Хотя бы тем, что хижина эта существует на самом деле.

— Я только слышал, что после смерти ее хозяина — старика Хо, о ней ходит недобрая молва и об этом месте не любят болтать попусту. Странно, что о ней вообще кто-то тебе поведал.

— О ней особо и не распространялись, это я всячески упрасивала и уговаривала рассказать о таинственной хижине. Так, а ты что ней знаешь?

— Если подумать, — раздумчиво проговорил Второй мастер, — это заброшенное, глухое место, куда как удобно для тайных встреч, вдали от людских глаз.

— А я что говорю! А правда, что, якобы видели, что окошки Песчаной хижины освещены? Если так, значит в ней кто-то бывает?

— И ты полагаешь, что там на самом деле могли проходить тайные встречи безликих с соглядатаем Сумеречных? — заинтересовался ее версией Второй мастер.

— Не исключено. Я отыскала эту развалюху и, знаешь, она находится неподалеку недавней «высадки» безликих у Снежных Листопадов.

Во время их совещания магу постоянно было что-то надо во дворе. Он то и дело выходил из дома и с деловым видом переставлял корзины на которые прежде никогда не обращал внимания. Особенно доставалось метле, куда он ее только не пристраивал, а вносил и выносил из дом, аж раз пять.

— Думаю, на сегодня наше совещание нужно закончить, — проговорила забавлявшаяся втихомолку Ли Мин.

Пэн Хэн взглянул в сторону мага, что-то ищущего возле крыльца и, улыбнувшись, кивнул.

— Тогда я приду завтра, чтобы обсудить это.

— Ага.

Но встретиться на следующий день им не довелось, Ли Мин вместе с лекарем Бином лечила в деревне от ожогов детей семьи И, игравших возле очага. Обычное дело. Расшалившись, один из мальчиков нечаянно толкнул брата в очаг и сам же вытащил его оттуда, получив не меньше ожогов чем пострадавший брат. Доктор Бин велел ей остаться ночевать у них, чтобы присматривать за детьми, облегчая их боль мазью и обезболивающим отваром, который нужно было периодически накладывать в виде компрессов.

Пока Ли Мин сидела с пострадавшими братьями И, в дом то и дело навещали местные девушки, чтобы посмотреть на пригожего ученика лекаря. Ли Мин не спешила их

разубеждать, а, закусив губу, наблюдала за неумелым флиртом местных красавиц, пока три девушки, не заявившиеся гурьбой для храбрости в дом к И, тем же вечером, не осмелились завести с учеником лекаря разговор. Тут-то Ли Мин и призналась, что она «их поля ягода». Две девчонки смутились, растеряно переглянувшись, решая обижаться им или нет, но третья Лай, с невозможно честными глазами принялась утверждать, что с самого начала распознала в ученике лекаря девушку. Через минуту другую девушки всю болтали как ни в чем ни бывало. А так как новые подружки Ли Мин передумали обижаться на нее за то, что она оказалась не пригожим братцем, то дежуря у постели обожженных мальчиков, провела не скучную ночь.

Пока семейство И спало, девушки негромко болтали. Из-за духоты мальчиков уложили возле дверей, выходящих во внутренний дворик, где подружки и устроились, не мешая ночному отдыху домочадцев тихими разговорами.

Ли Мин окончательно расположила к себе трех девушек тем, что перебив их взросло дотошные разговоры об огородах и что на них у кого уродилось, заплела каждой волосы в мелкие косички, которые забрала в несложный хвост, что им очень понравилось, заодно узнав их тайны и мечты. Как же Ли Мин соскучилась грузиться девчачьими заботами. О том, например, что двум девушкам Чи Нянь и Фан Юэ нравится сын кузнеца — первый парень в Снежных Листопадах. Видела его Ли Мин, парень был из тех, что силы нет ума не надо. А вот у смышенной Лай мечты были посложнее: попасть в Поместье в услужение к Главе.

— Почему именно к Главе? — удивилась Ли Мин.

— Хочу быть его наложницей, — призналась девушка.

Да уж, девушки готовы даже становиться любовницами дряхлых стариков, лишь бы вырваться из деревни, хотя ее мечта была понятна. Потом к третьей страже (с полуночи до трех часов утра) пошли страшные истории. Полненькая Фан, по просьбе новой подружки, рассказала о Песчаной хижине, что в стародавние времена на этом месте, якобы, приносились человеческие жертвы, а когда поставили хижину там жил старик и чем он занимался никто толком не знал. Говорили, что черный колдун он. Люди из деревни пропадали время от времени и все были убеждены, что приносит он демону кровавые жертвоприношения. Вообще, девчонки в Древнем Китае ничем не отличались от своих сверстниц в далеком будущем и Ли Мин с удовольствием отводила душу в общении с ними, которого в последнее время ей так не хватало.

Разумеется за всем этим, она не забывала накладывать болеутоляющие компрессы пострадавшим мальчишкам, проверяя не поднялся ли у них жар, аккуратно смазывая ожоги целебной мазью. В этом ей охотно помогала Лай, заявив, что ей нужно учиться ухаживать за больными и немощными, что бы потом ухаживать за Главой. В общем Лай была девушкой с далеко идущими целями. Перед рассветом сонные подруги разошлись по домам и Ли Мин тоже немного прикорнула. Пришедший под утро лекарь Бин, передумал ругаться и сердиться после того как осмотрел мальчиков, которым стало намного лучше.

— Иди, завтракай, — велел он. — А то Фэй Я волнуется.

Наверное, сказался недосып, иначе как объяснить, что она ввязалась в такое? Бредя через просыпающуюся деревню по обочине улицы, пропуская мимо себя стадо медлительных коров, которых гнали на выпас зевающие пастушки. Ли Мин заметила здорового детину, зло пинавшего какой-то мешок издававший слабый писк. От очередного пинка, сброшенный мешок развязался и из него вывалился хрипло пищущий щенок. Перед глазами Ли Мин словно планка упала и она, пропустив последнюю, вальяжно

ступающую корову, бросилась к верзиле, собиравшегося сделать очередной лихой пинок.

— Развлекаешься? — ехидно поинтересовалась она.

Парень опустил ногу, смерил дерзкого юнца поросычьими глазками и, поведя широкими плечами, лениво бросил:

— Проходи мимо, лекаришка. Чем я занимаюсь не твоя забота, — и обошел Ли Мин, чтобы подойти к ползающему в пыли пищащему малышу. Но Ли Мин вновь заступила дорогу деревенскому «Марадоне».

— Тебе видимо зубы жмут, чучело? Оставь щенка в покое.

— Че-его-о? — изумился детина.

— Иди домой, говорю, досыпать.

Верзила замер, не веря услышанному.

— Тебе чего надо? — спросил он подозрительно.

— Отдай собачку, раз она тебе не нужна.

— Ничего я тебе не отдам. Эта падаль моя, что хочу с ней то и делаю. А ты, видать, рвешься отведать моего кулака?

— Ну, давай, посмотрим у кого здоровья больше! — дерзко хмыкнула Ли Мин, прислушиваясь к жалобному поскуливанию позади себя. — Я забираю щенка.

— Так он же мой, — удивился бугай.

— Так он же тебе не нужен.

— Разве я такое говорил? — озадачился молодчик.

— Не говорил, — подтвердила Ли Мин и с издевкой заметила: — Ты видимо, выдумал новую игру, да? Вместо мячика пинать живое существо?

— А это мое дело, что я выдумал. Щенок мой, что хочу с ним делаю. Так что отойди или плати за щенка если он тебе так нужен.

— А, так ты хочешь платы, debil? На! — и Ли Мин ударила ногой по его висюлькам. Удивленно посмотрев на нее, здоровяк, зажав ладони бедрами, завыл, грохнувшись на колени, заскулив не хуже забитого им щенка.

— Ли Мин! — окликнули ее.

Обернувшись, она увидела торопящегося к ней Ши Цо с охапкой хвороста за спиной и встревожилась:

— Что-то с Чжэном?

Именно жене Ши Цин помогла Ли Мин родить в таверне Горный лотос здорового малыша Чжэна.

— Пойдем со мной, пойдем, — потянул ее мужчина, ухватив за локоть.

— Ладно, — подхватила Ли Мин хрипящего щенка и посоветовала стонущему парню: — Дыши глубже, скоро все пройдет. Ноги особо не поднимай, у тебя уже там все распухло.

В ответ тот, что-то проскулил.

— Это, вообще, кто? — спросила Ли Мин, едва поспевая за тащившим ее за собой Цо.

— Это младший сын кузнеца и лучше тебе не связываться с таким как он.

— Ага, — согласился Ли Мин, понемногу остывая, поглаживая дрожащего мелкой дрожью щенка.

Сама Ши Цин обрадовалась приходу Ли Мин. Держа на руках сыто почмокивающего карапуза Чжао, выслушала мужа, что собирался вернуться к пострадавшему сыночку кузнеца и уладить с ним ссору с Ли Мин. Кивнув ему, она усадила Ли Мин завтракать. Но прежде чем сесть за стол, девушка осмотрела щенка, перевязала его сломанную лапу и напоила

молоком, которое ей подала в глиняной плошке Ши Цин, жалостливо вздохнув при этом:

— Он такой изможденный и милый. Ему должно быть очень больно?

— У собак пониженный порог боли, — проговорила Ли Мин и спохватившись под непонимающим взглядом молодой мамочки, пояснила: — Животные не так остро чувствуют боль как люди, но сынок кузнеца очень старался, чтобы отбить песику внутренности и сломать лапку. Но я его выхожу.

— Только это девочка, — улыбнулась наблюдательная Цин.

Сытый перевязанный щенок заснул в углу у порога, иногда взвизгивая и вздрагивая во сне. Ли Мин уже доедала свежеиспеченные лепешки с молоком, когда вернулся сам Цо.

— Кое-как поднял этого бугая Лео, а пока он передвигал ноги до своего дома, чуть не раздавил меня, когда поддерживал его. Хорошо, что в это время у сыновей И был лекарь Бин, — рассказывал Ши Цо. — Он сделал для него компресс, а я дал монетку сыну кузнеца за щенка, только вот его отец отказался от монеты, — и глянул на притихшую псинку.

В двери заглянула Лай, поздоровавшись с четой Ши и поворковав над Чжао, сказала Ли Мин, показывая на небольшой плетеный короб у себя за спиной.

— Мы идем в ежевичник, пошли с нами, пока все ягоды не обобрали.

— Но у меня...

— Я дам тебе свой короб, — предложила безотказная Цин, кладя Чжао в колыбельку.

Получив плетеный короб, Ли Мин вышла вслед за Лай. К ее удивлению во дворе их уже ждали Фэн Юэ и Чи Нянь. Ли Мин и без того было не по себе, что в запале слишком жестоко обошлась с сыном кузнеца, а сейчас чувствовала неловкость перед Чи Нянь, которая мечтала выйти замуж за этого парня. Но Чи Нянь не сказала об этом ни слова, а Ли Мин не стала оправдываться, лишь сосредоточено собирала ежевику, да слушала разговоры подружек.

К полудню девушки вернулись в Снежные Листопады с полными коробами ежевики.

— Отчего ты сегодня молчаливая? — заметила ей Лай.

— Послушай, сможешь показать мне дом кузнеца? — попросила ее Ли Мин тихо, что бы не услышала Чи Нянь.

— Конечно, — сказала девушка и повела ее к кузне, к которой нужно было идти на другой конец деревни.

Кузня стояла под навесом из тростниковых листьев, под которым находилась небольшая печь-горн, чугунная болванка-наковальни, бочка с водой, лемеха и меха, да стол со стойкой на которой были развешаны и разложена всякая необходимая в хозяйстве всячина, начиная от гвоздей и подков до ножей, топоров и шила, на земле лежал железный сошник. Кузнец трудился над очередным серпом, простукивая раскаленную до бела заготовку молотком. Хоть он и заметил девушек, работы не прекратил и не ясно было, пожелает ли выслушать их, или молчаливо давал понять, что их присутствие здесь не желательно. Но Ли Мин ждала с терпеливым упорством, Лай стояла рядом. Наконец, сунув выправленную заготовку в воду, куда она опустилась с шипением, поднимая клубы пара над бурлящей водой, кузнец хмуро посмотрел на девушек.

— Простите меня, — поклонилась ему Ли Мин. — Простите, что жестоко обошлась с вашим сыном.

Кряжистый дядька насупив кустистые брови смотрел на ученицу лекаря, вытирая темные руки ветошью. Его кожаный фартук надетый на загорелый мускулистый торс, был прожжен в нескольких местах.

— За что ты просишь прощение? — баском спросил он и, бросив ветошь, упер руки в бока. — В том, что ты, девчонка, побила такого здоровяка как мой сын?

Из дома вышел молодой человек, точная копия кузнеца только моложе. Пройдя под навес, он встал рядом с отцом, с открытым любопытством глядя на Ли Мин, без тени осуждения или угрозы.

— Если бы мой младший сын пострадал от того, кто много сильнее его, я бы принял от обидчика извинения, только вот тебе извиняться не за что. Ты вступилась за беззащитное существо, заведомо выступив против того, кто был много сильнее тебя. Так что не унижай нас еще больше своими великодушными извинениями.

— Но... как он себя чувствует?

— Не беспокоиться о нем, ученица лекаря.

— Все же передайте ему вот это, — и Ли Мин с поклоном протянула кузнецу миску ежевики.

Кузнец глянул на сына и тот шагнув к Ли Мин принял миску с ягодами. Потом девушки зашли к братьям И, оставив и им миску ягод, а уж потом вернулись в дом четы Ши, проверив щенка. Ли Мин попросила Цын присмотреть за щенком, не хотелось пока тревожить исстрадавшуюся малышку.

— Не переживай, я чем-нибудь да накормлю ее, — успокоила девушку мамочка Чжана.

Вернув короб с ягодами, Ли Мин отправилась домой с кульком ежевики, когда солнце уже клонилось к закату.

Конечно же она прошла к магу минуя дом учителя. Как чувствовала... Вышедший к ней Фэй Я, всплеснул руками и велел быстро зайти в дом, но не тут-то было. В калитку соединяющие дворы мага и лекаря, влетел Бин со своей «воспитательной» палкой.

— И где это носило целый день мою нерадивую ученицу?! Ну-ка иди сюда! Тебе просто необходимо преподать урок! Я тебе что велел? Отсыпаться! Так ведь нет, ты умудрилась подраться с сыном кузнеца, чуть не покалечив его. Иди сюда, кому говорю!

— Братец, прошу успокойся, девочка голодная и усталая... — заслонил ее собой всполошившийся лекарь.

— Вот-вот! Исчезла на целый день, когда она была мне тут нужна.

— Я ежевику собирала... — и Ли Мин протянула кулек, одновременно с этим увернувшись от палки.

— Отойди, Фэй Я, я должен ее хорошенько проучить! — рявкнул лекарь Бин, чуть не угодив магу по голове.

Но настигнуть ему Ли Мин было нелегко, в конце концов, она выбежала за ворота, слыша несущуюся вслед ругань разошедшегося не на шутку, лекаря:

— ... вот и пусть сидит голодом в наказание!

Уже в сумерках Ли Мин добралась к себе, но не заходя в пещеру прошла по тропе несколько шагов вниз по ручью, к неглубокой заводи. Там на плоский камень насыпала соли — жертва страшному Горному духу и мигом в пещеру, замирая от страха. Фэй Я сказал, что раньше эта пещера принадлежала Горному духу и Ли Мин чувствовала себя захватчицей его жилплощади.

— Ты его не бойся, — успокаивал и наставлял ее маг. — Чтобы его отвадить, бросай в костер бамбук, от того, что он громко раскалывается Горный дух не подходит ближе. Громкие звуки ему неприятны. Ну а ежели зайдет в пещеру, либо брось в него белую траву, либо стебли речного тростника. А то в последнее время повадился воровать у меня соль,

чтобы приправить лягушек, коих ловит и ест. Без соли они ему вишь не вкусны.

— Так он любитель соленья? — засмеялась Ли Мин.

— Не будь благодущна! — одернул ее Фэй Я. — Горный дух жадное животное напоминающее человека, похожее на обезьяну, потому что все его тело покрыто черной шерстью... вместо ступней лапы зверя, волосатое с человеческими чертами лицо с длинными губам, похожее на старую тыкву. Жертвоприношения приучили его к человечине, так что будь начеку.

Доев ежевику, что оставалась в кульке, Ли Мин мигом провалилась в сон, успев напоследок подумать, что в общем-то и здесь жить можно. А утром, выйдя из пещеры, чтобы успеть к утренней трапезе к старичкам, столкнулась на тропе со Вторым мастером.

— Что это вы здесь делаете? — неприятно удивилась Ли Мин останавливаясь.

— Иду к тебе, — сказал парень как ни в чем не бывало и показал на корзинку которую держал в руке. — Вот... почтенный Фэй Я передал тебе завтрак.

— Но я завтракаю с учителем и с чего вдруг ищите меня здесь? — заступила ему путь Ли Мин.

— Я провожал тебя сюда. Помнишь?

— Не помню, — отрезала Ли Мин. — Я никого не привожу сюда.

— Да, — признался Второй мастер, повинно опустив голову. — Ты не приводила, это я вчера шел за тобой, так и узнал про эту пещеру. Конечно, я буду молчать, чтобы ты была в безопасности. Ты вот вчера не пришла, а сегодня я попросил почтенного мага принести тебе завтрак, — широко улыбнулся Пэк Хэн. — Но почему ты живешь в таком месте? Жить одной в безлюдной глуши девушке рискованно.

— Безопасно, пока об этом месте никто не знает, — буркнула Ли Мин и тут же поклонилась ему: — Поэтому прошу вас, Второй мастер, сохраните и вы это в тайне.

— Ты можешь не просить меня о таком, ученица лекаря. Только я в толк не возьму, что заставляет тебя жить в этой мрачной и холодной норе? Трудно поверить в такое, ведь лекарь и маг так пекутся о тебе.

— Мне здесь удобнее, — сказала Ли Мин проходя мимо Второго мастера, заставляя его развернуться и следовать за ней. — Учитель постоянно дает поручения по приготовлению лекарств и снадобий, но я не очень ловкая и все время что-нибудь опрокидываю, разбиваю и пачкаю, пещера спасение для меня и других. Много раз по моей вине то пригорала пища, то выкипали отвары. А когда подгорают снадобья, то едкий запах порой достигает чуть ли не Поместья. Так что в пещере я могу не опасаться устроить пожар и все в ней спалить. Да и переночевать здесь могу спокойно, когда засиживаюсь за приготовлением лекарств. А в общем-то живу у кого-то из старичков.

— Понимаю, — кивнул Второй мастер, шагая рядом с корзинкой в руке. — Но ты все же разрешишь мне заходить к тебе сюда.

— Лучше не стоит.

— Я огорчен, но послушаться тебя не смею, — вздохнул Пэн Хэн и остановив ее, протянул корзину. — Позавтракай, я подожду тебя. Нам многое нужно обсудить.

— Так давайте обсудим все сейчас. Не окажете мне честь позавтракать со мной?

— С удовольствием. Пойдем к лекарю Бину, он как раз ушел в Поместье.

— Ох, нет! Думаете Фэй Я даст нам поговорить спокойно?

Вот и сидели они со Вторым мастером у начала заросшей тропы и молодой офицер рисуя на земле, объяснял:

— Смотри, вот деревня, — и нарисовал кружок, — а это Помесье, — в пыли появился квадратик. — А это лес, — квадратик и кружок разделил овал, — вот здесь ты увидела безликих, — овал продырявила точка. — И они шли к деревне.

— Это мы так решили, потому что отряды клана перехватили их у деревни.

— Как? — Пэн Хэн недоверчиво почесал нос палочкой, которой рисовал. — Они что, так долго шли до деревни? Так что даже ты сумела добежать от деревни до Помесья, позвать подмогу и с нами прийти обратно.

— Но там же был отряд Третьего мастера.

— Ну да, когда мы подошли, они уже всю дрались.

— А что говорит Третий мастер?

— Что они хотели прорваться и уйти.

— Куда? Слушай, а где на этом твоём плане будет находиться Песчаная хижина?

Пэн Хэн внимательно посмотрел рисунок на утопанной земле, прикинул что-то и нарисовал треугольник за кружком «деревни».

— Ты права, Песчаную хижину нужно проверить.

— Ага, — согласилась Ли Мин сидя на корточках и, обхватив колени, внимательно рассматривая начерченный на земле план.

После того, как они расстались, Пэн Хэн пошел искать Третьего мастера. В деревне, в казармах, на тренировочной площадке ее не было и Пэн Хэн пошел в Гранатовый павильон. Она была там, сидела перед бронзовым зеркалом, а служанка укладывала ее волосы в затейливую прическу, укрепляя ее серебряными шпильками с рубинами. В комнате стоял запах рисовой пудрой. Когда доложили о приходе Второго мастера, Ся Гэ велела принять его, отослав служанку. Войдя, Пэн Хэн поклонился:

— Третий мастер.

— Второй мастер, — ответила на его приветствие Ся Гэ. — Что привело тебя ко мне?

— Скажи, как ты обнаружила безликих? Ведь мы только-только спешили к тебе на помощь, чтобы сообщить о приближении врага, но ты уже вела с ними бой.

— Пф, — фыркнула Третий мастер. — Ты как никто должен знать, что я никогда не пренебрегаю своими обязанностями. Я делала обязательный обход, когда наткнулась на них. Они пытались прорваться мимо деревни и уйти. Жалкие ничтожества!

— Но, как получилось, что ты и твои люди оказались в стороне от Снежных Листопадов?

Третий мастер высокомерно взглянула на Пэн Хэна.

— Ты меня допрашиваешь? Что за оскорбительное недоверие?

— Всегда доверял тебе, сестра, только, что мне доложить дафу, когда он спросит меня об этом?

И Пэн Хэн ожидающе посмотрел на Ся Гэ в красном броском одеянии, на набелённое лицо и ярко алые губы, подумав об ученице лекаря. В отличие от Третьего мастера тщательно создававшей свою красоту, всячески подчеркивая и выделяя достоинства своей внешности, которых у нее не было, Ли Мин, если не прятала свою привлекательность, то не обращала на нее никакого внимания, отчего была ужасно мила.

— Когда я делаю обход, то проверяю не только деревню, но и прилегающую к ней территорию, — наконец ответила Ся Гэ назидательно. — Ты сам ведаешь какие там непроходимые дебри, и что раньше в них укрывались шайки негодников, чтобы с наступлением ночи грабить деревенские дворы, поэтому я взяла за привычку осматривать

подступы к деревне и того же требую от своих подчиненных. Но почему я узнаю о поручении дафу только сейчас?

— Потому что он дал мне его только вчера.

— Слабая отговорка, — заметила Ся Гэ недовольно. — Но ты будешь прощен, если признаешься как на духу, правда ли то, что ты ищешь встреч с ученицей лекаря? Чем тебя привлекла эта немытая деревенщина? Не отнекивайся, что она тебе будто бы не нравится

— Я и не отнекиваюсь.

— Даже так! Тогда позволь раскрыть тебе глаза. Ты нравишься многим девушкам Поместья. Зачем же ходишь за этой дворняжкой, неизвестно откуда приблудившейся к нашему клану. Помни, что ты офицер клана Северного Ветра и кто эта, ни на что не способная девица. Лекарь Бин постоянно ругает ее за бесталанность, ходит она в обносках, что достались ей от погибшего сына стариков Ю. Ты мой брат по учению и твоя судьба мне не безразлична. Мне горько слышать уничижительные шепотки на твой счет, что ты привечаешь такое ничтожество. Ты не понимаешь, что выставляешь себя на посмешище? Якшаясь с собакой, сам становишься блохастым.

— Не спорю, может быть она действительно такая, как ты говоришь, но только ей доверился безликий.

— Что? — топнула ногой Третий мастер. — И ты говоришь мне подобное после того, как я тебе только что обо всем растолковала?! И почему ты выбрал в помощники эту дешевую девку, а не меня? Вспомни, как мы раньше делились с тобой своими замыслами, поддерживали друг друга. Почему же сейчас ты не хочешь делиться ими со мной? Почему предпочел рассказывать их этой дряни?

Да уж, усмехнулся про себя Второй мастер, уж что-что но, лучше помалкивать и не высказывать при Ся Гэ своих мыслей.

— Так ты идешь к дафу? — оглядел он ее, не желая больше разговаривать о Ли Мин. — Уверена, что ему нужны твои каждодневные доклады?

— Разумеется, — без тени сомнения отрезала раздраженная Третий мастер. — Глава желает меня видеть у себя каждый день и я не смею ослушаться его приказов.

— Тогда больше не задерживаю тебя, — сказал Второй мастер и повернувшись, ушел.

Через три дня, когда приходила навестить братьев И, Ли Мин забрала из дома четы Ши щенка. Хотя супруги были не против приютить собачку у себя, но кто знает, что взбредет в маленькую головку сына кузнеца, если он увидит свободно бегающую по деревне собачку, которую уже пытался убить. Маг сразу согласился оставить щенка у себя, до того умилила его непоседливая неуклюжесть и потешность карапуза. Сам щенок, едва Ли Мин переступила порог дома Ши, завилял хвостиком, сразу признав свою спасительницу и когда она склонилась над ним, чтобы размотать лапку и посмотреть ее, тут же облизал ей лицо. И вот теперь у мага во дворе, она вновь пыталась перевязать собачке лапку, но эта животинка быстро оклемалась и теперь радостно тьякая, резво убежала от Ли Мин на трех лапах, прихрамывая на четвертую, таща за собой длинную перевязочную тряпицу. Конечно, озорница была поймана, и смачно чмокнута во влажный нос.

— Отныне буду называть тебя Ленточкой, — объявила псинке Ли Мин. — Нравится тебе это имя?

На что Ленточка смозабвенно облизала щеки своей хозяйки.

Сплетни

В тот вечер дафу призвал к себе Второго мастера.

— Ты порадовал меня, Пэн Хэн, — проговорил Глава, как только молодой офицер поприветствовал его от порога. — Быстро во всем разобрался. Судя по всему, нашел смышленного помощника?

Второй молчаливым поклоном подтвердил, что так оно и есть, поняв, что Ся Гэ уже донесла об этом дафу.

— И этому твоему помощнику можно доверять? — поинтересовался Глава скептически поджав губы.

— Это он обнаружил безлицых, господин, о чем предупредил, примчавшись в Поместье.

— Мне об этом не докладывали. Как это произошло?

— Ученик лекаря наткнулся на них в лесу случайно, собирая травы.

— У лекаря имеется ученик? — без интереса спросил Глава.

— Это родственник мага, он и порекомендовал свою родню лекарю Бину.

А Ли Мин сидя на террасе дома лекаря, где завтракала вместе с магом, наслаждаясь тонким необычным чувством, которое испытываешь солнечным утром после ночного прохладного дождя, спросила:

— Фэй Я, для чего вам нужно было призывать демона?

Сам маг рядом, блаженно щурился на утреннее теплое солнышко, обещавшее жаркий день. Он пребывал в умиротворенном настроении, поэтому не прочь был поболтать. Лекарь отправился в деревню проведать братьев И, а заодно и младшего сына кузнеца, не позвав с собой свою ученицу, все еще сердясь на нее.

— Я хотел помочь Главе, — вздохнул маг, — ибо клан Северного Ветра находится в непростом положении. Нынешний Глава мастер выхода из сложных ситуаций, тем и живем. Но сейчас ему туго приходится. Мы же, простые члены клана, хоть и рвемся помочь, но за незнанием как это сделать, боимся помешать его планам. И это полбеда, главная беда в том, что Глава слабеет день ото дня. Уверен, каждого сторонника нашего клана тревожит, что он вот-вот сдастся недугу, а иногда с утра, кажется, что и до вечера не дотянет. Случись так, клан исчезнет к вящему удовольствию наших недругов. Но Бин уверен, что Глава не померет, пока не покончит с доверенным ему императором делом и лишь тогда со спокойным сердцем покинет этот мир.

— А что за дело поручил ему император? — спросила Ли Мин, берясь зашпопать прохудившееся на локтях ханьфу мага.

Посмотрев на нее старик помолчал и стал рассказывать:

— Позволь поведать тебе, что три месяца назад император обратился к Главе с просьбой. За месяц до этого в нескольких уездах произошли убийства чиновников среднего ранга. Этому никто не придавал значения, я имею ввиду особого значения, но Глава, едва до него дошли слухи о первых двух убийствах, насторожился этими, казалось бы, не связанными преступлениями и уже тогда провел тщательное расследование, поэтому смог сразу доложить императору, что все убитые чиновники занимались финансовыми делами.

Помимо этого, убийства отличал характерный удар меча мастера школы о которой доселе не знал никто. Глава предположил, что то была школа натаскивающая убийц, и к

несчастьем оказался прав, потому что таким вот особым ударом были одновременно убиты еще три чиновника в разных уездах. Отсюда следовало, что действовала целая шайка убийц. Глава и Хранители дотошно отмечали на карте города в которых произошли те преступления, а уж после указа императора пожаловавшего Главе все полномочия расследовать это безобразие, выслали отряд бойцов туда, где покушения могли только произойти. Своими отрядами нам помогали и дружественные кланы тоже. Мастера боевых искусств скрытно дежурили у домов чиновников подвизающиеся по финансовой части. Надо сказать, что школа Северного Ветра показала свое особое умение в отличие от других кланов, что понесли тогда ощутимые потери. Из наших мастеров никто не погиб, более того, именно им удалось пленить убийц. Во всех других случаях исход был печальным, если не трагичным, мастера либо погибали, либо захваченные неведомыми преступниками, кончали жизнь самоубийством. У Третьего мастера произошло все наоборот: убийца, которого она захватила, полоснул себя по горлу. Но при этом она спасла некую девицу — дочь казначея.

Так вот, эта девушка рассказала, что отцу был отдан указ выделить крупную сумму денег некоему лицу без всяких гарантий и залога. Ее отец не посмел ослушаться того приказа, хотя исходил он не от министра финансов, и выдал сумму указанному лицу, но послал запрос в имперское казначейство. Он сохранил все бумаги и когда на дом напали и Третий мастер загнала убийцу в угол, казначей, словно предчувствуя свою гибель, отдал все векселя и счетную книгу дочери. И когда Третий мастер выводила все семейство из дома, в чиновника попала стрела, угодив прямо в сердце. Третьему мастеру удалось привести дочь казначея к Главе живой и невредимой и она тотчас попросилась под защиту нашего клана. Даже если бы девушка не умоляла о спасении, Глава все равно оставил бы ее при себе ибо она стала единственным свидетелем и ниточкой к происходившим тогда убийствам.

'Но вот с захваченными в плен двумя убийцами вышла неудача. Они молчали и никакие пытки не могли развязать им язык и заставить говорить. Тщательный осмотр тел убитых тоже ничего не дал. Глава велел нарисовать с них портреты и тщательно осмотреть одежду и обувь. Это дало результаты. Одежда таинственных убийц оказалась пошита одинаково. Поиски по портретам привели к жутким результатам. Оказалось, убийцы неизвестной школы давно уже мертвы. Пока наши сыщики сверялись с записями об их смертях в архивах мертвецких, Глава выдерживал сильное давление при императорском дворе, давая нашим сыщикам время в их розысках.

'Когда император призвал его раскрыть дело об убийствах казначеев, то предупредил, что ему, скорее всего, свяжут руки, поставив в такие обстоятельства, что он ничем не сможет помочь клану и поддержать Главу, но чтобы, не смотря ни на что, тот все же продолжал расследование. В чем только не обвиняли Главу, чем только не подкупали, в какие только изощренные ловушки не заманивали интригами, стараясь опорочить. Глава сумел обойти и избежать всего этого, терпеливо переживая несправедливый гнев императора в который он впадал из-за подлых оговоров и интриг, словом делал все, чтобы клан хоть что — нибудь отыскал, хотя сам оказался узником при дворе, не имея права покинуть его без высочайшего соизволения. Видимо кое-кто надеялся, что изолировав его, обрек клан на бездействие. Только Глава предусмотрительно позаботился на такой вот случай.

'Когда стало известно что Главу удерживают при дворе намеренно, Хранители с тремя отрядами мастеров разошлись в разные стороны, покинув Поместье. Таким образом каждый отряд, под руководством Хранителя, продолжал работать над своей частью задания. Вот тогда-то вскрылись ужасающие подробности о некоем некроманте. Убийцы были давно

мертвы, но действовали по его злой воле. Только мы так и не смогли докопаться кто этот некромант, а уж тем более добраться до него. После того как у нас появились трупы и показания девицы, Главу отпустили.

За время этого интригующего рассказа, Ли Мин успела поставить заплатки на ханьфу мага и заштопать все прорехи на нем где только можно.

К полудню в соседний двор вошел бесконечно усталый лекарь Бин. Он зашел в дом, а после наведаясь к соседу и тогда все трое сели обедать. Отдохнув и взбодрившись, лекарь, на вопрос Фэй Я о здоровье Главы, разворчался:

— Хранитель Цзяо Да сказал, что Глава все утро провел за документами вместе с дочерью казначея, пытаюсь разобраться в его записях, так что я смог только к обеду осмотреть его. Третий мастер ходила мрачнее тучи. Ее солдаты сказали, что она закончила тренировку быстрее обычного, и все прохаживалась во дворе павильона Небесной Мудрости, дожидаясь, когда Глава выйдет с дочерью казначея.

Внимательно слушавший друга маг, обмахиваясь веером, благодушно усмехнулся.

— Об этом говорили в трапезной караульни, — говорил лекарь, пододвигая к себе блюдо, которое поставила перед ним на стол Ли Мин. — Якобы она поджидала дочь казначея, чтобы обвинить ее в том, что та не выделила отряду Пяти Лотосов, обещанного обмундирования.

— И что же? — сложив веер, нетерпеливо спросил маг, сгорая от любопытства.

— Дочь казначея умная девушка. На слова Третьего мастера она предложила Главе, что он может посмотреть бухгалтерскую книгу клана, которую она предоставит ему по первому требованию. Выделение средств на обмундирование не планировалось, с чем Глава согласился, — хмыкнул лекарь доедая свою порцию лапши.

— Третий мастер этого так не оставит. Очень упрямая девица. Уж она-то найдет предлог, чтобы лишний раз предстать перед Главой и наговорить на Ли Ло.

— Глава и без этих ее усилий, отличает ее, ведь она его ученица, — возразил лекарь. — К тому же Третий мастер в Северном Ветре считается первой красавицей.

Ли Мин, доедая свою порцию, чуть не подавилась.

— Как по мне, так дочь казначея куда как милая и воспитанная барышня, — скептически поджав губы, заметил лекарь. — к тому же изящна и умна.

— Я и не спорю, друг мой, — поспешил успокоить его маг. — Только вот Третьего мастера в Поместье, как ты только что сказал, принято считать первой красавицей, и попробуй поспорить с этим в открытую, она же упряма и настойчива, и так просто не отдаст внимание Главы другой.

Ли Мин вовсе не заботило кого в клане считают первой красавицей, ее тревожили появившиеся на горизонте тучи. Они означали, что ей придется остаться у старичков, пока ненастье не сменит солнышко. В дождливые дни в пещере становилось неудобно и тоскливо и Ли Мин чувствовала себя бездомной и всеми позабытой, брошенной, бесприютной, никому не нужной во времени, пространстве и во всем мире.

Влажный воздух, густые запахи мокрой травы, земли, гниющих трав и хвои еще долго стояли в пещере. А шум дождя отдалял от всего мира. В пещеру натекала лужа. даже под медвежьим пологом было зябко. И тогда Ли Мин уходила к старичкам, чтобы переночевать в доме одного из них, тогда как оба уходили спать в дом другого.

И в этот дождливый вечер Ли Мин, оставшаяся ночевать у мага, вся иззевалась, пока оба старичка сидели за игрой в го.

— Отправляйся спать, — мягко велел ей маг, не отрывая взгляд от игровой доски, обдумывая свой ход. — Не смотри на нас. Мы уйдем, когда закончим партию этого дня, только думаю, это случится не так скоро.

— Хорошо, — сонно пробормотала Ли Мин снова зевнув.

Раскладывая в противоположной конце комнаты постель, она слушала их негромкий разговор.

— Что с тобой сегодня, Бин? Ты рассеян и невнимателен, — попенял лекарю маг, не скрывая беспокойства. — Опять к непогоде ноют ноги?

— В нашем возрасте обычное дело, что ослабевают ноги, как у Юя Великого во время его борьбы с потопом, — философски ответил лекарь. — Не обо мне сейчас надобно думать, а о том, что за хвороба одолевает Главу. Никак я с этим не разберусь.

— Как я уже утверждал и буду далее стоять на том, что для его организма не хватает энергии янь.

— Считаешь, я не думал об этом? — рассердился лекарь, взмахнув рукавами так, что чуть не опрокинул чашу с черными и белыми игровыми камнями. — Еще пять зим назад, когда Глава был более крепок здоровьем, я разговаривал с ним на сию щекотливую тему.

— И? — оторвал взгляд от доски Фэй Я.

— Тогда-то он согласился с этим и я привел к нему искушенную девицу и оставил одних, решив, что только утром увижусь с ним. Но Глава призвал меня через четверть часа. Думаю, та девица чересчур постаралась, потому что в гневе он высказал мне, что я бесстыжий, развратный человек, раз решил заставить его пройти через такое. После, он еще долго сердился на меня и не разговаривал год с лишним. После ужасного выговора, я бросился к девице. В ответ на мои расспросы, она сказала, что Глава, как мужчина был настолько не искушен, что она не сдержалась и так сказать, решила сама «оседлать жеребца» и обольщая, сразу же продемонстрировала свои прелести.

— Обнажилась перед нашим праведником и аскетом? — всплеснул руками маг. Игра была позабыта надолго.

— Похоже, на то, — хмыкнул лекарь. — Нервы у Главы и не выдержали лицезреть такое.

— Но послушай, брат, — озадачился маг. — Может так быть, что его вовсе не интересуют женщины?

— Утверждать сие не берусь, — с сомнением покачал головой лекарь, — только сам собой напрашивается вопрос: отчего ни у девицы Ло, ни у Третьего мастера не получается заполучить его?

«Так старый Глава — гомик? — охнула про себя Ли Мин. — Тогда это и впрямь объясняет, что старания девушек проходят впустую».

А произошедший через три дня после дождливого вечера сплетен, случай, лишь подтвердил ее подозрения.

В тот день ее старички не явились к обеду и Ли Мин забеспокоилась. Подождав еще немного и вконец встревожившись, она пошла в Помесье. Слава Небу, что спешащие куда-то люди, не обращали на нее внимания. Посторонившись перед пробегавшими мужчинами и проводив взглядом спешащую молодую мамочку с ребенком на руках, она, когда ее толкнул какой-то парень не соизволивший даже извиниться, наконец, сообразила, что все спешат в одну сторону и пошла туда же, пока вслед за остальными не вышла к площади Помесья с возвышавшейся над нею трехярусной пагодой. Там, в кругу людей, стояли несколько

старцев: трое Хранителей и ее старички и между ними что-то происходило. Старцы, как поняла прислушавшаяся Ли Мин, чем-то возмущались и все их возмущение сводилось примерно к одному:

— Он вел себя недопустимо и нарушил заветы совершенномудрых, что были заложены много веков назад!

Оставалось понять, кто именно «вел себя недопустимо», и какие такие заветы были нарушены. К тому же, ее старички держались как-то на особицу. «Они что тут изгой?» — запереживала Ли Мин. Маг поднял руку, призывая остальных к вниманию и когда возмущавшиеся затихли, сказал:

— Мы не можем судить лекаря клана без Главы, тем более выносить решительный приговор. Глава должен сказать свое слово.

— Вам бы лучше помолчать, — напустился на него самый вредный из Хранителей дедок. — Глава еще не знает, что лекарь Бин использовал недозволенные методы лечения. Вспомните, почтенные, тот случай, когда лекарь безрассудно послал к Главе непотребную девицу, совершив тем преступление, едва ли не тяжелее того, что сотворил с ранеными в деревне.

— Как вы можете такое говорить?! — возмутился маг, горячо вступаясь за друга.

Поднялся гвалт. На ее старичков наступали негодующие Хранители. Трое против двоих, но Фэй Я упрямо возражал, отменяя все обвинения на счет, стоявшего позади него непривычно молчаливого лекаря Бина. Сзади к толпящимся, в сопровождении двух девиц, подошел заинтересовавшийся происходящим молодой человек с бледным лицом аристократа, в подбитом лисьим мехом светло сером бархатном плаще, который в такой летний денек носить было самоубийством. В одной из девушек в красных одеяниях воина с мечом на поясе Ли Мин признала Ся Гэ, вторая в светлых одеждах, изящная с нежными чертами лица была ей незнакома. Вот и здешние мажоры подтянулись. Эти трое встали за спинами людей, слушая препирательства и ругань Хранителей, пока их не заметили и не стали с поклонами расступаться, чтобы пропустить их поближе к месту горячих дебатов. Так что чахлый молодчик с капризным лицом баловня вынужден был войти в круг спорящих. Третьего мастера шла впереди, расчищая ему путь. Старцы, перестав ругаться, почтительно поприветствовали молодого человека.

— Глава.

— Дафу.

«Глава?» — изумилась Ли Мин, привыкшая думать о нем как о глубоком старце, стоявшего одной ногой в могиле. Глава не стал выходить в центр окруженного зеваками пяточка, а остановившись огляделся с кислым выражением и, словно из меховых створок, выпростал руку из-под полы плаща, которую изящная девушка тотчас тихо и ненавязчиво подхватила. Но он медленно отвел ее руку, давая понять, что не нуждается в поддержке.

— Что здесь происходит? — спросил он вяло и равнодушно.

Хранители запальчиво наперебой принялись высказывать ему свое недовольство.

— Попраны устои Поднебесной! Святотатство и богохульство! — ярился самый вредный старикашка, потрясая корявым пальцем. — Видано ли дело, чтобы какой-то лекарь, что уже развращал вас, требует теперь помиловать безликого, нашего злейшего врага. Я уж не говорю о том, что он посмел резать тело человека и копаться в его внутренностях?! Мерзость невиданная! Лекарь Бин низко пал, он не почитает заветов предков, запрещавших резать плоть словно какую-нибудь тряпку.

Ли Мин закусила губу: выходит сейчас лекарь Бин огребал за нее по полной.

— За подобное богохульство четвертуют! — фальцетом выкрикнул другой Хранитель-дедок и требовательно уставился на Главу.

Глава глухо закашлялся и все с вежливым терпением переждали этот его приступ. Третий мастер услужливо подала дафу платок и когда тот не спеша принял его, с видом победительницы взглянула на изящную девушку как на свою соперницу.

— Богохульство? — надменно переспросил Глава и брезгливо уточнил: — Вы предлагаете мне четвертовать лекаря за то, что он дал возможность выжить раненым?

— Но разве его методы лечения не преступны? — запальчиво возразил вредный дедок, еще не остыв от спора.

Ли Мин напряглась, уже прокручивая в уме планы спасения старичков от казни и бегства с ними из клана.

— Разве посмею я перечить решению мудрейших, — тихо произнес Глава капризно скривив пухлые губы. — Так лекарь должен быть сурово наказан за свое ужасное злодеяние — спасение солдат клана? Стало быть я должен буду мужественно переносить отсутствие лекарств, которые готовит мне ныне этот преступник, как и вы свои приступы подагры, Третий Хранитель? О, не принимайте во внимание подобные пустяки, — и опершись на руку милой девушки, Глава покинул площадь в сопровождении Третьего мастера.

Ли Мин огляделась на возмущенно перешептывающихся людей, бросавших недобрые взгляды на Хранителей, а возле лекаря и мага встала стража клана с явным намерением помешать исполнению несправедливого приговора. Наконец, из толпы степенно вышел Старейшина деревни, что направился к Хранителям. Значит, не только ей показалось, что слово «мудрейшие» у Главы прозвучало как «полные кретины». Более решительного и ясного «нет», сказать было невозможно и Ли Мин ушла из Поместья со спокойной душой. М-да, задохлик Глава, конечно, отстоял ее старичков, но Ли Мин не хотелось, как-нибудь ненароком, попасть под его убийственную иронию.

Ни в этот вечер, ни в следующий она не показывалась в доме стариков. Ей было не по себе, что учитель чуть было не пострадал из-за нее. Зато на утро третьего дня он сам появился в пещере и отругав ее за лень, велел идти собирать мяту, кипрей репешок, спорыш и хвощ. Ох, как бы чего не позабыть!

А тем временем в Поместье случился переполох. После обеденного риса Глава вошел в кабинет и остановился. Доносящийся из сада аромат жасмина перебивал другой, более резкий запах. Посмотрев на палочку благовоний источающий дымок на его столе, Глава прикрыл рот и нос рукавом.

— Дафу, — окликнули его и резко обернувшись, он увидел Третьего мастера, приближающуюся к нему. Все так же прижимая рукав к лицу, Глава вдруг повалился на пол без чувств.

— Дафу? — перепугалась Третий мастер, затормошив неподвижно лежавшего Главу и в полный голос позвала: — Эй! Кто ни будь! Сюда! Главе плохо!

Когда в кабинет ворвался Цао стражник клана, она бросила ему:

— Беги за лекарем!

Но Цао, прежде чем кинуться выполнять ее приказ, пройдя к окну, выбросил тлеющую палочку благовоний и только потом вышел за двери. К кабинету через залу с Хоу, личным слугой Главы, торопилась и дочь казначея. Отважный Цао, прежде робевший перед ней, теперь решительно заступил ей дорогу.

— Воин? — вежливо кивнула дочь казначея, намереваясь обойти его. Но он взял ее за плечи, прижал спиной к стене, подойдя недопустимо близко.

— Что вы делаете? — шепотом возмутилась Ли Ло, не желая привлекать излишнего внимания других к тому что происходило с ней сейчас.

Слава Небесным богам, все были заняты дафу.

— Пустите меня! — взмолилась она еще тише. — Что-то случилось с Главой!

— Кто-то воскурил афродизиак в его покоях, который вдохнул и я, прежде чем выбросил палочку с благовониями за окно.

— Дафу надышался афродизиака?! — воскликнула девушка в ужасе. — Но... но кто мог сотворить такое?

Вместо ответа Цао вдруг порывисто прильнул губами к ее губам. Увернувшись от поцелуя, дочь казначея вырвавшись из его объятий, подбежала к столику и схватив кувшин с водой, выплеснула его в лицо воина.

— Извините, — переводя дух, проговорила она, прижимая кувшин к груди. — Я была вынуждена так поступить.

Обтекающий Цао провел ладонью по лицу.

— Это вы меня простите... — тяжело дыша, глухо отозвался. — Я повел себя глупо. Но вы мне очень нравитесь, а тут еще афродизиак...

— Не будем об этом, господин Цао. Все уже забыто, — поторопилась успокоить его барышня Ли Ло.

— Все забыто... — горько согласился мужчина.

— Что с дафу? Был ли в кабинете с ним кто-то еще? — продолжала между тем встревоженная дочь казначея.

— Там была Третий мастер... это она позвала на помощь...

— Вот как? — с заметным беспокойством и ревностью пробормотала девушка.

Мимо них быстро прошел лекарь Бин и она заторопилась вслед за ним, все же сказав Цао напоследок:

— Выпейте теплого чаю из мяты, молодой господин, вам станет лучше.

Цао кивнул и долго смотрел на дверь в которую вышла дочь казначея. Верный Хоу уже перенес Главу на кан, где устроил со всеми удобствами. Лекарь Бин послушав пульс, дал дочери казначея рецепт лекарства, который она должна была дать дафу, когда тот очнется.

— Но, что с ним случилось? — требовательно спросила Третий мастер не отходявшая от Главы, помогая Хоу устроить дафу на кане. — От чего он лишился чувств?

— Наш господин восприимчив к любым резким запахам от которых ему становится плохо, — степенно пояснил лекарь Бин, откланиваясь.

Вернувшись домой и застав у себя мага и Ли Мин, он поспешил поделиться с ними своей тревогой.

— Девицы, деля Главу, в конце концов, погубят его.

— Ты о чем? — отрешенно пробормотал маг, сидя за доской го, обдумывая очередной ход и как понятнее объяснить его умирающей от скуки Ли Мин, что сидела напротив.

— О том, что либо Третий мастер, либо барышня Ли Ло воскурила в кабинете Главы афродизиак. Они со своей влюбленностью отбрасывают годы моего лечения в никуда.

Ли Мин тут же отвлеклась на столь интересное обсуждение, мигом стряхнув сонливость.

— Кто из девиц мог поступить столь безрассудно, — передвинув камень по доске,

отрешенно спросил маг.

— Судя по решительности, это могла быть Третий мастер. Дочь казначея деликатна и воспитана и не посмеет навязываться столь откровенным образом.

В это же время, едва Хоу вышел за дверь, оставив Главу под присмотром двух барышень, дочь казначея заступила дорогу Третьему мастеру.

— Ты переходишь все границы, — сухо проговорила она. — Неужели, чтобы добиться своего, ты решилась на подобное бесстыдство? Правда веришь, что это удержал бы Главу возле тебя?

— Тебя не должны касаться наши с Главой отношения. Ты здесь недавно, не принадлежишь нашему клану и всем чужая. Не надейся, что дафу проявит к тебе внимание.

Поместье и Снежные Листопады были обеспокоены состоянием Главы, когда разлетелся слух о его внезапном обмороке, и вполне закономерно, что именно эта обеспокоенность, привела одного из Хранителей следующим утром в кабинет дафу. Когда мудрейший вошел, не скрывая своего возмущения, Глава медленно поднял на него взор от свитка, который читал. Выглядел Глава неважно, точнее хуже чем «неважно», что заставило Хранителя воздержаться от резких реплик, которые едва сдерживал. Бледное лицо Главы имело землистый оттенок, под глазами лежали темные тени. Рядом с ним сидела Ли Ло — дочь казначея, поднявшаяся при виде вошедшего и почтительно поприветствовавшая Хранителя. После, сев на свое место, она подлила Главе чай в нефритовую чашу из чайника белого фарфора. Хранитель сдерживаясь, негромко начал:

— Дафу, не знаю докладывали вам или нет о вчерашнем безобразном скандале на деревенском рынке, но мы не можем оставить без внимания пренебрежения к правилам и устоям нашего клана.

Глава поднес чашу с чаем к бескровным губам, тогда как дочь казначея спросила утреннего визитера:

— Вы имеете ввиду разногласие Третьего мастера и ученицы лекаря?

— Вот именно! — не выдержав запальчиво воскликнул Второй Хранитель. — Подобную разнузданность необходимо немедленно пресекать, а то доходит до того, что какая-то деревенщина посмела раздуть скандал на людях, унизив офицера клана.

Глава склонил голову на бок, проявляя тем слабый интерес.

— Но даже если принять во внимание причину драки двух девиц, — продолжал Хранитель. — То причина еще безобразнее последствий. Вы дали приют и покровительство магу и лекарю, закрыв глаза на их беспутную связь. Что с того, что Третий мастер справедливо указала на этот возмутительный факт ученице лекаря. В ответ простолюдника посмела дать волю рукам. Возмутительно!

— Что вы предлагаете? — утомленно спросил Глава, прикрыв глаза, словно не силах смотреть на возмущенного Хранителя...

— Необходимо избавить клан от носителя раздора и беспорядка. Следует блюсти нормы благопристойности, потому я и призываю к строгости!

Дочь казначея обеспокоенно и вопрошающе взглянула на Главу и когда тот кивнул, произнесла:

— Ученица лекаря — не собака, чтобы без всякого повода набрасываться на кого-либо с кулаками и бранью. Пусть она не знатного происхождения, но кто бы позволил оскорблять своих близких во всеуслышание. К тому же, Третий мастер позволила себе намеренно задеть ее в очень резких выражениях. Не в том ли первопричина их скандала?

— Если каждый низкорожденный начнет высказывать все, что ему не нравится, наступит хаос, — хмыкнул Второй Хранитель. — Вся эта нелепица наносит непоправимый урон престижу нашего клана. Таким порочным людям как эти трое: лекарю, магу и их ученице не место среди нас. Они не должны бросать тень на снежную чистоту нашего клана.

Глава подобрал рукав аккуратно взял чашу с чаем.

— Что ж, тогда вместе с лекарем, магом и его ученицей выгоним заодно Яна Ли за то, что был заядлым игроком и проигрывал деньги клана. И распутника Фана и пьяницу У Дай, они то же не достойны нашей безупречной репутации, — согласился Глава, делая из чашки глоток, ставя на столик и зябко пряча руки в широкие рукава теплого стеганного халата.

— Да и почтенную Лао Гао неплохо было бы тогда прогнать, — подсказала барышня Ли Ло. — Ведь она во времена своей молодости работала в доме увеселений.

Второй Хранитель молчал, потому что сказать ему было нечего.

— Пусть мы погорячившись, поторопились с решением судьбы этих троих. Однако вы должны сделать должное внушение этой девице, — наконец хмуро объявил он и, потрянув рукавом, недовольно удалился.

А дело было в том, что накануне утром Ли Мин отправилась на небольшой деревенский рынок, что торговал возле стен Поместья. Туда сельчане привозили овощи, зелень, фрукты и собственные заготовки, вплоть до выпечки. Ли Мин ходила от прилавка к прилавку, от лотка к лотку раскланиваясь и здороваясь со знакомыми, а в Снежных Листопадах знакомцами у нее был чуть ли не каждый, пока не услышала позади себя насмешливое:

— Спрашиваешь, кто пленил безлицега? Ты про девку у которой даже нет имени? А знаешь почему? Потому, что она не знает своих родителей и растила ее эта парочка «надкушенных персиков». Как тут можно стать нормальной? — за этими словами последовал нарочито громкий хохот.

Кровь бросилась в голову Ли Мин, она узнала этот голос. До этого момента она спокойно относилась к оскорблениям Третьего мастера, — что с дуры возьмешь? — сейчас до Ли Мин ясно дошло, чьими стараниями маг, лекарь и она стали в клане «изгоями». Ли Мин повернулась к Третьему мастеру, шествующей вдоль торгового ряда с двумя сопровождавшими ее воинами-учениками из ее отряда. В этот день подошла очередь ее отряда Пяти Лотосов присматривать за порядком на рынке. Ну, так будет ей порядок! Ли Мин уже давно было обидно за своих стариков. Она видела, что чем незаметнее они старались держаться, тем больше подвергались молчаливому осуждению, холодному отчуждению, а то и издевательским нападкам со стороны Поместья.

— Что? — дойдя до Ли Мин остановилась перед ней Третий Мастер высокомерно поглядывая с улыбкой превосходства

Ли Мин уже порядком коробила заносчивость некоторых адептов клана, отчего-то решивших, что они выше каких-то деревенских, чья безопасность зависела от их воинского мастерства, а потому должны были опускать глаза при встрече с ними и не обговаривать приказы из Поместья. Но таких бесючих было немного и Третий мастер была во главе этих немногих. Ли Мин не стала отвечать на ее вопрос и что-то объяснять. Третий мастер прекрасно понимала что делает и делала это намеренно. Поэтому Ли Мин просто от души отвесила ей звонкую оплеуху. Ученики Третьего мастера обомлели и, потерявшись, не знали, что делать, как поступить. Разговоры вокруг стихли. Третий мастер задохнувшись от неожиданности и хлесткой боли, схватилась за меч. И вот тут-то Ли Мин с мстительным упоением, кошкой вцепилась ей в волосы. Та бросив меч, успела обхватить запястья Ли Мин,

пыталась отодрать ее от себя. Но чем сильнее старалась, тем громче орала и ругалась Ли Мин, сильнее дергая Третьего мастера за волосы. Стоило Третьему мастеру начать лягаться, как сразу же об этом забывала, визжа от нестерпимой боли. Рынок стянулся к месту потасовки. Торговля была позабыта, как и покупки. Положение спасли примчавшиеся бойцы отряда Второго мастера.

Не долго думая офицер, что бы унять взбесившихся девиц, несильно вытянул Ли Мин плеткой по спине и, наконец, развел разъяренных растрепанных девиц в разные стороны. Ли Мин, которую удерживали двое воинов, смотрела на соперницу с торжествующим злорадством. На Третьего мастера вообще жалко было взглянуть. На голове черт знает что, багровое лицо в слезах и соплях. Ну и где ее улыбка превосходства?! Вот честно, сейчас эта первая красавица была похожа на пугало.

— Дрянь! — взвизгнула Ся Гэ, беспомощно хватаясь за меч дрожащей рукой, в толпе слышалось хихиканье.

Из уважения к Третьему мастеру, люди сдерживаясь от открытого смеха, тихо переговаривались. А что бы она не наделала глупостей офицера схватили за руки, удерживая на месте. Между разгоряченными дракой девицами встал Пэн Хэн.

— Успокойтесь, — потребовал он от них.

— Я этого так не оставлю! — рванулась Третий мастер, гневно сверкая глазами.

— Рот закрой! — резко посоветовала Ли Мин. — Дольше проживешь!

— Вы слышали?! Все это слышали?! Она мне угрожает!

— Угломонитесь! — велел Пэн Хэн, сдерживая улыбку.

В каком бы раздразе чувств не пребывала Ся Гэ, но она почувствовала, что симпатии людей не в ее пользу.

— Не думай, что это сойдет тебе с рук, — многообещающе прошипела она.

— Ага, — кивнула Ли Мин, забивая последний гвоздь в гроб ее репутации. — Беги жалуйся папочке!

— Знаешь кто ее учитель? — спросил Ли Мин, подошедший к ней Пэн Хэн, когда Третий мастер удалилась с оскорбленным видом. — Ее учитель — Первый мастер, он же Глава клана, так что приготовься к последствиям.

— Да пофиг! — с вызовом ответила все еще взвинченная дракой Ли Мин, забирая корзинку с овощами, которую ей услужливо протянул торговец Сяо на чьем лотке она ее оставила.

Возвращаясь к дому лекаря, она, успокоившись, подумала, что, наверное, погорячилась, дав выход эмоциям. Не она ли обещала самой себе нигде здесь не светиться? И хоть от души наградила себя заслуженным тумачком по лбу, все же чувствовала удовлетворение от заданной Ся Гэ трепке. Достала уже!

Ее старички три дня пребывали в беспечном неведении, а вечером третьего дня лекарь Бин носился за Ли Мин с неизменной «воспитательной» палкой, и маг опять старательно путался у него под ногами, уговаривая успокоиться.

Казематное ущелье

— Пусть твои слова правда, но ты должна знать, кто ты и кому можешь их говорить, — терпеливо увещевал маг Ли Мин после того как она и лекарь набегались по двору и все трое, утомившись, сидели во дворе дома Фэй Я.

— Да? — огрызнулась Ли Мин. — Только из-за своего положения и статуса Третий мастер не должна знать, что она стерва?

— Ты ниже ее по статусу и тем более младше меня, что бы говорить подобное настолько вызывающе! — вновь взревел едва отдышавшийся лекарь.

— Этот ваш статус как фартучек, которым прикрывают свое бессилие и заурядность, но от этого ничегошеньки не измениться! — не сдавалась Ли Мин, продолжая вовсю дерзить. — Человек как был дураком, так им и останется какое бы высокое положение он ни занимал.

Но лекарь Бин, набегавшись за Ли Мин по двору, уже не имел сил спорить с ней и сидит на чурбаке, на котором кололи дрова, лишь погрозил ей «воспитательной» палкой.

— Ты права, не тот орел кто высоко летает, а тот кто падаль не клюет, но ты не переделаешь этот мир, — вздохнув, покачал он головой. — И тебе нужен хороший урок.

— И почему это я не могу ей возразить?! — фыркнула Ли Мин, устраиваясь рядом с ним. — Неблаговидного поступка сторониться должен каждый, несмотря на статус и какое-то там условное положение. Чем выше статус, тем строже должен человек следить за своими поступками. Не это ли первейшее правило конфуцианства? — вдруг выдала она.

Старики переглянулись. Похоже, эта девчонка, помимо того, что язык у нее подвешен, еще и хорошо образована.

— Конфуцианство — идеал, а мы живем в греховном, мире и твои слова, как и возмущение лишь пустое сотрясение воздуха, и повод для того, чтобы наказать именно тебя, а не того кто выше и сильнее, — назидательно проговорил учитель. — Если бы те же самые слова ей сказал Глава, она бы даже не посмела возразить, а вот ты ей не указ.

— Ну, прекрасно! Я, что, должна ябедничать на нее! — хмыкнула Ли Мин. — Вместо того, что бы дать ей шанс не выглядеть идиоткой в глазах вашего Главы, я должна стучать на нее?

— Что толку спорить, — поспешил вмешаться маг, почуяв, что сейчас самое время мирно развести спорящих. — Ли Мин, девочка, просто прими это и все.

— Нечего тут... прохлаждаться, — разворчался лекарь, — ступай в лес и принеси дикой мяты.

В лесу, где неприкаянно бродила Ли Мин ее нашел Второй мастер.

— Вот ты где... — подошел он, остановившись над ней. — Что делаешь?

— Дурью маюсь... — мрачно буркнула Ли Мин, сидя на земле и жуя травинку.

— Сердишься на меня?

— С чего бы?

— Что не заступился и вытянул тебя плеткой. Но так было нужно, иначе Ся Гэ тебя со свету сживет.

— Да пофиг...

— Поссорилась со старшими?

— С чего ты взял?

— Они тоже сердитые и ворчат на тебя, — добродушно проговорил Второй мастер, садясь в траву рядом. — Вы похожи с Гэ Ся, — выдал вдруг он.

— Чем это? — чуть ли не подскочила на месте, оскорбленная Ли Мин.

— Вам обоим чуждо послушание, и вы обе позабыли, что для девицы это главная добродетель. Ну Третья понятно, она воин, но вот ты...

— А чего сразу я? — возмутилась Ли Мин задетая за живое.

— ...делаешь то, что на ум взбредет, — закончил смеясь Второй мастер.

— А ты знаешь, как трудно иногда слушаться моих старичков?! Один одно требует, второй прямо противоположное. И как мне быть? Кого слушать, если никого из них обидеть не хочется. Знаешь какие они ревнивые и обидчивые? Пропустишь мимо ушей слова одного, послушавшись другого, так тот долго дуться будет и молчать. А я никого из них не хочу обижать.

Второй мастер заулыбался.

— Нелегко тебе, но тут для тебя есть один выход. У женщин может быть лишь один господин и это ее муж.

Ли Мин скривилась. Для нее это был ни разу не выход.

— Скажи, какой мужчина может заставить тебя слушаться? — Меж тем, развивал тему Пэн Хэн: — Властный или покладистый, молодой или много старше тебя, богатый или среднего достатка?

— А, — отмахнулась Ли Мин, — кого полюблю того и буду слушать. Отстань. Последние три дня и так были для меня травмоопасные — болела нога, потому что укусила мошка, руку разодрала в кровь, стёрла другую ногу, поцарапала щёку и ухо. И мало того, что с Третьим мастером подралась, так еще и от тебя плеткой получила, предатель!

Пэн Хэн засмеялся. Он видел, что девчонка просто отводит душу и на него не сердиться и это было главным.

На следующий день лекаря Бина ни свет ни заря поднял с постели посланец из Поместья. Главе стало плохо от душившего его кашля, которым он просто заходиллся. Лекарь, наспех одевшись, чуть ли не бежал за посыльным, торопившимся обратно в Поместье. А вскоре после его ухода к дому лекаря явились воины Третьего мастера, заявив, что им велено сопровождать Ли Мин к Хранителям. Повинуясь приказу, Ли Мин с независимым видом последовала за ними. Она уже поняла, что намечается показательная порка из-за скандала с Третьим мастером на деревенском рынке, но не ожидала, что все свалят лишь на нее, обвинив, чуть ли не во всех бедах, когда-либо постигших клан.

Третий мастер при мече в красных одеждах, при полном параде, ожидала в Павильоне Небесной Справедливости, стоя перед тремя Хранителями. Ли Мин было жестом указано встать рядом с ней и как только она присоединилась к недавно поверженной противнице, как на нее обрушился поток обвинений, нравоучений, наставлений всех Хранителей скопом и по отдельности.

Но ни единого словечка не было сказано Третьему мастеру, стоявшей с самоуверенным видом, будто и не ее вчера оттащали за волосы. Последней каплей стал снисходительный совет Третьего Хранителя, елейного старичка, заявившего Ли Мин:

— Ты должна отчетливо понимать свое место, как и то, что не имеешь права возмущаться и выговаривать Третьему мастеру, которая выше тебя по положению.

И тут планка у Ли Мин упала.

— В общем так, — сказала она спокойно едва елейный Хранитель замолчал: — Мне пофиг, статус у нее или в каком она там положении. Еще раз брякнет гадость про мага и лекаря Бина, огребет по полной.

— Да как ты смеешь! — тут же взвилась Третий мастер и, развернувшись к ней, угрожающе стиснула рукоять своего меча.

Ли Мин смерила ее оценивающим взглядом. Эта Третий мастер вконец охамела, почувствовав поддержку Хранителей.

— А почему ты считаешь нужным унижать простых незащищенных людей? — поинтересовалась Ли Мин с обманчивым спокойствием, сдув с лица выбившуюся из высокого хвоста, длинную прядь. — Только лишь потому, что не работаешь на земле, а машешь мечом? Кажется, твое предназначение защищать, занимающихся тяжелым трудом, а не оскорблять их.

— Да, ты опять за свое? — хором зашлись в праведном гневе Хранители. — Кем это ты себя возомнила?!

— А я когда хорошая, то очень хорошая. Но когда я плохая, я еще лучше, — поклонилась им Ли Мин, вызвав своим ответом их недоумение.

Тогда как Третий мастер талдычила как заведенная:

— Как смеет возражать Хранителям такое ничтожество. Ты должна молча внимать и виниться в своих проступках.

Нет, так дело не пойдет! Конечно, для Ли Мин как для китайки была свойственна вежливость и почтение к старшим, и она бы покорно выслушала несправедливые нотации Хранителей, даже поддакнув им, но не при Ся Гэ же. Ли Мин не бодхисатва, чтобы прощать кому ни попадя. И, потом, она знала, что хамили от безнаказанности, чтобы подавить всякое возражение или когда не могли судить вразумительно и справедливо. Сказать-то нечего вот и унижают демонстративно и агрессивно, стараясь поставить Ли Мин на место, да так, чтобы она прониклась тем, какое она перед ними ничтожество. Ли Мин не хотела вставать на указанное ей место и проникаться значимостью высокомерных Хранителей, как и просить прощения у туповатой наглой девки лишь потому, что она офицер клана.

— Да вот видишь, смею, — хмыкнула Ли Мин, являя полный контраст с тщательно одетой и причесанной Третьим мастером своей растрепанностью, мятыми штанами и кофтой из грубой холстины. — Потому что если не посметь, то вы, деревенских за людей считать перестанете!

— Что это? — с надменной усмешкой бросила Третий мастер, взглянув в сторону Хранителей. — Нам будет указывать какая-то бродяжка, взявшаяся невесть откуда?

— Чванство еще никогда не прибавляло достоинства и благородства, ученица Ся Гэ, — раздался тихий голос.

Присутствующие повернулись в сторону распахнутых дверей, где стоял давешний чахлый молодой человек с бледным лицом, запавшими глазами, кутаясь в теплый, подбитый лисьим мехом плащ. Позади него маячил неотступной тенью встревоженный лекарь Бин и дочь казначея пытавшаяся поддержать Главу под руку. Она и Третий мастер сухо кивнули друг другу.

— Что здесь происходит? Вы кричите так, что вас слышно на площади Поместья, — глухо поинтересовался Глава.

— Господин, — поспешно прошептал ему лекарь Бин. — Я строго отчитал свою ученицу за недопустимое поведение и наказал...

— Разве можно спускать, что бы какая-то простолюдинка смела поднять руку на офицера клана?!

Болезненно выдохнув, Глава посмотрел на Хранителей. Жест! Лучше бы не поднимался с постели. Зомби и то выглядит лучше, а еще эта его иронично ядовитая улыбочка в придачу. Вот чем не пара Третьему мастеру с ее лицом схожим на морду персидского кота с коротким приплюснутым носом и упруго выпирающими щеками. И как между ними затесалась, похожая на эльфа, дочь казначея?

— Глава, вам не следовало тревожить себя и выходить к нам, — мягко попенял ему благообразный Первый Хранитель. — Мы бы все решили, не тревожа вас подобными пустяками.

— Пустяками? — по осунувшемуся лиц Главы зазмеилась эта его вампирская улыбочка. — Так вы, почтенные, похоже решили воспользоваться моим недомоганием, чтобы свершить скорый суд?

Хранители переглянулись, чувствуя неловкость. Глава, хоть и слабый от набравшей силу болезни, пер на них как тяжелая колесница.

— Господин, — выступила вперед Ся Гэ, сразу став примерной обиженной девочкой. — Вы здесь, чтобы защитить какую-то простолюдинку?

— Я здесь потому, что вы решились вершить суд тайком, в обход меня, — сухо оборвал ее дафу. — Что противоречит правилам и Уставу клана. А то, что простолюдинка дерзко указывает мудрейшим Хранителям и смеет нападать на мастера боевых искусств, унижает клан, — тихо проговорил он, выходя на середину зала. — Это ясно говорит, что мы не имеем авторитета в деревне и с этим следует разобраться. Но мы будем говорить со старейшинами деревни, а не со вздорной девицей.

Ли Мин аж рот открыла — вот это наезд и опять на нее! И ведь не поспоришь.

— А скажите мне, — не собиралась отступать она, несмотря на устало неприязненный взгляд задохлика Главы, понимая, что тут никто не встанет на ее защиту, наоборот, вся свора сейчас накинется на нее. — Почему клан устроил свое Помесье именно на горе Доуфань? Да потому что здесь уже была деревня. Клан, хоть и искал уединения, но обосновался рядом со Снежными Листопадами, чтобы было кому делать за адептов черную работу, пока они машут себе мечами, изучая боевые приемчики, да духовные практики. Исчезни Помесье и Снежные Листопады ничего не потеряют. Город всегда защитит их. А вот Помесье загнется и зачахнет без сельчан: кто же тогда будет кормить их? Вот и выходит, что деревня без Помесья проживет всегда, но Помесье без деревни вряд ли.

Глава поднял руку, призывая к тишине ее и возмущенно загалдевших Хранителей и когда она умолкла, закашлялся. Дочь казначея и Третий мастер одновременно подались к нему.

— Помесье несколько не умоляет значение Снежных Листопадов, — едва слышно заявил он, переводя дух и глядя на свой перепачканный кровью платок, который только что прижимал ко рту. — Я лишь призываю не тратить попусту слов, не имеет смысла разговаривать о столь важных вещах, с такой как ты. Прояви уважение к Совету Просветленных.

«С чего бы? Если они, сами никого не уважают?» — подумалось Ли Мин, но она благоразумно промолчала. Глава не пожелал присесть в кресло к которому его подвели дочь казначея и елейно услужливый Третий Хранитель, отеснивший лекаря Бина, что остался стоять у дверей зала.

— Ученицу лекаря надлежит как следует проучить за ее грубость и оскорбительное поведение! — объявил свой приговор Глава.

Хранители дружно закивали, Третий мастер торжествующе улыбнулась, бросив на Ли Мин уничижающий взгляд, как на надоедливую мошку, которую, наконец-то, удалось прихлопнуть. Тогда как рядом с Ли Мин появились стражники. «Ой, да кто бы сомневался», — в досаде поджала губы Ли Мин.

— Прошу всех помнить, — продолжал нудить Глава слабым голосом, — что Поместье и деревня многое пережили вместе. И нельзя унижать простолудинов, умаляя их значение для нас. Наши деревенские соседи тактично не замечают грубости и зазнайства некоторых адептов клана. Но главное, что Поместье и Снежные Листопады испокон веков жили в согласии, всегда приходя на помощь друг другу. И я не понимаю, почему некоторые считают нужным выказывать по отношению к ним какое бы то ни было высокомерие или открытое пренебрежение, — и сдержав очередной приступ кашля, сдавленно закончил: — Прошу почтенных Хранителей учесть это и должным образом наставлять учеников, дабы никто из них, впредь, не подводил своего мастера.

И закашлялся тяжелым раздирающим кашлем. Его последние слова были явно адресованы Третьему мастеру с намеком на то, что она своим заносчивым поведением подвела его, как учителя и своим поведением вызвала скандал.

— Ученица лекаря должна осознать свои ошибки, — проговорил Глава сдавлено. — А потому для ее же блага, ей следует взглянуть на Казематное ущелье, что бы понять, что ее ждет в случае неповиновения.

Стоявшие по бокам от Ли Мин стражники грубо схватили ее за руки и бесцеремонно выведя из Павильона Небесного Правосудия, повели в сторону от площади, на задворки Поместья, где подтащили к скалистому темному ущелью, в котором днем и ночью в любое время года, тоскливо завывал и свистел ураганный ветер.

Прелесть этого места заключалось в том, что пленника на ременной петле спускали на небольшой уступ скалы поднимающейся и уходящей вниз отвесной стеной, так что приговоренный все время был вынужден бороться, то с набиравшим силу, то утихающим ветром. Вниз лучше было не смотреть, потому что любопытствующие тот час летели в бездонную пропасть от тошноты и головокружения. Все силы заключенного уходили на то, чтобы удержаться на скалистом пяточке, но такое удавалось не многим. Заканчивалось все тем, что ослабевших от страха высоты, потерявших ориентацию в пространстве людей, либо сметало с небольшого уступа, либо они сами кидались вниз.

Ли Мин недоумевала, что это за показ такой, что ее с отвесного обрыва опустили на этот самый злосчастный пяточок? Она слышала, что в Казематное ущелье отводили лишь убийц, да виновных в измене клану. Видимо выдранный у Третьего мастера клочок волос был по тяжести свершенного сравним с убийством. Но фига с два она будет просить пощады. Встав на корточки Ли Мин кое — как непослушными от страха пальцами отцепила петлю, которую с хохотом дергали сверху стражники, так что она от резкого рывка рисковала слететь вниз, и сразу прижалась спиной к камню, дрожа всем телом, преодолевая панику и тошноту.

Внизу была даже не пропасть, а какая-то бесконечность терявшаяся во мгле, а сверху ущелье накрывало мглистое небо с клубящимися тучами. И глаза нельзя закрыть, вмиг свалишься вниз или ветер сорвет. А за что здесь можно было держаться? Ой, мамочка, где-е ты-ы! Скалистый пяточок на котором держалась едва живая от страха Ли Мин, размером

напоминал небольшую циновку для сидения. Сядешь на него и только смотри, чтоб тебя не удудло. Надо собрать мозги и подумать. Вот же болезный ее приговорил... Да что за фигня происходит с ее судьбой?

Как так получилось, что она стала выразителем протеста целой деревни о котором ее никто не просил. Ведь даже сомнений не было, что Поместье примет сторону Третьего мастера. Теперь ей уготована одна участь — умереть. Фигушки! Не дождетесь! Ли Мин чувствовала, что коченеет от обдувавших ее порывов колючего ветра, с каждой секундой набиравшего силу, словно радуясь появившейся жертве. Единственное, что ей оставалось, хоть взором, но зацепиться за камни. И чем пристальнее и дольше она смотрела в одну точку — на расстоянии нескольких ли, тем яснее осознавала, что в камнях стены что-то движется. Вот уже начались галлюцинации...

Ли Мин закрыла глаза, прижав ладони к камню возле себя и досчитала до десяти. Открыла глаза. Стена как стена, ничего особенного. Но едва она вперила взгляд в ту же точку на ней, как камни стали медленно двигаться. Лучше не смотреть! А ветер усилился, налетая на нее редкими, но мощными порывами и, мало того, что был холодным и злым, так еще и толкал ее словно ладонями и будто сварливо бранился. Она прислушалась в самом деле различая визг и выкрики.

— Кажется у тебя ко мне какие-то претензии?! — не выдержав выкрикнула она. — Я же тут только что появилась и не по своей воле. Чем тебя обидеть успела?!

— У-у-у... — затянул ветер, став по силе схожим на сквозняк.

— Чем я тебе мешаю? Просто сижу и смотрю... — начала было объясняться Ли Мин и внезапно до нее дошло, — ...и смотрю... хорошо... я смотрю... смотрю! — выкрикнула она и уставилась в знакомую точку на стене.

Камни на ней начали передвигаться, меняясь местами, словно в калейдоскопе и чтобы ее сознание не было полностью втянуто в непонятную магию, Ли Мин принялась напевать мелодию, отдавая пению часть своего внимания. Ничего себе здесь резонанс. Такое эхо! Но замолчав, услышала, что мотив продолжает разноситься по всему ущелью.

— Фальшивишь, — пробормотала она и была услышана.

В ущелье наступила тишина, Ли Мин, не отрывая взгляда от стены, начала снова напевать. У ее уха просвистел тот же мотив.

— Ага, — кивнула Ли Мин, вжимаясь спиной в скалу. — Все верно.

Камни в стене напротив задвигались, как будто радуясь похвале.

— Божечки, — нервно хихикнула Ли Мин. — Дожила! Я разговариваю со стеной.

— У-у-у... — насмешливо прогудело возле щеки.

— Спеть еще?

— А-а-а... — радостно отозвалось от скал.

Ли Мин спела уже три песни из современной попсы. Ущелье молчало, а камни едва двигались. Но когда Ли Мин спела шлягер пятидесятилетней давности, ущелье оживилось. Ветер слабо вихрясь вокруг, играя, поднимал ее волосы, принялся «подпевать», а стена напротив задвигалась, каменной гримасой выражая свое удовольствие. Так они и «пели» и Ли Мин так увлеклась, что чуть не слетела с «каменной циновки», но «ладони» ветра обхватив ее, удержали на месте.

— Эй! — раздалось сверху с утеса. — Ты жива?!

— Да! — выкрикнула Ли Мин. — А что?!

— Лови! — крикнули ей. — Тебе отменяют наказание!

— Фу-у-у... — разочарованно повеяло вокруг прохладой.

— Послушайте! Эй... дайте мне еще полчаса. Хорошо?

— Тебе ум не выдуло, пока сидела тут?! Скала разум отняла?!

— Ребята, приходите через полчаса! — крикнула она в ответ. — Этого хватит? — спросила она в сторону скалы, с которой «спелась».

— Ы-ы-ы... — радостно засвистело вокруг, камни на ней разошлись в виде солнечных лучей.

— Тогда давай смотреть репертуар, — предложила Ли Мин, когда головы стражников исчезли за краем обрыва. — Что тебе хочется: веселое, задорное? Колыбельную? Грустную и мелодичную?

— Ха-а-а!

— Ладно, — тут же согласилась Ли Мин. — Все так все. Думаю времени нам хватит.

— А-а-а-а-а-у-у-у-и-и-и...

— И-и-и... началась дискотека! — подхватила с азартом добровольная узница.

И она перебирала, исполняя тот немалый репертуар, который знала. Казематному ущелью не нравились современные песни, а вот старые шли на ура.

Когда через полчаса за ней явились, то увидели уже поджидавшую их на краю обрыва Ли Мин.

— А как ты... это...? — придя в себя начали стражники Третьего отряда, переглянувшись.

— Долго объяснять, — устало отмахнулась Ли Мин.

Слишком много усилий ушло на то, чтобы балансируя на скалистом пяточке, петь во все горло, развлекая Казематное ущелье. Зато, награда за ее труды оказалась приятной.

Ветер ущелья вдруг подхватил ее и невероятной силой, удерживая над уходящей вниз бездной, вознес на край утеса, покачивая в своих упругих воздушных ладонях. Приятный бонус, что и говорить.

Ее привели в павильон на окраине Поместья и закрыли в пустой светлой комнате. Ли Мин с наслаждением упала на пол и перевернувшись на спину, раскинула руки. О Небо! Как же все надежно. Замок щелкнул, дверь открылась и вошла Ли Ло с корзиной в которой принесла обед для Ли Мин. Посмотрев друг на друга, девушки засмеялись.

— Ты такая безрассудная! — покачала головой дочь казначея, улыбаясь. — Из-за тебя Третий мастер надолго потеряла свое лицо. Если тебя это утешит, то она тоже заключена под стражу.

— За что? За поганый язык? — предположила, приятно удивившаяся Ли Мин, уплетая за обе щеки булочки-баядцзы, которые выложила перед ней Ли Ло.

— Нет, — покачала головой девушка, достав пузатый чайничек и холодную курицу. — Глава наказал ее как учитель за то, что дала себя побить, но больше за то, что ослушалась его приказа, бросив тебя в Казематное ущелье, вместо того, чтобы просто подвести к нему и показать. Тут и Хранители ничего не смогли для нее сделать. Глава указал советникам, что наказание не соответствует вине ученице лекаря и Третий мастер просидит взаперти дня три.

Еще немного поболтав, девушки распрощались: Ли Ло вернулась к расхворавшемуся Главе, а Ли Мин отправилась домой.

Ли Ло умолчала о том, что именно ей Ли Мин обязана своим спасением. Дочь казначея была честна с собой, зная, что заступилась за ученицу лекаря не потому, что непременно

хотела спасти ее, а вопику Третьему мастеру.

А дело было так.

После судилища над Ли Мин, Ли Ло, заметив знак, что украдкой подала Ся Гэ своим подчиненным, уведившим осужденную, тот час обратилась к Главе:

— Господин, вас всегда отличала справедливость и не настолько вы жестокосердны, чтобы за незначительную провинность, карать свою подданную как за тяжкое преступление.

— Вы о чем? — поднял на нее утомленный взгляд Глава.

— Ученица лекаря — смутьянка! Она выказала свое неповиновение, призывала к открытому мятежу против вас, — тут же встряла Третий мастер, которую распирало от гнева. — Это не провинность, это преступление!

— Господин, — поспешила ответить на невысказанный вопрос дафу Ли Ло, игнорируя выпад Ся Гэ. — Какие угрозы могут представлять сказанные в запале слова девчонки?

Глава нахмурился, сиюсь понять о чем вообще спорят эти двое.

— Ученицу лекаря следует хорошенько наказать за ее дерзость! — гнула свое Третий мастер.

— Но не кажется ли тебе, сестрица, что заключение в Казематном ущелье на сутки слишком суровы для, пусть и дерзкой, девчонки. Она не продержится и четверти часа.

— И поделом ей!

— Она до сих пор в Казематном ущелье? — тихо изумился Глава. — Разве я не велел просто показать ей его для устрашения? — повернулся он к Третьему мастеру.

— Но... — начала та.

— Немедленно освободить ученицу лекаря! — последовал едва слышный, но твердый приказ. — Я не столь расточителен, чтобы попусту терять людей клана...

За Ли Минут же послали стражника и пока он не вернулся в зал Небесной Справедливости там стояло гнетущее молчание.

— Глава, — доложил стремительно вошедший стражник. — Ученица лекаря жива, но просит оставить ее в Казематном ущелье еще на полчаса.

— Вот как? — озадачился дафу, поняв, что устрашение Казематным ущельем ничуть не подействовало на провинившуюся и ровно произнес свой приговор:

— Казематное ущелье не признало ее виновной, ведь оно губит лишь действительно людей порочных и убийц.

Ни дафу, ни Ли Ло, ни Ся Гэ не догадывались, что Ли Мин сама нещадно корила и казнила сама себя. Вот как так получилось, что она отметилась здесь, везде где только можно. Или еще не везде? Ведь зарекалась никуда не влезать! Ну что с дуры возьмешь! Известно ведь, что кретинизм не лечится. Ли Мин шла к пещере, не заходя к старикам, хотелось побыть одной. Но у начала тропы ее ждал Второй мастер. Когда она появилась, он поднялся с валуна, на котором сидел, дожидаясь ее вот уже полдня.

— Как поживаете? — поприветствовала его Ли Мин.

— Я искал тебя, — перебил он, с тревогой вглядываясь в осунувшееся лицо девушки. — О тебе болтают разное... Говорят по милости Главы, тебя бросили в Казематное ущелье. Но разве это может быть правдой?

Видя, насколько он серьезен Ли Мин перестала улыбаться.

— Да все норм, а у тебя что случилось-то?

— Пропал старик Бао... и я прошу тебя, будь осмотрительна, — тихо попросил ее Второй мастер, приноравливая свой шаг к ее и держась рядом. — Ведь ты живешь в столь

безлюдном месте вдали от деревни и от Поместья. Говорят, старый Бао ушел в лес и заблудился, позабыв дорогу к дому.

— Его найдут, не беспокойся, — успокоила его тревогу девушка.

— Не думаю, — покачал головой Пэн Хэн. — Такое уже не раз случалось.

Ли Мин задумалась, а потом спросила:

— Его вообще собираются искать?

— Нет.

— И что это за фигня? — нахмурилась Ли Мин. — Я имею в виду, что все это значит?

— Здесь верят, что пропажа людей сулит еще один год спокойной жизни. Три луны назад так же пропала вдова Чэн с ребенком. Ушла в лес и не вернулась. Их не искали, уверяя, что это бесполезно, потому что их забирает Горный дух.

Зря она вступалась за Снежные Листопады.

— Здешние жители знают лес как свою собственную ладонь, — пожал плечами Пэн Хэн. — И тот же старый Бао если и потерял память, ноги сами бы вынесли его по знакомым тропам в деревню.

Ли Мин недоверчиво слушала.

— То есть ты говоришь, что люди вот так пропадали и до этого? — уточнила она.

— Да.

— И что их не искали, потому что они не должны были заблудиться?

— Да. Так заведено издавна.

— И никого это не напрягает?

— А почему это должно... напрягать? Ты имеешь в виду не должно... беспокоить?

— А тела пропавших находили?

— Чудная ты. Если их забрал Горный дух, кто же возьмет предназначенное ему?

— Давно это происходит?

— С тех пор как люди поселились здесь.

— И это устраивает вашего Главу? — начала она закипать.

— Поместье не вмешивается в дела деревни.

— М-да... Чувствуется, кое-кто неплохо здесь устроился, — фыркнула Ли Мин.

Похоже, Поместье отказывается выполнять даже свои обязанности защищать Снежные Листопады.

— Ты не веришь в это? — вернул ее мысли к разговору Второй мастер.

— Не то, что бы я в это не верила, меня это не на шутку беспокоит — хмыкнула Ли Мин думая, что она приговорена жить в пещере в безлюдном, глухом месте на целый год и пропади она как старик Бао, никто и не почешется искать, а кое-кто даже обрадуется.

— Боишься, что тоже можешь стать жертвой Горного духа? Но, похоже, он принял тебя, раз позволил обосноваться в пещере, — очень кстати успокоил ее Второй мастер.

— Да кто его спрашивать будет? — буркнула Ли Мин и перехватив недоуменный взгляд молодого офицера, пояснила: — Понимаешь, если эти случаи связать с безликими, получается не совсем хороший расклад.

— Как это может быть связано с безликими? — в свою очередь удивился молодой человек.

— Вот это и надо выяснить. Странно, что ваш Глава будучи все время начеку, не придает значения таким вещам, как регулярное исчезновение людей.

— Так ему и не докладывают. Это дела Снежных Листопадов.

— Слушай, а когда у клана начались терки с Сумеречными?

— Что начались? — не понял Второй мастер.

— Когда вы с Сумеречными начали враждовать? — отдельно, чуть ли не по слогам выговорила Ли Мин. — Боги, как с вами трудно общаться.

— Три лунных года назад, когда наш клан раскрыл существование Сумеречных, что тайно оказывал преступные услуги высокопоставленным интриганам.

— Это как?

— Сумеречные предоставляют желающим своих наемных убийц.

Ли Мин напомнила себе, что ее все это не должно касаться и она не имеет права влезать в здешние дела. Хватит, уже навлезалась! Но ведь нужно же обезопасить себя от всяких там безликих, чтобы дожить до следующего лета и позаботиться об этом должна она сама.

Второй мастер с некоторой тревогой посматривал на идущую рядом девушку. На ее лице было жирными иероглифами выведено: что-то задумано!

Три дня ушло у Ли Мин на осторожные расспросы о пропавших. В эти дни у нее находились неотложные дела в деревне. Обеспокоенные тем, что бы его подопечная чегонибудь не натворила без присмотра, уж очень подозрительно себя ведет, лекарь Бин поручал ей сбор трав. Девчонка ушла с утра, а вернулась под вечер с полной корзиной нужных растений, но вымотанная так, что у нее не хватало сил даже поесть.

И вот через пять дней, Второй мастер обходя со своим отрядом рыночные ряды в ярмарочный день, увидел вдруг Ли Мин, которую до этого все время высматривал. Пока маг и лекарь спорили с торговцем рыбой сбивая цену, которую тот бессовестно заломил, девушка стояла рядом с отрешенным видом, думая о своем.

— Ли Мин, — тихо позвали он ее.

Подняв взгляд и увидев Второго мастера, девушка обрадовалась:

— Наконец-то, я нашла тебя.

— Ты... искала меня? — изумленно пробормотал молодой человек, потерявшись вдруг от счастья.

— Ага! — кивнула она.

— Разве почтенные маг и лекарь не передали тебе мою весточку встретиться с тобой? — улыбаясь, покачал он головой. — Я два раза приходил к вам в усадьбу, надеясь увидеть тебя.

— Я ей лично передавал вашу просьбу, молодой господин, — сердито вмешался подошедший лекарь, старики уже выторговали рыбину, которую нанизанную на веревку нес маг. — Она же спала на ходу и вряд ли хоть словечко слышала из того, что я ей говорил.

— И я так же ей лично передавал ваше пожелание, что вы мне наказывали, — тоже без зазрения совести сливал ее маг. — Да разве ж в голове у этой недотепы, хоть что-то задержится?

Второй мастер поклонился, приветствуя почтенных старцев. Обменявшись незначущими замечаниями о погоде и видя, что Второй мастер не собирается отходить от Ли Мин, старики ушли вперед, останавливаясь то у одного прилавка, то у другого, так что вскоре молодые люди их вовсе потеряли в людской толчее, увлеченные своей проблемой.

— Для чего искала меня? — напомнил ей Второй мастер едва старички отошли от них. — Соскучилась?

— Я нашла ту хижину... Песчаную хижину, но одной туда соваться стремно. Можешь,

пойти со мной?

— Я не только пойду с тобой, я настаиваю, чтобы пойти с тобой.

— Пойдем вечером? — нетерпеливо спросила Ли Мин.

— Мой отряд сегодня и завтра дежурит. Так что пойти туда получится дня через два.

— Ну-у-у...

— Ли Мин! — забеспокоился Пэн Хэн.

— Да, да... я подожду...

Этим вечером маг ушел в пещеру, чтобы заняться «Иллюзией изменения черт», а Ли Мин на это время оставалась в его доме. Утром и в полдень, носила ему снедь, оставляя ее в корзине у входа, не смея заходить в пещеру, что бы не отвлекать мага, который жутко раздражался и кидался всем, что под руку подворачивалось.

Через два обещанных дня Второй мастер появился у ворот дома Фэй Я. Лекарь у себя занимался составлением лекарств и молодые люди были предоставлены самим себе, а потому беспрепятственно отправились в лес в сторону Песчаной хижины.

— Мне интересно, — говорил Второй мастер, — что ты делала в лесу, что забрела настолько далеко, что наткнулась на хижину?

До этого они разговаривали довольно беспечно и потому Ли Мин не ожидала столь коварного вопроса. Но Второй мастер был безотказен и все это время помогал ей, потому имел право на честные ответы.

— Искала тела пропавших, — призналась она.

— Их забрал Горный дух. Как бы ты их нашла? — озадачился молодой человек.

— Но ведь это нужно было проверить, правда? Тем более, после того, что мне рассказал маг.

— Что же, он тебе рассказал?

— Он теперь в пещере работает над «Иллюзией», а его начал тревожить Горный дух, он и меня не слабо достал уже. Маг говорит, что Горный дух тревожиться и маг «поговорил» с ним. Так вот, Горный дух настойчиво желал сказать, что не требовал жертв и не принимал их, что не виноват в пропаже людей из деревни. Только можно ли ему верить? На одних лягушках не проживешь.

За это время молодые люди вышли на небольшую просеку, где в тени старого корявого бука стояла, словно прилепленная к его многолетнему стволу, хижина. Почти сгнившая, поросшая мхом крыша с загнутым вверх карнизом, щелястые стены из бамбука, что прежде были обмазаны глиной, отвалившейся кусками, укрывал густой дикий плющ, а проем без дверей зиял темным провалом. Идти к ней было непросто по изрытой рытвинами, кочковатой земле. То и дело ноги проваливались то в ямки, то в рытвины.

— Пахали здесь, что ли? — тихо возмущалась Ли Мин в который раз, поднимаясь после очередного падения. И хотя Второй мастер поддерживал ее под руку, это мало помогло.

Добравшись до хижины, эти двое бестрепетно вошли под ветхий кров. Вблизи жилище оказалась в еще более плачевном состоянии. В стенах зияли проломы, ткань в окнах висела лоскутами, шевелясь от малейшего дуновения ветра. В углах наметано кучи сухой листвы, песка и трав. Обойдя хижину, молодые люди не нашли ничего подозрительно устрашающего или следов чьего-то недавнего присутствия. Странно, ведь если старый дом с дурной славой, имеет хорошо сохранившийся остов, то комплектом к нему идут и человеческие скелеты, затаившиеся в шкафах или где-то еще или несколько призраков в придачу. Но похоже, правы создатели фильмов ужасов, потому что потусторонние силы должны сначала по мариновать

свою жертву до стадии хронического испуга, а затем переходить к активным действиям, вплоть до убийства. Но у молодых людей как-то по настоящему испугаться не получилось, пришлось возвращаться ни с чем. Ли Мин была разочарована.

— Оставь мысль о злоумышленниках и душегубах. Теперь ты понимаешь, что пропавших забрал Горный дух, — начал по новой Второй мастер, но тут же замолк, потому что Ли Мин опять угодила в какую-то рытвину, чудом не подвернув ногу и Пэн Хэн на руках вынес ее на ровное место.

— Почему тут все так перекопано, — потирая ногу и бедро под беспокойным взглядом Второго мастера, сокрушалась Ли Мин. — Клад здесь искали, что ли?

— Крепко держись за меня, а что до рытвин... что ж, раз здесь был дом, значит было и хозяйство, огород, вспаханное поле, где выращивали овощи и чем-то засевали, — резонно заметил Второй мастер, помогая ей подняться. — Идти сможешь?

— Не то удивительно, что земля изрыта. Странно другое...

Пэн Хэн остановился, давая то и дело спотыкающейся Ли Мин, перевести дыхание.

— Не замечаешь? Птицы... — проговорила она.

И правда, все то время, что они были здесь, птиц не было слышно, даже ночных сов. Стояла какая-то странная тишина.

Оговор

Через три дня после того как довелось познакомиться с Казематным ущельем, Ли Мин утром пришла к лекарю, застав у него суетившегося, донельзя взбудораженного мага, нетерпеливо подгонявшего основательно собиравшегося лекаря. Оба были заметно взволнованы. Из их торопливых, сбивчивых объяснений она не очень-то поняла, почему нужно немедленно поспешить в Поместье. Зато понятно было одно, что в клан Северного Ветра неожиданно появился императорский чиновник, чтобы открыть глаза адептам на истинный облик Главы, вызвав тем негодование им внутри клана, а затем и его смену.

На площади Поместья, перед Павильоном Правосудия стройными рядами выстроились три отряда адептов Северного Ветра, тогда как деревенские собрались беспорядочной толпой среди которой затесались маг, лекарь и Ли Мин. Отряд Серебряного Инея в белых развевающихся одеяниях резко контрастировал с Пяти Лотосами в тёмно-красных подвязанных широкими кушаками одеждах. Отряд Второго мастера Драконы Дождя не особо выделялись на их фоне своим сдержанным синим облачением. Пока столичный чиновник эмоционально вещал о законах и моральных устоях Поднебесной, внимание Ли Мин, как и всей женской половины собравшейся на площади, было приковано к отрядам воинов Северного Ветра. Вернее к их офицерам, не считая гордо стоящей во главе своих Пяти Лотосов надменно взирающую на всех и вся Ся Гэ. Девушки и молодые женщины восхищенно поглядывали на Пэн Хэна и на Цао — офицера Серебряного Инея, что замещал Главу как Первого мастера. Сам Глава сидел в громоздком кресле возле стола придворного чиновника с томным видом девицы, которую вот-вот стошнит.

Лекарь, маг и Ли Мин пришли как раз вовремя, чтобы услышать весь тот бред, что нес вельможа в официальных одеждах придворного чиновника, который сводился к тому, что так как Глава не женат и не имеет потомства, то не способен и дальше возглавлять клан, потому должен оставить свой пост.

И чинно огласил указ. Главу обвинили в низменных пристрастиях, которые, до этого, кажется, никому в клане не мешали. Но оказалось, что они губительны, ни много ни мало, для всей Поднебесной. Словом, такой человек как Глава с его греховными наклонностями, был не достоин возглавлять Северный Ветер. Именно это с серьезным видом торжественно зачитал императорский чиновник.

После чего на небольшой площади встала гробовая тишина, но не от того, что люди были шокированы грехами Главы, а от того, что Северный Ветер вот-вот мог лишиться его. И пока сдержанные адепты клана хранили молчание, деревенские возмущенно зашумели:

— Где это видано, что бы за такое лишали должности? — выкрикивали из толпы.

— Клан — дом нашего Главы. Разве правильно выгонять человека из собственного дома?!

— Клан держали несколько поколений его рода!

Чиновник не оробел перед шумевшим на площади людом, которые, вообще-то, не имели права вмешиваться в дела клана. А вот неподвижные ряды адептов Северного Ветра его явно встревожили. Никто из них не шевельнулся, лица неподвижны, руки спокойно лежат на рукоятках мечей, однако, какая-то не то тревога, не то угроза от них исходила.

Сам Глава с надменно отрешенным видом зябко кутался в свой жемчужный плащ,

выслушивая нелицеприятное обвинение против себя, как и эмоциональное возмущение деревенских, словно все, что происходило на площади не стоило его драгоценного внимания. Наверное, он мог думать исключительно о высоком и сочинять самому себе стишки, потому что смотрел так, словно не мог понять, как его угораздило очутиться здесь и слушать всю эту непотребщину.

— Сделай же, что-нибудь! — дернул Ли Мин за рукав разнервничавшийся маг.

— Чего сразу я? — испуганно возмутилась та. Ну, уж нет! Она не поведется на подначку мага и не будет ни во что встревать.

— Ты, вообще-то, демон! — сердито напомнил ей Фэй Я.

— Ты, старый дуралей, решил всю площадь оповестить о том, кто она есть? — зашипел на него рассерженный лекарь. — Из ума выжил? Что ты хочешь от этого ребенка?!

Пока старики препирались, Ли Мин справлялась с подступившей паникой от осенившей ее вдруг догадки. Ведь если Главу сместят и клан разгонят, то выгонят и ее. Что ей тогда делать? Она не может уйти от пентаграммы, возле которой обречена жить до следующего лета.

Только магия то здесь причем, когда можно справиться без нее. Ответ, как именно спасти Главу, прямо таки напрашивался сам собой и Ли Мин в недоумении смотрела на Третьего мастера. Неужели та не видит столь очевидного выхода? Но Ся Гэ стояла неподвижно и хмуро, опустив глаза. Зато быстро сообразила дочь казначея, находящаяся среди женщин клана.

— Все это отвратительная ложь! — неожиданно выступила она вперед. — Глава очень внимателен к женщинам. Вы не можете обвинять его в подобной безнравственности и непотребстве.

— Однако доказательство верности моих обвинений то, что Глава Северного Ветра до сих пор не женат и не имеет наложниц. Или вы хотите объявить нам доказательство обратного? — прищурился на нее чиновник с таким недвусмысленным видом, что бедняжка, смутившись, густо покраснела.

— Я только хотела сказать... — пробормотала она, горя ярким румянцем стыда под всеобщим пристальным вниманием, — что это... чепуха...

Ли Ло можно было понять, у какой девушки на выданье хватит духа поставить под удар свое доброе имя и опозориться прилюдно, пусть даже ради любимого и дорогого человека. Тем не менее дочь казначея отважилась на это и Глава будет распоследним идиотом, если не оценит ее поступка.

— Глава... он... часто оставался со мной... вечерами... ночью... — бормотала она через силу, делая столь смелое признание.

Ли Мин выжидающе смотрела на Главу: «Ну же, давай, поддержи ее и спаси ее честь, которую она сейчас безжалостно растаптывает ради тебя!» Но Глава лишь бросил на Ли Ло холодный раздраженный взгляд.

— Со мной он тоже оставался, — вздернув подбородок, вдруг выпалила Третий мастер, не желая уступить сопернице даже в позоре.

— Ваше желание, желание адептов клана, обелить своего Главу, понятно, — издевательски хмыкнув, заявил придворный чиновник, растянув губы в недвусмысленной улыбке, при этом его глазки превратились в щелочки. — Было бы странно, если бы кто-то из вас, не попытался его спасти, а потому ваши свидетельства не могут быть приняты во внимание.

И если до того Третий мастер с вызовом смотрела на скромно потупившуюся Ли Ло, то при этих словах чиновника, обе беспомощно переглянулись и уставились на безразличного Главу, сидевшего с видом равнодушного ко всему человека.

— Ой, плохо! Если Главу уберут под таким бесстыдным предлогом, репутация клана будет погублена навсегда, — в отчаянии сокрушался маг. — Северному Ветру уже никогда не возродиться!

— Ну, вот какой из него гомик, если он серьезно болен! — возмущенно шептала Ли Мин лекарю Бину. — Учитель, скажите об этом.

— Молчи! — шикнул он на нее. — Императорский двор того и добивается. Скажи хоть что-нибудь об его недуге, как его тут же сменят на другого — здорового и деятельного человека, например, ставленника Царедворца. Все это понимают, кроме тебя, бестолочи.

— Сделай же, в конце концов, что-нибудь! — умолял маг Ли Мин с другой стороны, дергая ее за рукав.

Из объяснений лекаря Бина Ли Мин поняла одно, что ничего не поняла, но одно знала твердо — пациента следовало спасать. Вдохнув и выдохнув, она покачала головой и подняв руку стала пробираться через толпу. В голове вертелось здоровое: «Ну куда ты опять лезешь?!» и «Остановись! Тебе больше всех надо?!» Но на этот раз вмешаться было необходимо, чтобы предотвратить уничтожение клана. Она не может уйти из этих мест. Люди ее пропускали, расступаясь, когда, обернувшись, узнавали ученицу лекаря. Выбравшись на площадь и встав перед столом чиновника, Ли Мин, как полагается, приложив ладони к животу, вежливо поклонилась.

— Ох, вот не хотела я говорить об этом, — застенчиво опустив глаза, проговорила она. — Но коли зашел разговор об таком, то как не пожаловаться столь важному господину сановнику, — и снова согнулась в земном поклоне.

— Назовись! — Рывкнул чиновник, хлопнув ладонью по столу, чтобы нагнать еще большего страха на деревенскую простушку.

— Ой, боги Небесные! — Послушно перепугалась Ли Мин и замямлила словесно потерявшись от грозного окрика: — Так из деревни я из этой.

— Она сирота, — выкрикнул кто-то из толпы деревенских, догадываясь, что ученица лекаря опять что-то затеяла и решив поддержать девчонку.

Ли Мин быстро взглянула на Третьего мастера, но та стояла с отрешенным видом как деревянная.

— Говори, что хотела сказать! — нетерпеливо напомнил чиновник.

Деревенские такие тугодумы.

— Так... ваша милость, этот вот человек из Поместья, — указала она на Главу. — Попользовался мною, а денег как обещал, не дал... ведь был промеж нами уговор. А я девушка честная... вот и поверила...

Глава, прижав пальцы к переносице, поднял на нее тяжелый взгляд.

— А вот я узнала тебя, охотник. Это ведь ты валял меня тогда в кустах. А оказывается, это сам Глава был... Или не он... слишком уж дохлый и бледный какой-то... — отводила Ли Мин душу, отыгрываясь за Казематное ущелье под сдержанные смешки деревенских, пользуясь тем, что ни Хранители, что с ужасом взирали на нее, трясаясь от гнева, ни Третий мастер не могут ее прервать своим: «Да как ты смеешь!». — А ведь хотела даже ребенка родить. Думала вот... стану женой приличного человека...

— Так у тебя от него ребенок? — округлил щелочки глаз, что стали теперь похожи на

монетки, чиновник.

Площадь затихла с веселым интересом следя за развитием событий. Стройные ряды трех отрядов адептов дрогнули.

— Да как же! — горестно всплеснув руками, пожаловалась Ли Мин. — Моей товарке вздумалось перебежать мне дорожку и отбить его. Вон она подлая! — развернулась Ли Мин, обвиняюще указав на разбитную вдову Е Чен у которой Ли Мин выходила ребенка.

Та хихикая в рукав, смотрела на проказы Ли Мин, но когда ученица лекаря указала на нее, ошеломленно огляделась вокруг и с недоумением воззрилась на указующий палец наставленный прямо на нее, а потом на круглые умоляющие глаза самой Ли Мин.

Сзади молодую вдову Е Чен кто-то пихнул и она вынужденно шагнула вперед и, уперев руки в бока, заикаясь осведомилась:

— А... почему это... красавчик должен быть только твоим?!

— Вы уж разберитесь, господин, с нею, а уж я в долгу не останусь... — возрыдав, упала на колени перед столом чиновника Ли Мин, с чувством стукнувшись лбом о каменные плиты, подумав, что наверное переигрывает.

— Да! Рассудите! — робко поддакнул вдова Е Чен, опускаясь рядом с ней на колени.

Писцы из свиты чиновника только успевали водить кисточками в протоколе, запечатлевая весь тот фарс, что происходил сейчас на площади Поместья. А ведь все это начал придворный чиновник, высосав из пальца причину, по которой хотел низвергнуть Главу. Грех было не превратить подлую интригу в комедию. И Ли Мин вовсю старалась, импровизируя на ходу:

— Ах ты подлая! — вскочила она с колен. — И долго ты будешь уводить у меня мужиков?!

— Да кому ты нужна, тухлая селедка?! — бесстрашно встретила ее атаку вдова Е Чен.

А Ли Мин, чтобы сдержать рвущийся смех, что начал так некстати разбирать ее из-за «тухлой селедки», обхватила голову Е Чен, якобы «вцепившись» ей в волосы. Та в долгу не осталась и обе «таская друг друга за патлы» как было указано в протоколе, подняли дружный визг, давясь от смеха. Чиновник тут же внес свою лепту в поднявшийся гвалт, начав, истерично кричать, призывать к порядку и стучать кулаком по столу. Только где ему было перекричать двух увлекшихся девиц, под дружный хохот собравшихся на площади. Деревенские и Поместье давно так не потешались. Адепты трех отрядов расстроили четкие ряды и смешав строй, старались разглядеть получше, происходящий перед столом чиновника женский «бой без правил».

Третий мастер, что-то с негодованием выговаривала смущенной дочери казначея. Дамы клана оживленно перешептывались, стараясь не выдать своего жгучего любопытства и, чтобы не прослыть вульгарными, тихонько хихикали в вышитые платочки или прикрывшись широкими рукавами шелковых ханьфу. Глава с безгловым видом покинул площадь в сопровождении возмущенных Хранителей и императорского чиновника, а за ними роняя свитки, то и дело, оглядываясь, нехотя потянулись писцы. Вошедших в раж девиц кое-как разняли деревенские вместе со стражниками клана.

— Ты мне чуть клочок волос не выдрала, а, может, уже и выдрала, — пожаловалась Ли Мин, когда поняла, что можно больше не придуриваться.

— Извини, я старалась тянуть легонько, — виновато оправдывалась Е Чен и обе глядя на всклокоченные встрепанные волосы друг друга, рассмеялись.

Но Ли Мин вмиг перестала веселиться, взглянув в мрачное лицо учителя Бина.

Догадываясь по его виду, что дома ее ждет интимная беседа с «воспитательной палкой», она сразу согласилась пойти с пригласившей ее к себе Ли Ло. Обеим не терпелось обсудить случившееся. Например то, почему Третий мастер даже не пыталась обелить Главу, которого обвиняли в позорном грехе. А ведь она не раз во всеуслышание твердила, что нет такой жертвы, которую не смогла бы принести ради него.

И вот теперь сидя в покоях дочери казначея, обе девушки с удовольствием перемывала косточки этой Ся Гэ. Ли Ло за то, что та сперва не поддержав, после примазалась к ее жертвенному позору. Ли Мин, потому что Третий мастер недавно выговорила ей из-за надуманного пустяка.

А дело было так.

День назад, Ли Мин, торопясь ко Второму мастеру и пленному безликому, проходила мимо двора Главы, когда дорогу ей заступила Третий мастер, как будто нарочно поджидая ее.

— Не шуми, — вышла из ворот «первая красавица» клана, сжимая рукоять меча, что висел у нее на поясе.

— Я шумлю? — удивилась Ли Мин, попытавшись было обойти ее. — Я ведь только что подошла.

— Не болтайся здесь и, вообще, обходи стороной это место, — надменно велела Третий мастер.

— Чего это? — огрызнулась Ли Мин. — Когда это в Поместье стали запрещать разговаривать и ходить?

— Главу беспокоит шум, — с неприязнью поставила ее в известность Третий мастер.

— Тогда не создавай его тут намеренно и дай мне пройти.

Ли Ло изящно разливая чай по фарфоровым чашам, покачала головой.

— То, что ты не даешь Ся Гэ спуску, нравится не только мне, уж поверь. Но в том, как она повела себя на площади, понять можно, ведь мы не только не помогли Главе, а, кажется, еще больше усугубили его положение своим безрассудством.

— Как это? — опешила Ли Мин, не обратив внимания на протянутую ей чашу с хризантемовым чаем. — Было бы лучше, если бы все считали Главу «надкушенным персиком», так что ли?

— Так, — кивнула Ли Ло, вздохнув.

— И, почему это, я не удивлена, — фыркнула Ли Мин, беря у нее чашу с чаем.

— Ты все поймешь, когда я расскажу тебе о дочери Министра финансов? — мягко проговорила Ли Ло. — Это произошло ранней весной, так что тебе простительна сегодняшняя выходка, ты ведь не знала о Невесте Главы. Эта девица прибыла внезапно, ее приезд стал неожиданностью для Поместья, тем не менее Глава с Хранителями учтиво встретили ее. Я как и Третий мастер все это время сопровождала Главу и не могла не заметить, что барышня слишком взволнована и чрезмерно разговорчива, так что Глава поинтересовался не случилось ли что с ее отцом господином Цин Дю. Но она уверила, что с отцом все в хорошо и приехала к Главе по своему желанию. Гостья явно хотела поговорить с ним без посторонних, потому я и Хранители оставили их, тем более я должна была позаботиться об обеде и устроить дочь придворного министра должным образом. Но Третий мастер задержалась. То есть сделала вид, что ушла, но, на самом деле, подслушала их разговор. Оказывается, барышня Цин приехала для того, чтобы выразить свою благодарность. Глава заметил, что не стоило утруждаться, потому что ее отец уже оплатил

ему в полной мере, но снова поинтересовался все ли в порядке в доме Цин? Вот тогда девица призналась, что отец желает устроить ее брак, которого не желает она, но поскольку Глава не женат, и не имеет наложниц, то он мог бы заключить брак с ней, которому не будет противиться не то что ее отец, а даже император. Последовавший ответ, что это невозможно, обидел девушку, решившей, что она не по нраву Главе. Но господин поспешил разуверить ее, сказав, что по состоянию своего здоровья просто не пригоден к супружеству и что не хотел бы ее разочаровывать, тем более ломать жизнь. Однако, после того, как девица заявила, что ей достаточно быть подле него, стало понятно, что она не отступится. Глава не мог напрямую отказать дочери знатного вельможи, потому ответил уклончиво, что подумает. Это было все равно, что сказать: «Нет». Тогда-то в голове девицы созрел план: раз Глава добровольно не желает связать себя с ней узами брака, значит нужно вынудить его к этому.

Ли Мин закусил губу, уже поняв, что она опять грубо влезла куда ее не просили.

— И вот дочь министра Цин, по возвращению к отцу, подкинула ему некую мысль, — продолжала рассказывать Ли Ло. — А тот, в свою очередь, подал ее императору уже как об устойчивом слухе. Императора в последнее время беспокоило нежелание Главы заключать брак с кем бы то ни было. И когда министр финансов намекнул, что его дочь куда как выгодная партия для клана Северного Ветра, его величество не мог с этим не согласиться, потому-то и послал чиновника, чтобы тот открыто обвинил Главу в nepозволительном пристрастии, принудив его к мысли о женитьбе, чтобы обелить свое имя и сохранить клан. О решении императора тот час стало известно Главе и он постарался, что бы это дошло до ушей его врага — Царедворца. Тому, конечно же, было не выгодно, что бы сложился столь сильный альянс, связавший Главу и Министра узами родства. И когда в Поместье прибыл императорский чиновник, поставленный на это дело стараниями Царедворца, можно было быть уверенными, что брак никогда не состоится и Министр финансов не захочет компрометировать себя подобным союзом. Однако своим желанием обелить Главу, как и жаждой справедливости, мы лишили его возможности избежать женитьбы.

— Вообще-то, очень странная отмазка, не находишь? — хмыкнула Ли Мин, внимательно выслушав подругу.

— Зато она подтвердилась видимым для всех доказательством — Глава до сих пор не женат и рядом с ним нет женщины. И если бы все прошло по задумке Царедворца и Главы, тогда бы уж больше никто не подступился к нему с предложениями о браке, — вздохнула Ли Ло.

— Но... ведь все может измениться. Подумай о том, что Глава сегодня заметил, что ты человек который согласиться быть даже оболганной ради него? Что с вами будет тогда? Как вы сможете скрыть вашу связь? Что будет, когда поймут, что Глава водил всех за нос?

— Увы, — опустила глаза дочь казначея, прикрыв печаль длинными ресницами. — Глава не хочет тратить время ни на что более, как только успеть до своей кончины укрепить клан.

— И что же теперь? — расстроилась Ли Мин, что не сможет исправить того, что уже напортачила. — Ему придется жениться?

— Да. И я как никто понимаю тревогу Третьего мастера. Ведь супруга Главы переживет его и станет Главой клана Северного Ветра.

— Фигово, — вздохнула понуро Ли Мин, поняв, что умудрилась загнать Главу в ловушку нежеланного брака. — Но если уж на то пошло, Ся Гэ могла бы предупредить нас, чтобы мы не старались устраивать весь этот фарс.

— А она и предупреждала всем своим отрешенным видом.

— Ну, если учесть, что такой вид у нее всегда, то не удивительно, что ее намек мы не поняли.

И девушки засмеялись.

— Ли Ло это ведь за тобой приходили безлицые? — вдруг спросила Ли Мин, имея ввиду недавнее сражение в Снежных Листопадах.

Какое-то время дочь казначея, раздумывая, внимательно смотрела на нее своими глазищами, потом спросила:

— Но зачем я Сумеречным?

— Может, отец что-то рассказывал тебе перед гибелью, или что-то передал?

— Я... — начала было Ли Ло, вдруг пораженно замолчав. — Бумаги... Я забрала все бухгалтерские книги отца.

— Тогда, дело в них! А где они сейчас?

— У Главы. Я передала их ему взамен на защиту и покровительство Северного Ветра. Но ни тебе ни мне, уж точно, не следует вмешиваться в это.

С чем Ли Мин не могла не согласиться.

Попрощавшись с дочерью казначея, Ли Мин уже в прохладных сумерках отправилась к своей пещере, решив с этого дня вообще не появляться в Поместье. Мало ей, что нажила яркого врага в лице Третьего мастера, так еще умудрилась сделать из хилого Главы главного распутника клана, толкнув прямоком в невыносимый ему брак, как в зловонную кучу, не дав обойти ее. И если Глава и в самом деле голубой, — просто девчонки: ни дочь казначея, ни Третий мастер этого еще не просекли, — то она пропала. Всю дорогу до своего пристанища Ли Мин отвечивала себе чувствительные тумачи по дурной голове. Вот почему ей больше всех надо?!

Ах, если бы то, что она ругала себя на чем свет стоит, хоть как-то помогло делу, которое уже сделано. Она не удивится если завтра ее вообще погонят отсюда взащей, запретив навсегда появляться в землях Северного Ветра, а то напоследок еще дадут тяжелых палок, так, что она двинуться не сможет и даже лекарь Бин не поможет. Ли Мин перетрусилась не на шутку, сообразив, что уж Третий мастер постарается добиться для нее такого приговора. И в своих догадках была недалеко от истинны и Третий мастер этим вечером действительно настаивала, чтобы изгнать ученицу лекаря из клана.

Дело было так.

Третий мастер после того, как Глава учтиво проводил несолоно хлебавшего императорского чиновника со свитой писцов, принялась уверять, собравшихся в Павильоне Небесной Справедливости, что только ученица лекаря повинна в том, что имперский чиновник поделиться с императором своим нелицеприятным впечатлением о клане.

Хранители, молча, переглядывались, понимая, что тут и убеждать никого не нужно, Глава и так был уязвлен и оскорблен до глубины души тем, что устроила на площади дерзкая девка. Но тут выступил Второй мастер и поклонившись, напомнил, что у ученицы лекаря не было намерения оскорбить Главу, она лишь старалась ему помочь, но по недоразумению, ее усилия были направлены не в ту сторону. Он напомнил, что именно она успела предупредить Поместье о безлицах, и ее стараниями на сторону клана перешел один из них.

— Это ничего не значит! — топнула ногой Третий мастер. — Низкая девка опорочила Главу перед всем Поместьем и императорским чиновником! Господин, почему вы так мягкосердечны к этой безродной? Да за такое ее следует предать жестокой казни.

— Какой именно? — вяло поинтересовался Глава, ему все это уже изрядно надоело, было видно, что он утомлен и ему хотелось вернуться к себе и прилечь.

— Ее нужно разорвать конями, чтобы никому не было повадно лезть туда куда не просят, — последовал жесткий ответ.

Глава поморщился и с досадливым вздохом поинтересовался:

— Если желание помочь, пусть и неуклюжее, ты называешь преступлением то, как расценить поступок с воскурением афродизиака? А ведь я чуть не умер от него. Разве это не преступление против меня? Так какое наказание положено в таком случае тебе, Третий мастер?

Хранители зашептались, поглядывая на Ся Гэ. Саму ее замечание Главы уязвило в самое сердце. Ладно бы он упрекнул ее в этом наедине, без посторонних, но он напомнил об этом при Втором мастере и Хранителях, теперь многозначительно ухмылявшихся.

— Зачем ты вступаешься за эту помойную крысу? — выговорила она, сорвавшись на Втором мастере, когда Глава, устало бросив, чтобы оставили все это, убрел в свои покои поддерживаемый верным Хао.

Для Ли Мин, к счастью не ведавшей, что ее судьба и в самом деле висела на волоске, единственным выходом перестать терзаться, было разобраться с Песчаной Хижиной. Она долго не могла уснуть, размышляя о том, чтобы наведаться туда в поздний час и посмотреть, что в ней творится ночью. Но, ворочаясь на своем ложе, только лишний раз убеждалась, что пойти туда одна не осмелиться, храбрости не хватит. Одна надежда на Второго мастера.

Он, конечно, пойдет с ней, смущало лишь то, что ее просьбу Пэн Хэн может воспринять как заигрывание. И как после будет относиться к ней? Станет ли воспринимать ее всерьез? Но подумав еще, Ли Мин поняла, тут главное, как позвать. Потому когда Второй мастер через два дня, наведаясь к лекарю, чтобы увидеться с Ли Мин, то нашел ее задумчивой и рассеянной. За эти два дня Ли Мин удалось избежать задушевного «разговора» с воспитательной палкой учителя благодаря стараниям сердобольного мага, как чувствовавшего, что не следует уходить в пещеру, пока лекарь не успокоится. Упрекнув товарища в том, что если он и дальше будет столь суров с девочкой, то она перестанет приходить к ним и знаться с ними. Как ему, Фей Я, заниматься в пещере, если бедняжка зашуганная суровым лекарем, перестанет выходить из нее? Поворчав лекарь смирился и, успокоенный Фэй Я, собрав в узелок вкусности, поспешил в пещеру.

И вот теперь Пэн Хэн старался обратить на себя внимание Ли Мин, развлекая старика Бина незначашей болтовней и сплетнями из Поместья, а когда девушка вышла из дома, увязался за ней.

— Что с тобой сегодня? — остановился он рядом с ней. — Ты будто избегаешь меня, даже словечка не сказала и в мою сторону не смотришь. Слышал, лекарь Бин страшно ругался на тебя из-за того, что ты устроила у Павильона Правосудия? — не смог он сдержать улыбки.

— Брат, не мог бы ты и дальше развлекать учителя разговором, чтобы он не заметил моего отсутствия, — попросила Ли Мин, не поддержав его шутливого тона. — Не хочется злить его еще больше. Эта его дурацкая палка, теперь все время у него под рукой.

— Что ты задумала? — встревожился Второй.

— Надо сходить к Песчаной хижине. Я быстро обернусь, только туда и обратно...

— Что прямо сейчас, ночью?! — не поверил он.

— Да тише ты, а то учитель того гляди прибежит...

— Одна никуда не пойдешь! — отрезал Пэн Хэн.

— Тогда пойдём со мной? — тут же предложила Ли Мин, что есть силы скрывая ликование.

— Нет.

— Нет? Ну, тогда...

— погоди! — схватил её за руку Пэн Хэн. — Объясни, зачем тебе это?

— Если не днём то ночью там, явно, что-то происходит. Хочу убедиться в этом. Ну, все, я пошла.

— Одну не пущу.

— Так ты идёшь со мной или нет?

— Да.

Только вот ночь для прогулки до хижины выдалась не очень удачной. Тучи то и дело гасили лунный свет и проблески звезд, погружая лес в кромешную темноту, поэтому Второй мастер крепко взял Ли Мин за руку, велел ей держаться к нему поближе. Но она все равно спотыкалась о корни, что были повсюду и упрямо лезли под ноги.

— Вздумала одна идти, — все не мог успокоиться Второй мастер. — Ты бы уже заблудилась, не пройдя и трех шагов от порога собственного дома. Подозреваю, что и при свете дня ты с трудом найдешь верную тропу, не то, что ночной порой.

— А ты сам-то не заблудился часом? — перевела дыхание, едва поспевавшая за ним Ли Мин.

— В отличие от тебя, я живу возле горы Доуфань с детства и неплохо знаю эти места, а может даже лучше местных. Во всяком случае, в лесу никогда не теряюсь и всегда смогу выбрать правильное направление.

— Расхвастался, — насмешливо поддела парня Ли Мин, когда они вышли на просеку.

Деревья расступились и стало намного светлее, но возле земли царила кромешная тьма. И вряд ли они сразу увидели хижину, если бы не ее освещенное окно и дверной проем. Молодые люди переглянулись.

— Вот так, так... — озадаченно пробормотал мигом подобравшись Второй мастер. — А ведь она, как болтают, давно заброшена.

— погоди, — схватила за руку, двинувшегося было к хижине Пэн Хэна, Ли Мин.

— А чего ждать, разве мы не затем пришли, чтобы посмотреть, что здесь да как? — удивился он. — Ты, сестрица, как в воду глядела.

— Это может быть опасно, — рванула парня к себе Ли Мин.

— Лихих людей здесь быть не должно, — пытался успокоить её Пэн Хэн. — Глава строго следит за этим. А если и так, то я обязан задержать чужаков, с какой бы целью они сюда ни заявились и отправить в Поместье для праведного суда.

— Разве только какой-нибудь безобидный бродяга или паломник нашел здесь пристанище на эту ночь, — успокаивал она себя. — Может быть и так. Но давай, все же, для начала тихонько поглядим в окно.

— Хорошо, — согласился Пэн Хэн. — Только, смотри под ноги, не навернись ненароком и не наделай шума.

И вот они, подкравшись, осторожно заглянули в окно. В хижине в кругу горящих свечей сидел человек в свободных темных одеждах, скрывающих его фигуру и что-то рисовал на земле. Что именно, понять было невозможно, как и то, что это был за человек из-за накинутого на голову просторного капюшона, что полностью скрывал лицо в тени, как будто

и не было его вовсе. В довершение ко всему, он что-то бормотал. Незвестный сделал движение, громко произнеся что-то непонятное.

— Колдовство! — ахнул Второй мастер и не успела Ли Мин глазом моргнуть, как он ворвался в хижину: — Я Второй мастер клана Северного Ветра на чьих землях ты находишься. Назовись, кто ты и чем сейчас занимаешься?!

Неизвестный вскочил, взмахнув лапами широкого плаща, и одним махом скорее вылетел, чем выпрыгнул в окно. Пэн Хэн, не долго думая, сиганул за ним, а Ли Мин вбежала в опустевшую хижину, чтобы спокойно осмотреться.

Оплавали сальные свечи. Накарябанный на земле круг сложной триграммы, наполовину залит кровью. Пэн Хэн прав — здесь проходил колдовской обряд. Ли Мин внимательно разглядывала триграмму. В хижине тихо, лишь ветер шуршал сухими листьями в углах пустого, продуваемого дома. Ровно горели свечи. Секундочку!

Если ветер шуршит листьями, почему пламя свечей даже не дрогнет? Девушка отвела взгляд от корявого рисунка на земле. Из углов хижины доносились шорохи, но ветра она и вправду не чувствовала. И тут увидела... К той части триграммы, что была окроплена кровью, шурша, подползал разный лесной сор: сухие листья, сучки, шишки, пожелтевшие сосновые иглы, клоки мха, комья земли и травы, образуя некий извилистый ручеек, будто притягивались кровью, как железная стружка магнитом. Покрывая каждую каплю крови, лесной сор растекался по земле грязным покровом и, вдруг начал заворачиваться в подобие вихря, поднимаясь над полом. Лесной сор летел по спирали, образуя, смутно знакомый, незавершенный человеческий силуэт. Ли Мин хоть и было страшно, но, все же, больше любопытно. Мусорная человеческая фигура наметилась уже выше плеч, а потом вдруг осыпалась, вновь превратившись в кучу обычного сора. Видимо случилось это из-за прерванного обряда, что так и не был завершен.

В хижину, высоко подняв фонарь, вошел Второй мастер.

— Ну, что? Убежал он от тебя? — спросила Ли Мин, радуясь, что, наконец, не одна.

Но Второй мастер с торжественным молчанием шел к ней. «Что-то не так?» — попяtilась от него Ли Мин. От непривычного вида друга бросало в дрожь и она, невольно вошла в нарисованную триграмму, перед линией которой Второй остановился, словно налетев на стену.

— Эй, чучело, где Второй мастер? — с вызовом спросила Ли Мин, отчаянно храбрясь, хотя от страха у нее зуб на зуб не попадал и мелко тряслись коленки.

Настоящий Второй мастер на такое вот обращение сразу бы бурно возмутился. Этот же растянул губы в жуткой усмешке. А когда Ли Мин разглядела его острые зубы похожие на заточенные зубцы пилы, то вообще перестала что-либо соображать от ужаса и только поворачивалась за обходящим вдоль линии триграммы лже-Вторым. Он же идя вокруг нее, все натыкался на невидимую преграду, доставая из-за пояса нож, так что Ли Мин невольно почувствовала себя овцой-девственницей на заклятие. Неприятное чувство! Больше сопротивляясь своему страху, чем тому, кто клацал своими чудо зубками за линией магического круга, Ли Мин показала ему средний палец. Острозубенький утробно рыкнул в ответ на оскорбительный жест и фонарь погас. Ли Мин стояла как вкопанная, боясь шевельнуться в темноте, напряженно до звона в ушах, прислушиваясь к подозрительным пугающим шорохам.

— Ли Мин! — прокричали в панике рядом с хижинной.

— Я здесь... — пискнула девушка.

Хижину осветил яркий свет фонаря, и ей пришлось прикрыть глаза ладонью.

— Небо! — с невообразимым облегчением причитал Второй мастер. — Ты здесь! Почему не откликаешься?! Я уже не знал, что и думать, где искать тебя?!

Ли Мин опустила руку, открывая глаза и при тусклом свете фонаря, что держал над собой Пэн Хэн, оглядела хижину, единственную обстановку которой, составляли оплывшие пеньки свечей.

— Ли Мин...

— Стой, где стоишь! — нервно остановила, шагнувшего было к ней Второго мастера, девушка, потребовав: — Ну-ка улыбнись!

— Что? — не понял он, округлив глаза. — Что с тобой? Право, сейчас вовсе не до улыбок. Нужно, как можно скорее убираться отсюда.

— Улыбнись, — потребовала Ли Мин.

Второй мастер с усилием растянул губы в вынужденной улыбке, непонимающе и с понятной тревогой глядя на Ли Мин, не зная, что и подумать. Странное и жуткое это место!

— Второй! — с облегчением выдохнула девушка, разглядев его, пусть не идеальные, человеческие зубы. — Это ты! Небо! Где ты был?! — кинулась она к нему из круга, схватив в порыве молодого человека за руку. — Знаешь, как было страшно?! — жаловалась она, сжимая его ладонь.

Второй с облегчением выдохнул, счастливо улыбнувшись, когда она, обхватив его руку, уже не отпускала ее. Больше не давая себе труда следовать за женской логикой, он погладил девушку по растрепанным волосам, успокаивающе проведя ладонью по ее чумазой щеке.

— Ты как? — шепотом спросил он, не в силах справиться с нежностью, так некстати накотившей на него в этом жутком месте.

— Отделалась испугом средней тяжести, — улыбнулась Ли Мин, потянув его из хижины, которую ему уже вовсе не хотелось покидать.

— Чего ты так испугалась? — допытывался он, нехотя следуя за ней.

— Пойдем отсюда быстрее, — торопила Ли Мин и он подчинился, идя за девушкой, пообещавшей ему: — Я тебе по дороге все расскажу... ты не поверишь...

Только получилось так, что сперва Пэн Хэн рассказал, что не догнал колдуна, потеряв его в темном лесу, а после она рассказала, что произошло с ней в хижине без него.

— Так колдун вернулся, пока я рыскал по лесу, ища его? — мрачно подвел итог Второй. — Зачем?

— Думаю, что бы закончить ритуал, а тут я в самом центре круга из которого он не мог меня выкурить и сам не в силах был преодолеть его магической черты. И знаешь на кого был похож тот незавершенный силуэт из мусора?

— На кого?

— На Главу.

— Ты уверена?

— Это были его одежды и манера опускать плечи.

— Так, выходит, что ворожили на него?

— Получается, что да. Но меня вот что занимает, почему это лазутчики безликих не выбрали для своих мерзких ритуалов местечко поукромнее, где их никто не смог бы ни увидеть, ни прервать, а расположились прямо под боком у деревни. Могли бы отыскать какую-нибудь пещеру или расщелину, где их никто и никогда бы не отыскал.

Пэн Хэн задумался, продолжая крепко держать Ли Мин за руку, а после проговорил

тихо, так, что бы девушка не отстранялась от него, стараясь сохранять дистанцию, а наоборот, придвинулась, коснувшись плечом его плеча.

— Должно быть Горный дух мешает им приблизиться к горе Доуфань, — высказал он предположение с которым Ли Мин не могла не согласиться.

Но тогда, думала она, почему магию безлицых не «засек» Фэй Я? Она ведь слышала, как лекарь однажды сказал, что благодаря магу были как-то обнаружены сумеречные. Второй и Ли Мин вышли из враждебной темноты ночного леса, где чуть ли не каждый куст следил за ними, и потому они крепко держались за руки, чтобы не было так страшно.

— Что будем делать? — спросила Ли Мин, когда подошли к дому мага.

Тявкнула Ленточка, но почувяла своих и умолкла.

— Доложу об этом Главе, — сказал Пэн Хэн.

— Подожди, — поморщилась она при упоминании Главы. — Ему-то зачем рассказывать?

— Он не терпит, когда не ведает о таких вещах, что творятся в клане. Тем более это мерзкое дело напрямую касается его.

— Перебьется. Просто доложи ему после... по результату.

— Но тогда придется испытать его гнев. То чему мы стали свидетелями этой ночью, очень серьезное происшествие и может иметь гибельные для клана последствия.

— А если он начнет нам мешать и все запрет?

— Не думаю, что так произойдет. Он больше нас ведает, что происходит вокруг и может направить нас так, чтобы мы не помешали ни его делам, ни делам клана.

— Ну куда ж нам без этого заядлого интригана! — хмыкнула Ли Мин.

— Заходи в дом и ни о чем не беспокойся, — мягко велел ей молодой человек. — Предоставь это мне.

Песчаная хижина

Повинуясь приглашению дочери казначея, Второй мастер прошел в кабинет Главы и низко поклонился.

— У тебя что-то важное? — спросил Глава.

— Да, господин, — и Второй мастер и рассказал о ночном посещении Песчаной хижины.

Глава слушал не перебивая.

— Так ты говоришь, что... — начал он, но кашель прервал его, тем не менее, откашлявшись в шелковый платок, сдавленно продолжал: —...что тот, кто занимался темным колдовством в Песчаной хижине смог принять твой облик?

— Так и было, — уверено подтвердил Второй мастер.

— Интересно, — пробормотал Глава задумчиво, прижимая платок к бледным губам. — Но ты говорил, что ходил к той хижине не один и кто-то еще видел колдуна сумеречных.

— Это была ученица лекаря, — нехотя признался Пэн Хэн.

— Разумно ли полагаться на такую, как она в подобном деле?

— Я уверен в ней как ни в ком другом.

Глава впери в него внимательный взгляд запавших глаз.

— Она ведь вошла в возраст невесты, почему же ведет себя дерзко и вызывающе, не как приличествует девице и одевается как юнец? — спросил он едва слышно.

— Ой, да пусть носит, что хочет, — неуступчиво ответил Пэн Хэн с упрямым видом, но тут же спохватился, поняв, что Глава предубежден против Ли Мин и на то у него имелись веские основания.

— Признаться, я недооценил тебя. Ты показался мне с неожиданной стороны, — медленно оглядел своего офицера Глава, пропустив неожиданную дерзость Пэн Хэна мимо ушей. — С чего ты вдруг подумал о Песчаной хижине?

— Не знаю с чего и начать, господин, — смущенно пробормотал Второй мастер. Именно этого вопроса он и боялся.

— Для начала расскажи, зачем тебе вздумалось проверить сие заброшенное место.

— Так ведь пропал старик из Снежных Листопадов, вот мы и искали где только можно.

— Пропал? — переспросил Глава, отняв платок от губ.

— Да. В деревне его никто искать не собирался.

— Это из-за Горного духа, — кивнул Глава, сдерживая очередной приступ кашля. — Люди в Снежных Листопадах время от времени исчезают и в деревне с этим давно смирились как с необходимой жертвой Горному духу. Почему же у тебя вдруг возникли сомнения?

— Это из-за недавнего появления безликих у горы Доуфань. Меня занимало, куда они шли? Точнее к кому?

Глава одобрительно кивнул, побуждая своего офицера к дальнейшему рассказу.

— После нападения на деревню и исчезновения старика, я обратился к легенде о Горном духе, где рассказывается о его требовании жертвы, которую должны были давать ему люди из Снежных Листопадов. По легенде, жертва ему приносится строго в третий месяц, третьего числа, в третий час ночи при третьей загоревшейся звезде. Я нарочно справлялся у

Хранителей и они рассказали, что это правило безукоризненно соблюдалось с изначальных времен. Только вот когда наши прадеды были молодыми, а на горе Доуфань появилось Помесье Северного Ветра, Горный дух перестал требовать жертв.

— Мне говорили, что ты расспрашивал о том Хранителей, — сдавленно подтвердил Глава, вновь закашлявшись безостановочным, раздирающим легкие жестоким кашлем. Он начал вставать из-за низкого столика, содрогаясь от него, но когда Второй мастер кинулся к нему, чтобы поддержать, жестом остановил офицера, поднявшись самостоятельно.

— Позвать барышню Ли Ло? — тревожился Пэн Хэн.

Глава, надрываясь кашлем, лишь покачал головой. Когда приступ успокоился, он с багровыми пятнами на впалых щеках, едва слышно велел:

— Рассказывай. На ногах мне будет легче выслушать тебя. И так, ты решил, что исчезновения в деревне объясняются жертвоприношениями Горному духу?

— Да. И захотел все проверить, после того как Хранители сказали, что принесение жертвы стало проводиться не правильно, без соблюдения должного ритуала, потому Горный дух перестал их требовать. То же самое сказали мне почтенные старейшины деревни. Но, ни те, ни другие не смогли ответить с чего они решили, что исчезновение людей в Снежных Листопадах — это жертва Горному духу. Ведь в деле об исчезновениях людей, даже намек нет на какой бы то ни было ритуал.

Повернувшись ко Второму мастеру от окна, к которому отошел, Глава заложив руки за спину с цепким интересом посмотрел на него, как будто увидев заново.

— И? — глухо спросил он.

— Никто из них не смог ответить на мой вопрос. Хранители утверждают, что так им рассказали деревенские старейшины. А те начали уверять, что так повелось издавна и никогда не обсуждалось. Они не могли вспомнить с какого момента стали считать, что пропавшие в лесу сельчане — жертвы Горному духу. Тогда я принялся расспрашивать родственников пропавших людей за последние три лета. У одной из пяти семей, девочка исчезла когда с другими детьми играла у Цветочного ручья в прятки. Из второй семьи хозяин ушел искать козу на Туманный луг. В третьей потерялась старуха, что убрела за скалу в поисках хвороста. Молодая вдова с дочерью сгинули, когда пошла за ягодами через тот же Туманный луг. И, наконец, старик Бао, который бродил в роще за скалой. Все эти случаи объединяет одно — место, где их видели в последний раз. Точнее, направление, в котором они ушли.

— В сторону Туманного луга? — кивнул Глава.

— Да. Роща, ручей и Туманный луг, если их обвести воображаемой линией, то Песчаная хижина получается в середине этого полукруга. Вот и выходит, что эти пятеро попали в место появления безлицых.

— В место появления безлицых, — медленно повторил Глава, глядя перед собой.

Одной рукой он перебирал кипарисовые четки, что взял со стола, другую заложил за спину, проходя от окна к низкому столику темного дерева. Не ожидал он от Второго столь дотошного анализа. Неужели Пэн Хэн все таки научился правильно ставить вопросы, чтобы получать верные ответы.

— Но скажи мне вот что: в эту Песчаную хижину ведь могли забрести и другие люди не принадлежащие клану и деревне, просто бродяги и паломники. Но мы не слышали, что кто-то из посторонних пропадал в наших местах? Почему только жители Снежных Листопадов?

— Мы тоже спрашивали об этом. Ну так никто в городе не заявлял о пропажах и никто

не появлялся ни в Снежных Листопадах ни в Поместье в поисках исчезнувших, да и слухов таких не было вовсе, — докладывал Пэн Хэн. — Зато двое деревенских, не сговариваясь, вспомнили, как поздними вечерами в Песчаной хижине горел свет. Это случилось, когда искали девочку и вдову с ребенком. Господин, позвольте мне продолжать разбираться с этим делом.

— Что намереваешься делать дальше? — не без интереса поинтересовался Глава.

— Проследить за Песчаной хижинкой, ведь колдовской ритуал так и не был завершен. Кажется, для сумеречных эта хижина имеет какое-то значение и они должны завершить то, что мы прервали своим появлением. Туда обязательно кто-то да явится, и мы схватим его.

— План хороший, но рискованный. Один ты не сможете его воплотить, ибо имеешь дело с безлицыми. Возьми столько людей, сколько потребуется.

Для Ли Мин же этот день выдался спокойным. Единственно, что тревожило, что Второй мастер, вот уже сутки, не давал о себе знать, но тем же вечером он вошел в ворота дома лекаря. Ленточка с тьяканьем бросилась к нему, пробуя даже зарычать. Ли Мин ковырялась в огороде, вырывая сорняки вместе с ботвой редьки и моркови.

— Вот ты где... — встал перед ней Второй мастер, стараясь не затоптать грядку. — Я и в дом заглянул и двор обошел. Где старшие?

Ли Мин смотрела на него снизу-вверх, прищурившись от вечернего солнца.

— Понятия не имею, — буркнула она. — Но, если я прополю грядки, лекарь не обзовет меня ни на что ни годной лентяйкой. А как твои дела?

Второй мастер опустил перед ней на корточки.

— У тебя нос облез, — пробормотал он улыбаясь. — Я пришел посмотреть на тебя. Не мог прийти вчера, мы сидели засадой у Песчаной хижины с воинами Третьего мастера, а сегодня я веду туда свой отряд. Идешь со мной?

— А то! — вскочила Ли Мин, отряхивая от земли ладони и штаны на коленях. — Подожди, я кое-что прихвачу с собой.

— Тогда пойду потихоньку! Догоняй меня! — крикнул он вслед ей.

Когда она догнала его с узелком снеди в руках, то отдышавшись, спросила:

— А вдруг в хижине так никто не объявится? Что будем делать тогда?

— Но, ты ведь сама сказала, что ритуал не закончен, и кто-то да объявится, чтобы завершить его.

— Даже если и появится, — сомневалась Ли Мин, стараясь идти рядом с Пэн Хэном заметно сбавившего шаг, потому что тропа сузилась и пришлось идти прижавшись плечом к плечу. — Сможем ли мы с твоими людьми совладать с колдуном сумеречных, не то что там задержать его?

— Не будем переживать и беспокоиться раньше времени.

Они прошли знакомой хвойной аллеей и вошли в лиственный коридор.

— Ага... не беспокоиться... как мы совладаем с колдуном без мага? А Фэй Я меня даже на порог моей же собственной пещеры не пускает.

Второй шел молча, отчего-то не поддерживая столь важной темы, пока в сгустившихся сумерках не появилась прогалина и знакомая злосчастная хижина.

Воины Дракона дождя залегли кто в ямах, кто в рытвинах, за кустами и в корнях вековых деревьев, окружив лачугу со всех сторон.

Наблюдательный пункт для Второго мастера был устроен под буком. Сторожа отряда Пятого Лотоса, что вели здесь наблюдение до них, выложили его сухой травой и ветками. К

тому же Второй расстелил еще и свой плащ, так что устроились они со всеми удобствами, опять же плечом к плечу, следя за хижинкой из-за кустов орешника.

— Кто ты, Ли Мин? — вдруг огорошил ее Пэн Хэн после своего упорного молчания неожиданным вопросом.

Девушка обалдело уставилась на него, почувствовав себя провалившимся разведчиком и, приложив ладонь к его лбу, поинтересовалась:

— Братец, у тебя жар?

— Ничуть. Я здоров как никогда, но отчего-то ты вызываешь у Главы сильные подозрения?

— Да забей! — отмахнулась Ли Мин, но заметно приуныла.

Похоже, дело идет к тому, что ее все-таки выставят из клана показательно-принудительными пинками по нижнему месту под мстительный хохот торжествующей Ся Гэ.

— Ли Мин, пусть я буду единственным кто верит тебе и мне все равно кто ты и откуда, но Глава приказал разузнать о тебе все.

— С чего вдруг, такой интерес к какой-то ничтожной ученице лекаря? — фыркнула Ли Мин, холодея. Она точно спалилась!

— Не отмахивайся от этого столь беспечно. Глава дотошен и уж если на кого обратил он свое внимание, то выясняет о человеке всю подноготную, вплоть до начала рода.

— Это не объясняет, почему он вдруг взялся за меня.

— Просто понял, что вовсе не я догадался искать в Песчаной хижине. Я верю тебе безоглядно, только лгать о том, что узнал о тебе, не смогу.

— О чем это ты узнал? — резко повернулась к нему Ли Мин, сердце сжалось в предчувствии скорого разоблачения.

— О том, что у мага никогда не было племянницы, — словно громыхнуло среди ясного неба.

— Послушай, — взяв себя в руки после захлестнувшей ее панической атаки, приблизилась Ли Мин лицом к лицу Пэн Хэна, зловеще зашептав: — Я демон Тринадцатого месяца.

Минуту другую Второй молчал. В темноте лицо молодого человека белело безжизненной маской, а после послышался его тихий смех.

— Негоже так шутить. Ну, какой из тебя демон?! А если даже и так, я готов жениться на таком милом демоне.

— Ладно, не загоняйся, — вздохнула Ли Мин у которой вмиг отлегло от сердца. — Все на самом деле очень просто и вполне объяснимо. Я сирота вот маг и взял меня к себе ученицей, объявив своей дальней родственницей. Мы пошли на эту небольшую ложь, чтобы избежать пересудов, нелепых вопросов и обвинений бог знает в чем. Понимаешь?

— Понимаю. Я ничего не скажу Главе, но смогу защитить, лишь женившись на тебе, дав тем свое имя и статус. Тогда больше никто не посмеет смотреть на тебя свысока, Ли Мин.

— Тебе не разрешат этот брак, — мягко отнекивалась девушка, прикидывая как бы поделикатнее отвертеться от предложения руки и сердца, которое, на самом деле, растрогало ее.

— Я тоже сирота, кто может мне запретить? — со всем пылом и красноречием тихо убеждал ее Пэн Хэн. — Только Глава может это сделать, потому что моя семья принадлежит его роду. Все в клане приходится ему дальней или близкой родней. Кроме, барышни Ли Ло,

мага, лекаря и тебя. Но он уступит, уверяю тебя.

— А Третий мастер?

— Что Третий мастер? Ее разрешения, чтобы жениться на тебе мне не надобно.

— Да, нет же... она тоже родственница Главы?

— А... она приходится ему внучатой троюродной племянницей и мечтает о браке с ним. Но даже если Глава запретит мне жениться на тебе, я возьму тебя наложницей и мы будем вместе.

На этой оптимистичной ноте Ли Мин предпочла закончить их романтические переговоры.

— Что-то нет никого, — зевнула она. — Я уже засыпаю.

— Спи, я покараулю.

Как будто только и дожидалась этих слов, Ли Мин провалилась в сон.

Они появились глубокой ночью, около часа Тигра (три-пять ночи). Второй мягко толкнул, сладко сопящую рядом девушку и когда она подняла голову, кивнул на хижину. Через просеку к ней шли трое. Шли медленно, часто останавливаясь, настороженно прислушиваясь. Сидевшие в засаде сторожа Второго отряда тоже заметили чужаков, потому что напали сразу с трех сторон.

— Ни шагу отсюда, — резко приказал Ли Мин Пэн Хэн. — Мы быстро с ними управимся и я должен найти тебя здесь, когда вернусь.

Она сонно кивнула, не сомневаясь, что Второй отряд тут же повяжет сумеречных, ибо превосходил их вдвое если не втрое. Поэтому с удивлением наблюдала, как возле хижины, где были окружены ночные лазутчики, образовалась какая-то свалка. Слышались приглушенные вскрики, звон мечей, шум ожесточенной битвы, в лунном свете мелькали клинки. Ли Мин силась разобраться, что же там происходит, вылезла из орешника, не взирая на строгий запрет Пэн Хэна. Только отсюда ничегошеньки не было видно. Интересно же самой убедиться, что побеждают, конечно наши, к тому же, могла понадобиться ее помощь медика. Но подбежав к ожесточенной схватке, Ли Мин с удивлением обнаружила, что врагов стало больше. «Как так-то?!» — изумилась она, крутанувшись на месте. Причем непрошенные гости не только не уступали мастерам мечного боя Второго отряда, а превосходили их, ощутимо тесня от хижины к лесу.

Лица чужаков ожидаемо закрыты кожаными масками. И тут Ли Мин увидела невероятное — один из безликих, увернувшись от удара наседавшего на него воина Северного Ветра, вдруг раздвоился. Они что... клонируются?! Что за бред?! Она оглянулась на хижину чье окно и дверной проем освещался неверным светом свечей. Гадство! Это все из-за колдовского ритуала, который все-таки проводится! Не долго думая, Ли Мин обежала схватку, влетела в хижину и, чудом увернувшись от безликого, что защищал вход. Поднырнула под его рукой, когда тот занес меч, встречая атаку налетевшего на него воина клана, кажется, Пэн Хэна, увязавшегося за ней. От волнения вместо: «Стоять!», Ли Мин выкрикнула: «Замри!»

Сидевший над триграммой человек в мешковатом балахоне, замер, оборвав свое бормотание на полуслове и медленно поднял к ней темное безликое лицо.

— Встал и вышел! — властно велела Ли Мин, хотя у нее душа ушла в пятки от его мутного рыбьего взгляда. Но она понимала, что сейчас важно не останавливаться и прессовать колдовавшего дальше, не давая опомниться и сосредоточиться на заклинаниях. — Ты! Свалил, сказала! Хорош дурью маяться, а то язык сотрешь магические глупости

перевирать! Встал живо! — всю хамила она, пытаясь вывести колдуна из себя, хотя под его взглядом разгорающихся пожаром глаз, просто умирала от страха, спрашивая себя поскуливающим внутренним голосом: что это она делает?

Но чем сильнее боялась, тем громче фестивалила. Меж тем глаза колдуна над темной кожаной маской разгорались багровой яростью, он медленно поднял руки и Ли Мин не сомневалась, что сейчас в нее полетят какие-нибудь горящие файерболы и потому начала хватать то, до чего могла дотянуться, швыряясь в колдуна безликих.

— Ну что, нечисть, станцуем джигу?! — бормотала она, подбадривая себя и щедро осыпая колдуна лесным сором, который пригоршнями собирала с пола, не обращая внимания на его недовольные возгласы и ругательства, главное не заклинания.

В, конце концов, когда Ли Мин угодила ему мелким камешком в глаз, он вскочил, а она тут же плюхнулась животом на землю и начала стирать с земли триграмму. С яростным рыком безликий кинулся на нее, но был остановлен Вторым мастером, вставшим на его пути.

Соединив перед собой ладони, безликий начал подниматься над землей, тогда как меч Второго мастера, словно наткнулся на невидимую преграду. Напряженные движения колдуна выдавали то невероятное усилие с которым он собирал и концентрировал свою магическую мощь, готовясь шарахнуть ею по Второму мастеру и несносной девке. Но, похоже, удержание магической защиты, которым он окружил себя не давая возможности Второму мастеру приблизиться, оттягивало половину его силы и энергии, отсрочивая для Ли Мин и Второго гибельный момент.

К тому же, перепачканная девчонка упрямо возилась на земле, стараясь дочиста стереть с нее триграмму, чуть ли не перепаживая животом весь пол. Колдуну очень досаждали эти двое и он, пожертвовав своей безопасностью, снял магическую защиту. Ли Мин резво вскочила, швырнув в колдуна землей, одновременной с кинувшимся на него с другой стороны с мечом Пэн Хэном. Но колдун ловко подался назад, откинувшись так, что принял в воздухе лежащее положение, и предназначенная ему пригоршня земли попала во Второго мастера, что затряс головой, бестолково махая перед собой клинком.

— Гад! — досадливо ругнулась Ли Мин. — Прости! — первое восклицание относилось к колдуну, второе к Пэн Хэну.

Колдун, приняв в воздухе сидячее положение, скрестив ноги, поднял и раскрыл ладони в которых потрескивали вспышки, становившиеся все ярче. В их проблесках угадывались молнии способные испепелить все живое на несколько ли вокруг и направлены они были на Ли Мин и Пэн Хэна. Вместо того, что бы разбежаться в разные стороны, не дав колдуну уничтожить их одним ударом, Ли Мин бросилась к Пэн Хэну, решив стать его глазами, схватила парня за руку, потянув к двери в которых встал один из безлицых, не выпуская их из хижины. Удары Второго мастера ожидаемо проходили впустую и били мимо безлицего, который словно предчувствуя следующие выпады, ловко уворачивался от них. Даже то, что Ли Мин пыталась отвлечь его на себя, не помогало.

Узрев одним глазом, что назойливым противникам уже не выбраться из хижины и они обречены, колдун поднял руки, приготовившись атаковать молниями, не смотря на то, что мог убить своего помощника. Словом ученица лекаря и Второй мастер попали в ловушку. К тому же, безлицей с глухими вскриками начал яростно теснить Пэн Хэна под «прицел» колдуна молниеносными взмахами меча. И только многолетняя выучка, как и муштра, помогала молодому офицеру избегать разящего клинка безлицего. Однако ему не хватало

мастерства, что бы самому перейти в наступление, к тому же его беспокоила Ли Мин, которую он прикрывал, тогда как безлицый все ускорял выпады, ужесточая свой натиск.

Еще немного и кто-то из них будет либо нашинкован безжалостным мечом безлицего, либо сожжен молниями колдуна, который уже сделал свой выбор в пользу чумазой грубиянки, старательно целясь в нее одним глазом.

Но случилось непонятное. Что-то белое, привидением промелькнуло между безлицым и Вторым мастером и безлицый начал оседать, схватившись за перерезанное горло, а в углу хижины, опираясь на меч, стоял на колене, тяжело переводя дыхание Глава. Ли Мин тарасилась на него, не понимая, откуда это он тут вообще взялся. Второй мастер кинулся к нему, не обращая внимания на захлебывающегося кровью безлицего и колдуна, замершего от неожиданности. Бывает же такое фантастическое мастерство, прям фильм уся. Не ожидала Ли Мин подобного от задохлика Главы, что ненавязчиво и незаметно «уговорил» безликого воина, тихо, спокойно и навсегда. Она еще не отошла от той стремительности с какой был уничтожен враг, как мимо со свистом пронесся упругий воздух.

С этого момента девушка не знала то ли верить своим глазам, то ли упрямо отрицать очевидное. Только скрученный в две плотные струи воздух, что сходились острым клином, пронзил грудь колдуна Сумеречных, пройдя насквозь человеческое тело, будто горячий нож масло. В огненные бешено вращавшиеся шары, что назревали, раскаляясь добела в раскрытых ладонях колдуна, готовые вот-вот сорваться в цель, влетели струящиеся жгуты скрученного воздуха, и обвив их, погасили. Пламенные сгустки энергии, что раскаленные чугуны шары, темнели с шипением поднимая взвесь пара. От этого воздушные струи превращались в льдистые жгуты, все сильнее оплетая багровеющие сгустки, образуя невероятную смесь холода и жара, втягивая их в почерневшую воронку — развороченную грудь колдуна. Колдун корчился, скрючив пальцы в предсмертной судороге словно когти хищной птицы, растянув рот в беззвучном вопле, испытывая такие нечеловеческие муки, что даже сил на крик у него не оставалось. Он обугливался, ссыпаясь в прах, пока от него не остался только дым, да и тот рассеялся без следа.

— Что с тобой? — вывел Ли Мин из ступора испуганный голос Второго. — Тебе не хорошо? — при этом он поддерживал бледного Главу, что сжимал меч дрожащей рукой, а другую прижимал к груди.

— Кому не хорошо? Мне нравится, — буркнула Ли Мин потрясенно и поднесла ладонь ко лбу. — Так! Что это вообще было?

Второй лишь головой покачал и поддержал Главу, что оседал на пол, помогая ему устоять на подгибающихся ногах. Глава закашлялся и выплюнул сгусток крови. Вот уж кому было действительно нехорошо.

— Господин, зачем вы здесь? — озадаченно спросил Пэн Хэн Главу, заметно тревожась за него. — Зачем применили столь опасный прием? Вы же знаете, что вам нельзя тратить жизненную энергию, это убьет вас!

— Помоги... добраться до... Поместья, — едва слышно проговорил тот.

— Ли Мин, — ведя пошатывающегося Главу из хижины, позвал Второй мастер. — Беги к лекарю Бину.

— Ага, — тот час подхватила Ли Мин, но едва выбежала из хижины в предрассветные сумерки, как хлынул дождь, вмиг вымочив ее до нитки.

У хижины собрались воины клана, заноса под крышу раненых, другие обступили тела трех безлицых, которых, в конце концов, одолели, не смотря на магию клонирования.

— Ли Мин, — позвали ее и девушка обернулась к стоящим в дверях хижины Второму мастеру и Главе. — Вернись под крышу, — строго велел ей Пэн Хэн, почти таща едва передвигавшего ноги Главу. — Простудишься.

Кофта на ней действительно вымокла насквозь и влажно липла к телу, распущенные волосы облепили голову, плечи и грудь мокрым покровом.

— На бегу согреюсь, — выпалила Ли Мин ежась не столько от дождя сколько от откровенных взглядов мужчин.

Ко Второму мастеру поспешили два воина, подхватывая Главу с двух сторон, а Ли Мин помчалась что есть силы к лекарю, почти не разбирая дороги. За шиворот лило с листьями, больно хлестали мокрые ветви, под ногами хлюпал влажный мох, пахло засасывающим болотом.

Когда прибежала к лекарю, от ее головы поднимался пар, и она почти не помнила, как добралась до крыльца. Растолкала учителя и пока он собирался и все соображал спросонья о каком колдуне, хижине и засаде бессвязно бормочет несносная девчонка, пока та не заявила, что Глава вместе со Вторым мастером отразили магию Сумеречного клана тайным ударом. Никак не прокомментировав услышанное, лекарь Бин, коротко велел Ли Мин показывать дорогу, поспешая за ней. Слыша за собой тяжелое хриплое дыхание старика, Ли Мин невольно придерживала шаг, за что ее тут же обозвали неуклюжей черепахой, призывая шевелиться быстрее. У хижины оба появились ровно в тот момент когда на просеку вышли воины Третьего отряда с носилками во главе с Ся Гэ. Оказывается за ними был послан один из воинов Пэн Хэна, как только Ли Мин умчалась за лекарем Бином.

Пока лекарь хлопотал укладывая обессиленного Главу на носилки, Ли Мин спросила подошедшего к ней Пэн Хэна.

— Этот особый прием Северного Ветра, может погубить владеющего им?

— У каждого, кто использует его он забирает ци, — вздохнул Второй. Выглядел он донельзя утомленным, словно сам только что применил этот тайный прием. — Но овладевший им становится непобедимым. Потому многие хотят освоить его, но не каждому Глава готов передать подобное знание. Он еще никого не взялся обучать ему.

— То есть знает его только он один?

— Да.

— Супер! Если он не сегодня-завтра помрет, то клан обречен?

— Выходит, что так, — вынужден был согласиться Второй мастер и добавил, восхищенно: — Ты такая бесстрашная, есть ли на свете что-нибудь, чего бы ты не боялась?

— Конечно. Я ужасно боюсь «воспитательной» палки учителя.

На следующий день, Ли Мин с магом сидела во дворе у лекаря Бина. В это солнечное утро слабо верилось в кошмар, произошедший ночью. За чайным столиком на галерее, все трое пили ароматный чай из трав заваренный лекарем и Ли Мин подробно рассказывала о ночных событиях.

— То что стало с колдуном, я видела собственными глазами, — говорила она, будто хотела больше убедить в этом саму себя, чем своих собеседников. Выспавшаяся и отдохнувшая, она могла теперь спокойно оценить случившееся у Песчаной хижины.

Лекарь Бин скептически качал головой, когда она рассказала о том как уничтожился колдун Сумеречных, а так даже не известно, чем бы все закончилось для клана и для Ли Мин со Вторым мастером, если бы не воля Неба.

— Да чтобы смогли сделать безлицые? — пренебрежительно отмахнулся маг. — У них

ничего бы не получилось, потому что я знаю, что за ритуал они проводили, следовательно, смог подготовиться заранее. Они создали Воздушный нож, который послали поразить Главу в самое сердце. Мне оставалось лишь перенаправить сие магическое оружие к создавшему его, вот и все.

— А откуда... — начала было Ли Мин с вытянувшимся от удивления лицом. Маг только этим утром покинул пещеру, спустившись к ним с горы Доуфань.

— Мне сообщили растения и деревья, потому я и узнал... — хитренько сощурившись, ответил Фэй Я.

— Как это... сообщили... — пробормотала сбитая с толку Ли Мин, глядя на него недоверчиво и в то же время с детским нетерпением, будто ожидая продолжения захватывающей сказки.

— Я слышу их... чувствую... — улыбаясь, объяснял маг, явно забавляясь ее детским недоумением. — Цветы сообщают своими запахами, деревья шелестом листьев, травы — колыханием...

— Вот как... — протянула девушка, и вид у нее был такой растерянный, что маг рассмеялся.

— Да Глава ему сообщил... и о ритуале тоже он предупредил, — ворчливо выдал мага лекарь Бин. — Потому у него было время подготовить ответный удар — возвращение Воздушного Ножа и перестань морочить девчонке голову. Что касается Главы, то не знаю, когда он придет в себя. Прием Северного Ветра становится все опаснее для него самого. Скорей бы уж передал его кому-нибудь, да только все не может найти достойного преемника, что мог бы владеть им. Он уже четырежды применил его, пятый раз станет гибельным для него.

Вечером Ли Мин вернулась в свою пещеру и до ночи прибиралась в ней после беспокойного постояльца, а на рассвете возле входа рыкнул Горный дух и Ли Мин подскочив, вмиг проснулась. У нее чуть сердце не выскочило из груди, когда выглянув, увидела у своей пещеры... безликого...

— Помогите... — пискнула она, горло вмиг пересохло, а безлицый... рассмеялся.

— Ли Мин, — произнес он весело. — Это я Пэн Хэн.

— Иди ты... — деловито отмахнулась девушка и самозабвенно затыкнула: — Ка-ра-а-а-у-ул!

— Магия Фэй Я и впрямь удивительна и сильна, — говорил безликий стремительно меняясь и теперь перед ней действительно стоял улыбающийся Пэн Хэн. — Это его «иллюзия изменения черт» и правда нечто! — смеялся он.

— Вот придурь! — отдувалась все никак не отошедшая от испуга Ли Мин. — Ты меня чуть до белых тапочек не довел!

— Успокойся, — вдруг обнял ее Пэн Хэн, успокаивающе погладив по спине и плечам. — Не держи на меня обиды.

— Ладно, забудем... — отстранилась дувшаяся на него девушка, но Пэн Хэн вновь привлек ее к себе. — Зачем пришел? Чтобы напугать меня? — бубнила она уткнувшись в его широкую твердую грудь.

— Извини. Знаю, что не любишь, когда приходят сюда, но я хотел попроситься.

— Как? Уже? — отстранилась Ли Мин, опять расстроившись. Утро у нее, можно сказать, задалось!

— Да, — кивнул молодой человек.

— Сегодня?

— Сейчас, — поправил он. — И я хочу поговорить с тобой перед тем как мы расстанемся. Выслушай меня. Ты ведь знаешь о моих чувствах? Ты мне нравишься и я хочу жениться на тебе. Дождешься меня? — и он еще крепче обнял ее.

— Хэн... — попыталась высвободиться Ли Мин.

— Не волнуйся, никто нас здесь не увидит...

— Хэн, ты только вернись, ладно, а я буду ждать.

— Хотел было попросить у тебя что-нибудь на память, но Фэй Я запретил. Колдун сумеречных сразу почует вещицу наполненную любовью и надеждами. Ты ведь не оскорбишься если я сделаю вот это... — и склонившись к Ли Мин, легонько поцеловал ее губы. — Этого я точно не забуду, даже после смерти, — отстранившись прошептал он.

— Будь осторожен, выживи и вернись, — снова попросила его девушка.

Мор

Расставшись с Пэн Хэном, Ли Мин спустилась к дому лекаря, но ни кого из старичков, почему-то, не застала. Маг, понятно дело, отправился провожать Второго мастера и безликого, уходящих в стан врага, а лекарь мог быть только в деревне. В доме его неизменного медицинского ящика с необходимыми лекарствами Ли Мин ненашла и поспешила в Снежные Листопады. Наверняка туда его призвало что-то срочное — деревенские на удивление травмировались много чаще, чем воины клана.

Стояла сухая жара и Ли Мин проходя мимо ячменного поля видела головы тех немногих жнецов, что убирали урожай. Со стороны гор прогретый воздух доносил ароматы разнотравья, а минуя по хлипкому мостику бурный ручей, она, сквозь свежесть водяных брызг, чувствовала запах прогретого дерева и раскаленных на солнце камней.

Снежные Листопады словно вымерли, на деревенских улочках никого и Ли Мин металась от дома к дому в поисках учителя. В хижине землекопа Ву, она его и нашла. Лекарь Бин сидел возле больной жены Ву и двумя ее детьми, жавшихся к матери. Сам землекоп лежал под холстинным саваном в углу.

— Учитель, — взволнованно окликнула лекаря Ли Мин.

Тот выжимал тряпицу над утоптаным земляным полом, что бы положить ее на горячий лоб тихо стонущей женщине, лежащей на циновке без сознания. Губы ее обметало от жара.

Лекарь хмуро взглянул на Ли Мин, но ни словечком не выговорил ей, сдерживая свое беспокойство и тревогу. Оно и понятно, заболело три семьи и Ли Мин порядком забеспокоилась, заметив странную фиолетовую сыпь на заболевших, когда осматривала их в тех домах, куда заходила в поисках учителя. Видимо на ее лице отразилась растерянность и паника, потому что наткнулась на предостерегающий взгляд насупившегося лекаря, едва сдержавшись от опрометчивых высказываний.

— Что скажешь, ученица моя? — спросил старый лекарь после, когда они в сумерках, так и не принеся долгожданной прохлады, вышли во двор дома. — Ты ведь уже побывала в других домах?

— И везде больные с одинаковыми признаками заразной болезни, но это не чума, — коротко доложила Ли Мин.

— А то я не знаю! — разворчался лекарь Бин. — Я ведь, наверное, в первую очередь осмотрел заболевших на предмет бубонной чумы!

Его раздражение не сбilo Ли Мин с толку, она уже привыкла к его непростому характеру, как и резким перепадам настроения.

— И не оспа, — продолжала она, как ни в чем ни бывало, — хотя имеется сыпь, но не красная, а какая-то фиолетовая. Распознать эту фигню не могу, потому что ничего о ней не знаю, первый раз вижу подобное высыпание.

— Я тоже встречаюсь с подобным впервые, — признался мрачно лекарь.

— Это не чума и не оспа, а не известная эпидемия, — подвела итог Ли Мин.

— Тогда займемся делом. Необходимо блокировать болезнь у заразившихся в жизненно важных точках их тела, не дав распространиться по нему дальше и подпитываться силой крови. И повязки на лицо повязку. Работы предстоит много, мне не нужно, что бы свалилась еще и ты.

Пока деревенские молились Небу и горевали по умершим, лекарь Бин предпринял меры, отправив в Поместье восточку-наказ, что бы поставили карантинный заслон между Снежными Листопадами и Поместьем со строжайшим запретом приближаться кому-либо к деревне. Утром следующего дня в карантинный дозор заступил Третий отряд Пятого Лотоса.

В довершение ко всему, лекаря не отпускало беспокойство за Главу, которого он оставил в плохом состоянии после неосмотрительного применения им тайного приема-броска в Песчаной хижине. Лекарю было не по себе, что он не сможет вовремя оказать Главе помощь, если тому вдруг станет хуже.

Сама Ли Мин сразу сосредоточилась на больных. Подавленная расставанием с Пэн Хэном, она стремилась отвлечься от тревожных мыслей и беспокойства за него. Люди в деревне продолжали заболеть один за другим, лекарь и Ли Мин старались разобраться с этим поветрием, но как ни бились, распознать, что это за мор не удавалось. Они смешивали «магические» травы, что на самом деле попросту укрепляли иммунитет, заваривая их на «воде, которая не коснулась земли», то есть на росе. Прижигали активные точки на теле заболевших пучками тлеющей травы. Готовили даже отвары из сушеных скорпионов, оленьих сухожилий, щитомордника, муравьев, японской айвы в строгом соответствии с указаниями из травника «Яо Ши Тун Юань», гласящего, что лекарственные средства и продукты питания для больного должны иметь одинаковое происхождение. Все нужное, по счастливой случайности, оказалось у лекаря в его медицинском ящике.

Затруднения Ли Мин начались, когда лекарь разрываясь между больными, велел ей «прочитать» пульс у одного из заразившихся, а после ее короткого ответа, что пульс учащенный, посмотрел на нее так, будто вместо обещанного золотого дракона увидел сороконожку.

— И это все, что ты можешь сказать? — недоверчиво поинтересовался он.

— Но... диагностика древних проходила у нас факультативом... В наше время уже не диагностируют по пульсу... — виновато оправдывалась студентка медицинского института, чувствуя себя ужасным неучем.

— Как же вы лечите тогда? — дивился на нее лекарь древности.

— А у нас много навороченных медицинских аппаратов... механизмов, — пояснила она под его недоуменным взглядом, понимая насколько слаб ее аргумент.

— Небо... ну что за невероятное невежество! — рассердился лекарь Бин. — Механизмы... как они помогут лечению?!

— Но...

— В этом твоём будущем учат всякой ерунде, — категорично заключил учитель.

— Но...

— Какие из вас там лекари получают, я скажу лишь после того, когда увижу, как ты работаешь с иглами и как точно находишь энергетически важные точки на теле больного.

— Но нетрадиционной методике не обучают в высших заведениях и мы...

— Так, — оборвал ее наставник. — Покажи-ка мне основную точку и найди энергетический поток в теле этого больного.

— Но мы же еще...

— Вот какой, скажи, от тебя прок? — рассердился лекарь, но сдержался, не смея распекать свою ученицу при больных. — Ты хоть держала иглы в руках? — понизив голос, поинтересовался он, сверля ее требовательным взглядом.

— Уколы делала... — проямлила его ученица.

— Уколы... — хмыкнул лекарь. — Пойдем, некогда тут разбираться на что ты способна, покажешь мне все что умеешь на деле.

Но когда оказалось, что Ли Мин никогда не ставила акупунктурные иглы, лекарь, кажется, совсем пал духом. Послало же Небо помощничка! Ли Мин, мягко говоря, разочаровала учителя, но даже поругаться на нее как следует при больных, он не смел, смогут ли тогда пациенты довериться ей как целителю, да и времени на это не было. Он только недовольно морщился, да презрительно хмыкал, меряя ее уничижающими взглядами. Сам лекарь Бин оказался мастером пульсовой диагностики, как и иглоукалывания, которую применял сейчас вовсю.

С этого дня началось обучение Ли Мин с кучей информации и суровой практики.

После того как лекарем была прочитана полная лекция о видах пульса с их привязкой к органам человеческого тела, он принялся гонять подопечную, заставляя ее начинать осмотр пациентов со считывания пульса. От выволочек Ли Мин спасала нехватка времени и хроническая усталость учителя, который, к концу дня, засыпал там где его валил сон.

— Прежде чем взять иглы, смотри пульс, — терпеливо втолковывал ей Бин, когда они скорым шагом шли к дому дровосека, что находился возле леса, на самой окраине деревни. — Это даст тебе возможность увидеть ци (энергию) органов. Только после этого начинай лечение. О наполненности органов ци, узнаешь, прощупав пульс, тогда и определишь преобладание ци или ее нехватку. А теперь расскажи мне каков пульс у больных с уже проступившей фиолетовой сыпью?

— Замерзающий «Дай», — тут же ответила Ли Мин. — Удары этого пульса быстрые, но не достаточно сильные. Ритм похож на тонущего, который пытается держаться на воде и то уходит с головой под воду, то вновь выплывает. Это происходит от недостатка энергии ци, — без запинки выдала она. — Такой пульс ведет органы к смерти и определяется у больных с серьезными необратимыми процессами, он еще характерен для глубоких стариков, которые совсем истощены и готовы уйти к Желтой воде (загробная река).

— Значит, эта непонятная зараза бьет по самым слабым, прежде больным местам человека? — решил каверзно подловить ее учитель.

— Нет, — отчеканила Ли Мин, сдавая экзамен на ходу. — Этот неизвестный нам мор сразу захватывает сердце и легкие, что приводит к мгновенной смерти. Те, кто прежде болел ими — умирают быстрее, только и всего, — ответила Ли Мин уверенно.

Лекарь кивнул, выказывая скупую похвалу — девочка все схватывала на лету. Дровосека они нашли лежащим с высокой температурой на циновке в углу дома со скудной обстановкой.

— Вот маг способен видеть сквозь тело органы человека, и потому его диагноз всегда верен, — вздохнул лекарь Бин, готовясь посетовать, что Фэй Я с его «небесным зрением» сейчас не с ними, когда так нужен тут. Но передумал и, оставив не нужные сожаления, вновь начал наставлять свою ученицу:

— Организм словно река, — рассказывал он, переворачивая с помощью Ли Мин кряжистого плотного дровосека Се Туна. Взяв его запястье, сосредоточенно послушал пульс, а после продолжил: — Когда вода идет свободно по своему руслу, она дает жизнь. Но если где-то затор, то выше реки будет наводнение, а ниже — засуха. верно? Вот так и болезнь нарушает организм, все силы которого будут направлены на затор, оттого там возникает «полнота» с отеком, краснотой и жаром.

— То есть воспалением? — кивнула Ли Мин. Осмысливая его слова, она подняла

пропотевшую рубашу на истощенном теле Се Туна, с содроганием видя, как лекарь достает бамбуковый футляр в котором носил иглы.

— Называй это так, — согласился он, — но когда возникает эта «полнота» — значит, где-то будет «пустота», потому что какие-то органы не получают необходимого.

— Выходит иглоукалывание помогает запустить самовосстановление? — пробормотала Ли Мин, глядя на иглы. — Когда в эту зону приливает кровь стимулированная иглами, нервы начинают активно работать, происходит лимфодренаж, сюда же подтягиваются и лекарства, что воздействуют на поврежденные органы. Все это образует гуморальный иммунитет. Почему же, сейчас это не работает? — вопросительно и тревожно посмотрела она на учителя, осторожно и уверенно введившего иглу возле носа и у виска метавшегося в жару дровосека, что бы снизить жар.

— Вот ты мне и скажи: почему? — засопел учитель. — Что ты сейчас видишь? Устойчивую «наполненность» или «пустоту»? Почему ци не расходится по телу бедняги Се?

— Что-то блокирует ее, — ответила Ли Мин разглядывая грудь, шею и плечи больного покрытые фиолетовым высыпанием. — Но, что именно, мы так и не выяснили.

— Но мы хотя бы поняли, что болезнь поселилась в сердце и легких. Это подтверждают те пульсы, которые я сейчас прослушал у наших больных. Пульс «жэнь ин» дает начало крови, а пульс «ци-коу» — начало энергии, но, ни энергия, ни кровь не расходятся по телу, что бы оживить организм больного.

— У всех заболевших пульсируют яремные вены, что подтверждает сердечный порок, от которого умирает большинство заболевших, — высказала свои наблюдения Ли Мин. — Одна надежда, что вы сумеете иглоукалыванием разблокировать поток энергии и здоровой крови.

Через несколько дней непрерывной практики, она уже уверенно отвечала на вопросы лекаря Бина и действовала как бывалый медик. За эту неделю Ли Мин узнала много больше о пульсовой диагностике и нетрадиционном лечении, чем за то время, что отучилась в институте. За эти дни неустанных усилий лекаря и его ученицы, стало понятно, что ни лечебные отвары, ни разблокирование иглами энергетических точек, ожидаемого спасения, к сожалению, не принесли, напротив, заболело еще несколько человек.

— Необходимо отделить уже заболевших людей от здоровых. Карантин — первое правило при повальном заболевании, — предложила Ли Мин, не позволяя себе сдаваться. — Это нужно было сделать в первую очередь.

— Все и так сидят напуганные по домам и не выходят, — неуступчиво буркнул лекарь, отдуваясь от жары под повязанной на лицо косынкой. — Делай, что хочешь. Только кто будет разлучаться со своей семьей, и как ты сможешь уговорить людей на такое, в толк не возьму.

В задумке Ли Мин помогла Чи Нянь, семья Ши Цин и вдова Е Чен, которая отдала своих хижину под лазарет, перебравшись в дом супругов Цин. Так молодым женщинам было легче присматривать за детьми.

— Зачем мне уходить из дома? Если Небу угодно, то, как бы не обезопасили вы мою семью, мор все равно достигнет нас, — ворча, упрямылся старик Шо при молчаливой поддержке пяти сыновей и десяти внуков.

— Небу угодно спасти вас, только Небу в этом нужно помочь, — покладисто отвечала Ли Мин, подхватывая его под руки и выводя из дома вместе с младшими. — Подумайте о своих внуках. Будут ли они почитать своего деда, который не захотел ничем поступиться

ради них.

После того, как патриарх семейства Ши был помещен в импровизированный лазарет, туда потянулись остальные семьи, приводя своих заболевших домочадцев, которых принимала и устраивала Чи Нянь.

— Ничего не понимаю, — бормотала расстроенная Ли Мин, через три дня. У нее уже сдавали нервы, что бы они с лекарем Бином ни делали, какие меры не принимали, как будто колотились о глухую стену. — Мы окурили полынью и смолами каждый уголок в деревне и обеззаразили в ней все, что только можно. Приучили всех кипятить воду и вещи. Больные изолированы. Деревню разбили на три участка, разместив отдельно здоровых и больных. Перепробовали все лекарства, что были нам доступны. Не помогло ни одно. А зараза все набирает силу и ничем ее не остановить.

Сложив на груди руки лекарь Бин лишь мрачно кивал ее словам, ибо это был неутешительный итог их, увы, бесполезного врачевания.

В эти нелегкие дни и бессонные ночи, Ли Мин научилась с ходу определять нужные точки на теле, которые, по мнению лекаря Бина локализовали болезнь, но вводить иглы побаивалась, хотя лекарь, всю используя иглоукалывание, как никогда нуждался в лишних руках.

— Тренируйся, — настаивал он, наблюдая за тем, как она собирается ткнуть иглой в свою руку.

— Да на ком? — малодушно отвела иглу в сторону Ли Мин.

Хмыкнув, лекарь тряхнул рукавами и, заложив руки за спину, отошел к очагу, где кипели отвары. Некоторые из них пришло время снимать, остужать и давать пациентам.

— А можно потренироваться на вас, учитель? Учи-итель... — взывала вслед поспешно удаляющемуся с отварами лекарю несносная девчонка.

Пришлось Ли Мин бежать с иглами к своим подружкам Фан Юэ и Чи Нянь. Фан Юэ дома не было, Лай с недавнего времени работала помощницей прачки в Поместье, упрямо идя к своей заветной цели — вознестись до наложницы Главы. На просьбы Ли Мин стать ее практическим пособием согласилась лишь покладистая Чи Нянь. И когда, сидя на крылечке «лазарета», горе-лекарь принялась неловко вводить иглу в ее руку, та лишь морщилась да тихо ойкала.

— Вот зачем терпишь раз больно? — сердилась Ли Мин, потея от страха и напряжения.

— И хорошо, что больно, — выдохнула подружка, подбодрив свою мучительницу дрожащей улыбкой. — Это облегчит мои сердечные страдания.

— У тебя болит сердце? — перепугалась резко выпрямившаяся Ли Мин, уронив иглу на колени.

— Я не заболела, вовсе нет, — поторопилась успокоить ее Чи Нянь, печально улыбнувшись. — Не о такой сердечной боли я говорю.

— Что же тогда? — тревожно оглядела ее Ли Мин.

— Не могу забыть его, — вздохнула Чи Нянь и Ли Мин поняла, что речь идет о старшем сыне кузнеца. — Но он выбрал не меня, а Фан Юэ. Вот и мучаюсь, не в силах позабыть его и всеми силами сдерживаю досаду на дорогую подружку. Как я могу испытывать ненависть к ней? Но чувство ревности так черно, что поневоле завладевает мной и недозволенные мысли осаждают упрямо. Сердце разрывается, когда вижу их вместе, даже слезы не помогают. Что мне делать, Ли Мин? Что же делать? Имеется ли у тебя такое лекарство, что успокоит любовный недуг? Когда родные сговорили меня за вдовца-горшечника Гу, я противилась

этому браку как могла, а вчера вот согласилась. Будущий муж обещает увезти меня в город, у него там лавка, где он продает свои горшки. Уехать из Снежных Листопадов единственное спасение для меня, правда? Только Небо решило до конца испытать меня. Из-за мора мы вряд ли сможем уехать в город и я буду видеть их... его... Так, что смело, не боясь и не сдерживаясь, втыкай в меня свои иглы... Боль причиняемая ими ничто по сравнению с мукой неразделенной любви.

— Чи Нянь, ты такая сильная, — погладила ее по руке потрясенная Ли Мин, неуверенно взяв с колен иглу. — У тебя хватило мужества не оправдывать себя, отойти в сторону, бороться с собой и со своей любовью, чтобы не мешать подруге Фан. Небо вознаградит тебя за это...

— Ой... — вздрогнула девушка, когда игла Ли Мин неудачно ткнулась ей в предплечье.

Но после очередного «тыка» иглы Чи Нянь вдруг обездвижела и Ли Мин в ужасе помчалась к лекарю. Тот сразу поспешил к пострадавшей, кляня на чем свет свою непутевую, криворукую ученицу.

— Боги Небесные, дайте мне терпения! — потрясал он кулаками. — Уйди с глаз моих долой!

И Ли Мин, чтобы не искушать судьбу, быстренько сбежала от разгневанного учителя. Самое время увидеться со счастливицей Фан Юэ, а потому направилась к кузнице.

Кузнец мастерил что-то под навесом и поднял на подошедшую ученицу лекаря вопросительный взгляд. Тогда она попросила его вырезать «вот такую вещицу» из дерева, которую показала нарисованную на бумаге, сказав, что кроме него выточить вычурный предмет непонятого назначения некому — плотник Шуан вот уже как три дня умер. Выслушав ее, кузнец кивнул, взял у нее помятую бумажку, какое-то время внимательно изучал рисунок, а потом, молча, принялся за дело, выполняя странный заказ.

Отвечая на вопрос Ли Мин не у них ли Фан Юэ, кузнец кивнул в сторону дома, куда та поспешила. Сам он остался во дворе под навесом, перебирая деревянные бруски, неприязненно поглядывая на младшего сынка-недоумка, что возился за бамбуковой изгородью хлева с тремя свинюшками. Этому бугаю нипочем была никакая зараза, мор его будто стороной обходил. Покачав головой кузнец, приземистый и крепкий словно дуб, что пережил на своем веку не одну бурю, но так и не согнулся, старался не смотреть на двери дома. Он хватался за любую работу, чтобы подольше оставаться во дворе, боясь входить в собственный дом. Его старший сын слег от непонятого мора и теперь возле него, пренебрегая своим здоровьем и жизнью, сидела не только его матушка, но и Фан Юэ недавно ставшая его невестой. И напрасно матушка угасавшего на глазах юноши с тихими слезами увещевала девушку не подвергать себя риску быть зараженной, уйти домой и побережись, та не слушала ее уговоров, боясь хоть на миг оставить возлюбленного. Девушка, сидела возле постели умирающего, глядела перед собой пустыми глазами полными слез, не отпуская руки своего жениха. Она ничего не ела, просто сидела возле него неподвижным, скорбным изваянием.

— Фан, — обняла ее за плечи Ли Мин, садясь рядом. — Фан, пойдём со мной, он уже не переживет этой ночи. А тебе нужно отдохнуть, чтобы иметь силы принять неизбежное, да и поостережись тоже... Пойдем со мной.

Но Фан, все так же глядя в одну точку, отрешенно отвела от себя руки Ли Мин. Со двора позвали ученицу лекаря и она вынуждена была уйти. А утром возле умершего жениха нашли Фан Юэ с ножом в груди.

Что за несчастья обрушились на Снежные Листопады?! Гибель влюбленных деревня пережила особо болезненно. После похорон, оглушенная смертью молодой пары Ли Мин долго не могла успокоиться. И хоть лекарь Бин призывал ее побыстрее прийти в себя и собраться, по нему самому было заметно, что гибель влюбленных потрясла его. Ли Мин смотрела на осунувшееся лицо Бина, его впалые щеки, на выбившиеся из пучка на макушке поседевшие волосы, понимая, что ему сильно достается. Такое напряжение и ответственность не каждый сможет выдержать и не сломаться.

Смерть молодых людей переживалась всеми глубоко, что уж говорить о Чи Нянь.

— Я не хотела такого... — иступленно шептала она в слезах, стоя у их могилы вместе Ли Мин. — Правда... я не желала им подобного. Ты мне веришь?

Наблюдая, как сжигают тела подруги и ее возлюбленного, — а с началом мора умерших начали предавать огню, — зареванная Ли Мин гундосо проговорила:

— Вершить людские судьбы по силам лишь Небу, но никак не тебе, — и обе зашмыгали носом, оплакивая безвременно ушедшую подругу и ее жениха.

После похорон обе сидели на пороге дома Чи Нань, поминая несчастную Фан Юэ.

— Как там поживает Лай? — Вздохнула Чи Нань, допивая второй кувшинчик вина с странным названием «Аромат соломы». Но тут уж ничего не поделаешь — отец Чи отличался редким остроумием. Делал он вино из перебродивших слив с добавлением, якобы, соломы. Как бы то ни было, но получалось оно крепким, с привкусом луговой травы. Секрет вкусного вина никто так и не смог выведать у достойного Чи, державшего его в строжайшей тайне.

— Думаю, Лай неплохо устроилась, — вздохнула опустошенная слезами Ли Мин, глядя на звезды, что уже перестали расплываться перед ее глазами. — Похоже до Поместья мор не добрался, так что с ней все хорошо. А ты теперь оставишь горшечника Гу? У тебя ведь уже нет необходимости выходить за него замуж и уезжать в город.

— Невозможно, — покачала головой Чи Нянь, опустив кувшинчик с «Ароматом соломы», так и не допив его. — Я уже слово дала и не могу взять его обратно.

Вернулась Ли Мин с похорон к лекарю в хорошем подпитии, хотя Чи Нянь уговаривала ее остаться. Но где там? Ли Мин непременно должна была предстать перед учителем и убедиться, что с ним все в порядке.

— Посмотрите на это, — вынула она из-за пазухи какую-то вещицу, положив ее на колени старику.

Лекарь Бин рассматривал странную палочку полую внутри с раструбами на обеих концах — с одной стороны побольше, с другой поменьше.

— Что за чудная вещица такая? — вертел он ее в руках.

— Это одно из изобретений будущего — стетоскоп. Им прослушивается грудная клетка больного: его легкие и сердце.

Скептически настроенный лекарь ради интереса раза-два попользовался чудным прибором, а после вынес вердикт:

— Биение сердца и глубина дыхания и впрямь прослушивается превосходно. Только зачем попусту тревожить больного лишними прикосновениями, если можно все определить по пульсации. Или вы там... без этого прибора не можете устанавливать диагноз?

— Но с помощью него можно ставить его более точно и полно, — возразила Ли Мин, пытаясь заставить лекаря рассердиться, накричать на нее, хоть как-то его расшевелить.

— Бесполезная вещица, как и ты тоже, — вяло махнул он рукой, чтобы не докучала ему

и взявшись за тяжелый пестик, принялся с отрешенной методичностью, растирать в каменной ступке семена льна.

В то время как Ли Мин и лекарь Бин совсем пали духом, Глава перед троним императора на Сияющем Совете отстаивал само существование Снежных Листопадов.

А дело было так:

— Ваше величество, заразную деревню как и Помесье клана Северного Ветра необходимо сжечь, чтобы обезопасить столицу от распространения свирепого мора, — веско, напористо и с каким-то гипнотическим убеждением увещевал Царедворец, стоя перед императорским троним. Сам он был дороден и тяжеловесен, его властная речь, как и пристальный не отпускающий взгляд маленьких с хитроватым прищуром глаз, не давали и шанса на возражение, лишь понимание, что попадаешь в ловушку невольного подчинения. — Все мы знаем, что мор распространяется быстрее лютого пожара. Посему необходимо действовать без промедления, быстро и жестоко. Глава Северного Ветра либо не способен на твердые меры, либо намеренно бездействует. Его нерешительность таит опасность для Поднебесной и трона. Я ни в чем не стремлюсь обвинить Главу, дабы не прослыть предвзятым, но... если не исключать того, что он всячески противится попыткам остановить мор, то его намерения сомнительны и весьма подозрительны.

Со стороны министра Левого Крыла выступил Глава Северного Ветра в официальных одеждах придворного чиновника и встав перед императорским троним, низко поклонился.

— Ваше величество, — проговорил он ровно. — Мне понятно волнение почтенного Царедворца, как и его переживание за здоровье империи, которое грозит подорвать болезнь людей из глухой деревни. Спешу успокоить страхи и беспокойства уважаемого вельможи, — отдал он церемонный поклон в сторону Царедворца. — Снежные Листопады надежно окружены кордонами Помесья. Никому не позволено ни покидать ее, ни входить в саму деревню до той поры пока ее жители, все до единого, не очистятся от заразы. Правдивость моих слов подтверждает то, что в Сяофэне до сих пор нет ни одного заболевшего сим злостным поветрием.

— Будет ли Глава иронизировать и насмешничать над нашим беспокойством, когда не только в Сяофэне, но и в столице вдруг появятся зараженные? — едко поинтересовался Царедворец. — Не проще ли обезопасить себя наверняка, да так, что бы сия опасность больше не угрожала никому в Поднебесной.

— Смею заверить, — снова учтивый поклон в сторону Царедворца, — что в Снежных Листопадах больных пользует умудренный опытом и весьма сведущий в медицине лекарь.

— Вы имеете в виду такого неудачника, как лекарь Лю Бин? — хмыкнул Царедворец.

— Мне отрадно, что вы, господин, настолько осведомлены о делах и людях моего клана, — вежливо заметил ему Глава.

По дворцовой зале прошел шепоток, ведь Царедворец даже не скрывал, что имеет в Северном Ветре тайного осведомителя. Гневно дрогнули ноздри Царедворца, когда понял, что увлекшись перепалкой с этим щенком, ненароком проговорился. Глава тем временем продолжал:

— Ваше величество, клан Северного Ветра как никто понимает опасность возникшего мора, тем более опасного, что неизвестно чем заболевают люди. Это не оспа, не лихорадка, не чума и не холера. Тем более требуется определить что это за болезнь, чтобы суметь справиться с недугом в будущем при первых же его признаках.

— Считаю это вполне разумным, — выступил вперед министр Внутреннего двора. Его

тут же поддержал министр Палаты врачевания.

Император одобрительно кивнул и сразу же вперед выступил гневный Царедворец, не стерпевший молчаливого одобрения владыки.

— Не странно ли, что Небо наслало непонятное поветрие именно на клан Северного Ветра. Как известно, боги так карают за грехи и скрытые преступления, — подняв нефритовую табличку, что держал в руках, веско проговорил он. — Ваше величество, верно ли подвергать риску жизни ваших поданных ради того, чтобы удовлетворить чье-то досужее любопытство? Разумно ли неосмотрительно потакать столь неосторожному, не разумному решению неопытного Главы клана в его неосмотрительном решении?

— И потому вы предлагаете позабавиться сжиганием целой деревни? — невозмутимо вернул ему колкость Глава, тут же поинтересовавшись: — И разве жители Снежных Листопадов не верноподданные его величества?

— Поскольку Царедворец и Глава Северного Ветра оба убедительны в своем решении опасного бедствия, — поднялся император. — Повелеваю дать клану Северного Ветра семь дней, чтобы разузнать, что за хворь одолевает жителей его деревни.

— Но... — порывисто подался к трону Царедворец.

Император поднял руку. Евнухи по обе стороны золотого трона тотчас склонили головы в высоких шапках из черной кисеи, напоминая о молчаливом смирении и полном повиновении императорской воле, которой Царедворец, стиснув зубы, вынужден был подчиниться.

— Но ежели, — продолжал император, — по истечению сего времени изыскания лекаря клана ни к чему не приведут, деревня будет сожжена.

— Ничтожный смиренно напоминает, вашему величеству, что лекарю Бину приходится одному справляться со смертельным мором, — поклонившись, тихо проговорил Глава. — Позвольте отсчитывать роковую седмицу не с сего дня, а со дня моего возвращения в Поместье.

— Наглость! — рявкнул возмущенный Царедворец, раздраженный императорской поблажкой сопернику.

— Довольно! — властно оборвал его император. — Те лекари, что изъявят праведное желание помочь больным Снежных Листопадов, будут щедро награждены мною, даже если их порыв будет бескорыстным.

Но, как оказалось, таковых не нашлось.

Покидая дворцовый зал Совета, Царедворец едва сдерживал гнев. Глава снова подловил его. Чтобы не предпринимал тертый опытный интриган, каким был Царедворец, этот юнец изворотливый как уж, выskalзывал из его ловушек и капканов изощренных интриг. И эта его ухмылочка... Царедворец был уверен, что Глава Северного Ветра насмехается над ним.

Стоило им столкнуться в дворцовых коридорах или в зале Сияющего Совета, как у негодика появлялась эта вот улыбочка. Ничего на свете так не жаждал Царедворец, как стереть ее со смазливового лица недруга. Однако приходилось терпеть, не позволяя наглецу вывести его из себя. Царедворцу прибавляло терпение твердая вера в то, что настанет день, когда он поквитается с ненавистным врагом и спросит с него за все свои унижения и вынужденные уступки. Вот уж не ожидал, что ему, прожившего большую половину жизни и подчинившим своему влиянию императорский двор, на который сумел накиннуть плотную шпионскую сеть, приходится уступать какому-то юнцу, прозревавшему все его ходы. Глава оказался равным противником, которого невольно начинаешь уважать. Если бы один из

семи сыновей Царедворца обладал хоть вполвину способностями Главы, Царедворец с гордостью, без сожаления оставил род в руках такого сына.

Ведь нельзя сказать, что бы Главу баловала скупая судьба. Как докладывал соглядатай, Глава неизлечимо болен и дни его сочтены. Это-то и примиряло отчасти Царедворца с существованием Главы и его опасного клана. Глава уже не жилец и не сегодня — завтра умрет, так что самому особо стараться не нужно, и сгинет он бездетным, не оставив наследника. Хотя с другой стороны, может из-за этого и не возможно ухватить недруга, потому что тот не имел привязанностей и слабостей. Царедворец поморщился. С этим... потомством для него самого было связано не очень приятное воспоминание, очередная промашка Царедворца, когда Глава сумел вывернуться из расставленной ловушки. Только кто мог подумать, что за Главу встанут Снежные Листопады. Все же он сожжет эту злосчастную деревню! Мало того, что все сорвалось, так эта история заставила Царедворца усомниться в своем шпионе и не из-за того, что сведения были недостоверны, а порой и противоречивы, а потому что тот, так и не смог приблизиться к Главе, который всех держал не расстоянии. Но ничего, ждать осталось недолго, ведь Глава уже обречен.

Магическая диагностика Фэй Я

Неожиданно со стороны карантинного дозора была пущена сигнальная ракета. Лекарь велел Ли Мин посмотреть, кто вдруг решился наведаться в Снежные Листопады, а после, кто бы это ни был, развернуть его восвояси.

Ли Мин уже вышла за Яблоневые ворота деревни, когда к ней подъехала телега груженная тюками в сопровождении Ли Ло. Не веря своим глазам, Ли Мин в удивлении стянула на подбородок лицевую повязку.

— Ли Ло... ты здесь зачем? Разве не знаешь о запрете лекаря Бина?

— И я рада видеть тебя, — сдержанно отозвалась дочь казначея.

— Но как ты решилась? Карантин никто не отменял, ты можешь заразиться, — пусть ученица лекаря изо всех сил и страшала Ли Ло, на самом деле была безумно рада ее видеть. — Ты единственная кто решилась за все это время подойти к деревне.

— И это не от того, что я так отважна, — мягко улыбнулась дочь казначея. — А лишь потому, что Третий мастер позволила мне проехать сюда.

— Хм, с чего вдруг такая покладистость? — тут же включилась в их излюбленную игру «перемой косточки Ся Гэ» Ли Мин. Обeim с трудом верилось в ее великодушие.

— Мысли Третьего мастера ведь угадать не трудно, — иронично заметила Ли Ло.

— Она сделала это намеренно, в надежде, что ты заразишься? — не удержалась Ли Мин от язвительного предположения. — Ладно, не важно какие у нее были намерения, так здорово видеть тебя, честно.

— Ты осунулась и выглядишь утомленно, нелегко вам приходится с почтенным лекарем.

— Не то слово... Как дела в Поместье?

— Благодаря вашим усилиям там нет ни одного больного. А как в Снежных Листопадах? Скажи хоть слово надежды...

— Болезнь непреодолима, — вздохнув, вынесла неутешительный вердикт Ли Мин, виновато взглянув на красавицу подругу. — И мы с учителем не знаем, что делать. Если бы Глава, хоть как-то переживал за деревню, а не только за Поместье, мог бы добиться и прислать нам на подмогу столичных врачей.

— Не говори так! — возмутилась Ли Ло, тут же встав на защиту своего обожаемого дафу. — Глава просил у трона о лекарях из Службы врачеваний, что бы те отправились с ним обуздать мор, но все отказались, заявив, что лекарь Бин опытный врач и если не справился он, то они уж давно бессильны, — пылко рассказывала Ли Ло. — Да будет тебе известно, что Глава, еще не оправившись от секретного приема, что безрассудно применил в бою у Песчаной хижины, сразу как только узнал о море в Снежных Листопадах, умчался в столицу в сопровождении отряда Лунного Инея. Его остановили только на подступах к городу. А на следующее утро вышел Главный евнух и объявил волю двора — деревню велено сжечь со всеми ее жителями. Глава прибегнул к своему красноречию и дару убеждения, каким обладает только он, чтобы добиться аудиенции у императора и отсрочки на две седмицы для обуздания мора. Так, что зря ты ругаешь и порицаешь его. Я понимаю, как вам в Снежных Листопадах нелегко, но и Поместье не отстраняется и делает все, что бы справиться с заразой.

— Ли Ло, не будь наивной, Глава прежде всего печется о Поместье, — упрямо возразила Ли Мин, ей вовсе не хотелось спорить с ней, но подруга слишком уж идеализировала Главу.

— И о Поместье тоже. Но для двора этот мор — удобная причина уничтожить наш клан и Главу. Дафу вернулся только вчера, его сняли с седла почти в бессознательном состоянии.

— Ли Ло, у нас просьба, — сменила тему Ли Мин, поняв, что спорить с дочерью казначея бессмысленно. — Когда вернешься в Поместье, зайди в дом лекаря. Нам очень не хватает лекарств, прямо беда. Выгребь все, что у него там имеется.

— Я сделаю это и вернусь с лекарствами как можно скорее, — пообещала Ли Ло наблюдая как двое, — кузнец и его придурковатый сын, — разгружают телегу.

Когда все привезенное из Поместья было сгружено, подруги тепло попрощались.

Но ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день Ли Мин с лекарем так и не дождалась Ли Ло. И вот когда оба уже отчаялись дождаться хоть кого-то из Поместья, в деревне вдруг объявился Фэй Я. Нужно ли говорить, как оба обрадовались. К тому же маг привез им не только кучу лекарств и продовольствия, но и ворох новостей. Рассказал он и о возмутительном поведении Третьего мастера.

Рассказывать начал с того дня как проводив Второго мастера и безликого, вернулся в свой дом, найдя его пустым, как и дом лекаря. Поднялся к пещере и никого не обнаружив и в ней, поспешил в Поместье, уверенный, что найдет там свою девочку и друга. Но Поместье встретило его переполохом и ужасающей вестью, что в деревне свирепствует непонятный мор, кося по нескольку человек за день, что лекарь Бин со своей ученицей находятся сейчас в этом пекле, и что Главу искать бесполезно, его нет в Поместье. Одни говорили, что дафу умчался в столицу за помощью, другие утверждали, что он попросту сбежал, спасаясь, потому что со своим слабым здоровьем не переживет мора. Приняв сердечные капли, и немного отдышавшись от панического страха за дорогих людей, маг попытался проникнуть в деревню, но безуспешно. У Снежных Листопадов его остановили воины отряда Пятого Лотоса, велел возвращаться обратно.

На тревожные расспросы ничего непонимающего мага, стражники отвечали одно: в деревне мор и туда никто не может проехать, как и выехать из нее. Единственное, что они могли подтвердить, что лекарь Бин со своей ученицей заперты в деревне вместе с больными, кажется, еще живы.

Маг бросился обратно в Поместье, чтобы испросить у Главы разрешение присоединиться к лекарю и Ли Мин, кое как дождавшись его возвращения.

— Вы уверены в столь опасном решении присоединиться к обреченным? — в волнении поинтересовался заметно сдавший Глава.

— Лекарь и девочка — все, что у меня есть. Они — моя семья! — с надрывным отчаянием убеждал его маг, умоляюще глядя сухим, лихорадочно горящим взором. — Я буду с ними, с вашего дозволения или без.

— Хорошо, — тут же согласился Глава. — Тогда вы отправитесь с обозом лекарств и продуктами для Снежных Листопадов. В обозе будет клетка с голубями... Сообщайте мне голубиными вестниками, как удадется справляться с заразой и о своих нуждах тоже... Эти доклады должны быть регулярными...

Только наглые стражники отряда Третьего мастера бесцеремонно разграбили обоз, забрав почти все съестное и лекарства, утверждая, что обреченным все это ни к чему, что деревенские уже не жильцы на этом свете. Магу не удалось спасти даже клетку с голубями,

которых стражники выпустили, расстреляв стрелами ради потехи. А после пропустили Фэй Я в деревню, куда он и пришел с тремя оставшимися мешками риса и ополовиненным коробом лекарств.

Когда радость от встречи поутихла, все новости сумбурно пересказаны и жадно выслушаны, перешли к насущному.

— Друг мой. Нам просто необходимо твое Небесное зрение. Сейчас тот самый случай, когда только оно сможет нам помочь, — и Бин повел мага к дому, где лежали больные. — Похоже, мы столкнулись с необычной болезнью, — объяснял на ходу лекарь.

— Что можно еще ожидать от демонов, — ворчал маг.

— При чем тут какие-то демоны? — поморщилась расстроенная Ли Мин: вот какого заключения или совета можно было ожидать от мага.

— А при том, что они злодействуют и вредят со времен Желтого императора, — назидательно проговорил Фэй Я, подняв палец. — Именно злостные духи живущие в воде вызывают лихорадку, а засуху насылают души не погребенных мертвецов.

— Желтый император? — переспросила Ли Мин. — Вы имеете ввиду Хуан-ди — нашего первопредка, основатель китайской цивилизации?

— Д-да... похоже, что мы говорим об одном и том же человеке. Так вот, он был великим магом и алхимиком, и он в своей Книге ритуалов пишет о древнем императоре Чжуань-юане жившего в начале веков, у которого умерло три только родившиеся сына, после чего они превратились в гуй, вызвав заразные болезни, — тут маг вынужден был прерваться, потому что они вошли в дом зараженных.

Увидев фиолетовую сыпь на телах больных, Фэй Я заметно встревожился.

— Плохо дело, я и без Небесного зрения скажу, что это яд «Семи прахов».

— Яд «Семи прахов»? Я слышал о нем как-то, но решил, что это досужая болтовня ни о чем. Кто бы посмел создать его и зачем применять столь редкостный яд против простых сельчан? — недоумевал лекарь. — Но скажи, друг мой, можно ли изгнать этот яд иглоукалыванием? К тому же когда и где люди могли отравиться им?

Ли Мин сжалась, у нее все еще плохо получалось работать с иглами. Учебного пособия — деревянных болванов с вырезанными на них точками и меридианами у нее не было, а подруга, что решила заменить такого болвана, молча терпела ее тренировки на себе, что приводило Ли Мин в трепет и она раз за разом лажала, попадая иглами не туда куда надо, так что истыкала бедняжку почему зря.

— Почему ты спрашиваешь, раз знаешь о «Семи прахах»? — взвинчено поинтересовался маг, растерянный от необычной любезности вечно ворчливого лекаря. — Разве колодцы в деревне отравлены? Да и пищу здесь все принимают с одного стола?

— Хочешь сказать, что яд насылается и поражает людей выборочно?

— Атака враждебной магии бьет наудачу.

Ли Мин слушала недоверчиво и раздраженно, это сильно пахивало шарлатанством. Но, что она могла сделать, когда оба с серьезным видом рассуждали о всяких гуй и другой чепухе? Маг, войдя в дом к сваленной болезнью многочисленной семье Лай Гао, перенастроил свое зрение. Закрыв глаза, глубоко вдохнув и выдохнув, он открыл их и, подойдя к лежащему в лежку главе семейства, внимательно оглядел его. То же повторилось с остальными членами семьи.

— Сомнений быть не может, — объявил маг, закончив осмотр. — Это яд «Семи прахов».

Не выдержав Ли Мин фыркнула. Старики строго уставились на нее.

— Ты хочешь, что-то сказать, девочка? — сердито отозвался маг.

— И каким вы видите этот яд в организме больного? — язвительно поинтересовалась Ли Мин.

— Он видится грязными фиолетовыми пятнами.

— Какие именно органы поражены? — продолжала допытываться она.

— погоди, — поднял руку лекарь Бин, останавливая ее расспросы. — Ты что же не доверишься Небесному видению Фэй Я?

— В нашем времени, такие вот расплывчатые диагнозы принято проверять, а не принимать на веру.

— Расплывчатые?! — задохнулся от возмущения лекарь Бин, побагровев от гнева.

— Вот именно, — отрезала Ли Мин. Еще чего проверять всякие бредни на больных. — В будущем, если врач такое скажет, его отстраняют от работы. Так говорят, когда не знают, что сказать.

— Да как ты...! — это учитель, раздувая от гнева ноздри.

— Это почему же я не знаю...? — это обидчиво маг.

— Потому что вы не врач. Как с таким диагнозом мы можем лечить? — припечатала Ли Мин и отошла... на всякий случай.

Бин ринулся было за ней, но маг удержал его за руку. Если честно, Ли Мин уже устала от безысходности. Была надежда на мага, но и она оказалась напрасной, как если бы вместо воздушного крепко взбитого облака, она увидела рассеивающийся дым. До ночи она пробыла с больным семейством. У двоих: дочери Лай Гао и тетушки Син удалось поддерживать стабильное состояние, но трое из семьи умерли. Так что под утро Ли Мин притащилась в дом вдовы Е к лекарю Бину и магу, что бы доложить о новых потерях — лекарь Бин с начала мора дотошно записывал кто и в какой день из деревенских представился. Выпив чаю и нехотя жуя подсунутые магом лепешки момо, Ли Мин смотрела перед собой остановившимся взглядом.

— Бин, тебе не кажется, что наша девочка странно себя ведет? — понизив голос, спросил Фэй Я, подливая лекарю чай из чайничка черной глины, с подозрением косясь на отрешенно жующую Ли Мин.

— Что?! — испуганно вскинулся лекарь, в это время стойко боровшийся со сном, быстро и цепко оглядев свою ученицу. — Она заболела?!

— Нет, не в этом дело. Просто она подозрительно задумчива, вот что у нее на уме, а? Тревожно как-то.

— Не бери в голову, друг мой. Девочка утомлена и спит на ходу. Ей не мешало бы, как следует отдохнуть и, по чести говоря, я очень боюсь, что она действительно может подхватить эту заразу. Борьба с мором выматывает, но как видишь, она не сдается и не жалуется, у нее даже есть силы возражать и перечить нам!

А Ли Мин действительно задумалась о... микроскопе. По-хорошему, всю ту ересь, что рассказывал Фэй Я о каком-то мифическом яде, можно было опровергнуть, взяв на анализ у больного всего лишь каплю крови. Но как работать с образцом крови без лаборатории и необходимого оборудования, разве только маг наколдует. Наколдует? И Ли Мин внимательно взглянула на мага, подносившего чашу с чаем к губам.

— Что? — дрогнувшим голосом спросил он, расплескав чай, когда натолкнулся на ее изучающий взгляд.

— Раз вы видите человека насквозь, почему до сих пор не определили, что с Главой? — начала Ли Мин издали.

— Потому что его органы мне не видны. Их я вижу темными расплывчатыми пятнами с дымчатым ореолом. Тогда как у зараженных в Снежных Листопадах фиолетовые миазмы, что стремительно разрастаются, поглощая сердце и легкие.

— А зачем ты об этом выспрашиваешь? — поинтересовался мигом взбодрившийся лекарь.

— Затем, что не могу смириться, что ничего нельзя сделать. Не бывает так! — в сердцах бросила Ли Мин и еще тише добавила: — Не могу этого принять. Если закрыты все двери открой окно.

— Возмущаться и причитать все равно, что грозить Небесам, — буркнул лекарь. — Если не можешь предложить что-то дельное, то и нечего попусту сотрясать воздух.

Помолчав, Ли Мин сказала:

— Хочу перепроверить диагноз поставленный Фэй Я.

Оба старика переглянулись.

— И как ты это собираешься сделать? — с убийственной иронией маститого мастера по отношению к неразумному ученику, поинтересовался лекарь.

— По крови, которую берут у пациентов на анализ.

— По крови? Святотатство-то какое! — задохнулся от возмущения лекарь.

— Это же сродни языческому жертвоприношению! — тут же поддержал его маг.

— По капли крови, — уточнила Ли Мин. — Я же не собираюсь выкачивать из больного всю кровь. Фэй Я, а вы сможете своей магией создать две стеклянные линзы?

— Что это? — озадаченно сморщился маг.

— Прозрачные как хрусталь гладкие кругляшки, что увеличивают рисунок или мелко написанные иероглифы в несколько раз.

— А-а... кажется, понимаю о чем ты толкуешь.

— Я, может, прошу невозможного, ведь потребуется уйма времени, чтобы расплавить песок и сделать из него нужную стекляшку. А у нас нет этого времени.

— Не беспокойся о том, но не могла бы ты понятнее объяснить для чего тебе сие понадобилось, — попросили Фэй Я.

— Это будет аппарат для сильного увеличения во много-много раз.

Маг и лекарь снова переглянулись.

— Очередной механизм, — пренебрежительно объяснил лекарь Бин магу, — без которых в будущем просто не способны поставить пациенту диагноз.

— В самом деле? — оживился Фэй Я, глаза его заблестели от любопытства. — Ну-ка, ну-ка... расскажи поподробнее, девочка, но так, чтобы, мне старику, стало понятно.

Нарисовав на земле увеличительное стекло, Ли Мин объяснила, что оно должно быть выпуклым с двух сторон и, что таких стекол нужны две штуки.

— ... остальное я сделаю сама.

— И ты с помощью этих стекляшек, проверишь диагноз моего Небесного зрения? — недоверчиво спросил маг.

— Ну да.

— Возмутительно! — фыркнул лекарь. — Подвергать сомнению слова старшего!

— Не горячись, друг мой, — успокоил его маг. — Может этой своеобразной штуковиной, девочка, увидит что-то еще. Нам сейчас нужны любые знания и возможности,

чтобы побороть мор. И так, что тебе для сего механизма понадобится еще?

— Это не механизм, а аппарат.

— Пусть будет аппарат, — покладисто согласился Фэй Я. — Так, что тебе нужно, чтобы создать сей аппарат?

— Два плотных пергаментных листа, фанерки, веревки, — подумав, начала перечислять Ли Мин. — Клей, чтобы держал фанеру. Два увеличительных стекла, просто стеклышко, зеркало, иголки... две.

Маг кивнул и с задумчивым видом ушел в хижину, а лекарь Бин принялся выговаривать Ли Мин за то, что посмела перечить старшему.

На следующий день, когда не выспавшиеся Ли Мин и лекарь торопливо завтракали засохшими лепешками, запивая их колодезной водой, подошел маг и протянул своей подопечной два увеличительных стекла.

— Это то, что ты просила?

От изумления Ли Мин закашлялась, поперхнувшись черствой лепешкой, не веря своим глазам. Но перед ней точно лежали два увеличительных стекла. Настоящих!

— Но... откуда?! — выдавила она, прокашлявшись.

— Немного магии и ледяной соли, — довольно улыбаясь, пояснил маг, — Я ее все время ношу с собой, ты же знаешь.

— Занимайтесь своим аппаратом, но не забывайте посматривать за выпаривающимися снадобьями на огне, — сухо наказал им лекарь Бин, видя, что эти двое уже позабыли обо всем, кроме этой сомнительной штука. — А я к больным, — кряхтя, поднялся он.

Маг и Ли Мин покивали в ответ и принялись мастерить микроскоп. Точнее мастерила Ли Мин, маг же сидел рядом с интересом наблюдая и ассистируя ей. Сначала Ли Мин выкрасила с одной стороны желтый лист жесткого пергамента черной тушью. Из другого куска сделала широкую трубку, которую для верности обмотала еще и тряпицей, чтоб не расходилась.

Когда плотный пергамент, покрытый черной тушью, высох, свернула и его в трубку по размеру линз, разрезав на две части и, в два получившихся цилиндра, вставила по линзе. Оба стекла вошли плотно внутрь.

Из оставшегося пергамента вырезала два кружка по ширине трубок, проделав в них раскаленной иглой отверстия посередине, и сверху накрыла этими продырявленными кружками линзы.

Пришел черед третьей широкой трубки. В нее она вставила с двух сторон изготовленные цилиндры так, чтобы стекла из ледяной соли прикрытые дырявыми кружками, оставались снаружи, а сами трубки могли, пусть и туго, выдвигаться из широкой трубы.

Собственно сам микроскоп был готов, пришел черед мастерить подставку для оптической трубки. На тонкой широкой деревяшке Ли Мин начертила две одинаковые окружности и выпилила их, тут уже подключился и маг, помогая ей. Выпиленные круги были распилены на две части. Получилось четыре буквы С. Сверху они с двух сторон держали трубу с сидящими в ней цилиндрами, а внизу соединялись подставкой с зажимами для стеклышка и бронзовым зеркальцем под ним, которое одолжил маг. Труба микроскопа держалась на двух колышках вставленных в сквозные отверстия вверху деревянной С. Зеркальце было зажато меж двух иглы так, что его можно было поворачивать под разным наклоном, направляя свет на подставку.

Снизу к подставке был прикреплен кружок плотной бумаги, закрепленный колышком,

чтобы его можно было вращать. Тут маг с Ли Мин изрядно попотели добиваясь, чтобы отверстие кружка совпадало с отверстием подставки. Этот кружок должен был менять освещение, падавшее на «стекло».

Когда они уже прикрепляли корпус микроскопа к подставке из фанеры, вернувшийся лекарь, устроил обоим разнос. Маг и Ли Мин начисто позабыли про целебные настои, выкипевшие на огне. Попало в основном Ли Мин. Лекарь гонялся за ней с хворостиной, пока маг, не обращая внимания на шум и беготню, рассматривал микроскоп, пытаясь угадать, как им пользоваться.

Когда страсти поутихли и все наконец успокоились, вновь взялись за сляпаный Ли Мин аппарат.

— И какая ты говоришь польза с этой штуковины? — настороженно разглядывая микроскоп, проговорил, немного отдышавшийся лекарь, видя как не терпится Ли Мин и Фэй Я опробовать самодельную, подозрительного вида и непонятого назначения вещицу. Как же трудно выживать людям будущего, если они пользуются такими хлипкими, перекошенными, малопривлекательного вида предметами. Да и медики у них, на поверку никчемушные, ничегошеньки не знают и совершенно безграмотны.

— Эти две линзы увеличивают каплю крови, приближая ее настолько, что можно увидеть из чего она состоит, — увлеченно объясняла Ли Мин, аккуратно настраивая хрупкий микроскоп, начисто позабыв про взбучку устроенной ей учителем. — С помощью него можно увидеть, что кровь состоит из мелких организмов — клеток. Они разные и их очень много. Одни клетки насыщают организм необходимой ей ци, и придают крови красный цвет. Другие клетки борются с воспалениями, а третьи помогают заживлению ран, свертыванию крови, превращая ее в «корочку». Но если, например, клеток, что борются с воспалением, больше, значит человек болен и болен тяжело. Вообще, кровь очень сложна по составу, я рассказываю о ней очень упрощенно.

Лекарь, слушал Ли Мин с ироничной ухмылкой в отличие от мага, внимавшему девочке с горящими от любопытства глазами.

— В эпоху Весен и Осени (конец V века до нашей эры) в самом древнем медицинском трактате «Канон Желтого императора о внутреннем» уже было описано представление о круговом движении крови и сосудах. А этот твой... аппарат — ересь и непотребство, — непримиримо отрезал лекарь Бин, в то время как Фэй Я, наоборот, восхитился:

— В вашем мире достигли столь высокого и тонкого мастерства в искусстве магии?

— Посмотрите сами, — предложила Ли Мин, подвинувшись, после того как капнула на отшлифованную пластинку застывшей ледяной соли, прозрачной как стекло, свою кровь. И когда лекарь и маг, по очереди, осторожно и с опаской посмотрели в микроскоп с одинаково потрясенным видом, пояснила: — Это вид нормальной здоровой крови. Все ее клетки работают дружно. Точно такой же вид должна иметь и ваша кровь. Ну как, посмотрите ее?

Оба дружно закивали, а потом, почти с ужасом разглядывали под микроскопом капли собственной крови.

— Видите, ваши капли ничем не отличаются друг от друга. А теперь взглянем на кровь больной дочери Лай Гао, — и Ли Мин, вытряхнув из пузырька, взятую прежде кровь младшей Гао, принялась ее изучать.

Маг дышал ей в затылок, переминаясь в нетерпении. Лекарь же недовольно теребил свою бороденку. Неожиданно для Ли Мин зараженная кровь Гао подтвердила диагноз Фэй Я.

— Скажите, вы именно это видели своим Небесным зрением? — спросила потрясенная Ли Мин уступая место Фэй Я. Старик тут же придвинулся к микроскопу, осторожно приблизившись к глазку окуляра.

— Боги Небесные! — прошептал он. — И тут белесые клеточки окутаны фиолетовой дымкой! Причем все! Что же получается, что чья-то магия выводит из строя эти белесые полезные клетки, что борются с воспалениями организма? — бормотал он.

— Да, ваш диагноз Небесного зрения подтверждает то, что мы увидели сейчас в микроскопе Ледяной соли.

— Какая необыкновенная вещьца, — восторгался маг. — Если бы не видел сам, как ты при мне мастерила этот... увеличительный аппарат, ни за чтобы не поверил, что он не магический.

— Это все надувательство и фокус! — упрямо отрезал лекарь.

Немного порассуждав о диковинке, которую создала из подручных средств их подопечная, старички приступили к главному вопросу — кем наслан мор?

— Это была магическая атака именно на Снежные Листопады, — твердил маг.

— С чего такая уверенность? — хмуро поинтересовался недоверчивый лекарь.

— Посуди сам, ведь зараза не затронула Поместье. Обычно, перед тем как атаковать жертву, насылающий отыскивает ее слабые места, чтобы нацелиться в мертвые точки подсознания, где уже встроена уловка самоуничтожения. А такие точки всегда имеются у легковверных и внушаемых простецов. И потом, это мощная, равномерно источаемая магия, а не один акт ее насыла. А раз так, то подобная магия должна иметь устойчивый источник и такой источник должен находиться на землях нашего клана.

— Песчаная хижина? — сразу же предположила Ли Мин.

Лекарь и маг подобрались.

— Тот фантом из лесного сора был похож на Главу. Ты со Вторым мастером помешала сформироваться этому фантому в ночь колдовства безликих, потому-то насланная порча, предназначенная для него, ударила по деревне, — развил ее догадку Фэй Я.

— Страшное предположение, — покачал головой сдавшийся Бин, угрюмо выслушав доводы мага. — Но, похоже, оно единственно верное, ибо объясняет все. Однако, ведь такой мор со схожими признаками случался не только в нашей деревне, но и в других уездах. Как это объяснишь?

— Отработкой заклинания, — со спокойной «профессиональной» уверенностью ответил маг.

Лекарь согласно кивнул, подытожив:

— Об этом нужно доложить Главе. Но сейчас следует подумать о том, как поддержать заболевших. Теперь-то понятно, почему мои лекарства не помогали.

— Да но, они, хоть немного, задерживают развитие заразы, — неуверенно высказалась Ли Мин, опасаясь вызвать новую вспышку недовольства учителя, который начнет ее воспитывать, чтобы не лезла со своими неуместными замечаниями к старшим.

— Думается, мое лекарство можно усилить, — сказал лекарь Бин, неожиданно поддержав Ли Мин. — Усилить чем-то, что поддержит организм человека, а после должно очистить его от колдовских миазмов.

— И что это за средство такое, может быть? — озадачился маг и вдруг воодушевленно проговорил: — А помнишь тот желтый гриб из царства Туфань (Тибета), который ты купил в аптекарской лавке после сердечного приступа, что приключился со мной у озера Ледяной

соли?

— Это были всего лишь его корни, перемешанные в кашлицу с горными травами и скатанные в травяной шарик.

— И это лекарство поможет заболевшим? — не утерпев, сунулась с вопросом Ли Мин.

— Нет, — покачал головой Бин. — Им поможет сам гриб, а не его корень.

— Ну так... — начала было Ли Мин, воодушевленная появившейся надеждой.

— Найти его трудно, — остудил ее порыв лекарь. — Этот гриб называется «Летом — трава, зимой — насекомое» и растёт лишь в горах. Его споры разносятся ветром и заражают гусениц тонкопряда, поселяясь в них. Гусеницы ползут в горы, зарываются там в землю, а в их теле, тем временем, развивается гриб-хозяин, от чего гусеницы гибнут. На следующее лето из них прорастает гриб, похожий на травинку. Личинка мумифицируется и зрелый гриб выглядит как желто-коричневая гусеница с темным сучком. В таком виде его и собирают. Пусть прорастая, гриб убивает своего хозяина, но его паразитизм создает невероятно целебные свойства.

— А в наших горах его можно найти? — спросила Ли Мин, готовая тут же отправиться на Доуфань.

— Возможно, — односложно ответил ее, глубоко задумавшийся, учитель,

В последующие три дня никто из них не заводил речь о странном грибе. Лекарь ходил задумчивый, Ли Мин привычно носилась с лекарствами по всей деревни, а маг развил бурную деятельность с поддержки обрадованных сельчан, уверовавших, что с его появлением все зло будет изгнано. Начал он с того, что принялся поить заболевших водой, в которую опускал амулет, расписанный корявыми иероглифами на какой-то тряпке. При этом обстоятельно объясняя всем и каждому, что кто выпьет такую воду в того магическая сила этого амулета проникнет глубоко, а потому демоны болезни будут уничтожены во всех частях тела. После водой, в которой растворял пепел сожженного амулета, окроплял дома и постели больных, используя для этого ветку ивы, потому что демоны и прочая нечисть, якобы до жути боится именно этого дерева, как и персикового тоже. Выполняя все эти действия, маг, не переставая, читал заклинание: «Непокорная лихорадка, непокорная лихорадка, божества четырех гор послали меня, чтобы обуздать тебя. Посланники шести дин и полководцы пяти дорог отнимут у тебя жизненную силу и поймут твою душу. Поспешి убраться поскорее, иначе тебе не миновать встречи с ними. Да установится как можно скорее закон!»

На что лекарь Бин смотрел с мрачной сдержанностью, а Ли Мин округлившимися глазами на это шарлатанство чистой воды. Тем не менее, с появлением Фэй Я в деревне стало как-то веселее и обреченность покинула людей.

Атака потустороннего

Следующим после шаманизма Фэй Я, на повестке у старичков было отправиться в горы и отыскать чудо травку с мумифицированным насекомым, потому что в Сюэфэне ее купить не удалось. Только с этим вышла заминочка, потому что старики никак не могли решить, кто же будет присматривать за девочкой во время их отсутствия. Первым завел разговор об этом лекарь Бин.

— Ох, что-то мне не спокойно, — маялся он. — Душа не на месте оставлять ее. Лучше бы тебе остаться с ней Фэй Я.

— Одного не отпущу, — категорично заявил, насупившийся, прежде всегда улыбчивый маг, проявив несвойственное ему упрямство.

— Что со мной приключится-то в деревне среди людей? — живо поддакнула ему Ли Мин, считая, что отпускать лекаря в горы одного слишком рискованно, заодно стараясь избежать этого самого «присмотра». — Я же не одна остаюсь, буду на глазах целой деревни. Вон один кузнец чего стоит, не говоря уже о его младшем сыночке, которого никакая зараза не берет.

Но ее слова в расчет не приняли, оба старика подозрительно посмотрев на нее, вернулись к своему.

— Не волнуйся, друг мой, — мягко продолжал увещевать лекаря маг. — Пока ты будешь собираться, я объясню ей, что к чему.

— Растолкуй ей все не торопясь и основательно, что бы она все запомнила, — закивал, все еще обеспокоенный Бин.

Маг Фэй Я так и поступил.

— Поскольку, имеем мы дело с проявлением магии, то поставленный мной заслон, вызовет закономерный интерес недруга. Кто-нибудь да появится, чтобы вызнать, что к чему и скажется это в несвойственных в обыденной жизни проявлениях. А когда решат, что все дело в тебе и что якобы это ты держишь здесь магический заслон, постараются запугать, — принялся обстоятельно вводить Ли Мин в курс дела маг. — Не знаю сколько дней займут наши поиски, но ты не бойся. Перво-наперво смотри в оба. Может появится в деревне какой-нибудь чужак или случится что-то необычное, чего здесь доселе не бывало. Например, волки близко подойдут к домам людей, что для здешних мест не свойственно. На такой случай, изготовлю амулеты, которые защитят не только деревню, но и каждого в ней, — и заметив скептическую гримаску на лице девушки, веско добавил: — Вот ты напрасно недооцениваешь силу амулетов. Они столь сильны против нечисти, что даже и не важно, как и чем написаны, все равно будут действовать безотказно, на то они и амулеты, — говоря это, маг на тряпицах желтого цвета, да на пергаменте, что оставался от микроскопа, принялся выводить красной тушью архаические непонятные знаки.

— Рассказывают, что в былые времена человеку по имени Гу Юань-бэнь встреченный им как-то путник передал амулеты и заклинания «пяти громов», — между делом рассказывал Фэй Я. — Придя домой Юань-бэнь опробовал их, найдя весьма действенными. В то время в области Цзя как раз царила страшная засуха. Юань-бэня призвали, чтобы он помолился о дожде. Когда посланник от управляющего провинцией явился к нему, тот ел собачье мясо. Соусом, в котором было приготовлено это мясо, Юань-бэнь вывел на куске

черепице заклинание, вручил его гонцу и велел передать хозяину. Получив такое вот «послание», управляющий в ярости бросил его со всего маху с крыльца. Черепица разлетелась на мелкие кусочки, и тут прогремел гром, а с неба хлынули потоки дождя. А ведь этот Юань-бэнь даже не всегда писал заклинания кистью. Знаешь как он погиб? — спросил старик, взглянув на с интересом слушающую девушку. — Отправившись как-то в уборную, он написал пальцем «Божественный полководец, повелеваю вам явиться сюда и забрать грязную туалетную бумагу». Не успел он выйти из уборной, как его на смерть сразил удар молнии, а амулет сгорел.

— Фу мерзость! И это должно внушать оптимизм? — фыркнула Ли Мин, сморщив носик. Она-то надеялась услышать, что-нибудь стоящее и по делу, а не какой-то туалетный анекдот.

— Не оспаривай и не возражай решения старших, — одернул ее маг, — а возьми уже готовые амулеты и разнеси по домам.

— Лучше пойду раздавать «боеприпасы и ружья», — поднялась она с места, подхватив «пачку» размалеванных тряпиц, которые маг за время своего рассказа, сноровисто изукрасил своими каракулями.

— Что ты пойдешь раздавать? — не понял маг.

— А для себя вы изготовили какой ни будь охранный амулет? — спросила Ли Мин, переводя внимание любопытного старика к насущному.

— Бое-при-пас? — не без интереса выговорил чудное слово Фэй Я и добавил, отвечая на ее вопрос: — О нас не беспокойся. У меня при себе печать Желтого Божества юэ-чжань. Она в длину четыре цуня и на ней написаны сто двадцать иероглифов. Если на привале поставить на земле или на камне оттиск от такой печати, тигры и волки не осмелятся подойти к нам ближе, чем на сто шагов. А как только увидим свежие следы зверя, то сразу поставим печать в том направлении, в каком они двигались, это заставит их уйти далеко вперед, а если поставим в противоположном направлении, то заставим хищников вернуться назад. Поэтому любой человек, у которого на поясе имеется такая печать, может без опаски пересекать леса и горы, не опасаясь встречи с диким зверьем. Она, говорят, отпугивает не только волков и тигров, но и божества гор, рек и храмов в которых приносятся кровавые жертвы.

— Успокоили, — вздохнула Ли Мин, конечно, ничуть не успокоенная его байками.

— Первые признаки колдовской агрессии, повторяющиеся кошмары, — продолжал объяснять Фэй Я, будто и позабыл, что отсылал девушку разносить амулеты. — При усилении колдовской агрессии появляются галлюцинации, принимающие форму чувственных иллюзий: слышен чей-то голос, хотя рядом никого нет, вой, визг, несуществующие запахи, как правило, зловоние. Все эти симптомы — признаки порчи, — маг замолчал, вопрошающе посмотрел на Ли Мин: вопросы есть? Вопросов нет! и продолжал: — Появляются необъяснимые поломки, исчезают предметы, возникают из ниоткуда вспышки огня. Колдун Сумеречных способен придать определенную форму своему сознанию, создав привидение или духа, который выполняет его волю. Это может быть какое-то существо или человек. Магическая атака начинается после заката солнца. Главной защитой от нее является большой магический круг или пентаграмма, и опять же защитные амулеты. Я сделаю для тебя магический круг, который нарисую редкими чернилами из ладана красной смолы, драконника, древесного алоэ и пяти капель квасцового масла. Будет тебе сразу образцом и амулетом. Только повторяй каждый штрих и знак, когда станешь

рисовать его, не приведи Небо, что бы защититься от скверных тварей.

От плотного листа бумаги маг отрезал три квадрата, очистив их огнем и водой. На первом квадрате нарисовал пентаграмму с заклинаниями, а закончив, повторил процесс, обводя символы на бумаге ритуальным ножом.

На втором бумажном квадрате написал иероглиф. А после, окропил кусок бумаги ледяной солью и водой из колдовского кубка, произнося нараспев: «Ты кто призван командовать огнем, окропись очищающей водой громко шумящего моря». После начертил в воздухе кадильницей треугольник со словами: «Когда призраки изгнаны, ощути святой огонь, который вспыхивает в скрытых глубинах Вселенной. Слушай голос огня». Затем молча, очертил звезду ритуальным ножом с черной ручкой.

Изображенный на третьем квадрате иероглиф, он рисовал ритуальной кистью собственной кровью. Дал высохнуть, а после изобразил его в воздухе ритуальным ножом, зарядив заклинанием: «Я сковываю вас, вы демоны и враждебные силы с севера, юга, востока и запада! Я связываю вас, все недоброжелатели и те, кто направляет ярость против того, кто носит это! Я вас сковываю и запечатываю волей Фэй Я. Да будем мы ограждены силой моей воли».

Потом соединил три рисунка, очищенной огнем иглой и красной ниткой, держа сшитые талисманы в дыму ладана: «О, Небо да будешь ты крепостью и защитой для нас от всех врагов, видимых и невидимых в каждом колдовском действии. Да, будет так!»

— И помни, — добавил он напоследок: — что самая опасная атака та, о которой меньше всего подозреваешь. Так что будь все время начеку.

С этими словами разрисованные им бумажки, были торжественно переданы Ли Мин, которая не менее торжественно, стараясь глупо не улыбаться, приняла. А на рассвете Ли Мин провожала своих старичком, пройдя с ними до Яблоневого врата, дальше идти они ей запретили.

— Не забывай давать рисовый отвар выздоравливающим, — строго напутствовал ее напоследок лекарь. — Риса в избытке нам прислали из Поместья...

— ...и держи ледяную соль все время при себе, — напомнил, оглянувшийся маг, помахав на прощание рукой.

Стоило им покинуть деревню, как Ли Мин напрочь «забила» на все их наставления. За эти дни старики столько вбили в ее бедную голову, что она решила «разгрузить» ее от переизбытка бесполезных сведений.

Оставшись одна, ученица лекаря крутилась как волчок, пока Фэй Я и Бин лазали по горам в поисках отвратительного гриба с сомнительным свойством. Если бы не помощь Чи Нань, вряд ли она справилась со всем в одиночку, да и женщины, что оставались на ногах, подключились к выхаживанию больных. А, между тем, в деревне действительно начали происходить странные вещи.

Началось с того, что старуха Ши потеряла свинью и пожаловалась на это, почему-то, Ли Мин. Может потому, что старейшина Зимних Листопадов уже как неделю умер от проклятого мора. Девушка кое-как успокоила ее, твердо пообещав найти сбежавшую животинку, хотя понятия не имела где искать заблудившуюся скотину. Но раз пообещала, то надо найти.

— И куда этот пяточок мог сбежать? — вздохнув, окончила жаловаться Ли Мин, когда кузнец поинтересовался у нее, проходившей мимо, куда это она направляется.

— Обычно свиньи не уходят далеко от загона, — покачал головой рассудительный

кузнец. — Кто-то из наших утащил должно быть к себе, с начала мора чужаков здесь не видели.

— Так что же все дворы осматривать? — приуныла Ли Мин. Делать ей больше нечего как ходить с обыском по дворам в поисках свиньи.

— Никто не будет прятать ворованное в своем дворе. Искать надо в опустевших жилищах, — резонно заметил кузнец. — Давай-ка схожу с тобой. Так вернее будет.

Еще бы Ли Мин отказалась от помощи такого основательного человека, каким был кузнец. Это ее заметно приободрило. И вот ходили они по дворам как суровые энкэвдэшники Народного Китая в поисках вредителей государственной собственности. Кузнец то и дело косился на непримиримо жесткое выражение лица ученицы лекаря. Опять чудит девчонка. К вечеру осмотрели все опустевшие дома и не только. В поисках свиньи старухи Ши за ними увязались еще двое мужичков, которых Ли Мин не очень хорошо знала, зато их знал кузнец. Так вот, один из них напомнил, что за хижинкой пропавшего старика Ло, стоит опустевшая сарайка и можно посмотреть еще и там.

Все порядком устали, хотелось есть и вытянуть гудевшие ноги, но поплелись туда для очистки совести, что б старуха Ши потом не попрекала их в нерадивости. Сарайка, а точнее обветшавший покосившийся домик, находился на отшибе от жилища пропавшего Ло. Заросшая тропинка, что вела к ней, начиналась с совершенно неприметного в кустах поворота. Тихое, безлюдное место. Возле дощатой, перекошенной двери были воткнуты какие-то обгоревшие палки, что при ближайшем рассмотрении оказались прогоревшими факелами. Уже интересно. И тут два мужичка, шедшие впереди Ли Мин, попятнулись прямо на нее, она едва успела увернуться и посмотрела на то, от чего они шарахнулись.

Крыльцо с провалившимся порогом оказалось исписано какой-то коричневой дрянью и непонятными знаками написали прям целую поэму. Только эти каракули не были иероглифами. Ох, что-то не нравилось Ли Мин в последнее время заходить в заброшенные дома и хижинки, вроде Песчаной. Она уже предчувствовала, что ничего хорошего не ждет ее за хлипкой перекошенной дверью сарайки.

Из-за угла на непрошенных гостей выбежала приبلудная шавка, которую один из мужчин отогнал, запустив в нее камнем.

А Ли Мин с кузнецом обошли хижину единственное окно которой оказалось занавешено изнутри плотной чёрной тканью. Еще интереснее... Только стало как-то не до шуток, когда оба услышали, что внутри что-то поскуливало.

— Может свинья бабушки Ши? — неуверенно предположила ученица лекаря.

— Ага, — кивнул лобастой головой настороженный кузнец, — и потому занавесили окна черными тряпками, чтоб никто не увидел покражу.

— Надо, наверное, войти? — с сомнением посмотрела на него Ли Мин, предоставляя принимать решение ему. Ведь Фэй Я велел ей слушаться старших. Может кузнец сейчас, скажет, что пусть старуха Ши сама забирает свою свинку.

— Надо, — твердо заявил кузнец голосом народного комиссара верного долгу родины.

Но когда переступили порог, оторопели, застыв на месте, хотя сзади нетерпеливо толкались и напирали два мужичка, умиравших от любопытства. Внутреннее пространство сарайки, снизу до потолка было исписано уже знакомыми коричневыми каракулями, ясно уже, что засохшей кровью. С потолка на нитках свисали птичьи кости и не только птичьи. Очень много костей, несколько сотен точно. Посередине комнаты стоял стол с двумя чёрными кувшинами. А в темном углу кто-то хрипло дышал... Проходить туда вовсе не хотелось.

Опять Ли Мин столкнулась с каким-то отвратительным ритуалом и неизвестно закончен он или еще нет.

По видимому, спутники Ли Мин тоже испытывали стойкое нежелание проходить дальше, потому что один из мужичков, которого, кажется, звали Ван Тэ, набив руку швырянием камней в собаку, метко бросил камень в один из кувшинов на столе, обёрнутых чёрной тканью, что и на окнах. Кувшин разбился, и через ткань по столу вязко растеклась чёрная лужа какой-то мерзости. В нос ударил жуткий запах тухлятины и, топтавшиеся на пороге, мигом вывалились за дверь

— Это же кровь! — давясь, воскликнул второй мужичок, едва откашлявшись. — Уже порядком протухшая...

Ничего себе пироженки!

— Во втором кувшине, наверное, тоже не кока-кола... — придушенно пробормотала Ли Мин, перестав отплевываться.

Выходило, что на землях клана каждая заброшенная халупа используется для колдовских ритуалов? Что-то в последнее время везет ей на такие дивные места. Как ни заброшенный дом, так обязательно вляпаешься в черное колдовство, прямо беда.

Когда слегка притерпелись к вони, пошли всё-таки посмотреть, кто там хрипит. Вооружившись палками для верности, зашли, зажали носы, и сорвали тряпку со входа в закуток. То, что они увидели, добило окончательно. В углу под потолком была подвешена свинья старухи Ши, вся изрезанная так, что шкура на ней была просто превращена в лапшу, глаз не было, пол под ней залит кровью, а верёвка, на которой она висела, выходила прямо из её пасти.

— Так это... она скулила? — жалобно просипела Ли Мин, едва удерживаясь от обморока.

— Она, — мрачно подтвердил кузнец, сжав зубы.

— А... почему... сейчас... не... не издает ни звука? — едва слышно проямлил побледневший второй мужичок, которого звали Чуанем, тогда как сомлевший Ван Тэ, зажав рот, выбежал из хижины прочь.

— Думаю, потому что уже выбилась из сил, — обстоятельно объяснил кузнец и со знанием дела добавил: — Подобное паскудство встречается только в чёрной магии, точно вам говорю.

Чуань, изо всех сил стискивая нос, закивал головой. Ли Мин не участвовала в обсуждении, по той причине, что ее откровенно мутило.

Не сговариваясь, все четверо вывалившись из хижины, заторопились домой, внезапно осознав, что на улице уже темно. Но вместо того, что бы бегом бежать от треклятой сарайки, кузнец вдруг достал кресало, выдрал пук сухой травы и, насупившись, начал его разжигать. А тут еще пришедший в себя, все еще бледный Ван Тэ, вдруг заявил, что кровь в кувшинах была не свиной.

— Тогда чьей? — выкрикнул Чуань, которого заметно трясло от запоздалого страха и омерзения. В его возгласе уже слышались визгливые нотки подступавшей истерики. Поскольку ни к кому явственно он не обращался, то кузнец просто пожал крепкими плечами, а Ли Мин зло отозвалась:

— Уж ясно, что не комаров на целый кувшин набили...

Все же, когда, закончив причитать и ужасаться, принялись помогать кузнецу, поняв его замысел, дело пошло быстрее. Недолго думая и не заморачиваясь о последствиях, притащили

к стенам халупы сухой травы и веток, подожгли ее со всех четырех сторон, а после наблюдая за вспыхнувшим огнем и клубившимся над ним фиолетовым дымом, ждали пока проклятая сарайка не сгорит полностью. И только тогда с чувством выполненного долга, вернулись в деревню, хотя Ли Мин не оставляло стойкое предчувствие, что этим дело не закончиться.

Вот что за дурацкая привычка начинать и не заканчивать ритуала? Теперь жди неприятностей. Соврав старой Ши, что свиньи они так и не нашли, все четверо, подавленные, разошлись по домам.

От ужина, — риса с маринованной редькой, что заботливо оставила ей вдова Е, — Ли Мин отказалась и сразу улеглась спать к огорчению вдовы, желавшей порасспросить ее о том, как проходили поиски свиньи старухи Ши, да и просто поболтать.

Следующее день в Зимних Листопадах ознаменовался событием: на вечерней заре у Яблоневого ворот остановился бродячий даосский монах.

Его приход стал для деревенских неожиданным благословением, люди вздохнули с облегчением: Небо не отвернулось от них, и деревенские радушно встретили святого паломника. И только Ли Мин отнеслась к пришлому настороженно, мигом вспомнив все наставления Фэй Я. Что ее насторожило, она и сама не смогла бы толком объяснить, ведь пропустил же его карантинный заслон, стоящий у деревни? Нищий монах с коростами на лысой голове, вызывал не столько опасливую брезгливость, сколько жалость и простодушный деревенский люд дрогнул, когда монах с мутным взглядом и скользкой улыбочкой, просяще заглядывая им в глаза, умолял приютить его на ночь. Только для этого, его нужно было ввести через Яблоневые ворота, чуть ли не под руки. Видишь ли, не по чину нищему бродяжке без свиты и почестей входить в какую-то деревню. Это раздражающе глупое требование просто выбесило Ли Мин, к тому же при малейшем движении, от его вылинявшего балахона доносился омерзительно знакомый запах затхлой крови.

— Сжальтесь над уставшим странником, добрые люди, — не переставая ныл он.

— Так чего ж... проходи, благочестивый. Для моей лачуги будет честью принять святого учителя, уж для тебя всяко найдется угол в ней, — сунулась к нему с частыми поклонами сердобольная старуха Ши. — Пойдемте со мной, почтенный. Мне старой не зазорно провести вас за руку, указав дорогу.

— Погодите, — остановила Ли Мин великодушный порыв гостеприимства старухи Ши и обратилась к монаху. — Прочитайте-ка молитву от мора за всех нас, страждущих, прежде чем войти в деревню.

Но вместо того, чтобы забормотать знакомые строки молитвенного речитатива, выполняя просьбу, которая ничего ему не стоила, монах вдруг гаденько захихикал, словно предложили ему нечто непристойное. Искоса с нехорошим прищуром глянул он на Ли Мин.

— Демон Черной Луны, — прошипел монах с ненавистью, смерив ее уничтожающим взглядом.

— Ага, — подтвердила Ли Мин, изрядно перетрусив и оттого наглежа на глазах. — И да... я несу возмездие во имя Луны! — добавила она бодрым голосом анимэшной Сейлор Мун, едва не приняв ее позу: ноги расставлены, рука у лба, отдавая честь двумя раздвинутыми в знаке виктории пальцами. Но сдержалась, боясь, что деревенские не поймут ее ребячества и наябедничают Лю Бину.

А монах, которого от упоминания молитвы передернуло так, будто получил мощный заряд тока, начал рывками удаляться, хотя не делал ни малейшего движения и стоял неподвижно, словно его переносила невидимая сила. Люди смотрели на происходящее,

открыв рты. А когда на их глазах монах превратился в шелудивую шавку и деревенские взялись за камни, мигом скрылся в голубой дали.

— Убедитесь, что у каждого из вас при себе амулеты Фэй Я, — напомнила Ли Мин, повернувшись к деревенским, выводя их из ступора. Побросав камни, все принялись судорожно шарить в своих одеждах в поисках изготовленных магом талисманов, испуганно пятясь к Яблоневым воротам.

А ночью когда стояла тишина, которая звенела в ушах, понадобилось Ли Мин сходить в туалет. Срочно!

Отхожее место, как полагалось, находилось в самом конце участка, и по пути к выгребной яме, само собой, не имелось ни одного источника света, кроме удивительно близкой луны. Хотя, вечером Ли Мин ничего не пила, да и есть особо не хотелось, из-за приبلудившегося зловещего монаха, отбившего охоту выходить ночью из дома, не говоря уже о незабываемом ритуале со свиньей, природа все же брала свое.

Дом, в котором на этот раз ночевала Ли Мин, благодаря болтушке вдове, принадлежал семье безвременно умершей Фан Юэ. Вот Ли Мин и решила скоротать вечер, подальше от суматошной, неугомонной вдовы Е. Дом Фан Юэ с нескольких сторон был окружен покосившимся забором. Но с одной стороны соприкасался с заброшенным участком, и единственное, что их разделяло — густые заросли быльи вперемешку с кустами.

Открыв входную дверь, Ли Мин, собравшись с духом, бросилась наружу как в холодную воду. И только оказавшись у выгребной ямы, смогла перевести дух. Нутром она чувствовала, что что-то не так, но, сколько ни прислушивалась, ничто не нарушало жуткую ночную тишину. Торопливо вздрагивая и оглядываясь, сделала свои дела, и уже торопилась к дому, когда в кустах послышался еле различимый шорох, и сразу же оглушительный треск веток и чье-то тяжёлое дыхание. Само собой Ли Мин, и так пребывавшая в диком напряжении, припустила к дому во все тяжкие, слыша за собой треск веток, топот и сиплое азартное повизгивание. Но когда, влетев в дом, захлопнула входную дверь, навалившись на нее всем телом, шум прекратился, и повисла угнетающая, обманчивая тишина.

Девушка попыталась успокоиться, но знала, что тот, кто гнался за ней, не ушел, что подтвердил еле различимый шум за дверью и Ли Мин чуть со страха не умерла, уловив в ночной тишине тихое поскребывание. Было невыносимо страшно, в голове мутилось от паники, в глазах стоял туман. Поскребывание прекратилось, его сменило неразборчивое бормотание и гаденькое хихиканье того, кто сейчас стоял за хлипкой деревянной дверью.

По-видимому, Ли Мин впала в шоковое состояние, потому что сжала в руке тряпичный амулет Фэй Я. Что на нее нашло после, она не смогла бы объяснить, но выкрикнув: «Убирайся к черту, замурзанный страшилка!», пробралась к разложенной на полу постели и вырубилась, как только голова коснулась валика, заменявшего подушку, не смотря на то, что в дверь по прежнему продолжали скрестись. Видимо организм, истощённый пережитыми страхами, просто отключился. Когда же Ли Мин проснулась, за окном было ясное солнечное утро и все случившееся ночью виделось кошмарным сном. Полежав немного, она постаралась сложить воедино то, что произошло за эти дни, хотя мозг упорно отказывался принимать все случившееся как реальность.

Нужно было подниматься, умыться идти в обход по деревне, чтобы выявить новых заболевших, выздоровевших и умерших за ночь. Хоть страх отступил, Ли Мин, прежде чем выйти во двор, постояла возле двери, прислушиваясь к звукам снаружи, а когда шагнула за порог, ноги ее подкосились.

Вокруг царил варварский кавардак: грядки вытоптаны, хозяйственный хлам валялся вперемешку с мусором, но, главное — расцарапанная, со следами засохшей слизи, дверь.

Слабенькая надежда, что это был всего лишь дурной сон, рухнула в один миг. Все, что так напугало ее в кошмарном сне, случилось на самом деле...

Весь день Ли Мин ходила квеляя, все валялось из рук. Деревенские заметили, что ученица лекаря не в себе и старались не подходить без надобности, советуя ей отдохнуть. Ли Мин лишь кивала, пропуская советы доброхотов мимо ушей. Переделав все необходимые дела, она вернулась в дом к Фан Юэ. Родители девушки лежали в деревенском лазарете, выздоравливая после болезни и Ли Мин долго возилась на дворе их дома, прибирая его. На этот раз она решила уйти ночевать к вдове Е. С ней будет не так страшно, ее болтовня спасет от предстоящего ночного ужаса и кошмарного бреда. Ли Мин не опасалась за подругу, ведь монах ясно дал понять, что у него счеты только к Ли Мин, которую нечисть приняла за демона Черной Луны, видимо с подачи Фэй Я.

К тому же зашуганная произошедшими страшилками Ли Мин, твердо уверила себя, что пережила уже весь кошмар насланный лже монахом и все мистические испытания позади.

К дому Фан Юэ возвращалась уже в потемках, хотя Ли Мин и старалась переделать все дела затемно, но закон подлости никто не отменял и случился новый больной, которого нужно было вовремя напоить лекарством.

И теперь торопясь к надежному жилищу, услышала шорох в кустах впереди. Ли Мин остановилась, замерла, чутко прислушавшись. Раздался выдох с присвистом через зубы. Что-то вылезло из зарослей, преградив ей дорогу. Разглядеть, кто это в плотных сумерках толком было невозможно, если только подойти ближе. Но, что-то не очень-то хотелось приближаться к высокой сгорбленной тени... В темноте угадывалось неторопливое движение бесформенного силуэта. Нечто, крупное и массивное, неловко ковыляло к застывшей ученице лекаря. Ли Мин вмиг лишившись голоса, попятилась, когда это глухо рыкнув, опустившись на четвереньки и, став похоже на огромную неповоротливую собаку, ходко припустило в ее сторону. Не долго думая, Ли Мин стартанула с места, что есть мочи. Никогда в жизни она не бегала так, что ветер свистел в ушах. Сзади раздавалось нетерпеливое рычание, переходящее в захлебывающийся злорадный смех.

Эта тварь была в восторге от погони и неотвратимо нагоняла свою жертву. На спину Ли Мин тяжело прыгнули, и когда она упала, неслабо придавили к земле и прокусив одежду, впились клыками в плечо. Взвыв, Ли Мин, задергалась под неподъемной тяжестью. Боль в плече становилась сильнее от сдавливавших ее челюстей, тварь явно намеревалась оторвать от нее добрый кусок плоти. Обливаясь холодным потом, Ли Мин мигом вспомнилось о ледяной соли, что висела у нее в мешочке на поясе. Только стоило ей пошевелиться, и острые зубы глубже вонзались в плечо.

Внезапно на тяжелое, воняющее существо, яростно налетела Ленточка, сбросив с Ли Мин кусачую погань. Боль в плече отступила. Тварь пронзительно завизжала, когда Ленточка умудрилась вцепиться ей в горло и глухо исступленно рыча, неистово рвать, а после ловко отскочила, когда тварь шипя, освободилась от собачьей хватки, сбросив ее с себя. Неведомое существо было сильнее и крупнее Ленточки.

Ленточка глухо угрожающе рычала, не подпуская врага к Ли мин. Шипение твари сменился на гортанный клекот. Сама девушка отползла от дерущихся, держась за прокушенное плечо, громко зовя на помощь. Ленточка кинулась на тварь, а та даже и не думала отступить — она, все так же клопоча и шипя, в свою очередь кинулась на яростно

рычащую собаку.

Началась яростная схватка. Ленточка вцепилась в эту дрянь, та визжала и булькала, потом стряхнула ее с себя и атаковала сама, прыгнув на собаку. Они и покатались по земле, образовав ком из двух визжащих, рычащих, яростно рвущих друг дружку тел. Взяв камень, Ли Мин подобралась к месту поединка. Тут дерущиеся расцепились и девушка, уловив момент, запустил здоровой рукой камнем в мерзкую нечисть, попав, видимо, ей в морду. Тварь взвизгнула и скакнула в кусты. Но и в кустах, Ленточка нагнала ее и там опять хорошенько потрепала. Когда Ли Мин, держась за плечо, вломилась в заросли следом за ними, Ленточка бегала кругами между кустами, потеряв скрывшегося противника.

Осторожно раздвигая перехлесты ветвей, Ли Мин огляделась, все время ожидая нападения, но никого и ничего не увидела, хотя прошло, по ее прикидкам, всего-то несколько мгновений и тварь просто не успела бы скрыться, даже если помчалась от них со скоростью «Формулы-1», да и отважная Ленточка её бы так просто не отпустила. Ли Мин позвала собаку и прежде чем обнять, ощупала ее бока и найдя рваную рану. Необходимо было перевязать ее, до вдовы Е идти дальше, чем до дома Фан Юэ, где она могла бы перевязать Ленточку.

— Сможешь идти? — спросила она своего верного и отчаянного друга. — Тут совсем недалеко.

В ответ Ленточка с чувством лизнула ей лицо, завиляв хвостом. Она была рада, что отстояла хозяйку.

Шли тихо, не торопясь, потому что Ленточка заметно хромала и была измотана жестокой дракой. Да и Ли Мин не давала покоя боль в прокушенном плече. Наконец, открыв калитку, вошли во двор Фан Юэ и Ленточка остановилась.

Ли Мин недоуменно обернулась на нее и позвала за собой, но Ленточка стояла неподвижно и, не отрываясь, смотрела на темные окна дома. В полнейшей тишине Ли Мин услышала, что там кто-то скреб по окну. Словно проводили ногтем по затянутой пергаментом решетке оконного проема. У Ли Мин затряслись все внутренности, сердце перестало биться, а на голове зашевелились волосы. Судя по звуку, кто-то, находясь в доме, тихонько стучал в окно, призывая ее.

— Ленточка... — прошептала Ли Мин дрожащим голосом и, развернувшись, выбежала со двора Фан Юэ, откуда только силы взялись.

Ленточка ринулась за ней. Так они домчались до вдовы Е и только ввалившись к ней в дом, чуть отдышались. Вот же... Ли Мин никогда еще так быстро и много не бегала. Почувствовав себя в относительной безопасности, она теперь могла спокойно обработать раны Ленточки. К счастью хозяйки дома не оказалось, потому что Ли Мин была не готова отвечать на ее бесцеремонные вопросы. Собака, жадно вылакав миску воды, которую ей поставила Ли Мин, и съев комковатую кашу, убрела во двор отдыхать. А Ли Мин занялась своими ранами, стараясь привести мысли в порядок, успокоить чувства, вздыбившиеся инстинкты и осмыслить то, что с ней произошло. Собственно именно о таком ее и предупреждал Фэй Я.

Но подумать, как и успокоиться не удавалось, уровень адреналина снизился и Ли Мин начало трясти. Следовало срочно чем-то заняться, чтобы не двинуться от страха. Ощупав плечо, она обнаружила на кофте здоровую прореху, а когда сняла ее, то поутихший ужас нахлынул с новой силой... На кофте, помимо дыр от прокуса на плече, наискосок, от правой лопатки по всей спине, красовались четыре длинных параллельных разреза, будто бы

проведённых лезвиями бритвенной остроты. Но на коже не было и следа. Тварь промахнулась буквально на один цунь.

Ни о каком сне не могло быть и речи. Прежде избегавшая шумную вдову Е, Ли Мин теперь с нетерпением ждала ее прихода, а ту, как назло, неизвестно где носило в столь позднее время и жуткую темень. Скорее всего осталась ночевать в лазарете, ведь подруга не ждала Ли Мин на ночевку.

К полуночи сон все же сморил измученную ученицу лекаря, когда снаружи послышался неясный звук. Ленточка? Звук повторился снова. Девушка напряженно прислушалась, не делая попыток встать и впустить собаку. А вскоре до нее дошло, что кто-то, словно забавляясь, кидал камешки в дверь. Иногда стук камешков чередовался со злобными смешками. Истошно залаяли собаки в дальней части деревни, тогда как Ленточка молчала. Покинув теплую постель на кане, Ли Мин подкралась к двери, прильнув к ней.

По ту сторону как будто тоже прижимались к двери, обостренным от напряжения слухом Ли Мин различала хриплые вздохи и тихий звук, скользящий по дверной поверхности, словно глядящий её.

— Ли Мин, — вдруг раздался за дверью просящий голос вдовы Е. — Открой мне, это я...

Ли Мин собралась уже распахнуть дверь и впустить подругу, обрадованная, что не останется этой ночью одна, как ей пришло на ум: а что мешает той, войти самой в свой собственный дом? И вместо того, что бы открыть дверь, Ли Мин бесшумно опустила засов.

— Не спишь! — раздался свистящий шепот из-за двери. — Ты ведь здесь?! — это был голос, которому трудно давалась человеческая речь.

Ли Мин сглотнула комок, вставший в горле, колени подогнулись. Ведь она только что чуть сама не впустила эту дрянь в дом. В дверь что-то смачно ударило, как будто плюхнули куском свежего мяса на разделочную доску.

— Повеселимся сегодня? Не прячься, по страху твоему найду! Это тебе мое угощение. Ты же не откажешься от собачатины? — злорадствовал голос и опять смачный удар в дверь. — Почему не выходишь. Я жду тебя...

И нетерпеливый скрежет по двери. Из каждого двора Снежных Листопадов протяжно завывали собаки. И тут... раздался жалобный плач.

— Открой... пожалуйста, тут собаки! Прошу тебя! — уже знакомым голосом вдовы Е. — Открой же! Ты ведь знаешь, как я их боюсь! — забарабанили в дверь. — Я принес тебе твою собаку, — вдруг вкрадчиво сказал поменявшийся голос за дверью.

Ли Мин отпрянула от двери, и от страха за Ленточку ее затошнило.

— Пожалуйста-а-а! — завизжали голосом вдовы Е. — Ай-ай, помогите кто-нибудь, уберите собак!

Только вот собачьего лая уже не было слышно, но голос все надрывался, кричал, будто там и, правда, кого-то заживо сжирали псы. Дверь ходила ходуном от нешуточных ударов. После серии предсмертных хрипов все стихло.

— Неужто тебя здесь нет? Не верю... лишь бы учуять! — немного погодя забормотали озадаченно и злобно. — Выходи, что скажу. Выходи, не пожалееш-ш-шь! Я жду, — раздался смешок.

Эта скотина просто издевалась... Пора прекращать весь этот балаган. Зря что ли Фей Я экипировал ее всякими амулетами и заклинаниями. Еще есть ледяная соль! И Ли Мин решительно рванула дверь на себя. Она стояла на крыльце посреди ночи, с тяжелым

сердцем, когда в голове не было мыслей, не было паники, осталось просто ощущение всепоглощающего ужаса и безнадежности. Она ждала. Не может быть, что бы эта гадина ушла. Что, так вот просто взяла и ушла? Послышался короткий утробный взрык, и из зарослей появилось уже знакомое нечто, отдаленно похожее на массивного сторбившегося, словно к чему-то приноживающегося, неповоротливого то ли человека, то ли собаки. Ли Мин поспешила опустить глаза, чтобы не лишиться присутствия духа и остатка самообладания.

Сделав неуклюжий, стремительный шаг, оно издало угрожающее низкое шипение, а потом Ли Мин услышала:

— Ну, наконец-то! Быстро ты бегаешь... Что я с тобой сейчас сделаю...

Тварь подошла к ней вплотную и прошипела:

— Я пришел за тобой...

— Ну, пришел... и как бы что? — с вызовом буркнула Ли Мин, шагнув назад, в дом.

Нечто ринулось на нее с превосходством своей силы и полным правом получить свою добычу, но наткнулось на невидимую преграду. Разглядев у своих ног светящиеся линии пентаграммы, оно поджало узловатые корявые пальцы, чтобы даже кончиком длинных когтей не касаться их. А девушка, чтобы не видеть монстра, не поддаваясь искушению рассмотреть его, с силой зажмурилась.

— Посмотри на меня, Ли Мин... — жалобно попросил сиплый голос.

Еще чего! И так понятно, что оно страшилка, чтобы еще и любоваться им. К тому же за его скользким жалобным требованием явно скрывался нехороший подвох, так что откликаться не было никакого желания. Тем временем оно все продолжало шепеляво нудить и канючить: «Ли Мин... Ли Мин... посмотри сюда... Ну же... Ли Мин... Ли Мин...».

Но ученица лекаря просто стояла запертая в круге, пока урод звал ее по имени, бегая вокруг, канюча: «Посмотри, посмотри, посмотри, посмотри сюда!», но девушку будто парализовало. Инстинкт самосохранения велел оставаться на месте и не двигаться. И, главное, не открывать глаза. Ни за что!

— ТЫ ЖЕ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, Я ЗНАЮ!!! ПОСМОТРИ на меня, только одним глазком глянь! Давай! — надрывалась нечисть.

Чтобы хоть как-то ослабить страшное давление на ее мозги и слух, Ли Мин начала читать первое, пришедшее на ум, стихотворение «К дубу» поэтессы Шу Тин, представительницы «туманной» поэзии.

Если я тебя люблю,

То не стану, лиане подобно,

Обвивать высокие ветви,

Выставляя себя напоказ.

Если я тебя люблю, я...

Тварь перешла на сиплый срывающийся крик так резко, что Ли Мин вздрогнула. Она орала, тараторила ни на миг не останавливаясь, чтобы перевести дыхание, не позволяя Ли Мин собраться с мыслями:

ПОСМОТРИПОСМОТРИПОСМОТРИСИЮДАЭЙНУЖЕПОСМОТРИПОООСМОООТРИИ

...не буду, подобно птице,

Ослепшей от глупой любви,

Раз за разом петь скучную песню

В зелёной-зелёной листве.

И я точно не стану ключом,
Дарящим прохлады спасенье.

Голос перешел на визг, и вдруг... все стихло. В ушах звенело от только что зашкалившего пронзительного вопля, как и от резко наступившей тишины. Ни звука. Ни единого. Ли Мин выдохнула, но глаз так и не открыла. Ее сознание цеплялось за стихи, что она читала, и она медленно проговаривала спасительные слова.

И я точно не стану вершиной,
Что возвысит над миром тебя.
Я хочу быть лишь хлопковым деревом,
Что корни с твоими сплетёт —
И никто этих слов не поймёт.
У тебя — ствол железный и ветви
Словно нож, словно меч, алебарда.

Стоило Ли Мин подумать, что все закончилось, как над ухом раздался голос... нет, это был даже не голос, это было какое-то сплетение голосов: мужского, одновременно женского, и какие-то фоновые визги, как зажеванная магнитофонная пленка.

— ПОСМОТРИ СЮДА! ПОСМОТРИ НА МЕНЯ! ПОСМОТРИ

У меня алым полны бутоны,
Тяжелы, словно вздохи мои.
И ярче, чем факелов цвет.
Мы разделим и бурю, и холод,
Насладимся туманами, дымкой,
Что окутает горы с утра,
И на радугу будем смотреть.

Кажется, целую вечность поток выкрываемых голосов продолжал литься на нее. Сквозь закрытые веки проступили слезы. Может, открыть глаза? Ну, увидит она что-то ужасное, ну убьет оно ее, зато эта попытка, наконец, прекратится?

Будто поняв, о чем Ли Мин думает, голоса начали говорить с еще большим убеждением и настойчивостью. Ли Мин уже не могла все это выдержать и готова была поддаться, как вдруг где-то на другом конце деревни коротко кукарекнул петух. Крики тут же стихли. Сквозь плотно сомкнутые веки девушка чувствовала слабый, едва намечающийся рассвет, но глаз открыть не смела. Просто не могла. Тявкнула Ленточка и Ли Мин рухнула на пол, потеряв сознание.

Очнулась в холодное, пасмурное утро, когда туман глушил все звуки. Первой кого ученица лекаря увидела была вдова Е, и тут же шарахнулась от нее, вжавшись в стену, глядя на недоумевающую женщину затравленным взглядом.

— Ли Мин, успокойся, ты победила нечисть. Мы нашли тебя утром, прибежав сразу, как услышали вой Ленточки, потом увидели в магическом круге тебя, лежавшую без чувств, а рядом дохлую шелудивую собаку. Маг Фэй Я сжег эту падаль, а лекарь Бин вытягивал из твоего раненного плеча вредную ци темной магии. Ты же все бормотала о каком-то возмездии во имя Луны.

Так ее старички вернулись! А вскоре она увидела их самих, потрепанных, изможденных и перепуганных, слава всем богам и демонам, живых и даже без всяких травм. Поняв, что опасность миновала и с их подопечной все в порядке, старики, отоспавшись и отдохнув, принялись колдовать над новой составляющей лекарства, вывалив на стол отвратительных

желтых личинок и Ли Мин, которую начало откровенно тошнить, быстренько отвернулась к стене. По-осеннему накрапывал нудный дождь, погода была не самая приятная, но для Ли Мин этот день казался самым прекрасным днем в ее жизни, потому что рядом с ней были ее старики.

После Ли Мин дала волю чувствам. Хлюпая носом и жалуясь, как ей было страшно, она плакала на плече мага. Лекарь же, сидел напротив, то и дело виновато взглядывая на нее.

Вылазка

Лекарь Бин успокоил свою ученицу, когда осмотрев ее плечо, а заодно и Ленточку радостно крутившуюся тут же под ногами, сказал, что осложнений с ее раной не будет. Отоспавшись и отдохнув, старички принялись колдовать над новой составляющей лекарства, вывалив на стол кучу отвратительных желтых личинок. Хотя Ли Мин уже мало что могло напугать, все же она быстренько отошла. С некоторых пор, она стала слишком чувствительна ко всякой мерзости, что непозволительно для медиков у которых должна быть крепкая психика и железные нервы.

Само собой, последовали дотошные расспросы и после того как Ли Мин рассказала все с чем ей пришлось столкнуться в отсутствие старших, она, перво наперво, высказала соображение, что колдун сумеречных, по-видимому, отыскивает заброшенные хижины, чтобы совершать в них отвратительные ритуалы, от которых до сих пор мороз пробирает по коже.

— Это значит, что и Песчаная хижина источник, что вредит Главе и, значит, мне необходимо попасть к ней и разобраться с этим вместищем черного колдовства, — воодушевился маг, потирая ладони в предчувствии того, что придется как следует потрудиться.

«До чего человек любит свое дело», — не без уважения взглянула на него Ли Мин, накладывая на сыпь больного кашицу из лечебных трав.

— А после, поняв, что к чему, я намерен добавить в лекарства магию, чтобы изничтожить зловерный посыл Сумеречных... — с увлечением строил планы маг.

— Прежде всего, нужно доложить Поместью, что мор — не заболевание вовсе, а магическая атака, — буднично заметил лекарь Бин, остужая пыл друга. — Скажи Главе, что маг один не справится, — велел он Ли Мин осматривая поджившие болячки очередного больного.

— Я? — удивилась Ли Мин, поднимая голову от несчастного, который успокоился, когда на его язвы подействовала исцеляющая «кашица». — А чего опять я? — возмутилась она.

— Молчи! — шикнул на нее учитель. — Опять споришь со старшими?!

Но она устала не меньше лекаря Бина и мага, что вливал сейчас в рот ее, заметавшегося вдруг пациента, лекарственный настой.

— Держи крепче, — велел он Ли Мин. — Он дергается и я не могу заставить его проглотить отвар.

— Мне же запрещено появляться в Поместье, — напомнила Ли Мин, удерживая голову не хилого мужчины, которым занимался Фэй Я, пытаясь влить ему в рот магический настой.

— Ты, вообще-то, демон и для тебя попасть в Поместье ничего не стоит, — напомнил маг, все же заставив проглотить больного отвар. — Вот и ступай... А нам с Бином нужно побыстрее приготовить новую порцию лекарства.

Пришлось подчиниться. Ближе к вечеру, когда обошли всех больных, напоив лекарством, маг вручил ей барку-пайцзу, позволяющий пройти через санитарный кордон, запирающий деревню. Не очень-то хотелось, на ночь глядя, тащиться к Поместью, но она же, блин, демон и, хочешь не хочешь, а придется идти. «Вот прям сейчас приспичило им?» —

негодовала она, оглянувшись на дом, где оставила мага и учителя, покорно бредя через всю опустевшую тихую деревню, надеялась, что карантинный дозор Третьего мастера, остановит ее, несмотря ни на какую пайцзу, просто из вредности. Только в карантинном дозоре опять стоял Первый отряд Лунного Инея из дисциплинированных и немногословных ребята.

— Ученица лекаря? — подошел к ней офицер дозора.

— Да, я из зараженной деревни, — напомнила Ли Мин уверенная, что ее тут же развернут обратно и протянула пайцзу мага.

— Ты можешь пройти, — кивнул старший дозора, возвращая ей пропуск.

— А...

— Мага, лекаря и тебя приказано пропускать беспрепятственно.

Ну, хоть повидается с дочерью казначея, какой-то плюс. В ворота Поместья Ли Мин пропустили беспрепятственно, но когда она подошла к усадьбе Главы — павильону Серебряной Пыли, ей дали отворот поворот, даже пайцза не помогла. Ребята Третьего отряда Пятого Лотоса, на этот раз стоявшие в охране, ревностно блюли запрет о ее появлении в Поместье, тем более в деревне все еще свирепствовала зараза. Спасибо не арестовали тут же, лишь неприязненно посоветовали побыстрее убраться от двора Главы, подобру-поздорову. Ага, прям вот сейчас...

Отойдя от ворот, она огляделась. Что ж... Раз она стоит у порога дома Главы, то дело за малым — нужно просто войти и Ли Мин пошла вдоль высокой ограды, ища лазейку или хоть что-то, что помогло бы ей перебраться через высокую стену. Ни на что особо она не надеялась, порой и демон ничего не может поделывать. Однако ей повезло. Отойдя от ворот на три десятка шагов, ученица лекаря заметила на стене ограды три выступающих друг над другом камня. Немного помаявшись и неуверенно повздыхав, она, решившись, вскарабкалась по ним на стену, что оказалось плевым делом, и, посмотрев вниз, обрадовалась своему везению, потому что со стороны двора стену укрывал густой покров разросшегося плюща. И вот вцепившись в его тонкие цапаучие плети, она, кряхтя, спустилась до середины стены, где везение ее резко закончилось.

Из-за угла дома появилась, шедшая дозором вдоль ограды, Третий мастер с двумя воинами, сопровождая Главу, держащегося позади них. Похолодев, Ли Мин замерла, стараясь вжаться в стену и затеряться среди мелкой листвы плюща, моля, чтобы дозор быстренько миновал то место над которым она беспомощно болталась. И тут началось...

Почувствовав, как засунутый за пазуху пузырек с лекарственной мазью, который все время был при ней, выскальзывает и вот-вот упадет если не перед стражниками Третьего мастера, то на голову медленному шествовавшему Главе уж точно, Ли Мин, судорожно схватившись за него, чуть съехала по плети плюща вниз. Сразу же дало о себе знать резкой болью прокушенное тварью плечо.

Мало того, что зашуршав, посыпались листья, так еще и сама плеть на которой висела Ли Мин, поползла вниз. Ну, конечно, только она могла схватиться за засохший стебель, который оборвался под ее тяжестью. Вскрикнув: «Ай!» — Ли Мин ухнула вниз. Третий мастер грозно закричала: «Кто здесь?!» Следующие за ней воины выставили мечи, заслоня собой Главу, готовясь бесстрашно атаковать проникшего во двор злоумышленника и умереть за своего господина. Шлепнулась ученица лекаря вопреки ожиданию, на что-то мягкое, вроде мата, издавшего при ее падении какой-то сдавленный звук.

— Ты-ы убила Главу!!! — противозвушной сиреной взвыла над ней Ся Гэ. — Хватайте ее!

Кого... кого она убила?! Мигом перекачавшись с того на что упала, ошеломленная падением Ли Мин пошатываясь встала на колени, оперлась о землю ладонями и посмотрела туда, куда до этого приземлилась. На земле закрыв глаза, лежал распластанный Глава, раскинув в стороны руки. Что за дьявольщина?! Она же видела, что он находился в стороне от места, куда она должна была вот-вот свалиться. Он жив или как? Ой нет, нет... только не Глава! Она что... убила самого Главу?! Ли Мин подалась было к нему, как ее схватили за волосы, потащив в сторону от, раздавленного ее стараниями, Главы.

— Пустите! — крикнула она, схватившись за руку, что крепко вцепилась в ее волосы. — Нужно посмотреть, что с дафу!

— Пусть тебя это больше не волнует, гадина! — холодно отчеканила над ней Третий мастер. — Ты совершила преступление, нарушив запрет появляться в Поместье! Ты проникла сюда воровски, ночью. Ты убила Главу! За все это тебя следует казнить немедленно! Сейчас же! — жестко добавила она и, отпустив волосы Ли Мин, с металлическим шорохом вынула из ножен меч.

— Что? Он мертв?! — не могла поверить Ли Мин. — Но я же не тонну вешу, что бы раздавить его до смерти. Он ведь не похож на расплющенного... — кричала Ли Мин закрываясь руками от занесенного над ней блеснувшего клинка.

— Что здесь происходит? — остановил скорую расправу нежный девичий голос. — Что за крики?

— Вернись к себе, барышня Ли Ло. Тебе здесь нечего делать, — холодно посоветовала Ся Гэ, остановив замах меча.

— Там Глава... А Третий мастер хочет меня убить! — в отчаянии выкрикнула Ли Мин, рванувшись из рук дозорных к дочери казначея.

Но Ли Ло уже никого не слушала, а побежала к распростертому на земле Главе и склонившись над ним, торопливо оглядела. Выпрямившись, скорбно подняла взгляд на Третьего мастера:

— И вы решили устроить самосуд?

— Сама ты не видишь, что она наделала?! — разгневалась Ся Гэ, показав мечом на неподвижно лежащего Главу. — Она убила дафу и должна быть казненной на месте! Глава запретил ей появляться в Поместье, но она нарушила приказ и напала на него.

— Но он, кажется, просто в беспамятстве, — нерешительно возразила дочь казначея.

— Это ничего не меняет. Я собственными глазами видела, как ученица лекаря прыгнула на него со стены, которую воровато перелезла. Что это, если не покушение на господина?! — стояла на своем Третий мастер. — Сама подумай, зачем ей тайком проникать в усадьбу Главы поздней порой? Зачем ждать на стене, когда господин пройдет мимо и нападать на него? Разве преступный умысел не очевиден?

Ли Мин с понятным беспокойством следила за этими переговорами, решавшими ее судьбу, переводя тревожный взгляд то на разгневанную девицу в красном, то на барышню в нежно персиковых одеждах и, не выдержав, вмешалась:

— Я вовсе не за этим проникла сюда. Мне необходимо было поговорить с Главой. Срочно!

— Среди ночи? — ехидно уточнила Третий мастер.

— Да! Дело не требует отлагательства!

И тут три девушки дружно завизжали. «Мертвый» Глава поднялся с земли и сел. Ли Мин видя, как он, морщась держится за бок, на коленях шустро подобралась к нему.

— Как вы? — с невероятным облегчением и плохо скрываемой радостью, торопливо спросила она.

Взглянув на нее, он попробовал было подняться, но застонав, сел обратно.

— Я помогу вам встать! — кинулась к Главе Ся Гэ, отпихнув Ли Мин в сторону. Пока ученица лекаря, упав обратно, барахталась на земле, Глава, выдернув руку у Третьего мастера, что предупредительно подхватила его, стиснув зубы и держась за бок, поднялся сам.

— Вы сможете дойти без посторонней помощи? — с беспокойством спросила дочь казначея, заботливо поддерживав его с другой стороны.

Он, согнувшись, сделал шаг и, держась за бок, побрел к дому в сопровождении, чуть отставшей Ли Ло, готовой подхватить его под руку и, которой он знаком показал отойти и не входить.

— Глава! — рванувшись за ним, позвала Ли Мин. — Мне необходимо сказать...

— Стоять! — выкрикнула Третий мастер, поудобнее перехватывая меч, а воины ее отряда преградили путь ученице лекаря.

Глава остановился и, не оборачиваясь, сдавленно бросил:

— Следуй за мной...

Его слышали и, Ли Мин с опаской взглянув на пышущую праведным гневом Третьего мастера, быстренько обойдя ее, нагнала Главу. Они вошли в павильон Серебряной Пыли и Глава, добравшись до циновки, опираясь на руку, неуклюже опустился на нее. Другой рукой, по-прежнему, держался за бок, стараясь дышать через раз.

— Что ты хотела сказать? — спросил он ровно, будто вовсе не испытывал мучительной боли. — Это настолько важно, что ты перелезла через стену?

Ли Мин кивнула и обернулась на Третьего мастера, вошедшей за ними.

— Оставь нас, — велел ей Глава.

— Но, господин, — возразила было она, однако Ли Ло, тоже переступившая за ней порог Серебряной Пыли, поспешно перебила Третьего мастера:

— Пойдемте, Ся Гэ. Ученице лекаря лучше знать, что делать с раной господина.

— Она только что напала на вас... — упрямылась офицер Пятого Лотоса, но умолкла, когда бледный Глава хмуро глянул на нее.

— Не докучай мне... — процедил он сквозь зубы, на лбу его выступила испарина, губы посерели.

Как только обе девицы вышли, Ли Мин подошла к Главе и, взявшись за полы его ханьфу, торопливо распахнула.

— Да как ты... смеешь?! — оттолкнул ее с неожиданной силой, разгневанный Глава. Ли Мин плюхнулась на пол, видя негодование на его холодном и гладком, словно поверхность льда, лице. Конечно, если быть настолько бесстрастным и флегматичным, то и мимическим морщинам неоткуда взяться.

— Но, а как я, по-вашему, узнаю ушиб это или перелом ребра? — пробормотала она.

— Я не разрешал тебе подходить ко мне... Говори, что должна и уходи.

Оттолкнувшись от пола позади себя, Ли Мин села на колени.

— Просто дайте осмотреть свой бок, — мягко, словно разговаривала с капризным ребенком, попросила она и, придвинувшись, снова схватилась за его одежды.

— Собираешься раздеть меня силой? — презрительно поинтересовался он, гневно переводя дыхание.

— Ага, и вам лучше не сопротивляться, ведь каждое движение причиняет вам боль, верно? А если запустить ушиб, будет еще хуже.

— Что за неслыханное бесстыдство?! — вновь оттолкнули ее Глава, заставляя опять плюхнуться на пол, откуда Ли Мин смотрела на него во все глаза, не зная плакать ей или смеяться.

Действительно, выходило так, будто она его упрямо домогается. Какой сложный пациент! Но ей приходилось работать со стариками, а они считались особо капризными больными.

— Да не покушаюсь я на ваше хиленькое тельце, — насмешливо пробормотала она, снова отталкиваясь ладонями от пола и садясь перед ним на колени. — Я же не стремлюсь раздеть вас полностью. Просто нужно осмотреть бок.

— Хиленькое... тельце... — прошептал Глава, едва переводя дух и гневно просипел: — Вон! В последний раз... предупреждаю... не смей попадаться мне на глаза!

Не ну, правда, что с ним разговаривать! Достав из-за пазухи пузырек с лечебной мазью, Ли Мин с размаху поставила его на пол перед Главой.

— Похоже, у вас все же сломано ребро. Эта мазь и примочки из трав облегчат боль и помогут ребру побыстрей срастись.

— Я сказал: вон! — процедил сквозь стиснутые зубы, раздувая ноздри Глава.

— Да ухожу я, ухожу, — поднялась Ли Мин, отряхивая штаны на коленях. — И велите сделать вам на больное место тугую повязку.

— Убирайся!

— Меня уже нет. Да... еще хотела сказать, что в деревне не эпидемия заразы вовсе, то была магическая атака.

— Что?

— Я уже ушла...

— Вернись!

— Не бойтесь за свою невинность? — не удержалась от ехидства Ли Мин.

— Что?

— Это не мор.

— Подойди!

Ли Мин подошла, и он взглядом приказал ей вновь сесть перед собой. Когда она села на циновку напротив, хмуро спросил:

— Отчего такая уверенность, что это не мор?

— Глава, — стиснула пальцами колени Ли Мин. — Думаю, вы лучше поймете о чем я говорю, если не будете отвлекаться на боль.

Взглянув на нее исподлобья, он медленно опустил руку, которой держался за бок, а потом и ту, что сжимала разошедшийся ворот ханьфу. Ну наконец-то перестал ломаться. Придвинувшись к нему, Ли Мин распахнула верхние и нижние одежды, осторожно стянув их с правого плеча мужчины. Так и есть, на боку темнела огромная гематома. Ли Мин осторожно коснулась ее, Глава скрипнул зубами. Перелом ребра. Взяв пузырек, что стоял рядом на полу, как она его оставила перед тем как уйти, Ли Мин легко и невесомо наложила мазь, так что пациент не дергался и даже не вздрагивал.

— Вот, можете одеваться. После, как боль отступит, пусть нанесут мазь еще раз и туго перевяжут бок.

— Ты меня раздела, ты и одевай, — презрительно бросил Глава.

Девушка взглянула в его неподвижное лицо. Ему больно шевельнуться. Ладно. Ли Мин аккуратно натянула одежды на его плечо, запахнула их, осторожно завязывая, рассказывала:

— Велите менять стягивающие повязки, чтобы ребро правильно срасталось. Насчет эпидемии... Все те лекарства, что раньше справлялись с поветриями, в нашем случае оказались бессильны. Ни одно не помогало. Но маг добавил в них заклинание «Каторжных цепей», больные начали поправляться, и теперь он нижайше просит вашей помощи. Маг утверждает, что на землях клана имеется источник магической атаки.

— Я должен иметь доказательства, что это не зараза, — глухо проговорил Глава, заметно успокоившись, потому что думал о другом, а не возмущался наглыми действиями раздражающей девицы. — Поэтому нужно найти источник вражеской атаки, а уж потом утверждать, что это злостная магия.

— Источник вам известен — Песчаная хижина.

— Разве мы не были в этой заброшенной полуразвалине? — пренебрежительно усмехнулся Глава, будто сказанное Ли Мин было несусветной чушью.

— Я разве сказала, что именно Песчаная хижина является доказательством, — сразу взъелась девушка. — Я сказала, что надо искать именно там.

— Дерзишь мне? — холодно осведомился Глава и едко спросил: — Маг решил так потому, что именно там происходил колдовской обряд? — окончательно выбесив Ли Мин своим высокомерным тоном.

— Мы решили так потому, что там все перекопано, — отрезала она. — И не понятно почему. Все я пошла.

— Разве я отпускал тебя? — с силой хлопнул он ладонью по хрупкому столику. Вновь вышел из себя всегда заторможенный и будто замороженный Глава.

«Ой, ну что еще?!» — обернулась к нему Ли Мин сдерживаясь, что бы не нагрубить. Она и так едва выдерживала его спесь.

— Для того, чтобы понять, что мы ищем, необходимо присутствие самого мага. Мало ли чем могут обернуться для людей раскопки возле Песчаной хижины. Потому передай Фэй Я эту пайцзу, — с усилием протянул он медную бирку с иероглифами клана Северного Ветра.

— Боюсь, что эта ваша пайцза ничего не значит для Пятого Лотоса. Они уже ограбили обоз, который вы послали с магом в деревню, — с удовольствием ябедничала на Третьего мастера Ли Мин, забирая медную бирку. Теперь их у нее со старичками будет две. А чего, пригодиться. Еще бы раздобыть третью, тогда получится на каждого.

Между тем Глава жестко проговорил:

— Я услышал тебя. Мага беспрепятственно выпустят из деревни. Выполняй, что приказано.

— Ага, бегу уже, — не без ехидства буркнула Ли Мин и устало поклонилась. — До свидания. Нет, подождите, — вдруг спохватилась она. — Как Второй мастер? О нем, что-нибудь слышно? С ним все в порядке?

— Он справляется, — неопределенно ответил Глава, но Ли Мин было и этого достаточно, раз справляется, значит жив.

Когда она вышла Третий мастер недобро и ревниво глянув на ученицу лекаря, прошла к Главе. По ее мнению, эта девка, которую приютил старый дурак Бин, что-то уж слишком долго разговаривала с дафу.

— Как он? — с беспокойством спросила Ли Ло, едва Ли Мин отошла от дверей павильона Серебряной Пыли и подошла к Лotosовому пруду, где ее дожидалась дочь

казначая.

— Сломано ребро, ничего страшного срстется. Не волнуйся ты так, просто, чтобы снять болезненные ощущения почаще накладывай мазь, что я ему оставила и туго обвязывай ему торс, — давала она наставления внимательно слушавшей ее Ли Ло, напоследок подмигнув. Она давала подруге шанс приблизиться к Главе, все же не понимая, что она нашла в этом вредном парне.

— Увы, — покачала головой расстроенная девушка, — не смотря на твои указания, навряд ли я смогу это сделать?

— Почему? — удивилась Ли Мин. Неужели дафу своими капризами достал и терпеливую Ли Ло тоже? Чистый геморрой, а не возлюбленный!

— Глава не переносит, когда кто-то дотрагивается до него кроме верного Хоу.

— А-а... — протянула Ли Мин, припомнив какую борьбу выдержала только что. — Просто будьте порешительнее, к тому же у вас легкая рука, он побрыкается и смириться.

— Не знаю... — с сомнением покачала головой дочь казначая. — Глава не выносит грубости от женщин, но я передам все, что ты мне наказала Хоу, — пообещала она, печально улыбнувшись.

Ли Мин обеспокоенно смотрела на подругу, не понимая как Главу до сих пор не тронула хрупкая утонченная красота девушки, не то что похожая на стенобитный таран Третий мастер возомнившая о себе невесть что. Поняв взгляд подруги, Ли Ло вздохнула:

— Я по-своему завоевываю его привязанность. У меня хватит терпения, которое он со временем оценит.

Ли Мин кивнула, поддерживая подругу, не желая, чтобы она опускала руки.

— Только времени, увы, мне отмерено слишком мало, не смотря на то, что полюбила его как только увидела. Ах если бы он сделал хотя бы шаг мне навстречу. Его участие в моей судьбе дарит мне надежду на это и желание двигаться в отношениях с ним дальше. Лишь, благодаря тому, что он был рядом, я сумела пережить трудные дни, но, увы, из-за своей болезни Глава не дает ни единого повода, даже малого шанса на взаимность, хотя я не раз уверяла его, что для меня это не помеха, главное быть с ним рядом.

Вот честно, пообщавшись сейчас вплотную с Главой, Ли Мин не могла понять ни Ли Ло, ни Ся Гэ, ни Лай. Что наши девчонки в Главе? Один его вид, холодный и строгий, так и тянул Ли Мин схамить ему и это была единственная реакция, что он у нее вызывал. Но человеческое сердце не понять, тем более девичье.

— Просто сделай все, чтобы вылечить его, — подбодрила Ли Мин подругу.

Она не хотела, чтобы Третий мастер со своим бронебойным характером и топорной обходительностью, обошла деликатную Ли Ло. Распрощавшись, девушки разошлись, ободренная Ли Ло торопилась вернуться в павильон Серебряной Пыли, а Ли Мин в деревню к старичкам, чтобы доложить о своем разговоре с Главой, заодно похвастаться еще одной пайцзой, умолчав при этом, что на этот раз умудрилась сломать дафу ребро.

В деревне она, прежде всего, обошла больных, которые, после отвара замешанного на магии, тьфу-тьфу, шли на поправку. В последующие дни эпидемия, хоть и медленно, но верно, шла на убыль, благодаря лечению, совместившему в себе лекарственные растения и магию.

Из Поместья регулярно доставляли еду и лекарства, оставляя их у Яблоневого ворот деревни. На седьмой день к Снежным Листопадам пришла Ли Ло, чтобы увидеться с Ли Мин. Она рассказала, что Глава просил Хранителей, что обладали хоть мало мальской

способностью к магии, помочь в лечении деревенских, однако никто из них не изъявил такого желания, потому что слушали Третьего мастера, невинно удивлявшейся, чем лекарь Бин и его непутевая ученица занимаются в Снежных Листопадах и, что лекарю явно не повезло с бесталанной девкой, которую он принял в ученицы.

— Так эта стерва открыла второй фронт против нас с тобой? Должно быть твои отношения с Главой улучшаются, а? — подмигнув, улыбнулась Ли Мин зардевшейся скромнице Ли Ло. — Тогда забей на нее.

Ей было слишком хорошо, чтобы сердиться и никакая Ся Гэ не испортит ей настроения. Она и Ли Ло беспечно сидели на разрушенных ступенях деревенского храма и ели пирожки. Вот когда смерть, заглядывая белесым бесстрастным взглядом, дышит в лицо, обдавая могильным дыханием, лишь тогда тонко ощущаешь красоту и необходимость прежде незначительных вещей, которых раньше не замечал.

Душный жар подходившего к концу лета был насыщен запахами отцветавших цветов и пыльными полевыми былинками, а прохлада вечера, когда неторопливо пьешь жасминовый чай, приносила покой и расслабленность. От доносящегося из сада запаха орхидей, приходило понимание, что ведь лето подходит к концу, вот что важно.

— А мне обидно, что она лжет про тебя, — меж тем делилась своими переживаниями Ли Ло с Ли Мин, довольно жмурящейся на предзакатное солнце. — И это тогда, когда император уже послал Очистительный отряд для уничтожения зараженной деревни.

— То есть нас?! — подскочила на месте ученица лекаря, позабыв про пирожок. Ощущении гармонии со всем миром вмиг слетело с нее.

— Успокойся, Глава с тремя отрядами клана вышел им навстречу и сказал, что деревню уничтожать нет необходимости, потому что все ее жители идут на поправку. Очистительный отряд вынужден был остановиться. Еще бы! Людей клана было в три раза больше. Глава сразу же отправился к императорскому двору, чтобы защититься от обвинений и узнать, кто убедил послать Очистительный отряд раньше положенного времени. И я опасаюсь, как бы из-за злого языка Ся Гэ, тебе не пришлось отвечать за все.

— Запариться, делать из меня крайнюю. — убежденно ответили Ли Мин, яростно дожевывая пирожок и спросила. — Как Глава, как его ребро?

— Зажило по уверению Хуна, но побаливает, хотя Глава не жалуется. Я тревожусь, как он перенес столь долгую и трудную дорогу.

Рассказала Ли Ло и о том, почему не явилось с обещанными лекарствами, когда Ли Мин и лекарь так нуждались в них в самый разгар эпидемии и ждали ее в назначенный день. Оказалось, что все собранные ею лекарства были нагло отняты у нее Третьим мастером, а сама Ли Ло под предлогом карантинной меры, заперта в охотничьей хижине, стоявшей на отшибе Поместья и Снежных Листопадов. Самоуправство Ся Гэ дошло до Главы, когда Ли Ло так и не вернулась обратно. Вызвав к себе Третьего мастера, Глава потребовал у нее объяснений. Сначала Ся Гэ все отрицала: она знать не знает, где носит эту Ли Ло, она не видела ни ее, ни телегу у деревне и никто из Пятого Лотоса ее не видел. Но когда Цао отыскал бесчувственную Ли Ло в забытой хижине, Третий мастер, не моргнув глазом, начала уверять, что изъяла лекарства у дочери казначея, чтобы обезопасить себя и свой отряд от заразы, а саму ее заперла в карантине, чтобы Ли Ло не общалась с деревенскими. Когда же Глава поинтересовался, где остальное лекарство, Ся Гэ заявила, что ее отряд использовал его без остатка. Глава отпустил Третьего мастера и послал в город и соседний округ нарочного за лекарствами, велел собрать сколько можно. А в карантинном дозоре с тех пор стоял

Первый отряд Серебряного Инея.

— Не забывай, что Ся Гэ приходится ему дальней родней, потому Глава снисходителен к ней, — пояснила Ли Ло возмущившейся подобной терпимостью Главы к этой... первой раскрасавице, Ли Мин. — К тому же отряд Пятого Лотоса отстранен от охраны Поместья и его заменили Драконы Дождя.

С наступившей прохладой вечерних сумерек подруги распрощались, пожелав друг другу удачи: одна вернулась в деревню, вторая в Поместье. Дочь казначея продолжала следить, чтобы деревня не оставалась без продовольствия и лекарств, а Ли Мин со своими старичками ставила на ноги выздоравливающих.

Так что когда Глава вернулся на гору Доуфань не один, а с Инспекцией из нескольких чиновников двора, мор действительно был остановлен и погашен.

И вот три Хранителя таскали шарахавшихся от всего инспекторов по деревне. Те брезгливо морщась, заглядывали во все углы, допрашивали мага, лекаря и его ученицу, но ничего напоминающего об эпидемии найти не смогли.

Когда неожиданно спрашивают твоего совета.

Проводив придворных инспекторов, уезжавших поспешно и с видимым облегчением, Глава призвал мага.

— Господин, — почтительно поклонился маг, появившись в его кабинете. — Ученица лекаря ведь передала вам мои соображения о настоящей природе мора, что обрушился на Снежные Листопады?

Глава кивнул, неосознанно прижав ладонь к боку, что не укрылось от внимания мага, отметившего, что молодой глава клана выглядит более чем неважно. Вообще в клане состояние Главы измерялось от неважного до ужасного. Ужасного, стараниями лекаря Бина, старались не допускать, а неважное являлось обычным состоянием дафу. Так что отклонение к «более чем неважное» сразу настораживало и вызывало пока легкую тревогу.

— Надеюсь, она не доставила вам неудобств. Деревенские девицы не отличаются особой воспитанностью, а эта еще и неуклюжа... — принялся, на всякий случай, оправдывать свою подопечную маг.

— Что я должен сделать, чтобы облегчить вашу задачу, почтенный Фэй Я? — остановил его сетования Глава, напоминая о насущном.

— Отрядите воинов к Песчаной хижине.

— Я сделаю это. Когда вы намерены отправиться туда?

— Этой же ночью. Необходимо как можно скорее покончить с опасным мором.

К часу Крысы у Песчаной хижины, не смотря на глубокую ночь, стало вдруг многолюдно. А когда на землю опустили носилки в которых восседал Глава, к нему тот час поспешил маг.

— Почему вы здесь, господин? — испуганно закланялся он. — Это может быть опасно, прошу вас, вернитесь к себе. Я тот час доложу вам, как только все закончится.

Но Глава капризно поджав губы, раскрыл веер и отвернулся. Стражник протянул ему руку, что бы помочь сойти с носилок, но Глава знаком велел ему отойти и, прижав ладонь к боку, морщась, с заметным усилием поднялся с носилок сам.

Маг и Глава зашли в хижину, тогда как воины Второго отряда разбрелись по просеке, осматривая уже знакомые им с прошлой засады места. Маг при свете фонарей, что на длинных шестах держали два воина, подняв их повыше, рассматривал то, что сохранилось от магического круга на затоптанном земляном полу.

— Это та пентаграмма над созданием которой застал колдуна сумеречных Второй мастер, — бормотал себе под нос Фэй Я.

— Именно, — тихо подтвердил Глава, наблюдая за изучающим магический рисунок магом. — Что скажете, почтенный? Может ли это быть источником мора, что губит наш клан? Ведь именно здесь мы со Вторым мастером прервали черное колдовство безликих.

— Не думаю, что именно эта пентаграмма питает мор, — покачал седой головой Фэй Я, с усилием разглядывая подслеповатыми глазами магические закорючки. — Скорее всего, сия пентаграмма служила спусковым крючком, что выстрелил мерзкой магией. Этот круг не мог постоянно и долго источать энергию мертвых, поддерживая тем мор, не обладает он такой мощью, его магия источилась в ту же ночь, когда вы прервали колдовство. А мор до сих пор упрямо тлеет, чтобы не предпринимал лекарь Бин и его ученица. Это должно быть

что-то намного сильнее, что не дает угаснуть заразе.

— Но здесь больше ничего нет, — огляделся Глава, нервно обмахиваясь веером.

— Погодите, — вдруг замер маг, остановившись на одной мысли. — Своим небесным зрением я видел, как фиолетовая мгла мертвых, забирает жизнь молодых людей, умерщвляя клетки их организма, что борются с болезнью. Думаю, Небесное зрение поможет мне и здесь.

Закрыв глаза, маг глубоко вздохнул, успокаиваясь. Его лицо приняло безмятежное и умиротворенное выражение. Затем он открыл глаза и медленно огляделся с таким видом, будто все здесь видел впервые.

— Нет, — безнадежно покачал он головой, — должно быть, мы ошиблись и ничего не найдем в этой хижине.

Глава с треском закрыл веер, не скрывая разочарования.

— Тогда пойдете отсюда, — проговорил он утомленно. — Ученица лекаря указала на то, что вся земля вокруг этой злосчастной хижины изрыта, а ведь здесь ничего не сажали. Может это поможет делу?

Оба вышли из хижины в сопровождении воинов освещавших им путь фонарями. Фэй Я вдруг остановился, велел гасить фонари, и те поспешили выполнить приказ.

— Боги небесные! — потрясенно воскликнул маг. — Как возможно сотворить подобное?! Позвольте мне показать вам то, что увидел сейчас я, — поспешил он ответить на удивленный взгляд Главы.

И когда тот кивнул, маг закрыл глаза, раскинул руки, подняв лицо к звездному небу, сосредоточенно пробормотав древнее заклинание некромантов. В траве вспыхнули, пробежали фиолетово-лиловые искры, становясь все ярче, расходясь по невидимым линиям канав и впадин. Бродившие по просеке воины, попятнулись от них, опасливо перешагивая, обходя, стараясь не наступать на засветившиеся не понятно от чего борозд. И вскоре вокруг Песчаной хижины высветилась огромная пентаграмма, заполненная магическими знаками, центром которой стала эта полуразвалившаяся халупа.

— Но как такое возможно? Это творилось прямо передо мной?!- поразился Глава, роняя веер. — И что это за пугающий свет?

— Боюсь даже предположить, что дает сие свечение, — покачал головой Фэй Я. — Думаю, мы все узнаем, когда начнем копать там, откуда он исходит.

По приказу мага, воины раскопали малую часть круга и столпились у ямы, потрясенно переговариваясь. Подошедшие Глава и маг, заглянув в яму, увидели останки пропавших некогда матери и дочери.

— Так вот куда и для чего пропадали и гибли жители Снежных Листопадов! Несчастные жертвы отвратительной ворожбы стали основой источника мора, — прошептал Фэй Я. — Вся эта нечестивая пентаграмма является огромным могильником.

В деревню послали солдата и вскоре, несмотря на поздний час, к Песчаной хижине стали сходитья и деревенские, кто спешил с носилками, кто тащил за собой двухколесные телеги, чтобы забрать тела родных и соседей, дабы похоронить их достойным образом.

Семь дней Снежные Листопады свершали траурные обряды над останками несчастных жертв Сумеречных. Глава пригласил буддистского монаха из монастыря Яшмовых Небес и даоса, чтобы те очистили от скверны умерших и проводили их неприкаянные души в Забытые Земли. В эти дни деревенский храм украшали белые завесы и ленты. Во дворе напротив алтаря в ряд стояли столы-жертвенники с поименными табличками погибших и

чашами, в которых щедро жгли благовония. На семь дней Снежные Листопады погрузилась в траур во время которого Ли Мин и лекарь продолжали пичкать больных дымящимся магией лечебным настоем.

После благополучной победы над мором, лекарь Бин и Ли Мин отправились в Сюэфэн чтобы воздать хвалу богу медицины Яо Вану в городском храме. Этому великому отшельнику-лекарю повезло вылечить раненого дракона, пришедшего к нему в образе молодого человека (мудрый Яо-ван, конечно, сразу догадался, что это дракон, и дал ему особое лекарство), и еще помог тигру, вынув из его лапы занозу. С тех пор, говорят, дракон и тигр всюду сопровождают это божество. Потому и в храме рядом со статуей Яо-вана стояли фигурки дракона и тигра. Ли Мин подумалось, что поклоняться отшельнику в общем-то следует больше ветеринарам, чем хирургам, но свое мнение предпочла оставить при себе.

Вернувшись на гору Доуфань, лекарь отослал Ли Мин в ее пещеру — отдыхать. Получился ничего себе отпуск, во всяком случае, она именно так воспринимала эти дни тишины и безделья, то бишь отдыха.

После напряженной жизни в деревне в нескончаемых тревогах и беготне, как и кошмарной передрыги с ужасиком от Сумеречных, Ли Мин полюбила тихие вечерние зори, что было неожиданно для городской девчонки.

В городе она подобной роскоши не замечала и вот сейчас обнаружила, что ее душе уютно, когда багровое солнце устало погружается в прохладные синие сумерки подступающей ночи. Может, воспринималось все так, по-особому, из-за мягкого света раннего вечера, когда травы и цветы, прогретые жарким солнцем, усиливали свой аромат. И настоящий на этих ароматах воздух пьянил, точно выдержанное вино, которое пьют после тяжелого рабочего дня, чтобы расслабиться. И как предвестники наступающих сумерек, в траве начинали монотонно стрекотать сверчки, а затем вступал разноголосый хор одуревших лягушек. Именно вечернее время летнего заката приводило Ли Мин в умиротворение.

Но это блаженство одиночеством длилось ровно три дня, потом вдруг опять накатила тоска, такая, что она не могла спать ночами. Дома в ее спальню с улицы проникал свет фонарей, который тогда дико раздражал и которого теперь ей так не хватало. Сейчас лунный мертвенно бледный свет, что лился в ее пещеру и делал все вокруг призрачным, нереальным, потусторонним, пугал и отчуждал. Особенно, когда возле пещеры порывивая топтался Горный дух, хотелось плакать от страха. Ее бедным нервам и так досталось с лихвой и к дополнительной порцию всяких ужасов она была не готова, потому и ушла ночевать к старичкам. Достал ее уже Горный дух, боялась она его.

На следующий день, после полудня из Поместья вернулся лекарь Бин.

— Собирайся, — приказал он вдруг Ли Мин. — Глава созвал Совет и для тебя это возможность как следует присмотреться к нему и поставить собственный диагноз его болезни. Что-то он сильно сдал за последнее время и уже какая-то новая боль беспокоит его.

— Хорошо, — покладисто ответила Ли Мин, боязливо посматривая на учителя. Она-то знала, из-за какой новой боли мучается Глава.

— Что? — придиричливо оглядел ее лекарь с головы до ног. — Ты же не собираешься явиться на Совет клана в подобном виде?

— А что не так? Все знают меня как вашу слугу и ученицу.

Будь ее воля, она бы вообще не пошла, чтобы не попадаться лишний раз Главе на глаза. Одна надежда на вредных Хранителей, что завернут ее с порога и не допустят раздражать их на этот раз. Лекарь лишь головой покачал: возмущаться и отчитывать ее времени не было, к

тому же, положив руку на сердце, девочка на самом деле не имела одежды, приличествующей молодой барышне. И это его с Фэй Я упущение, что не подумали и не позаботились о том заранее, оба уже свыклись с ее обликом вечно чумазого растрепанного сорванца. Исправлять что-то времени уже не оставалось, да и не главное это было сейчас. А Ли Мин поплескав в лицо водой и утеревшись холстиной, заявила, что готова к «выходу в свет». И хоть лекарь, как всегда, не очень-то понял ее, но еще раз со вздохом, оглядев ее вытянутые на коленях штаны и синюю кофту, подпоясанную обтерханым кушаком, смирился.

— Посмотри на Главу внимательным взглядом многоученого лекаря, каким ты являешься, и расскажи после, что думаешь о его хвори, — нудно наставлял Бин свою ученицу на пути к Поместью. — Видя твой метод лечения и знания, которые ты выказала, я убежден, что не стоит обращаться к сторонним лекарям, сами справимся.

— Но я...

— Не спорь! Вспомни, когда мы лечили раненных после стычки с безликими, я не вмешивался в твои недопустимые и неприемлемые методы. Тогда ты ни разу не обратилась ко мне за помощью, наоборот, лечила уверенно, со знанием дела. И пусть это твое зашивание ран и копание инструментами во внутренних органах богохульно, тем не менее, пошло на пользу раненым, не причинив и впоследствии вреда. Хотя, тебе все еще нужно проявить упорство в своем ученичестве, я могу уже говорить с тобою на равных.

Ли Мин с уважением посмотрела на учителя. Каково ему, мэтру здешней медицины, признать ее равной не только перед собой, но и перед ней, своей никчемной, бестолковой ученицей.

— Мне важно знать, как видишь ты болезнь овладевшую Главой. Я свой вердикт уже вынес. Вот и сравним.

— Разве я отказываюсь? — успокоила его Ли Мин, хотя не очень — то была уверена, что сможет поставить правильный диагноз Главе. — Но все же, примите во внимание, что в своем будущем, я только учусь и практика моя в интернатуре была недолгой. И не волнуйтесь за меня, я буду тихонько стоять за вашей спиной так, что на меня никто не обратит внимания, и я не опозорю вас.

Лекарь Бин лишь головой покачал. Почему ему слабо верится в это? Хранители недовольно зашептались, когда лекарь Бин переступил порог Зала Предков в сопровождении своей дерзкой ученицы.

— Сюда, не то, чтобы заказано входить посторонним и простолюдинам, — тихо пояснил ей лекарь Бин, — сюда вообще не каждый вхож. Это древний зал праотцов клана Северного Ветра, существующего с времен, когда еще не существовало великой Чжоу.

Ли Мин не без трепета оглядела сложенные из крупного необработанного камня стены, мощные колонны подпирающие свод, что терялся в такой плотной тьме, что неверный свет факелов не в силах был рассеять ее. Изваянное из цельного камня кресло на возвышенности, к которому вели три выщербленные от времени ступени, было украшено простой незамысловатой резьбой, в которой угадывался аскетичный и сдержанный дух древности. Не менее сильное впечатление оставляли примитивно вырезанные в камне колонн, не то чтобы нелепые, а скорее условные изображения драконов, что обвивали их. Предки были не столь самоуверенны, чтобы утверждать тщательностью и проработкой образа, что мифический владыка Поднебесной выглядел именно так. Над каменным тронем на стене были выбиты старинные угловатые иероглифы, запечатлевшую какую-то мудрость, прочесть, как и постичь которую Ли Мин была не в состоянии. Все это должно было угнетать и подавлять

тяжеловесной величием, внушая благоговение и почтение к далеким предкам. И Ли Мин было понятно возмущение Хранителей при виде ее, переступившей высокий порог зала для избранных вслед за лекарем Бином.

— А она, что тут делает? — недовольно высказался насупившийся Третий Хранитель.

— Не понимаю, зачем лекарь привел ее? — гневно засопел Первый Хранитель.

Ли Мин с лекарем предпочли не замечать возмущенные перешептывания оскорбленных стариков, выказываемое ими недовольство, их личное дело, Ли Мин и лекаря вовсе не касающееся. Как только Первый Хранитель направился к этим двоим с видом решительным и непримиримым, в Зал Предков вошел Глава в сопровождении Третьего Мастера и Ли Мин мигом припомнив и сломанное ребро и «неприличный» медосмотр, быстро зашла за спину лекарю Бина, стараясь не попадаться Главе на глаза о чем он сам предупредил ее в их последнюю встречу.

После того как была торжественно отдана дань предкам и после общего церемониального приветствия, Глава начал Совет с обсуждения вопроса ради которого всех здесь собрал, а именно финансового выживания клана, после наведенного на них поветрия. Хранители принялись жаловаться, что все их деловые сделки в последнее время расторгаются. Торговые партнеры, не объясняя причин, отказываются иметь дела с кланом, более того, отзывают свои обязательства, отговариваясь недавней эпидемией.

— Лекарь Бин, насколько уверенно мы можем обещать нашим торговым партнерам, что им нечего бояться заразы, что прошлась по нашей земле и что она больше никого не коснется? — обратился к нему Глава.

— Вы можете смело обещать им это, — уверенно ответил лекарь Бин. — Мы полностью и бесповоротно справились с мором.

А тем временем Ли Мин украдкой, исподлобья изучала Главу, с чисто медицинской точки зрения.

— Ваша ученица того же мнения? — кашлянув в кулак, спросил дафу и вдруг напрямую обратился к ней: — Желаешь мне что-то сказать?

Ли Мин молча поклонилась. Третий Мастер поджав ярко накрашенные губы, смерила ее таким уничижающим взглядом, что Ли Мин стало не по себе в своей нищенской одежде — обносках.

— Простите мою ученицу, если ее поведение показалось вам неучтивым и вызывающе грубым, — поспешил выступить вперед лекарь Бин, низко кланяясь.

— Зачем вы, уважаемый, вообще привели ее сюда? — тут же высказал Первый Хранитель то, что все это время волновало, если не бесило, всех здесь присутствующих.

— Дело в том, мудрейшие, что хотя мор побежден и его источник уничтожен на наших землях окончательно, мы все же должны увериться, что драгоценное здоровье Главы не было подорвано насланной напастью сумеречных.

— Хотите сказать, что угроза еще существует? — заволновались Хранители.

— Пусть даже и так! — выкрикнул фальцетом Третий Хранитель. — Зачем же тащить на Совет какую-то безродную бродяжку? Хоть в вашей учености, почтенный Бин, я несколько не сомневаюсь, но вашего поступка не понимаю.

— Да что может знать эта безграмотная деревенщина? Зачем она здесь, среди избранных клана? — пренебрежительно заметила Третий Мастер.

— Но именно моей ученицей были высказаны те опасения о которых мы хотели бы вас предупредить, — терпеливо пояснил лекарь Бин.

— Не думаю, что все может быть настолько серьезно, чтобы какая-то невежда смела занимать наше внимание, — упорствовал в своем неприятии, насупившийся Первый Хранитель.

Третий Мастер взирала на все это с торжествующей улыбкой подстрекательницы, дождавшейся своего звездного часа.

— Разве мы не должны учесть и ту угрозу, о которой желает предупредить ученица лекаря? — поинтересовался у всех Глава. — Если даже такая невежда как она подумала о безопасности клана, то почему мы должны отмахиваться от ее опасений, только потому, что они будут высказаны низкой по рождению. Прошу, ученица лекаря, сказать нам то, о чем мы должны знать.

Хранители не посмели возражать Главе, но с таким высокомерием смотрели на смутившуюся Ли Мин, что на миг она почувствовала себя полным ничтожеством. Да и неожиданная покладистость Главы озадачивала и настораживала, когда еще помнилось, как он в их последнюю встречу, шипел и плевался на нее ядом каким, очевидно, был переполнен весь его организм. Подумалось, что теперь ему не нужно даже выдумывать повода, чтобы отправить ее на казнь, припомнив ей не только сломанное ребро, но и то унижение, когда она, при императорском чиновнике, во всеуслышание объявила его первым мачо клана. Вряд ли он забудет все это, слишком большой у него счет к ней, чтобы оставит ее безнаказанной. И все же Ли Мин расправила плечи и подняла голову, а какого вообще...

Раз Глава интересуется ее мнением, значит, считается с ней. «А вот уж ты, точно не красавица!» — про себя огрызнулась она на Третьего Мастера, тем прибодрившись. С ней редко случалось, чтоб ее так отталкивала чья-то внешность, она уже и в полглаза дорисовывала и воображение свое насилывала...но так и не получилось увидеть в Третьем Мастере ни единорога, ни радуги...вот лось в соплях и все тут, да еще в вызывающе красном наряде... Но надо собраться и ответить Главе и дружному коллективу вредящих Хранителей.

— Господин, вам и многоуважаемому Совету уже известно, что эпидемия была рукотворной и вспыхнула из-за недоброго умысла сумеречных, а раз так, то я бы поостереглась обещать торговым партнерам клана полную безопасность при контакте с нами.

Хранители возмущенно зашумели, а Глава, сдержав кашель, жестом велел ей продолжать.

— Два месяца назад необъяснимая болезнь вспыхнула в соседних уездах: в Саньяне и в глухой деревне у горы Фэхай. Симптомы схожи с пережитым нами мором и без сомнения, это один и тот же недуг. Только в отличие от нашего случая в тех местах вымерли все, потому что там не нашлось мага, а если и был, то не вмешался вовремя, не понимая, с чем имеет дело. И не факт, что это не повторится вновь по преступному желанию безликих.

— Да с чего ты это взяла?! — гневно «наскочил» на нее Первый Хранитель.

Советники вокруг него закивали, разделяя его негодование.

— Мы проверили схожие с нашей болезни. Таких случаев было пять, в разных провинциях, в разных концах страны, что странно для естественного поветрия, которое не захватывает местности выборочно, а косит все подряд.

— И от того, безмозгая, ты решила, что кто-то намеренно насылает по своей прихоти заразу где ему вздумается? — иронично спросил Второй Хранитель, давая своим авторитетом. — Здесь домыслы неуместны!

— Вот именно, — отрезала Ли Мин. — В трех провинциях эпидемия странным образом прекратилась в одночасье в отличие от глухой деревни у горы Фэхай, которую выкосила полностью. Думаю, это были пробные случаи перед тем, как наслать эпидемию на нас. Если посмотреть по карте те места, где произошли вспышки мора подобные «Семи прахам», то видно, что это все северо-западные провинции, посередине которых находятся земли Сумеречных. Никто особо не распространялся о захватившей их заразе, боясь жестких действий правительства, предпочитая самим справляться с поветрием. Потому никто не был готов к магическим атакам, и в нашей неспособности противостоять сей напасти сумеречные были твердо уверены.

— В таком случае, мы ведь можем угодить в хорошо продуманную ловушку, — призадумался Третий Хранитель.

«Ну, наконец-то! — выдохнула про себя с облегчением Ли Мин. — кажется, дело сдвинулось с мертвой точки и процесс пошел».

— Допустим мы, постаравшись перед торговыми партнерами, выполним наши обязательства, вложив в них все, что у нас имеется. И вот, тогда, на нас вновь обрушится зараза «Семи прахов», которая тут же перекинется на участников всех наших сделок. Что тогда будет, как думаете?

— Нашей торговой репутации придет конец, имя клана покроется позором, — глухо выговорил Глава из-за платка, который прижимал к губам.

— Вы слишком преувеличиваете, господин, — выступил вперед Первый Хранитель. — Эта девица запугала вас так, что вы совершенно позабыли, что многоуважаемым магом был создан эликсир излечивающий болезнь «Семи прахов».

— Если бы мор имел природные свойства, мы бы не побеспокоили вас, — хмуро заметил лекарь Бин, начиная выходить из себя от непробиваемого упорства Совета. — Но поскольку эта мерзость дело рук Сумеречного клана, только Небу ведомо, какую пакость они способны изобрести вновь, чтобы навредить нам. И мы не уверены, что сможем справиться с этим вновь.

— Не могу понять, какой ловушки опасается это неразумное дитя? — ехидно поинтересовался Четвертый Хранитель хитренько сощурившись на Ли Мин. — Ты ведь должна отчетливо понимать о чем просишь? Но это выше твоего разума, не иначе тебя кто-то подговорил, чтобы ты поспособствовала срыву наших торговых сделок, обрекая на крах весь клан? Разве императорскому двору не известно, что эпидемия нами побеждена, и если кто-то и заразится, то разве будет в том наша вина?

— А вы сможете доказать, что не наша? — бросила Ли Мин, заставив умолкнуть хитрого старика. — Главой твердо обещано его величеству, что в землях клана больше не возникнет и намека на заразу «Семи прахов». Обещание Главы остановило уничтожение Зимних Листопадов и если, вдруг, на нас вновь обрушится мор, то Глава не только прослышет лжецом, но сожжение Зимних Листопадов станет неминуемым и очистительные отряды не хило пройдутся не только по деревне, но и по Поместью тоже.

Глава кивнул, соглашаясь с реальностью подобной угрозы. Третий Мастер недобро сверкнула глазами на увлекшуюся и от того убедительную Ли Мин.

— И ты знаешь, что делать? — язвительно поинтересовался хитрющий старик. — Скажи же, что нам делать теперь? — ерничал он, желая унизить наглую выскочку. Что она могла знать о сложнейших торговых сделках?

— Не мешкая назначить встречу компаньонам и не препятствовать их разрыву с

нами, — отрезала Ли Мин. — Выглядеть это будет благородно, хоть и разорительно для нас. Зато будет шанс заключить новые сделки с ними, когда с Сумеречными все разрешится.

Глава безостановочно закашлялся. Хранители заволновались — от древних каменных стен зала Высшей Справедливости веяло ледяным холодом. Глава начал задыхаться, казалось, что грудь его вот-вот разорвется от надсадного кашля. Третий Мастер и Первый Хранитель кинулись к нему, но он жестом остановил их.

— Я должен осмотреть вас сразу после Совета, если позволите... — шагнул к Главе обеспокоенный лекарь Бин.

Глава кивнул, прижимая платок к губам.

— Желаете на этом закончить Совет? — мягко обратился к дафу Первый Хранитель.

Глава кивнул и, не отнимая платок от бледных губ, направился к выходу из зала. Двинувшуюся за ним Третьего Мастера, он отослал уже привычным жестом. Между тем, подошедший к лекарю Бину и его ученице слуга Хао, велел им следовать за господином. Остальные переговариваясь, не спеша покинули зал Высшей Справедливости.

— Можешь сказать, что-нибудь о его состоянии, — торопливо спросил Ли Мин лекарь, следуя за слугой, что вывел их не с главного выхода из зала, а скрытой двери. — Хоть что-то ты определила? Можно что-нибудь сделать для него? — его волнение выдавало в каком отчаянии он был.

— А как давно он, вот так кашляет? — так же тихо, не сбавляя шага, поинтересовалась Ли Мин, стараясь не отстать от Хао, шагающего темным извилистым переходом, светя перед Главой, которого они нагнали, высоко поднятым факелом.

— Такой кашель появился у господина две зимы назад, — услышав их, обернулся к ним Хао. — Но когда именно, точно не скажу.

Тут им пришлось прервать свой консилиум, так как следом за Главой, вошли в полукруглый проем двери его личных покоев. Отпустив Хао, Глава прошел в глубь комнаты, где бессильно опустился на кан, застеленной шкурой снежного барса, рядом с низким столиком для игры в го с расставленными по игровому полю камнями незаконченной партии.

— Вы приняли пилюлю, господин? — с беспокойством спросил лекарь.

— Еще до утреннего риса, как вы велели, — просипел Глава, когда кашель немного успокоился, и он положил под язык, поданую лекарем пилюлю.

От Ли Мин не укрылось как медленно и осторожно перед этим он опустился на кан, будто дряхлый старик, которого тяготило каждое движение.

— Господин, дозвоьте моей ученице осмотреть вас, — с поклоном попросил лекарь с заметным трепетом ожидая вспышки справедливого негодования порядочного человека.

Но Глава кивнув, выпростал руку из-под складок бархатного подбитого беличьим мехом плаща и протянул Ли Мин. Он и Бин выжидающе смотрели на замешкавшуюся ученицу лекаря. Осмотр по руке и считывание пульса — дань вежливости лекарю Бину, но попроси она Главу дать послушать себя по-настоящему стетоскопом, оба начнут истерить. И, все же, предвидя подобный исход, она тайком прихватила свой неизменный медицинский инструмент. Ладно! Внутренне собравшись, она вежливо, но твердо попросила:

— Разденьтесь до пояса, я послушаю вашу грудь и спину.

Ну держись! Сейчас начнется... В лучшем случае ее назовут развратницей и непотребной девкой, в худшем отлупят батогами до полусмерти. Лицо Главы не дрогнуло, он просто убрал руку под плащ. Но вот лекарь Бин, как и ожидалось, побагровев, раскричался:

— Ты это... что себе позволяешь?! — загремел он, словно бог войны кинувшийся рубить нечисть. — Вот бесстыжая! Просить о подобном господина! Даже певички из цветочного дома не опускаются до того, чтобы заставлять мужчину раздеваться перед ними!

— Я не распутница, а лекарь, — строго возразила Ли Мин, решившая стоять насмерть. — Глава — мой пациент. Вы же сами просили...

— Замолчи! — рявкнул, не столько разъяренный, сколько до смерти перепуганный лекарь, дернув ее за руку, едва сдерживаясь, чтобы не отвесить ей оплеуху. — Мозгов лишилась?! Совсем соображать перестала?! Не позорь меня, своего учителя!

— Вы же сами хотели, чтобы я его осмотрела, знаете мои методы, как и то, что я ничего вам не скажу по пульсу.

— Не говори о Главе как, будто его здесь нет, грубая, невоспитанная девчонка!

— Я не поняла, — уперлась Ли Мин, — вас волнует оскорбленная чувствительность господина или его здоровье?

— Я готов, — негромко вклинились в их перебранку и оба спорщика вмиг вспомнили о своем пациенте.

Плащ Главы был аккуратно сложен на кане, поверх него лежало расправленное верхнее ханьфу. Нижняя хлопковая кофта опущена до пояса. Несмотря на бледную кожу, тело Главы оказалось в хорошей форме и с развитой мускулатурой. Торжествующе глянув на учителя, Ли Мин решительно подошла к Главе и без всяких церемонных предисловий и округлой вежливости, попросила:

— Лягте на спину и расслабьтесь.

Лекаря чуть удар не хватил, он судорожно раскрывал рот, будто в комнате вдруг откачали весь воздух, а Глава просто лег на кан, вытянувшись на нем в полный рост. И ни единого слова возражения. Ли Мин потеряла ладони, чтобы согрелась, и с аккуратной тщательностью промяла твердую брюшную полость. На осмотр подвздошной, околопупочной области Глава никак не отреагировал, лишь ожидаемо поморщился, а когда она осторожно коснулась подреберья, напрягся. Тогда ладонь ее переместилась и нажала в области желудка, и его лоб покрылся испариной. Можно было не спрашивать, где у него болит. Это увидел и лекарь Бин, но лишь поджал побелевшие губы. В остальном брюшные стенки не были напряжены и уплотнений не ощущалось. Желудок ощутимо полон, видимо Глава перед этим пообедал.

— У вас болит, когда я надавливаю сюда? — мягко спросила Ли Мин, заметив как он поморщился, когда она чуть надавила на желудок.

— Боли не испытываю, — покачал головой Глава, — лишь подташнивает как будто.

— Сядьте, пожалуйста. Повернитесь ко мне спиной, — Ли Мин вынула из-за пазухи деревянный стетоскоп и перекинув длинные волосы Главы ему на грудь, села рядом. Прижав широкий раструб стетоскопа к его твердой широкой спине, велела глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть.

Вздрагнув от прикосновения непонятной вещицы, Глава, тем не менее, послушно выполнил ее требование, хотя вдох и выдох дался ему нелегко, давало о себе знать заживавшее еще ребро. На этот раз Ли Мин не стала просить Главу повернуться к ней лицом, это было бы перебором. Лекарь и так смотрел на нее лютым волком. Потому она, встав с кана, обошла Главу и сама села перед ним, вновь отведя с его плеча на спину волну тяжелых волос, прижала стетоскоп к его груди и, слушая через него, попросила о «вдохе-выдохе», что Глава старательно исполнил.

Ли Мин внимательно прослушала дыхание в легких, дыхательных путях и работу сердца. Ни жужжащих, ни свистящих, ни сухих хрипов она не услышала, что было странно при его-то постоянном кашле. Да и сердце билось ровно и сильно.

Лекарь, хоть и видевший подобное действо в деревне, был напряжен и заметно встревожен и, вообще, имел вид человека едва сдерживавшегося, чтобы не отобрать у Ли Мин ее проклятую деревяшку и не настучать ею по ее бестолковой голове. Он переживал, не зная как воспримет весь этот недвусмысленный осмотр Глава, но тот глядел на озадаченную Ли Мин в ожидании ее последующих указаний.

— Господин, — сказала ученица лекаря, поднимаясь, — Я крайне признательна, что вы терпите мою дерзость, но теперь мне нужна капля вашей крови. Взять ее, конечно, лучше натошак, а вы уже поели. Но в вашем случае, и на полный желудок ее тоже необходимо взять.

— О Небо! — простонал лекарь, потрясая вздетыми руками, разметав длинные рукава. — Невиданное богохульство! Это все моя вина, господин! — бухнулся он ниц. — Если бы я только знал...

Он был под сильнейшим впечатлением не столько от дерзости ученицы, сколько от непонятной покладистости Главы.

— Учитель, — оборвала его стенания Ли Мин, — дайте мне одну из ваших игл и пустой пузырек.

Поджав губы и всем видом показывая свое недовольство и неодобрение, Бин поднялся и достал из медицинского ящика плоскую шкатулку, а из нее иглу, которую, самолично прокалив над свечой, протянул своей непутевой ученице. Взяв Главу за безымянный палец, Ли Мин без всякого предупреждения, молниеносно ткнула в него иглой. Вздрогнув, Глава поморщился, не без интереса продолжая наблюдать, как ученица лекаря выдавливает из его пальца каплю крови в глиняный пузырек. Заткнув горлышко пузырька восковой пробкой, девушка занялась ранкой, промокнув ее тряпицей пропитанной резко пахнущей жидкостью, после чего прижала к пощипывающей ранке клейкую бумажную ленту с кусочком мягкой ткани посередине. Во время этой процедуры лекарь про себя молил всех небесных богов, чтобы Глава не приказал тут же снести голову дурехе, тяжело оскорбившей его достоинство, обвинив ее заодно и в черной ворожбе. Только Глава, вместо того, чтобы гневаться, с интересом рассматривал на свой палец, на котором прочно прикрепилась узкая бумажная полоска.

— Все молчишь, несносная?! — не выдержал лекарь, вполголоса напустившись на Ли Мин. — Терпение наше испытываешь?! Разве все, что ты тут проделывала не шарлатанство чистой воды?! Что можно определить с помощью столь возмутительного осмотра?

— Тоже самое, что при вашем прослушивании пульса, — шепотом возразила Ли Мин, аккуратно ставя пузырек в медицинский ящик. Дело ведь сделано, чего теперь-то ругаться?

— То есть то, что организм Главы отравлен? — обреченно проговорил лекарь Бин.

— Вы здесь, должно быть, с ума все посходили?! — в свою очередь не выдержала Ли Мин. — Парень отравлен вдоль и поперек и вы, зная об этом, ничего не предприняли для его выздоровления?

— Я для чего тебя сюда привел, а? Чтобы ты выговаривала мне, своему учителю? — расвирепел уже в голос лекарь Бин. — Нахалка какая!

— Мне дозволено будет одеться? — спросили тихо.

Тут лекарь и его ученица вновь вспомнили о пациенте. Извинившись, сказали, что Глава

может накинуть одежду и лекарь Бин поспешил помочь ему с облачением, неуклюже и невпопад подлаживаясь под неторопливые движения Главы, продолжая выговаривать подопечной.

— Все это время я вывожу яд из организма господина иглоукалыванием и лекарствами.

— И что это за яд? — насмешливо поинтересовалась Ли Мин. — Вслепую лечите?

— Что за наглая девка! Мой пациент благодаря моему лечению еще жив!

— Но до сих пор болен!

— Хорошо, — не сдавался лекарь, бросив Главу самостоятельно повязывать кушак поверх ханьфу плотного шелка. — Когда я уже всюю лечил, тебя еще на свете не было. Какое ты имеешь право требовать от меня ответа, будто я какой-нибудь сопливый ученик?! Знал бы я, что это за яд, разве не был бы господин уже давно здоров?! Ты, негодяйка такая, можешь требовать от меня ответа, только в том случае, если сама знаешь, как лечить от безымянного яда! Ты знаешь, что это за яд, знаешь, что предпринять? Так давай рассказывай, не скрытничай! И учти, я больше не позволю выжать ни капли драгоценной крови у господина. Зачем тебе его кровь? Надеешься разглядеть в ней отраву?

— Именно.

— Нет, это просто безумие! — в возмущении всплеснул руками лекарь Бин.

— Ни разу не безумие! Все дело в том, что вы действуете по привычной вам схеме, выводя яд иглоукалыванием. Только в нашем случае это не срабатывает и вы попросту гоняете отраву по организму, не выводя ее полностью. А нам необходимо узнать, что это за отравка, чтобы приготовить противоядие. Потому поищем яд в самой крови, прежде чем взяться чистить организм.

— Ты мне тут собралась говорить прописные истины? Думаешь, я не пытался узнать, что это за яд?! — погрозил ей пальцем, взбудораженный лекарь. — И в решении этого сложного вопроса, ты полагаешься на каплю крови, да на свой сляпанный аппарат?!

— А есть другие варианты? И разве плохо, что мой осмотр лишний раз подтвердил ваш диагноз?

Лекарь Бин растерянно покачал головой.

Понимая, что спор их ни к чему не приведет, а сам он вот-вот пристукнет несносную девку, раскрасневшийся лекарь повернулся к Главе.

— Вы должны сказать свое слово, господин, — поклонившись, воззвал он, возмущенно дрожа редкой бороденкой. — Согласитесь ли вы проходить, как прежде, пусть и медленное, но проверенное и от того надежное лечение? Или поддадитесь на уговоры этой... этой безумной шарлатанки!

— Ваша милость, — в свою очередь, торопливо поклонилась Ли Мин, не желая уступать гневу учителя. — Пусть ученик лекаря полный гад и неумеха, но если столь долгое лечение не дает результата, его следует поменять.

— Я думаю, — равнодушно произнес Глава, все разглядывая клейкую полоску на пальце. — Думаю, что ваша ученица, лекарь Бин, права: пусть посмотрит мою кровь, если имеет подобную возможность.

Оскорбившийся лекарь, молча, поклонился и вышел, будь его воля, хлопнул бы в сердцах задвигающейся дверью. Ли Мин тоже попрощавшись, подхватила, позабытый им, медицинский ящик и поспешила за учителем — мириться. Переступив вслед за ушедшими порог своих покоев, Глава остановился, глядя им вслед.

— Странно, — озадачился старый лекарь, когда им позволили живыми покинуть покои

Главы, — что господин позволил тебе прикасаться к нему.

— Ничего странного, — как всегда возразила его самоуверенная ученица, таща за ним медицинский ящик. — Если тебя долго мучают боли, то уж не до капризов. Будешь хвататься за любую возможность излечиться.

— Может быть и так, — недовольно пробормотал лекарь, все еще сердясь на нее. И на все-то у этой девчонки есть ответ.

— Я вот не понимаю: ему все хуже, а он как-то держится. Вашими лекарствами, должно быть, — польстила перенервничавшему учителю Ли Мин.

— Лекарства все те же, — буркнул лекарь. — У Главы мощная ци (энергетика), за счет ее и держится. Я вот одного в толк не возьму, когда это Глава умудрился сломать ребро? В последний раз, когда осматривал его, он не был травмирован. Однако он не присылал за мной и не жаловался мне на травму, хотя она явно недавняя. Тебе, что-нибудь известно о сем? — спросил он у подозрительно притихшей ученицы.

Ли Мин прикусила губу, виновато глянула на, не спускавшего с нее пронизательного взгляда, лекаря Бина, и призналась, что нечаянно упала со стены на Главу. И тут лекарь взорвался. Ослепленный гневом, он принялся оглядываться в поисках подходящей палки, когда они уже шли через Поместье к воротам. Надо ли говорить, что Ли Мин без раздумий пустилась от него наутек, не дожидаясь когда лекарь найдет таковую. А уж когда он, неожиданно быстро для нее, добрался до дома за ней следом, его во дворе поджидал Фэй Я, встав на его пути живым заслоном.

— Мы сами виноваты, друг мой, что послали тогда в Поместье девочку, поставив перед ней трудную задачу. Вот она и решила ее подобным образом, — семена за пышущим гневом лекарем, торопливо увещевал он друга. — Прошу тебя заметить, что Глава ведь не обмолвился об этом ни словом упрека и даже не пожаловался.

Сказалось ли то, что лекарь изрядно перенервничал у Главы, как и быстро проделанный в гневе переход от Поместья к дому, что не прошло даром для такого уже не молодого человека, как он, но кончилось все тем, что он оставив мысль о неминуемом наказании непутевой ученицы, и, угрюмо вздохнув, ушел в дом.

Утро Главы

В это ленивое летнее утро Глава вспоминал свой разговор с императором во время их последней тайной встречи. Все те дни, что Глава находился при дворе, он мог видеть его величество только на утренних Советах, на которых тот не просто выказывал подданному свое недовольство, а открытое пренебрежение и все ждали, что Главу Северного Ветра вот-вот постигнет открытая опала. На торжествах Глава не был замечен сыном Неба, так что даже Министр финансов, тихо осведомился, в чем причина императорской немилости к нему. Глава ничего не мог сказать на это, лишь уныло покачал головой. В конце концов, он подал прошение освободить его от службы при дворе из-за ухудшившегося здоровья. Два дня император не отзывался на его просьбу, пока указом, что огласил евнух, Главе не было разрешено вернуться в свое Поместье на горе Доуфань. Дафу с готовностью принял указ, собираясь на следующий же день отправиться из дворцового города домой.

А ночью к нему явился придворный евнух, попросив следовать за ним без лишних вопросов. Глава подчинившись, вышел за евнухом через боковые незначительные дворцовые ворота и запутанными переходами и галереями, пришел в скромный павильон проживания евнухов среднего ранга. Введя туда Главу, его провожатый поклонился и вышел, плотно прикрыв за собой дверь. А Глава повернулся к младшему придворному евнуху, что стоял к нему спиной.

— Ваше величество, — опустился он на колени.

— Как ты смеешь! — глухо проговорил младший евнух. — Как смеешь покидать меня сейчас... или... — испуганно обернулся он к Главе. — Говорят, что ты при смерти... потому просишь отпустить тебя? И это в то время, когда так нужен мне здесь?!

— Не гневайтесь, ваше величество, — склонился к плитам пола дафу.

— Не сейчас тебе оставлять меня, когда Царедворец не спускает с меня глаз, сторожа каждый мой шаг, а я ничего не смогу сделать. Сколько еще терпеть от него высокомерие и попрание императорской власти? — сквозь зубы проговорил император. — Я терплю все эти унижения, только потому, что ты сказал, что сможешь сладить с ним. И что же? Ты бросаешь меня?

— Ни в коем случае? Я должен подумать, что делать дальше и... поправить здоровье, чтобы служить вам и впредь.

— Ты все же умираешь? — с тихой обреченностью воскликнул потерянный император, прозрев вдруг горькую правду. — Ты не должен оставлять меня. На кого мне здесь положиться, как не на тебя? Не вздумай умирать. Почему ты не одолел Царедворца раньше? Чего выжидаешь, почему колеблешься? Ты же всегда был уверен в себе, так почему не избавишь меня от него?

— Ваше величество, простите слабость и малодушие своего ничтожного, ни на что не годного слуги, но Царедворец не простой противник, которого можно запросто заключить в темницу. То, за что следует карать смертью, Царедворцу сходит с рук, вы сами знаете это. У него немислимые связи и везде шпионы. Каждый вельможа при дворе чем-то обязан ему. Обвинить его в чем бы то ни было, будет трудно, если невозможно. Очень многие встанут на его защиту. Что бы поймать его, необходимо сплести прочную и частую сеть, такую, что бы он не смог найти в ней лазейку и вырваться.

— Но как же твой архив? — напомнил император. — Разве шпионы твоего клана не собрали о Царедворце и его окружении каждую мелочь, любой слух, проверяя даже самые незначительные сплетни. И сейчас ты говоришь, что свидетельств его преступлений и грязных делишек, которые до сих пор вопиют к Небу, недостаточно, чтобы призвать к справедливому ответу?

— Ваше величество, есть кое-что с чем столкнулись мои соглядатаи и что необходимо прояснить немедленно.

— Что это? Не тревожь меня.

— До нас дошли некие сведения... только не понятно пустая это болтовня или действительно, то к чему стоит прислушаться. Может это всего лишь уловка. Вспомните, что Царедворец хитроумен в плетение интриг.

— Что... что это за слух? — все тревожился император.

— Ваше величество, этот слух требует тщательной проверки?

— Говори!

— Царедворец собирает силы.

— Нет... нет это невозможно! — перепугался император, отшатнувшись от Главы. Он постоянно ждал и боялся этого.

— Ваше величество, успокойтесь. Это только слух, который следует проверить.

— Ты прав. Возвращайся в Поместье и вылечись. Возьми моего придворного лекаря.

— Вы щедры, ваше величество и очень внимательны к своим подданным, только лекарь может уже стал человеком Царедворца. Сейчас, когда я почти готов открыто выступить против него, не смею так бездарно провалиться.

— Ты прав, — не мог не согласиться император со вздохом обреченности — никому неприятно чувствовать себя загнанным, тем более владыке Поднебесной. — Разузнай все как следует.

От воспоминаний Главу отвлекла неожиданная делегация Хранителей, вошедших в его кабинет. С недоумением переводил он вопрошающий взгляд с одного почтенного старца на другого. Но все они держались с невозмутимым и важным видом.

— Господин, пора готовится к встрече, — напомнил главе клана один из мудрейших старцев.

— Неужели достойный гость уже на пороге? Но дайте мне немного времени, я никого не задержу со своим облачением, — с извиняющейся улыбкой попросил Глава.

— Господин, — шагнув к его столу, проговорил Третий Хранитель: — Неужели необходимо прибегать к столь сомнительной мере каковой является ваш брак?

— Подумайте, ваше здоровье не улучшается, а этим союзом вы передаете клан в чужие руки. Что станет с Северным Ветром без вас? — Встревожено поддержал собрата Четвертый Хранитель.

— Вы действительно так жаждете этого союза? — по-отечески душевно спросил Второй Хранитель.

— Да, — тихо, но твердо ответил Глава. — Этот союз нам необходим, он поддержит упавшую после эпидемии репутацию клана. Нам нужна поддержка и защита при дворе, и мой будущий тесть, как никто обеспечит ее.

— Вы полагаете Царедворец не догадывается о том, что на самом деле стоит за вашим браком с дочерью Министра финансов? — удивился Первый Хранитель. — Вы же вкладываете меч в руки его извечному противнику. Он покушался на вас, пытался оговорить

и уж точно не допустит возникновения столь сильного альянса против него.

— Разумеется, — согласился Глава. — Потому я хочу ускорить этот брак. Что касается будущего клана... когда меня не будет с вами, вы, мудрые старцы, станете надеждой Северного Ветра и поддержите мою супругу — будущую Главу клана. Ведь вы его сердце, которое не дрогнет ни перед какими испытаниями и поможет устоять против всех невзгод. А теперь я хотел бы подготовиться к встрече родственника нареченной.

Хранители вынуждены были откланяться и уйти, кроме самого вредного Первого Хранителя. Глава вопросительно смотрел на него, но старик сурово молчал, пережидая, когда последний из советников покинет кабинет.

— Что-то произошло? — спросил Глава, приготовившись к худшему.

— Речь пойдет об ученице лекаря, — с непримиримым видом объявил Хранитель. Было ясно, что он намерен немедленно поставить точку в этом вопросе.

До того, рассеянно слушавший его Глава, потиравший висок со страдальческой миной, внимательно взглянул на вздумавшего ябедничать старика.

— Что еще она натворила?

— Вы опасно заблуждаетесь на счет этой дерзкой. В Поместье говорят, что ученица лекаря — демон, вызванный магом с неясной и подозрительной целью.

— Демон? — недоверчиво переспросил Глава. — В Сяофэне тоже об этом говорят?

— Пока нет, но слух уже существует, вопрос в том, как скоро он дойдет до императорского двора.

— Но с чего такая уверенность, что девчонка — демон?

— Хотя бы с того, что она сумела уцелеть в Казематном ущелье. Это доказывает, что она демон сильный и опасный. Не затем ли Фей Я призвал его, чтобы погубить вас?

— Насколько мне известно, маг призвал в клан свою родственницу, а не демона.

— Да как вы не видите! — всплеснул руками в страшной досаде Первый Хранитель. — Вы такой проницательный и не способны узреть очевидного? Вы действительно полагаете, что безлицый сдался ей просто так?

— Он хотел спасти свою семью, разве нет?

— Пусть так! Но почему сдался именно ей? Не потому ли, что признал в ней такую же нечисть, каковым является сам?

— Вы так думаете?

— Тогда, куда по вашему делся этот безлицый?

Глава быстро с обостренным вниманием, взглянул на Хранителя.

— Я переправил его в надежное место под охраной Второго мастера. Но вы же понимаете, что об этом опасно распространяться.

Хранитель растерявшийся, но не сдавшийся, кивнул и вновь принялся за наговоры.

— То, что эта приبلудная вдруг справилась с мором, ясно выдает ее демонические способности?

— Разве этим мы обязаны не лекарю Бину и Фэй Я тоже? — удивился Глава.

— Вы продолжаете упорствовать, тогда как Третий мастер уже пыталась раскрыть вам глаза, постаравшись отправить эту девку в Казематное ущелье, откуда вы ее легкомысленно выпустили. Пусть то, что она осталась живой, не убедило вас, но даже ее покушение на вас вы не приняли во внимание! Вряд ли бы вы отделались сломанным ребром если бы не защита Третьего мастера! — горячо убеждал Главу Хранитель.

— Третий мастер слишком категорична в своих обвинениях, — хмыкнул дафу. — Ей не

мешало бы заняться своими, куда более серьезными промахами, а не искать их намеренно у тех к кому она не расположена.

— Но почему вы упорствуете в том, чтобы избавиться от этой никчемной и подозрительной девки? — настаивал Хранитель.

— Она нанесла непоправимый вред нашему клану? Или повинна в измене? — нехотя поинтересовался Глава. Этот разговор все больше раздражал его. — В моем сломанном ребре нет ее вины, лишь моя неосмотрительная самоуверенность, только и всего.

— Хотите сказать... — недоверчиво начал старик.

— Да, — подтвердил Глава. — Я решил, что сумею поймать падавшую девушку. На моем месте так поступил любой мужчина.

— Хорошо, — согласился Хранитель удивленно оглядев Главу и нерешительно спросил: — А то, что она опозорила вас перед императорским инспектором разве не измена?

— Странно, — вздохнул Глава с видом бесконечного терпения. — Вы в таком почтенном возрасте, что должны бы уже отличать дурачество от злого умысла.

— Ваше благодущие погубит всех нас, — вынужден был отступить старый ябедник.

— Уверяю вас, как только эта девица даст мне более веский повод, или как-то проявит свою демоническую сущность, я найду способ избавиться клан от нее. Пока Фэй Я полностью подчинил ее себе и она действует на благо клана, я не стану трогать ее.

Вошел слуга и начал раскладывать парадные одежды, так что недовольный Хранитель вынужден был удалиться.

Хао уже закончил одевать и расчесывать волосы господина, когда в кабинет вошла, поклонившись, дочь казначея.

— Как вы себя чувствуете? — участливо спросила она.

Дафу мельком взглянул на нее.

— Вы выглядите утомленной, — в свою очередь заметил он.

— Я не спала эту ночь. Все же приезд дяди невесты — важное событие для клана.

— Прибытие дяди невесты еще не событие, — ровно заметил Глава. — Как и моя женитьба не повод для переживаний.

— Знаю, — кивнула дочь казначея. — Вы утверждаете, что это политический союз, но все же... Теперь рядом с вами будет ваша жена и мне подле вас не будет места, — прошептала она.

— Господин, пойду, посмотрю, готовы ли отряды клана, — проговорил смущенный Хао, понимая, что он тут лишний.

— Советники побеспокоятся об этом, — сказал Глава, не думая отпускать его.

— О... — тихо воскликнула Ли Ло, — позвольте мне поправить вам одежду.

Не то, что бы дочери казначея было неизвестно, что Глава не терпит чужих прикосновений, но она считала, что должна постараться приручить его к своим рукам и своему присутствию, чтобы это стало необходимым для него. Но повернувшись к слуге, Глава велел:

— Посмотри, что не так и поправь.

В распахнутые двери покоев быстро вошла Третий Мастер и поклонилась Главе,

— Я пришла доложить, — сказала она, надменно взглянув на дочь казначея, едва кивнув ей.

— Тогда я пойду, — тактично отступила Ли Ло и вышла.

Дафу опустил глаза, красный цвет одеяний Третьего мастера раздражал.

— Докладывай, — разрешил он, когда молчание затянулось.

Подняв взгляд на Третьего мастера, он увидел, как под ее требовательным взглядом мается его слуга.

— Можешь идти, — отпустил его Глава и Хао тут же исчез за дверью.

— Учитель, — решительно начала Третий мастер. — Барышня Цунь чужая нашему клану, мы не можем знать, станут ли интересы Северного Ветра ее интересами и почему на самом деле она выходит за вас замуж.

Дафу кивнул. Третья знала, что его кивок означал одобрение того, что она подумала об этом. Теперь он ждал от нее решения к которому она пришла.

— Сейчас, когда мы находимся в сложном положении, нужно быть осторожным вдвойне.

Снова кивок и Третий мастер уверенно продолжала:

— С нее нельзя спускать глаз. Прошу вас, — последовал глубокий поклон, — сделайте меня своей наложницей, чтобы я с полным правом находилась подле вас.

Дафу в задумчивости прошелся по комнате. Третий мастер не отличалась логикой и не умела видеть скрытую подоплеку происходящего.

— Это имело бы смысл, — произнес, наконец, он. — Только невесте и ее родственникам известно, что брак фиктивный из-за моего ухудшающегося здоровья. Как думаешь, как я буду выглядеть, имея при этом наложницу?

Но Ся Гэ услышала то, что хотела и не смогла скрыть радости и облегчения.

— Это значит, брачной ночи не будет? Но если так, то кто наследует клан после вас?

Он понял ее тревогу, потому что это тревожило и его.

— Я ведь говорил об этом не раз. Хранители внимательно смотрят на проявление способности и человеческих качеств каждого адепта нашего клана.

— Но учитель, — приблизилась к нему Ся Гэ, недопустимо близко по мнению дафу, и понизила голос до интимного... только для них двоих. — Почему бы вам на самом деле не сделать меня своей наложницей. Тогда я позабочусь о появлении на свет вашего наследника.

Оба смотрели друг на друга.

— Вы же знаете, как я отношусь к вам... — умоляюще прошептала Третий мастер.

Глава жестом прервал ее, отступив на шаг.

— Ни к чему такие ухищрений, просто покажи свои способности и докажи всем и Хранителям в том числе, что из тебя выйдет достойный Глава. А насчет остального, — он помолчал немного, выводя Третью из терпения. — Боюсь разочаровать тебя, ибо не способен быть мужчиной из-за своей хвори.

— Я в это не верю... — начала было Ся Гэ, но в дверях появился Хао.

— Господин, дозорные доложили о подъезжающем кортеже.

— Идем, — с готовностью повернулся к выходу Глава, но был удержан Третьим мастером за широкий рукав парадного одеяния.

— Прошу вас, уделите мне еще немного вашего драгоценного внимания, — взмолилась она. — Умоляю об этом. Кортёж ведь только подъезжает.

Дафу строго взглянул на свою руку, которую Ся Гэ тут же отпустила.

— Учитель, — умоляюще проговорила она, подступив к нему почти вплотную. — Поверьте, для меня ваша хворь не имеет значения, лишь бы быть рядом. Поверьте же моим чувствам к вам.

Оглянувшись на дверь, Глава увидел, что слуга уже исчез и повернулся к Третьему

мастеру.

— Ся Гэ, как вы себя ведете? — выговорил он и, отвернувшись, вышел.

Кортеж, состоящий из крытого возка и сопровождавшего его отряда всадников, был встречен со всем почестями и полагающимися церемониями. Глава с гостем, человеком исключительно приятным и спокойным, прошли в павильон Торжеств с накрытыми яствами столами. Когда чарки пирующих наполнили тонким вином из Лимунджи, перед Главой поставили чашу с родниковой водой из источника питаемого горной водой со снежных вершин горы Доуфань. Пока Хранители степенно угождали гостю и развлекали вежливыми разговорами, к Главе подошел Хао.

— Пришла ученица лекаря. Велеть ей явиться позже?

— Нет, — поднялся с места Глава. — Простите, господин Фу, не хочу омрачать вашего отдыха и трапезы своими заботами, потому ненадолго покину вас.

— Конечно, конечно, — вежливо закивал гость, что был увлечен занимательной беседой со Вторым Хранителем.

Выходя из зала, Глава прижал платок к губам, глухо закашлявшись. Этот кашель не унимался до самых покоев. Так он и вошел к себе, с платком у лица.

— Остаться с вами? — обеспокоенно спросил слуга не понижая голоса, настороженно поглядывая на ученицу лекаря, но Глава покачав головой, жестом отослал его.

Ли Мин, разглядывавшая напольный светильник в виде журавля, поклонилась вошедшему Главе. Он прошел мимо и сел на кан, не отнимая платок от губ.

— Простите, — проговорила, вновь поклонившись, ученица лекаря. — Мне нужно было прийти пораньше, чтобы не отрывать вас от дел.

— Очень сильно донимает кашель, — сухо проговорил Глава и велел: — Прослушай-ка меня.

Держа в руках громоздкий медицинский ящик, Ли Мин оглянувшись на закрытую дверь, неуверенно произнесла:

— Но у меня нет с собой стетоскопа.

— Разве нельзя послушать без этой... штуки, — проговорил он, через прижатый к губам платок.

— Я не умею слушать без этой штуки, — буркнула Ли Мин.

Подойдя к столу, она поставила ящичек и открыв его, приготовила все необходимое для забора крови. Ее начала беспокоить подозрение, что он намерен отыгаться он за недавнее унижение на последнем осмотре, уж очень вид у него стервозный. Нет такой необходимости прослушивать его грудную клетку, по кашлю и так все ясно, но когда повернулась, то чуть не подскочила от неожиданности. Глава уже распахнул на себе парадные одежды, обнажив твердую грудь. Ой! Так что же... придется слушать без стетоскопа? Тогда пусть не возмущается ее непристойным поведением, когда ей придется прикоснуться к нему. Потерев враз взмокшие ладони о линялые штаны, Ли Мин подошла и присела рядом с ним.

— Где болит? — спросила она.

— Здесь, — тихо произнес он, приложив ладонь к сердцу.

— Вы позволите? — спросила ученица лекаря, вынужденно придвинувшись к нему еще ближе, ожидая, что вот сейчас раздадутся его возмущенные вопли. Но наклонившись, что бы прижаться ухом к его груди, заметила, что Глава подался ей навстречу.

— Вдохните поглубже, — попросила девушка, прижавшись ухом к его телу с бьющимся гулко и часто сердцем. — Теперь медленно выдохните.

— Вы что-нибудь слышали? — спросил он, когда она, выпрямившись, отодвинулась.

— Из-за сильного сердцебиения нельзя что-то уверенно сказать, — покачала она головой. — Я дам вам успокаивающие капли.

Вскочив с кана, она подошла к своему медицинскому ящичку, испытывая невероятное облегчение. Сегодняшний осмотр, без лекаря Бина, невероятно напрягал ее. Вернувшись, она дала Главе пилюлю и, махом поклонившись, торопливо попрощалась:

— Я пойду.

— Разве я отпускал тебя, ученица лекаря? — остановил ее Глава и напомнил: — Ты же хотела взять мою кровь.

— Э-м... да... конечно... — чуть не хлопнула себя по лбу Ли Мин и, вернув ящичек на стол и вновь раскрыв его, взялась за глиняный пузырек и иглу.

Дафу сидел в распахнутых одеждах и не думая приводить их в порядок, так что Ли Мин вынуждена была напомнить:

— Вам лучше поправить одежды, иначе ваш кашель усилится.

— Господин, — позвали за дверь, словно уловив ее беспокойство. — Гость и Хранители спрашивают о вас.

Во время этого короткого сообщения, Глава успел одним махом запахнуться, завязать и расправить на себе одежды. По его скупым, точным движениям и не скажешь, что он не способен был одеваться самостоятельно.

— Сейчас буду, — громко объявил он и протянул Ли Мин руку.

Пока она обтирала иглу специальным раствором и нагнетала кровь к подушечке пальца, он спросил:

— Как собираешься лечить меня?

Ли Мин ответила так, что бы вызвать у пациента доверие и ослабить его подозрительность.

— Я отказалась от преступного метода лечения за который меня ругает лекарь и не подведу учителя, — сказала она и точным выверенным ударом иглы, проколола ему палец.

— Верно, больше ты не подведешь учителя Бина. Ты подведешь лишь меня, но я не только разрешу применять к себе твои преступные методы, я настаиваю на этом. Твой метод, пусть и рискованный, превосходит традиционный, может потому что он преступный. Это понимает не только лекарь Бин, но и я.

Сказать, что Ли Мин была удивлена, не сказать ничего. Закупорив глиняный пузырек со взятой пробой крови, аккуратно пристроив в ящик и закрыв его, она лишь сказала:

— Да, Глава.

— Гость и советники беспокоятся о самочувствии Главы, — вновь обозначился за дверь слуга.

— Я пойду, — схватилась за свой чемоданчик Ли Мин, не чая поскорее выбраться отсюда.

— Подожди, — остановил ее Глава. Ну, что опять?! — Посмотри, все ли в порядке с моей одеждой.

Поднявшись с кана, он встал перед ней, преградив путь к дверям так, что ей пришлось бы обходить его, чтобы уйти, а это было бы проявлением неуважения.

— Почему одеваешься в мужские одежды? — спросил он, пока она придирчиво осматривала и оправляла его ханьфу.

— Ну, мне в них удобно и не жалко испачкать, когда готовлю лекарства. Не сковывают,

когда бегу к больному и ухаживаю за ним. Да и по горам в юбке не полазаешь, когда учитель посылает искать нужные травы, — говорила она, разглаживая на нем пояс.

— Но это опасно!

— Ну да, — согласилась Ли Мин, — потому и не ношу юбок.

— Господин, — нетерпеливо напомнили из-за двери.

— Все безупречно, — отступила от него Ли Мин и повернулась к двери. — Вам пора.

— Скажи-ка, — остановил он ее. — Что мне, как твоему пациенту, делать дальше?

— А да... Нужно поголодать три дня, — остановилась Ли Мин. — Как мы уже вам с лекарем Бином говорили, после последует курс лечения. Справитесь?

— Этот... курс... — начал Глава.

— Господин! — тревожно позвали за дверью.

— Мы вам все расскажем, когда попуститесь. Мне пора, — скороговоркой выпалила девушка и выскочила за двери, чуть не сбив слугу-«напоминалку».

Змеиная жемчужина

Через четыре дня маг ругался во дворе с лекарем Бином. Вообще, как только маг входил во двор, лекарю надо было смотреть в оба, чтобы тот, что-нибудь по рассеянности не схватил, не сдвинул, не уронил и не разбил, зная его привычку брать все без спросу и без разбора. Но на этот раз причина их ссоры была в другом.

— Где наша девочка? — с беспокойством поинтересовался маг, присаживаясь на прогретые солнцем доски веранды, где лекарь Бин усердно толоч в каменной ступке лист шисо. — Она ведь приготовила лекарство для Главы? Хотя уверяла, что лекарство будет сделано в эти три дня, но думаю, что Глава не придет, ведь он не обязан начать поститься в тот же день, который вы ему назначили, ибо принимал родственника нареченной, а значит сия процедура произойдет дней через пять, если не десять.

— Что вы все относитесь к Главе как к здоровому человеку?! — рявкнул лекарь, швырнув в ступку каменную толокушку. — Полмесяца нужно дать Главе на сей бесполезный пост, полмесяца! — раздельно как неразумному, выговаривал магу возмущенный лекарь.

— Доброе утро, почтенные, — раздался позади них очень знакомый голос.

Маг и лекарь поднялись, чтобы как следует поприветствовать Главу. К нему вдруг кинулась Ленточка, но, против обыкновения не облаяла незнакомца, а повиляв хвостом, села у его ног.

— Ленточка? — укоризненно покачал головой, перепугавшийся было маг, нет, чтобы предупредить своим лаем его и лекаря Бина о неожиданном госте. Глупая собака!

— Так тебя зовут Ленточка? — поинтересовался дафу, доброжелательно глянув на собачку.

Вильнув хвостом, та твякнула в ответ.

— Где ваша ученица? — спросил Глава. — Я выдержал четырехдневный пост и готов пройти то... лечение, которое вы называете «курсом».

— В деревне, принимает роды, — нехотя признался лекарь, садясь на свое место.

— Вы послали молодую, незамужнюю девицу принимать роды? — неприятно поразился Глава и в недоумении оглядел двор, заросший вдоль изгороди камышом и прохладными ирисами.

— Ну уж... — разворчался лекарь, взявшись за ступку. — В первый раз она и впрямь брякнулась в обморок, принимая роды у почтенной Ту Мэн. Пусть привыкает, раз хочет быть годной на что-то повитухой.

— А я тебе, что говорил, старый дуралей! — принялся тихо выговаривать лекарю маг, вновь заводясь от этого старого спора. — Подвергнуть девочку таким-то испытаниям?

— Она невинна, таковой и останется, но как лекарь должна знать все, — строго припечатал учитель Ли Мин.

— Вы подвергаете опасности ее будущее супружество, — мрачно заметил Глава, до того внимательно слушавший перебранку стариков. — Если так пойдет дальше, мне придется забрать ее в Помесье. Четвертый день моего поста уже заканчивается и нам с ней необходимо обсудить мое дальнейшее лечение.

— Пойдемте к ней, — вежливо пригласил маг, не без мстительности добавив в сторону насупившегося лекаря: — А этого вздорного старика оставим здесь.

— К ней? — невозмутимо повторил Глава. — Разве она живет не здесь?

— Вот же дурень! — сердито посмотрел на мага лекарь.

А у проговорившегося Фэй Я стал такой вид, будто его вот-вот хватит удар.

— У нее своя обитель... что тут такого, — промямлил он. — Она часто проводит всяческие опыты с лекарствами и чтобы никого не беспокоить запахами, лишним шумом и ночными бдениями, предпочла жить отдельно. Однако все дни проводит здесь и только на ночь возвращается к себе, — принялся пространно оправдываться он.

Дафу слушал внимательно, а лекарь с ироничным интересом наблюдал за тем, как старательно отговаривается маг, но выходило только хуже. Фэй Я подался к воротам, торопливо заявив:

— Я приведу ее.

— Не нужно. Просто проводите меня к ней, — поднял руку Глава, останавливая его.

Пришлось подчиниться. Мрачный лекарь, конечно же, увязался с ними. Маг беспомощно взглянул на него, и лекарь ответил разъяренным взглядом, укоризненно покачав головой. Оба понятия не имели, что теперь делать. Как воспримет этот визит их девочка? Ведь она специально уединилась, чтобы не выдать себя чем-нибудь неосторожным и чтобы к ней самой поменьше ходили. А тут, такой гость... Надо бы предупредить ее, но как на грех, никого из деревенских рядом не оказалось, чтобы можно было послать в Снежные Листопады. Старики, плетущиеся позади Главы, едва поспевали за ним, то охали, то ахали, то стонали и жаловались на боли в суставах и в пояснице, слезно прося господина остановиться и дать им немного отдышаться. А когда Глава, пусть даже и хворый, без труда преодолевающий крутую тропу, ведущую к пещере, останавливался, старики недоумевали, почему они не могут подождать внизу, а надо тащиться к пещере? Но дафу терпеливо пережидал вынужденные остановки, и упрямо шагал дальше. Наконец, появился темный зев пещеры и Глава остановился, недоверчиво глядя на зияющий проем откуда тянуло прохладой и запахом сырой земли. Оглянулся на едва переводящих дух, притаившихся за ним и топчущихся рядом стариков и шагнул в пещеру. Там внимательно огляделся при свете двух коптящих светильников.

Пещера оказалась на удивление сухой с растянутыми по стенам старыми циновками. В потухшем, открытом очаге стоял остывший бронзовый сосуд. Но пентаграмма, на которую старики в панике взглянули в первую очередь, была задвинута массивным сундуком. Чем дальше Глава осматривался, тем суровой сходились его четко очерченные брови и сурово поджимались в сдерживаемом гневе полные губы.

— Разве вы, почтенные, не предлагали ей своего крова? — выговорил он, кашлянув.

— Каждый из нас предлагал девочке приют, но она упрямо желает оставаться здесь. Что мы тут можем поделать? — отозвался лекарь.

— Разве пригодна эта звериная нора для жилья? — брезгливо поморщился Глава.

В пещеру вбежала возбужденная Ли Мин, с блестящими глазами, в перепачканных штанах, с выбившимися из высокого хвоста длинными прядями волос, что падали на спину, и остановилась непонимающе уставившись на Главу. Потом перевела недоуменный взгляд на виновато глядевшего мага и сердито дергавшего себя за бороду лекаря.

— Что? — огрызнулся он и тут же требовательно осведомился: — Как все прошло?

Ли Мин шмыгнула носом.

— Снова хлопнулась в обморок? — сочувственно вздохнул маг, покачав головой.

— Но я же приняла роды, — разубалася Ли Мин. — Мальчик!

— Ся Чу родила мальчика? — воскликнул лекарь с радостным недоверием и сразу же озаботился: — Как она себя чувствует? А дитя?

— Она утомлена и ослабла. Бутуз же все никак не может насытиться материнским молоком.

— Но ты сделала все для нее и младенца? — не унимался лекарь, своими придирками выведя мага из терпения.

— Что ты привязался к ней? Разве не слышал, что она сделала все как полагается, а ты все ворчишь на нее. Оставь девочку в покое, старый зануда! — напустился он на лекаря Бина.

Вот так всегда! Оба старика дружно опекали ее, воспитывали, но, так же дружно ругаться на нее у них не получалось. Причем если на Ли Мин начинал браниться один, то второй непременно кидался защищать ее. Ли Мин даже стала нравиться жизнь здесь. Старички тоже, время от времени, начинали сокрушаться, что будут делать без своей подопечной. Они не давали ей чувствовать себя одиноко, она же придавала их жизни смысл. Все это время Глава, молча, наблюдал за ними и вдруг заявил:

— Я забираю вашу ученицу в Поместье.

— Полагаете, я не имею права сделать замечание своей ученице, господин? — как старший вежливо возразил ему лекарь Бин. — Не стоит забирать ее в Поместье, она вам там ни к чему?

— Не желаете отпустить? — нахмурился Глава, глядя надменно.

Оба кивнули, озадачив дафу своим открытым неповиновением. Они в чем-то покрывают свою ученицу? Почему потакают ее капризу жить в подобной норе?

— Я здесь, чтобы поговорить о моем... курсе, — напомнил Глава, решив на время отступить в этом вопросе.

— Садитесь, прошу вас, — вспомнила Ли Мин про обязанности гостеприимной хозяйки, указав на единственную потемневшую и продавленную циновку у столика.

Подобрав жемчужный плащ, Глава не чинясь воспользовался приглашением. Лекарь и маг почтительно стояли перед ним. Они уже и не скрывали своего беспокойства и желания поскорей выпроводить из пещеры непрошеного гостя.

— Я хотел поговорить о скрытности моего «курса». Никто не должен знать, что я прохожу очищение организма. Даже, если лечение пройдет благополучно, мне придется какое-то время продолжать притворяться немощным.

Старички закивали, соглашаясь с Главой. Ли Мин помалкивала в стороне.

— Но для этого самого «курса» необходимо найти надежное, укромное убежище, которое никому неизвестно, такое, где никому не придет в голову, искать меня.

— Вы уже нашли таковое, господин? — вежливо поинтересовался маг.

— Господин, — решительно выступил вперед лекарь Бин, — вы же понимаете, что я должен следовать за вами всюду, дабы помочь вашему исцелению.

— Вы объявили Хранителям, куда собираетесь отбыть? — не унимался любопытный маг.

— Разумеется. Я объявил, что еду в дальний буддийский монастырь, помолиться об исцелении. И отъезжаю завтра поутру.

— Тогда... я немедленно иду собираться, чтобы вовремя отъехать с вами. Но, как далеко мы на самом деле отправляемся? — повернулся к выходу из пещеры взволнованный лекарь Бин.

— На самом деле, почтенный лекарь, мы никуда не отправляемся, — спокойно заявил Глава, своими словами останавливая его.

— Что? Как? — разом воскликнули старики.

В ожидании, когда старшие договорятся, Ли Мин беспечно задремала, прислонившись к холодной стене. Нелегкие роды вымотали ее и морально и физически. Эйфория от удачно прошедших родов спала, отняв у нее последние силы.

— Я останусь здесь, в этой вот пещере, на все дни своего... «курса», — заявил вдруг Глава, заставив Ли Мин живо стряхнуть дремотное оцепенение, а стариков испуганно переглянуться.

— Согласитесь, — нарушил гнетущее молчание Глава, последовавшее за его заявлением, поднимаясь со своего места. — Об этом, — обвел он пещеру рукой, — кроме нас никто не знает, а если даже и знает, то в голову никому не придет, что я мог укрыться в подобном месте. Вы же удивились тому, что я остановлюсь здесь? Посудите сами: мне не придется уезжать далеко от Поместья и все, что будет происходить в клане, не пройдет мимо моего внимания. К тому же я буду под вашим неусыпным наблюдением, лекарь Бин, как и вашей ученицы. Кажется, лучше и придумать нельзя.

Ли Мин выразительно смотрела на учителя круглыми от паники глазами. Что бы в ее пещере толкался посторонний, да еще такой капризный как Глава, от которого непонятно, что ждать!

— Д-да... но тут имеется одно немаловажное обстоятельство, — от неуверенности начал велеречиво лекарь Бин, пытаясь как-то спасти положение. — Невозможно молодой незамужней девице находиться под одним кровом с мужчиной.

— Не мужчина и женщина, а лекарь и больной, — строго поправил Глава. — К тому же все под вашим присмотром и вашей ученице не обязательно дневать и ночевать подле меня, она может на время перебраться к одному из вас.

Ли Мин возмущенно фыркнула — ее нахально выставляли из собственной пещеры! Не, ну нормально, а? И Ли Мин решила взять дело в свои руки. Известно, чем больше давление тем сильнее сопротивление. Лучше уж, не противиться, а поддакнуть.

— О, я-то понимаю ваш выбор. Здесь ведь довольно уютно, до отхожего места всего-то десять минут, это если бегом. Я вот всегда успеваю добежать, особенно если рядом ошивается Горный дух, что придает ускорение. И вода за пещерой, хоть и мутноватая зато далеко ходить не надо, с песочком помыться самое то. Да и Горный дух скучать не дает, то воеет по ночам, то рычит ни свет, ни заря. Это он так волков пугает, что рыскают вокруг, вот и шатается возле пещеры по ночам. От того по утрам, не удивляйтесь, если увидите перед входом чьи-то огромные следы. Потому и чужаки не рискуют сюда соваться, а вы как думали? В дождливые дни, здесь особенно уютно, ну натекает иногда лужа, зато свежо. Единственно, что из-за тумана, порой, ничего не видно, но на этот случай фонарь есть. Ну, а то что тропа раскисает и тогда грязи по колено, так в такие дни лучше не высовываться из пещеры, правда?

Впечатлительный маг забеспокоился было, приняв все за чистую монету, пока не получил ощутимый толчок локтем в бок от лекаря, так, что поперхнувшись на полуслове, закашлялся. Лекарь же про себя молил всех небесных богов, чтобы у девочки вышло припугнуть Главу.

Дафу иронично смотрел на Ли Мин, отлично поняв ее издевку. Старики испуганно переглянулись: неужели, девчонка опять нажила неприятности.

— Я остаюсь, — ровно сказал он. — К тому же, вам известна моя неспособность и в этом смысле не о чем беспокоится, — напомнил он лекарю Бину.

— А я всегда говорил, что ваша болезненность от отсутствия в вашем организме энергии ян, — как всегда вовремя встрял маг, так эмоционально, будто ему наступили на большую мозоль.

— Друг мой, — тотчас остановил мага лекарь, многозначительно глянув на него, с нажимом произнес: — Думаю, лучше всего спросить у хозяйки этого места, — «перекинул он подачу» Ли Мин.

— Ваш план, конечно, безупречен, — поклонилась она в сторону Главы. — Но я обязана была вас предупредить, что не так уж это место удобно и подходит для вас.

— Тогда тем более вам не стоит находиться в пещере одной, а перебраться после моего э-э... «курса» в Поместье, — проговорил Глава.

Все средства, чтобы отвести дафу от пещеры, были исчерпаны, пришлось подчиниться.

Утром Ли Мин умчалась в деревню, чтобы проверить роженицу и новорожденного. Оба и мать и сын, чувствовали себя неплохо. У Ся Чу это первые роды, бедняжка выглядела изможденной и ошеломленной, а малыш вечно голодным крепышом. Проверив их и купив на деревенском рынке продуктов, Ли Мин вдруг столкнулась у Яблоневых ворот с Лай. Девушки обрадовались встрече и Ли Мин не без ревности отметила, что Лай похорошела и принарядилась, даже печальный взгляд красил ее.

— Ой, так здорово увидеть тебя, — радовалась как игривый щенок Ли Мин. — Но почему ты не в Поместье?

— Решила, навестит родных, — сдержанно ответила девушка, едва улыбнувшись.

— На сколько тебя отпустили погостить в Снежные Листопады? — допытывалась воодушевленная Ли Мин, рассчитывая побыть с подружкой подольше.

— Навсегда. Я больше не вернусь в Поместье.

— Погоди, — опешила Ли Мин, перехватив съехавшую со сгиба локтя корзинку с овощами, — а как же твоя мечта служить Главе и жить в Поместье?

— Она так и останется мечтой, — вздохнула Лай, опустив ресницы, чтобы скрыть набежавшие слезы. — Все это бесполезно и... глупо. Глава любезен на людях, а так и словечка не скажет. Всё молчит и никого вокруг не замечает, ни до кого ему нет дела. Ладно бы только это, а то ведь рядом с ним постоянно то Третий мастер, то барышня Ло, где уж мне тягаться с ней по уму и красоте и то Глава кисло смотрит на нее.

— Не переживай из-за него. Он, конечно, умный и красивый, но... немножечко противный, — как можно деликатнее высказала Ли Мин свое мнение по поводу Главы.

— А уж когда приходит Третий мастер, вообще, раздражается, — продолжала жаловаться Лай, отводя душу. — Третий мастер на всех девиц, кто только приблизиться к Главе, нагоняет страху. Ну, кроме тебя, конечно, — чуть улыбнулась она и девушки не без удовольствия вспомнили как Ли Мин оттаскала наглою Ся Гэ за волосы.

Поболтав еще немного и договорившись встретиться вновь, подруги распрощались. К обеду Ли Мин успела к лекарю и магу. Выслушав ее отчет о роженице, лекарь спросил о целебном отваре, который она готовила три дня. Получив ответ, что он готов, начал наставлять:

— Держи его наготове. Глава уже покинул Поместье, думаю, что завтра будет у тебя в пещере.

— Он уехал один? — спросила Ли Мин.

— Со своим слугой, — ответил, обмахиваясь веером, сидевший за чайным столиком, маг. — В Поместье говорят, что он отбыл в монастырь за сутрой изгоняющей болезни и исцеляющей хвори.

После, слушая привычные препирательства своих старичков по какому-то незначашему пустяку, Ли Мин прикрыв глаза, наслаждалась солнечным полднем, звенящей августовской жарой с играющими в зное фруктов-сладкими ароматами, что доносились из сада, разделяющего дворы мага и лекаря.

А лекарь, когда доведенный им Фэй Я насупившись отвернулся, вздохнул, посмотрел на смятый свиток в своей руке, который передала ему добродетельная и нежная Ли Ло, когда он уходил этим утром из Поместья, наведавшись к старому счетоводу Ца И.

— Прослышала, что вы будете сопровождать Главу до монастыря. Прошу вас, отдайте этот список его настоятелю с моим нижайшим поклоном и смиренной просьбой, — попросила девушка.

— Для меня честь, барышня Ли, выполнить любую вашу просьбу, но что в этом письме?

— Всего лишь перечень вещей, которые могут сделать пребывание Главы в обители удобным и те блюда к которым он привык. У господина слабое здоровье и важно, чтобы он не нуждался в том к чему так привычен.

Лекарь Бин почувствовал себя последним мошенником, но это не поколебало его твердого решения свято хранить тайну дафу. Он знал, что Хоу тайком уехал в монастырь, чтобы привезти оттуда нужные талисманы, дабы подтвердить после пребывания Главы в монастыре.

Ли Мин, видя молчаливое беспокойство и терзание учителя не приставала к нему с разговорами, как и к дувшемуся Фэй Я, демонстративно, сидящего в стороне. Пообедали в молчании и Ли Мин отправилась к себе. Не очень-то хотелось встречать между рассорившимися стариками, сами помирятся. Поднималась к пещере бодрым шагом, твердо решив, что и не подумает прибираться в ней, как велел ей напоследок лекарь. Вот еще! Но остановилась на пороге своего жилища с упавшим сердцем наблюдая, как двое крестьян под строгим присмотром Хао, выметают из пещеры стружку, а у боковой стены висится только что сколоченный кан.

— Вы разве не должны были уехать в монастырь? — неприятно удивилась Ли Мин, заглядывая в пещеру через его плечо.

— Уеду, когда подготовлю здесь все для хозяина.

— Понятно... — приуныла она, — а где сам босс?

— Кто? Если вы говорите о господине, то он со свитой остановится на первом же постоялом дворе за Сяофеном, и завтра, под покровом ночи, прибудет сюда.

Говоря это, Хао застелил кан стегаными одеялами и меховой полостью. В пещере появились роскошные вещи: пушистый персидский ковер, расписная лаковая ширма, бронзовая курильница в виде бутона лотоса и жаровня. Потом внесли сундук и лакированный короб. Хао сказал, что с ними нужно быть аккуратным, в коробе документы и книги, которыми будет заниматься Глава, а в сундуке его гардероб. Сдержанно попрощавшись с Ли Мин, он ушел, а крайне озадаченная девушка осталась, не узнавая своего прежнего пристанища.

Не торопясь она приготовила лечебные снадобья для Главы, а после с тоской смотрела на зажегшуюся в небе первую звезду, тихо печалась, что осталась ей всего лишь ночь свободы и блаженного одиночества, когда на пороге, закрыв в проеме звезды, возник

призрак в светлых свободных одеяниях с длинной белой лентой в распущенных волосах и лицом капризной изнеженной красавицы. Прижав ко рту ладони, с ужасом смотрела Ли Мин на бледного призрака, что вплыл в ее пещеру.

— А... а разве вы не завтра должны прибыть? — заикаясь, спросила она, глядя растерянно и недоверчиво. Глава, перепугал ее до смерти.

— Чем скорее мы начнем, тем быстрее закончим... курс, — резонно проговорил он, подходя к кану.

Ну, бли-ин! Пропал ее последний вечер свободы! Глава зябко кутаясь в жемчужный плащ, показав глазами на кан, тихо спросил:

— Позволишь? — и когда она вскочила, уселся, вежливо осведомившись: — У вас же все готово, ученица лекаря?

— Конечно, — фыркнула Ли Мин, все еще не отошедшая от страха. — Не нужно было так беспокоиться и приходить раньше обговоренного, — подхватила она небольшой чугунный котелок, поставив его на столик.

«Что ж, в одном он прав, чем быстрее начнем, тем быстрее закончим» — примирилась она с собой, отчего-то чувствуя неловкость. Но стоило припомнить, как выставила его на императорском судилище при всем честном народе, почувствовала скованность. До сих пор неловко. Если она не может этого позабыть, то уж Глава тем более.

Подняв деревянную крышку, девушка аккуратно слила целебный настой из чугуна в глиняную чашу, которую и подала Главе. Не удостоив ученицу лекаря даже подозрительным взглядом, Глава без колебаний осушил чашу, удивив Ли Мин своей беспечностью.

— Вам лучше сразу подготовиться ко сну. Это сильное средство и неизвестно как вы, с вашим самочувствием, перенесете его действие, — посоветовала она. — Очищение пройдет тяжело и болезненно. Будьте готовы ко всему.

— Я понял, — кивнул Глава, скидывая плащ и снимая верхнее ханьфу, а после сухо велел. — Теперь оставьте пещеру, вернетесь сюда утром.

Оставшись в нижней кофте и штанах он, откинув медвежью шкуру, лег под нее и закрыл глаза. Лекарство подействовало через четверть часа. Судя по блуждающему взгляду, у него началось головокружение, поднялась температура, так что он скинул с себя медвежью шкуру, мечась в жару. Нижняя кофта вымокла от обильного пота, а потом его начало выворачивать. К счастью Глава подошел к очищению голодом серьезно и, судя по одной желчи, что выходила с рвотой, он действительно голодал. Пульс зашкаливал, его тело крутила судорога. Ему было настолько плохо, что он как одержимый демоном метался по кану и Ли Мин серьезно боялась, что его сердце не выдержит тяжелой нагрузки столь интенсивного очищения.

Ей едва хватало сил, чтобы удерживать его мечущееся тело на ложе, то и дело приходилось перехватывать и удерживать на краю, не позволяя свалиться на пол. Он стонал и был в голос, так его корежило от боли. Длинные пряди волос спутались, сбившись в колтун, липли к влажному лбу, упав на мертвенно бледное лицо. Глаза запали, губы посинели. Простыня под ним намочила от пота и мочи. Он содрогался от рвотных позывов, и девушке было важно вовремя наклонять его голову к медному тазу. Последний раз, ближе к рассвету, его вырвало кровью и в этой кровавой массе Ли Мин разглядела странный зеленый сгусток. Выловив его деревянной лопаткой и обмыв в воде, она поняла, что это какая-то не переваренная пилюля.

А обессиленный Глава, исторгнув зеленую гадость, затих, то ли провалившись в

глубокий сон, то ли потеряв сознание. Во всяком случае, пульс его вошел в норму, сердце билось спокойно, температура спала, да и лихорадить его перестало. Отойдя подальше от пещеры, Ли Мин, вымотанная бессонницей и напряжением, выплеснула на сырую траву и лежалую листву таз с содержимым желудка Главы, вздрагивая и молясь про себя, чтобы ее не учуял Горный дух.

Быстренько ополоснув таз в ручье, бегом вернулась в пещеру и занялась странным сгустком. Станным, потому что он не растворился в желудке Главы, а если и растворился, то самую малость. Пилюля замедленного действия?

Выглядела эта дрянь глянцевою и, решив, что она плохо прополоскала ее в воде, Ли Мин снова погрузила ее в миску с водой. Спрессованный темно зеленый шарик, немного больше горошины, даже когда Ли Мин обсушила его тонкой от ветхости тряпицей, оставался глянцевым, словно его обволакивала восковая оболочка. Эксперимента ради, Ли Мин опустила пилюлю в плошку с молоком. И тут спрессованный в шарик яд дал странную, но вполне ожидаемую реакцию, пустив в молоке темные разводы, словно миазмы. Вынув пилюлю Ли Мин, на этот раз, опустила ее в лекарственный отвар, который, чуть ли не забурлил, как при кипячении и Ли Мин поспешила вынуть из него странный шарик.

Изучая ее при дрожащем пламени светильника, Ли Мин все время прислушивалась к мерному дыханию дафу. Значит, его не травили систематически, подливая яд в пищу, а просто закинули в него пилюлю, что медленно, но верно, убивала его, потихоньку, отравляя кровь.

Сцедив в чашу только что приготовленный настой, напоила им бесчувственного дафу, вливая в его рот ложку за ложкой. Она бы и дальше продолжала экспериментировать с пилюлей, если бы ни свет ни заря, возле пещеры не появился обеспокоенный, раздраженный от бессонницы лекарь Бин.

— Как господин? — сразу же прошел он к Главе.

Не успела Ли Мин ответить, как следом появился запыхавшийся маг. Было заметно, что и он спал в эту ночь неважно, если спал вообще. По тому, с какой тревогой они вглядывались в нее, когда она рассказывали о состоянии дафу и о том, что обнаружилось в его желудке, не трудно было догадаться, что сама она выглядела не лучшим образом. Пока лекарь Бин рассматривал злополучный шарик, который она им тут же показала, как маг близоруко шурясь на пилюлю красными от бессонницы глазами, сразу определил:

— Змеиная жемчужина?

— Похоже на то, — сразу согласился лекарь, хотя всегда отличался осторожностью в суждениях. — Подумать не мог, что она действительно существует.

— И что это за фигня такая? — деловито осведомилась Ли Мин, зевнув.

— Это сокровище лесных змей, которое возвращается ими раз в столетие, — принялся пояснять маг. — Когда они в зимний спячке свиваются в клубок, то своими скользким телами загибают траву, которая сперва прееет под ними, потом прессуется. А поскольку их ядовитые тела и в спячке находятся в движении, то получается вот такая жемчужина, которую они скатывают собой. Найти ее мудрено и редкостная удача если ее вообще находят, потому что кто заполучит ее, то в один миг разбогатеет.

— Она считается совершеннейшим и редким ядом, — тихо добавил лекарь, рассматривая ее так, словно любовался настоящей драгоценностью. — Отравляя организм человека, она, тем не менее, излечивает многие хвори.

— Я слышал, что лесные змеи, утратившие свою «жемчужину», уходят из этих мест

навсегда, — добавил маг.

Посмотрев на дафу, лекарь вздохнул.

— Вот оно как! Глава с детства отличался болезненностью, а как вошел в юношеский возраст, прицепилась к нему чахотка. Но быстро скрутить его не смогла, воля Главы такова, что он сказал, что не помрет куда не найдет достойного себе преемника. Теперь вот стремится обезопасить клан через свой брак. Я же все это время измысливая всевозможные средства, что бы поддерживать в нем силы, все удивлялся, как хвори до сих пор не сгубили его. Видимо, воздействие Змеиной жемчужины таково, что свело чахотку на нет, но медленно отравляло дафу, который уже не имел сил бороться с этим ядом.

— А все потому, что не доставало ему женской инь, — упрямо проворчал маг, упрямо настаивая на своем в давнем споре с лекарем, но тот лишь вяло отмахнулся.

— Стало быть, его сильная ци не давало яду быстро распространяться, — сложив руки на груди, зевнув, подытожила Ли Мин. — Плюс — борьба яда с чахоткой, не давала Змеиной жемчужине действовать в полную силу, потому что весь ее потенциал уходил на то, чтобы справиться с болезнью. Но болезнь прошла и жемчужина начала действовать не как лекарство, а как яд. От того Глава и почувствовал новое болезненное состояние и упадок сил.

Лекарь, что кивал ее словам, вдруг велел:

— Ступай в мою хижину и выпись. Я же присмотрю за дафу.

— Я провожу девочку, а заодно буду говорить наведывающимся к нам, что ты в деревне или в Поместье, — увязался за Ли Мин Фэй Я.

— Только ничего не смей трогать в моем дворе! — нервно предупредил лекарь ему вслед.

Ли Мин проспала сутки, слыша сквозь сон, как рядом ходят и разговаривают, а проснувшись почувствовала себя полностью отдохнувшей. «Вот и еще один день прошел», — подумалось ей, потягивающейся в постели. На ее удивление, к ней со двора вошел не маг, а лекарь. Он сообщил, что сейчас утро следующего дня, что с Главой все в порядке и что рядом с ним маг. Пока она торопливо завтракала, он рассказывал, что в Поместье все спокойно, и никто ни о чем не догадывается. После лекарь готовил укрепляющий настой, а Ли Мин играла с Ленточкой, они говорили о Змеиной жемчужине. Когда настой был готов, лекарь заявил, что сегодня пришла ее очередь дежурить у постели Главы и, Ли Мин собрав корзинку со съестным, отправилась подменять мага.

Увидев ее на пороге пещеры, тот радостно всплеснул руками.

— Вот и ты! — воскликнул он с облегчением.

Глава спал на кане и Ли Мин придирчиво оглядела свое мрачное жилище. Ложе Главы было перестелено свежим бельем, а у порога лежал большой узел с грязным тряпьем при виде которого у Ли Мин заметно испортилось настроение. Наметилась непредвиденная стирка, будь она неладна. Мало радости отстирывать простыни в холодной воде ручья. Передав корзинку и лекарства магу, она села рядом с Главой и послушала его пульс.

— Он быстро набирается сил, — кивнул маг, глядя на дафу, через ее плечо. — Все три отвара, что давал ему Бин, выпил без возражений. Теперь ему можно съесть рисовой каши.

— Хорошо, — согласилась Ли Мин. — Пока он спит, отстираю его простыни.

— Тогда посижу с ним еще, — мужественно предложил маг, хотя было видно, что он очень утомлен. — А то знаю я, только успокоишься, думая, что ничего уже не случится, как Небо посылает именно то, от чего так беспечно отмахнулся. Это я к тому, вдруг кто-нибудь

посторонний да наведается в пещеру, а тут наш господин. Как потом прикажешь объясняться.

— А ночью вас никто не беспокоил? — осторожно спросила Ли Мин, имея ввиду распоясавшегося в последнее время Горного духа.

— Ничего не происходило, — пожал плечами маг.

И тут Глава, дрогнув ресницами, медленно открыл глаза, посмотрев вокруг себя сонным взглядом.

— Вы молодец, — склонилась к нему обрадованная Ли Мин. — Правда. Вы очень большой молодец, что выдержали все это.

— Не мог же я дать повод лекарю Бину ругаться... из-за не оправдавшего себя... «курса», — прошептал он.

Стирать — тяжелое и трудоемкое занятие, потому и нелюбимое. Спасалась городская девочка из будущего тем, что бултыхая тряпками в холодной воде, думала о чем-нибудь приятном. Например, упорно представляя пруд Лotosового тумана в Поместье, отдирая свои мысли от назойливого воспоминания о стиральной машинке LG.

Лotosовый туман, зарос высокими лotosами с широкими, что зонты, листьями. Ранним тихим утром они искрились росой, а под ними плыл туман, что смотрелось таинственно и красиво и Ли Мин мечталось, хоть раз проплыть по озерку на лодке, но это были так... мечты мимо. Ли Мин стирала, отстирывала, прополаскивала, отжимала и сушила белье не меньше четырех часов, а когда вернулась, мага в пещере уже не было. Зато на площадке перед входом, медленно и вдумчиво двигался Глава, выполняя укрепляющие и восстанавливающие упражнения.

Ли Мин внесла корзину с высохшим на ветру бельем в пещеру и снова вышла к своему пациенту, чтобы присмотреть за ним. Сев на валун, она сосредоточенно наблюдала за его реабилитационными движениями. Неспешные они вдруг перемежались с резкими и быстрыми бросками на выдохе. Красивые, плавные и в то же время точные жесты, имели витиеватую законченность узора. Последний выдох на статичной стойке и Ли Мин едва сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши от восторга. Быстро взглянув на ученицу лекаря, Главе подумалось о своем расточительстве, ведь Третий мастер готова была умереть, чтобы хоть одним глазком увидеть эти упражнения. При воспоминании о назойливости Ся Гэ, Глава поморщился, насторожив тем Ли Мин, испугавшейся, что ему поплохело.

Когда он два дня назад якобы отправлялся в монастырь, Третий мастер с упрямым видом встала перед ним.

— Но почему? — требовательно спросила она. — Почему я не могу сопровождать вас?

— Потому что, — в который уже раз терпеливо напомнил ей Глава, — ты единственный офицер остающийся здесь для защиты клана.

Сейчас, сделав последний медленный выдох, он посмотрел на восторженную ученицу лекаря, вдруг спросив:

— Как вы себя чувствуете?

— Э-э...? — озадачилась Ли Мин. — Кажется, это я должна у вас об этом спрашивать?

Глава покачал головой, она не переставала ему дерзить.

— Вам понравились мои упражнения? — спросил он, присаживаясь на валун рядом, когда девушка подвинулась, освобождая ему место.

— А то!

— Тогда, почему бы не начать изучать тайную технику Северного Ветра, став моей

ученицей? — предложил он, внимательно глядя ей в лицо.

Ли Мин онемела, потерявшись. Она же не ослышалась, нет? Он предлагает ей — ученице лекаря, изучать древнюю и тайную технику клана? Не первым мастерам клана, не своим верным ученикам и адептам, а ей...

— Я слышала, что невозможно попасть к вам в ученики из-за придирчивого отбора, который я-то уж точно не пройду, — напомнила ему Ли Мин, желая отвертеться от такой чести.

Она не горела желанием подчиняться суровым правилам школы боевых искусств. Больно надо! Ей и так тут нелегко, зачем еще больше усложнять себе жизнь.

— Вы уже прошли этот отбор в тот день, когда ворвались в Поместье, предупредив клан о нападении безлицых, и когда остались в пещере со мной на всю ночь, хотя я приказывал уйти. Я все время слышал ваш голос и чувствовал, что вы рядом. Почему не ушла?

— Так вы ж мой пациент, — в свою очередь удивилась Ли Мин, что такие само собой разумеющиеся вещи, он засчитывает как заслугу. — Вы поверили в мой «курс», как я могла вас оставить?

Они помолчали и Ли Мин несмело произнесла:

— Можно, тогда я спрошу?

— Спрашивай. Потом спрошу я.

Оба улыбнулись. Улыбка Главы — это нечто и Ли Мин с трудом отвела взгляд от его лица.

— Вы говорили, что видели меня в день, когда я прибежала в Поместье. Но вот я не заметила вас и почему именно из-за того случая вы решили взять меня в ученицы?

— Тебе ведь тогда было очень страшно, а потому, ты не в состоянии была кого-то заметить вообще. Тем не менее, не смотря на свой страх, сделала все, чтобы спасти людей. Я же тогда бился с безлицыми вместе со всеми.

— Вы? — изумилась Ли Мин, чувствуя себя последней дурой. Как она могла его не заметить?

— Я сражался на другом конце деревни, прикрывая Третьего мастера. Безлицие опасные противники и я не смог уберечь троих воинов клана, но ты выходила их. Более того, именно тебе сдался один из безлицых. Прошу, стань моей ученицей.

— А... а... вы же хотели меня о чем-то спросить, — быстро напомнила Ли Мин, быстро переводя разговор с нежелательной темы.

Вздохнув, Глава спросил:

— На Совете ты так пристально смотрели на меня... я тебе по нраву?

Ли Мин поперхнулась, сдерживая невольный смех, тут же испуганно взглянув на него, вдруг оскорбился.

— Ну... вы, конечно, видный господин, ничего не скажешь, только учитель Бин хотел, чтобы я посмотрели на вас как на пациента.

— И кроме болезни ты больше ничего не увидела? — не поверил он, не отводя от нее своего странного взора.

— Ну... это... вы были погружены в себя, словно прислушиваясь к себе.

— Как у женщины, вынашивающей дитя? — усмехнулся он.

Вот чего привязался?

— Н-нет, не совсем так. Будущая мать прислушивается к ребенку с любовью и ожиданием. Вы же пытались уловить, что с вами не так.

— Ты права. Именно, так я себя чувствовал.

Солнце клонилось за горизонт, из леса потянуло прохладой.

— Вернемся в пещеру. Становится зябко, — поспешила напомнить Ли Мин, боясь, что он опять заведет дурацкий и бесполезный разговор о ее ученичестве.

С нее довольно лекаря Бина и еще одного учителя она не перенесет, ей всего лишь надо как-то продержаться год, а не постигать тайные практики. Нет... уже меньше года на один месяц. Вставая с валуна, Глава заметно пошатнулся. Зная, насколько обострено его чувство собственного достоинства и как стремится он сохранить лицо при любых обстоятельствах, Ли Мин не рискнула поддержать его под локоть как трепетно делали это Третий мастер с Ли Ло. Но обогнав, чуть не пихнув боком в проеме пещеры, куда они вошли одновременно, протянула ему чашу с лекарственной настоем, которую он послушно выпил. И хотя ее подопечный, был бледен, все же смотрелся намного лучше, чем до появления в пещере.

— Вы выглядите сейчас так, что запросто можно будет все объяснить силой буддистских молитв, — как бы подбодрила его Ли Мин, намекая, что он уже в состоянии покинуть ее жилище.

— Все равно нужно будет делать вид, что мне нездоровиться.

— Ну, тогда, отдыхайте, а я пойду, переночую к своим старичкам, чтобы не стеснять вас. Чувствуйте себя, как дома, — ревниво добавила она, мельком оглядев пещеру. Круг пентаграммы был по-прежнему скрыт громоздким сундуком, а потому не заметен. — Утром, кто-нибудь из нас появится здесь.

Глава, вдруг опершись о кан, прерывисто выдохнул.

— Что-то мне нехорошо, — пробормотал он, проведя пальцами по бледному лбу. — Голова кружится.

Ли Мин тотчас поддержала его под руку и осторожно усадила на кан.

Он тяжело переводил дыхание и Ли Мин вздохнула — придется остаться. Хотя очень не хотелось, но не оставлять же его в таком состоянии одного, только спать опять на земле, сидя на циновке, напрягало. Ли Мин помогла ему снять верхнее ханьфу, а когда он улегся, укрыла медвежьей полостью и отошла к очагу подогреть лечебный настой.

Глава был покладистым пациентом, не морщась, выпил горькое лекарство и, устало вздохнув, будто это стоило ему невероятных усилий, упал на свое ложе, утомленно закрыв глаза. А Ли Мин, решала в каком углу пещеры лучше устроиться на ночлег. Может сдвинуть сундуки? Не пойдет, ее сундук должен остаться на пентаграмме. Да и возня с сундуками потревожит Главу, еще наябедничает на нее лекаря Бину. Ее неумолимо клонило в сон, которому девушка бесповоротно проигрывая, наконец, уступила.

— Не спи на полу. Кан просторный, мы даже не коснемся друг друга, — донеслось с ложа Главы.

Оказывается Ли Мин не заметила, как задремала. Сидя на полу, она, привалившись к кану, положила голову на руки, но очнулась от прикосновения к своему лицу и кое-как открыла глаза.

— Разве тебе не холодно? — тихо беспокоился Глава.

— Ладно... — сдаваясь, сонно пробормотала Ли Мин, подавляя зевок и решившись, перебралась на кан, где пригrelась под медвежьей полостью провалившись в сон.

Она не видела, каким взглядом смотрел на нее дафу, отодвинувшись от нее как можно дальше к каменной стене пещеры.

Пещерная любовь

Ли Мин проснулась внезапно, настороженно приподнявшись на локте. Уже середина ночи и у входа в пещеру кто-то стоял. Нет... кто-то уже переступал порог-преграду созданную из ледяной соли... Что?! Разве маг не «запечатал» пещеру? Свет звезд едва рассеивал мглу, делая глубокую ночь призрачной. У порога шумно, протяжно выдохнули и Ли Мин резко села. Массивный бесформенный словно глыба силуэт заслонил проем пещеры, низко утробно заурчав. Ли Мин в панике, сбивая меховую полость, сгребая простыни, отталкиваясь пятками, начала отползать по кану к стене. На этот раз Горный дух, миновав все магические заслоны, спокойно входил в пещеру. Что он сделает с ней и главное с беспомощным дафу? Какую жертву потребует? Растерзает их? Вдруг сзади к ней прижалось горячее тело, ее крепко обняли и у самого уха выдохнули:

— Тише... тише... — шевельнулись губы возле щеки и теплая ладонь легла ей на глаза. — Не смотри на него.

Спиной она чувствовала колотящееся сердце дафу, ощущала как он все откровеннее прижимает ее к себе. Несмотря на то, что мысли путались в панике, а сердце заходило от страха, его недвусмысленные объятия не давали провалиться в малодушное сознание своей беспомощности. Она уже не одна со своим страхом, только как ей защитить пациента и защититься самой? Прежде всего успокоиться... но как? Объятия дафу становились настойчивее и волновали так, что страх отступал перед более сильным чувством, а после забылся совсем. Было уже не до того...

Глава, оторвавшись на миг от отчаянно прижимавшейся к нему девушки, тихо и четко произнес непонятное: «Жэ жоу». «Жэ жоу», — со свистящим шипением невнятно ответили от входа.

* То есть имя духа, которое следует произнести, чтобы он не причинил тебе вреда. Как бы знакомых, произнесших его тайное, истинное имя, духи не трогают. «Если проходящий в горах путешественник вдруг услышит в темноте громкий человеческий голос, значит, он столкнулся с существом, которое зовется чжи; если он знает это имя и громко выкрикнет его, существо не причинит ему никакого вреда. Пусть он также произнесет слово жэ-жоу, которым также зовутся эти существа.» — говорится в книге по «Демонологии Древнего Китая».

А после, уложив Ли Мин на кан, Глава укрыл ее собой и горячие губы легли на плотно сжатые губы одеревеневшей от страха девушки, а последующий глубокий и жестокий поцелуй опрокинул ее сознание. Шок от недозволенной настойчивости рук, перекрыл страх. А крайнее недоумение от быстрых жадных поцелуев, прерываемых едва сдерживаемыми стонами нетерпения, заставили позабыться совсем. Потому что все ее мысли были о руках, касавшихся недозволенных мест ее тела, вызывая жгучий протест и сопротивление. Но ее руки тут же отводились в сторону, ее стиснули и прижали к кану, когда она попыталась освободиться. Ее сопротивление подавлялось безжалостно и бесповоротно, настойчиво пробуждая в ней огонь чувственного возбуждения, разгоравшийся все сильнее и мощнее под безумными мужскими поцелуями, что терзали ее грудь, то проникали в ее рот, размыкая упрямо сжатые губы, врываясь в него жадным настойчивым языком. Чужая ладонь, что протиснулась меж ее бедер, там и осталась, и невозможно было освободиться от нее.

За этой чувственной борьбой инь и янь оба позабыли о Горном духе, что неподвижно застыл на пороге, вдруг истаяв как дым развеянный ветром. В какой-то момент Ли Мин прекратила сопротивление, осознав, что лежит обнаженная и вздрогнула, когда ласка чутких мужских пальцев, воспользовавшись затишьем, прошлись по-особому нежно, заставляя ее раскрыться, увлажняясь.

— Прости... сил моих нет больше... — шепнули в ее губы и вновь накрыли горячим поцелуем.

В нее он вошел быстро, ударив сразу так, что перед глазами вспыхнул багровый взрыв. От боли она дернулась, но мужское обнаженное тело с твердыми от напряжения мышцами, обдавая жаром, безжалостное прижимало ее к ложу, а в ней самой неумолимым тараном ходило его естество, ускоряя и ужесточая натиск. Влажные удары двух тел учащались, становясь все быстрее. Ошеломленная болью и недоверием, что все это происходит с ней, она сдалась, понимая, что ей не остановить неумолимый мужской натиск, что подавлял и захлестывал горячей чувственностью. Отстранёно ощущалась, что внутренняя часть бедер стала мокрой и липкой от крови. Поцелуи прерывались глухими стонами, пока не изверглись в один мучительный выдох, как будто это его, а не ее терзали ненасытной страстью.

Возле пещеры рыкнуло в ответ, когда стоны перешли в крики: мужской протяжный и глухой и жалобный женский. Мужчина резко дернулся в неконтролируемых спазмах наслаждения и затих в бессилии навалившись на распластанную под ним женщину, а после глубоко выдохнув, чуть передвинулся, дав ей вздохнуть.

Он постиг ту, которую избрал, властно заявив на нее свои права. Свершилась суть существования.

— Нам нужно поберечься, — прошептал он через какое-то время.

Он так и сказал: «нам», как будто тоже потерял девство.

— Очень больно? — спросил с тихой тревогой, прижав между её ног сухую тряпицу, и она с усилием свела ноющие бедра.

Женщина медленно приходила в себя, вспоминая о некой Ли Мин, с облегчением вдохнула полной грудью, освобожденная от гнета мужского тела и закрыла глаза, не в состоянии все это осмыслить: слишком много... слишком больно... непонятно и... сладостно. Теплая ладонь опять прошла по ее груди и под ней, вытирая остывающий пот.

«Глава?» — удивленно взглянула она на склонившегося над ней обнаженного мужчину. — Как это может быть он? Откуда столько грубости и пыла?»

Горячее, влажное от пота тело Главы прижавшись к ее боку, согревало Ли Мин, чью кожу охлаждал ночной воздух. Приподнявшись, он накрыл их меховой полостью, обхватил ее руками и, прижавшись лицом к ее шее, замер. Так они и уснули. Ей казалось, что она только сомкнула глаза, как у порога тактично кашлянули.

— Я выйду, не вставай, — неторопливо поднялся Глава, накинув верхнее ханьфу. И вот уже за порогом пещеры слышался его тихий голос и торопливый шепот Хао, примчавшегося из монастыря.

Когда он вернулся, она притворилась спящей, пока он раздевался. Но стоило шевельнуться, как горячее гибкое тело прильнуло к ней. Руки по-хозяйски обхватив, ласкали ее грудь, ставшую до невозможности чувствительной. Эти беспричинные объятия рушили прохладу утренней тишины и глубокого покоя. Тихие прикосновения запускали огненные будоражащие щупальца в карамельную негу сна-отдыхновения и были порой непристойнее

самого действия, доводя обоих, откровенным бесстыдством, к высокой точке бытия, что разлеталась мощным взрывом, после которого уже не было ничего — они едва выживали.

С этой ночи Ли Мин попала в сексуальное рабство. Она поняла это когда впервые за эти два дня выбрела из пещеры в нехотя светлеющее утро. Постояв минуту на холодном ветру пахнувшим дождем и осенью и словно протрезвев от любовного похмелья, стукнула себя кулаком по лбу: «Что это ты творишь, кретинка проклятая?! Совсем спятила?! Боже, как так получилось-то?!»

И ведь Глава не нравился ей вовсе. Она не должна была позволить произойти подобному. Она не может, не имеет права сближаться с ним. Зачем ей его жизнь? Зачем отвечать на его чувства, даже если сама что-то испытывает к нему? Зачем обнадеживать его? Какое у них может быть будущее, когда этого будущего у нее здесь нет и быть не может? «Как я умудрилась вляпаться в такое?! Все мозги растеряла!» — и вновь собралась стукнуть себя по лбу, когда ее кулачок был перехвачен и губы дафу нежно прижались к ее виску. Ну да, она ведь уже не принадлежит себе.

— Зачем бьёшь себя? — спросил он тихо, усаживая ее к себе на колени.

— Потому что... не знаю... зачем вы так со мной?

— Ли Ми...

— ... вы обижены на меня... но почему за мою бестолковость... наказываете вот так?

— Не плач, — обняв, он прижал ее голову к своему плечу. — Ответь мне на один вопрос: откуда ты?

Перестав вырываться, девушка замерла, выпрямившись натянутой до предела струной. Глава всматривался в ее лицо с таким вниманием, что, кажется, перестал дышать. Напряжение между ними росло. Он ждал ответа, а она ничего не могла сказать ему.

— Можешь не отвечать, — вдруг отступился он. — Уже не важно. Просто хочу удержать тебя подле себя. В том, что произошло этой ночью виноват лишь я. И поступил я так не потому, что хотел унижить, оскорбить или отомстить за что-то, а потому, что ты принадлежишь мне и только мне. И этот курс, что ты назначила, был лишь поводом приблизиться к тебе, но причина не только в этом. Я страстно стремлюсь выжить ради тебя. Я поступил преступно, взяв тебя силой... но, скажи... сколько ты можешь остаться со мной?

Пока она с ужасом смотрела на него, он аккуратно отвел пряди волос, падавшие на ее мокрое от слез лицо и почти невесомо погладил по щеке. Он был так близко к ее тайне.

— Год, — созналась она. — Но как вы... догадались?

— Это было несложно, ведь ты необычная, — поцеловал он ее в лоб. — Ужиться со строптивыми стариками... — покачал головой и минуту помолчав, проговорил: — Наблюдая за тобой, я так и не смог понять: откуда у безродной девушки храбро принимать столь нелепые решения, не боясь показаться смешной? Откуда столько достоинства у простолюдинки, что бы свои неловкие поступки, оборачивать вдруг в единственно верные? И где ученица лекаря, могла получить столь глубокие и сложные познания, которые отстаивала с уверенностью бывалого лекаря, ставя умудренного опытом учителя в тупик? Откуда у обычной девушки уверенность спорить до конца, твердо отстаивая свою правоту? На все это я так и не смог ответить.

Ли Мин слушала его с изумлением, граничившим с паникой. Это он про нее? Похоже, он прозрел ее тайну, лишь потому, что она стала важна для него.

— А я вот не могу понять, — шмыгнула девушка носом, — когда вы успели...э...э... заинтересоваться мной?

— Могу я тоже иметь свою тайну? — улыбнулся Глава, распалив тем любопытство Ли Мин.

— Так нечестно! — возмутилась она.

— Да что ты? — улыбнулся он, демонстративным недоумением, намекая на то, что собственно, не Ли Мин упоминать о честности. Но тут же прижался лбом к ее лбу и, умирая от нежности, прошептал: — Никогда не видел, чтобы несуразицы были столь очаровательны. Ты не стараешься казаться кем-то, ты, такая как есть. Но я никак не могу отнести тебя к простолюдинам. Ты явно не простолюдинка, хотя твои манеры желают лучшего. Но и к знати отнести тоже не могу. В тебе нет спесивости и высокомерия, ты ко всем относишься равно. Ты необычна и неповторима. Честное слово, ты дала мне хороший урок: не нужно из кожи вон лезть, чтобы не терять лицо и всеми силами завоевывать уважение к себе, нужно просто жить, не оглядываясь ни на кого. Жизнь, а не люди укажет на твои ошибки. Как только появилась ты, я каждое утро поднимался счастливым, зная, что если не увижу тебя, то хоть услышу о тебе.

У Ли Мин духу не хватило напомнить, что ей нужно будет, в любом случае, оставить его. Но она поняла его, хотя он не говорил об этом ни слова. Он умирал, а потому хотел захлеб испытать полную чашу любви. Не потому ли он с легкостью принял ее год пребывания подле себя, потому что сам вряд ли переживет этот год. И вот судьба проявила к нему невероятную щедрость, открыв его сердце для любви. Но вместе с тем и жестоко посмеялась, потому что той, кому он безоглядно отдал свое сердце, его любовь стала обузой.

Ли Мин не могла ранить его отказом сейчас, когда он открылся ей, а потому решила пока помалкивать, пообещав себе, что не увязнет в этих не нужных ей отношениях и скоро оборвет их. Между тем он тихо целовал ее, жутко отвлекая. Он ей не нужен... правда... совсем не нужен... Последнее о чем ей подумалось, когда он подхватил ее на руки, заноса в пещеру, что необходимо хорошенько обдумать логичность своего неотвратимого предательства.

— Не торопись с решением, хорошо... — вдруг прошептал он, когда опустил ее на ложе, склонился над ней. — Дай нам время...

У нее в глазах потемнело от ужаса — Глава пугал своей пронизательностью.

Проснувшись, судя по солнцу, в полдень, Ли Мин, обнаружила сидевшего у нее в ногах, полностью одетого Главу. Тут же сев в постели, она, прикрываясь меховым одеялом, откинула с лица спутанные волосы и выжидающе посмотрела на него.

— Скоро сюда придут наши почтенные наставники. Не знаю, смогут ли они принять наши отношения, — тихо сказал он.

— Они всегда жалели, что в вас мало янь, — пробормотала она первое что пришло на ум.

— Даже не надейся будто восполнила мою янь этой ночью, — и он придвинулся к ней по кану.

— Ой, — вскочила Ли Мин, уворачиваясь от его объятий, — сейчас учитель придет!

— Куда? Одевайся здесь! — попыталась он удержать возлюбленную, но девушка неловко кутаясь в тяжелую медвежью полость, подобрав с пола одежды, торопливо скрылась за ширмой.

Когда вышла полностью одетая, то застелив кан и, потянув его сесть рядом, взялась прослушать его пульс. Пока она слушала, он смотрел на нее.

— Пульс неровный, — озадаченно взглянула она на Главу. — К тому же прыгает. Как

вы себя чувствуете?

— Превосходно, — улыбаясь, ответил он. — Когда ты рядом, я ничего не могу с собой поделать: ты волнуешь меня.

Он действительно выглядел хоть и утомленным, но каким-то проясненным. Ли Мин отпустила его руку, но он тут же перехватил ее в свою.

— А я слышала, что вы не переносите чужих прикосновений, — хмыкнула она, посмотрев на его руку, сжимавшую ее ладонь.

— А кто их выносит?

— Но этой ночью вы... мы... — забормотала Ли Мин.

— Этой ночью... это была ты... — с тихой убежденностью проговорил он.

— Я думала, что вас не привлекают... женщины...

— Ты и теперь так думаешь? — Он покачал головой с таким выражением, что она и правда почувствовала себя последней идиоткой.

— Но вы же не проявляли интерес к...

— Кто так сказал? Меня интересуют женщины, точнее одна из них. Может быть, я не был так напорист и романтичен из-за своей хвори... только почему у тебя появилась уверенность в том, что я... другой?

— Вы заступались за моих стариков. Вы же знаете об их отношениях?

— Только из-за этого случая ты уверилась, что я «надкушенный персик»? Давай, я расскажу тебе о твоих наставниках, — и, придвинувшись к ней ближе, почти вплотную, принялся рассказывать:

— Они были соучениками в клане лекарей Южных Ворот и стали друг для друга первой любовью, а, войдя в юношеский возраст, открылись один другому. Только вместе были недолго. Родители лекаря Бина устроили его брак, а его возлюбленный, бросив все, в долгих странствиях, стал магом. Когда же до Фэй Я дошли слухи, что лекарь Бин ушел из семьи, разыскал его и теперь они вместе. Так почему нужно стыдиться столь верных чувств и постоянства? Не думаю, что кто-то вправе осуждать преданность проверенную жизнью. К тому же маг весьма искусен, а лекарь от природы наделен даром распознавать хвори и оба порядочные, почтенные люди, заслужившие покой и немного счастья. Верно?

— О... вы уже проснулись? — раздался от входа пещеры и под ее своды вошел, только что упомянутый Фэй Я.

Молодые люди отпрянули друг от друга.

— Хорошо почивали? — поприветствовав обоих, осведомился маг. — Вы выглядите много лучше, господин, хотя, кажется, немного утомленным, — заметил он.

— Вы же знаете, на новом месте не всегда хорошо спится, — пробормотал Глава, чуть улыбнувшись.

Маг с недоверчивым изумлением смотрел на дафу, впервые видя его улыбку, которую никак не мог себе объяснить.

— А где лекарь? — спросила Ли Мин, отойдя к очагу, чтобы подогреть настоящий за ночь отвар.

— Ушел в деревню, что-то приключилось с охотником Юй. Его сорванцы, прибежавшие к нам, ничего толком не могли объяснить, лишь голосили так, что мы с лекарем чуть не оглохли. Ли Мин, тебе бы появиться в Поместье, чтобы не давать никому повода задавать о тебе ненужных вопросов.

— Я схожу.

— Ли Мин иногда не показывалась в Поместье неделями, и никто не задавал вопросов, — ровно заметил Глава.

— Да, но сейчас нужно быть особо осторожными.

— Возвращайся побыстрее, — шепотом попросил Глава, когда Ли Мин, отставила отвар, указав на него Фэй Я.

— Не волнуйтесь, господин, я останусь с вами, пока не вернется лекарь или Ли Мин, — заверил Главу заботливый Фэй Я.

Когда она вышла из пещеры, за ней увязался и маг. Растерянно оглядываясь на Главу смотревшего им вслед тоскующим взором, встревожено проговорил:

— Странно, отчего-то все мои запирающие печати сняты. Ночью у пещеры все было спокойно?

— Приходил Горный дух, чуть не ввалился в пещеру, — пожаловалась Ли Мин.

— Вошел?! — перепугался не на шутку маг.

— Нет.

— Еще страннее, — озадачился старик. — Печати сняты, а он не вошел? Такое могло случиться, если бы ему противостоял маг. Бедная девочка, ты сильно испугалась? — и сердобольный маг сунул в руку Ли Мин печенье из лотоса.

Поблагодарив его, девушка быстрым шагом ушла по тропинке вниз.

— Поторопись, ты мне нужна в деревне, — встретил у ворот уже высматривавший ее лекарь Бин.

По дороге он объяснил, что охотник Юй угодил в тигриный капкан. Нога сломана в нескольких местах, случай тяжелый, судя по бессвязным словам перепуганных мальчишек. Вернулись к дому лекаря под вечер усталые. Ногу охотнику они спасли, но охотник Юй обречен хромать всю жизнь. Маг ждал на веранде и, увидев их, принялся хлопотать вокруг вернувшихся.

— Почему ты не в пещере? — встревожился лекарь, принимая от Фэй Я миску с тушеными овощами и твердой лапшой.

— Глава... — начал было маг, но лекарь и Ли Мин зашипели на него.

Пока дафу скрывался в пещере, запрещено было упоминать его имя даже среди своих.

— В общем, — мигом поправился маг. — Он сказал, что прислуживать ему нет нужды, он сам со всем управится. Выгнал меня, чтобы не мешал ему спать.

Ли Мин ела молча, слушать о Главе было отрадно. Вопреки всему он не выходил у нее из головы целый день, ни на мгновение не покидая ее мыслей. А сейчас слушая мага, поняла, что истосковалась и снова хочет к нему в рабство. Это было ужасно.

— Оставайся у нас столько сколько захочешь. Я же пойду присмотреть за господином вместо тебя, — предложил вдруг лекарь. — Ты немного рассеянна, думаю, что уход за... кх-м... за столь требовательным пациентом, измотал тебя. Выспись как следует, а завтра утром сменишь меня.

Ли Мин кивнула. Предложение учителя было кстати, она должна хоть немного побыть без Главы, чтобы ее чувства улеглись и она смогла подумать обо все этом в одиночестве и тишине.

— Замечательно! — оживился маг. — Пока ты не отправилась спать, сыграем с тобой незабываемую партию в го. О, мы превосходно проведем этот вечер, — потер в предвкушении ладони довольный маг.

— Но я не умею...

— Отстань от девочки. Я для чего ее оставляю, чтобы она выспалась, а не развлекала тебя игрой в го, старый ты дуралей!

— А ничего, немного потренируемся перед сном, — подступил к Ли Мин маг со своей доской го и бочонками с черными и белыми камнями. — Иди, иди сюда, должна же быть от тебя какая-то польза, демон.

Пришлось Ли Мин покориться, хотя очень хотелось спать, но обидеть милого суетливого Фэй Я просто не хватало духа. Магу хватило терпения лишь на полчаса, чтобы разъяснить Ли Мин правила и ходы игры го, а та, по-прежнему, ничего не понимала, кляня носом над игровой доской.

— Почему это ты так ходишь? — выходил из себя маг, пока она непонимающе разглядывала доску. — Разве я тебе о таком говорил? Я же тебе только что все растолковал.

Ли Мин потеряно посмотрела на одну сторону доски, потом на другую и неуверенно подвинула свой камень, она ходила белыми.

— Вот, что ты сейчас делаешь, бестолочь? — потерял терпение маг.

— Не ругайся на нее, — строго одернул разошедшегося друга лекарь, собирая в деревянный медицинский ящик нужные лекарства и травы для Главы. — Наберись терпения и дай ей, как следует подумать. А лучше пусть идет спать.

— Она же безнадежна! — в отчаянии воскликнул маг, разгневанно указывая на готовую расплакаться Ли Мин.

— Она не безнадежна, — возразили рядом.

— А я в этом уверен! — припечатал Фэй Я, хлопнув ладонью по доске так, что подпрыгнули камешки, смешав всю партию. — Все иди, иди... — махнул он хлюпавшей носом Ли Мин, — все равно от тебя никакого проку. Завтра утром, попробуешь расставить камни, как я тебя учил.

— Я сам буду учить ее игре в го, — опять проговорили рядом.

— Что вы здесь делаете? — удивленно воскликнул Фэй Я, обращаясь к кому-то за спиной Ли Мин. — Вам ни в коем случае нельзя здесь появляться.

Обернувшись, Ли Мин с Лю Бином разом подскочили на месте. У лекаря с грохотом свалился его ящик, вывалив все содержимое на пол, рассыпав порошки и перемешав измельченные травы. Возле галереи, где они сидели, позади них стоял Глава.

— Уходите, уходите же, — подхватившись с места и, схватив за руку, тянул его со двора страшно перепуганный маг. — Вам здесь нельзя...

— Я пришел за Ли Мин, — сказал Глава, не реагируя на попытки Фэй Я выставить его за ворота.

— Она остается здесь. Сегодня ночью за вами присмотрю я, пусть Ли Мин отдыхает, — нервно заявил лекарь, собирая с пола травы.

А маг только взмахивал рукавами, охал да ахал, решительно выпихивая Главу со двора. Глава украдкой взглянул на нее поверх голов страшно встревоженных стариков. И она прекрасно поняла его зовущий взгляд, потому что тоже ужасно соскучилась, чувствуя, что если не коснется его, то умрет.

Ли Мин встала, послушно подошла к Главе и, взяв его за руку, повела за ворота.

— погоди! Ты-то куда уходишь? — кинулся за ними лекарь. — Ли Мин, вернись сейчас же!

Едва отойдя от усадьбы мага и лекаря, они, молча кинувшись друг к другу, начали жутко целоваться, чуть ли не пожирая друг друга поцелуями.

— Я как будто восполняю сам себя, целуя тебя, — прошептал дафу, стискивая ее и тяжело переводя дух, с трудом заставляя себя чуть отстраниться.

В этот раз она проснулась от того, что была в постели одна, что было пугающе непривычно и окончательно прогнало сон.

Глава сидел за столиком, в своих безупречно белых одеждах с гладко расчесанными волосами, повязанными белой лентой и, с невозмутимым сосредоточенным лицом, плавно выводил кисточкой иероглифы по бамбуковым дощечкам. «Человек столь строгий и серьезный не мог вытворять ночью такое, — подумалось ей. — Надо же присниться подобному». Неожиданно улыбнувшись, Глава тихо произнес, не поднимая глаз от своего письма.

— Ты же знаешь, я полностью к твоим услугам и готов тотчас вернуться к тебе в постель. Приходил почтенный Фэй Я, ты спала, и я велел не будить тебя, сказав, что ты всю ночь сидела подле меня. Но... — поднял он на нее многозначительный взгляд, — ведь так оно и было, и я не погрешил против правды. Маг принес утренний рис, а заодно хотел поведать и меня. Не вставай с постели, я хочу тебя покормить.

— Ешь хорошенько, — говорил он, уже сидя на кане рядом с Ли Мин, поднося к ее губам палочки с рисом. — Тебе понадобится много сил и этой ночью тоже. Хотя... — пробормотал он, — может даже и сейчас... — и наклонившись к ней поцеловал глубоким, долгим поцелуем. Палочки выпали из его рук...

Когда к обеду явился лекарь Бин, спал уже Глава, а Ли Мин бодрствовала, сказав, что дафу еще слаб, но состояние его стабильное и ему просто нужно набраться сил. Лекарь озадачено смотрел на спящего Главу. Хоть молодой господин и был укрыт стараниями Ли Мин чуть ли не до макушки, чтобы его нагота даже не угадывалась под полостью. Только слишком заметно было, что спящий на животе с разметавшимися длинными волосами, уткнувшийся в валик подушки «больной», сладко сопел. И что-то не похоже на прерывистый чуткий сон страдающего немощью, скорее на отдыхающего от трудов праведных измотанного мужчину.

— Я изучил жемчужину, — тихо сказал лекарь Бин своей ученице, косясь на безмятежно сопящего Главу, — разложил ее на части и распознал состав. Пилюля эта призвана подавлять все чувства и желания человека, помимо того, что делает его слабым и вялым физически, так что человек принявший ее, теряет желание жить и всякое решение дается ему с трудом. Просто удивительно, что Глава смог как-то сопротивляться ее воздействию.

«Что Ли Мин тут с ним делала? Камни заставляла таскать? Или выводила в лес на долгую прогулку? С нее станется, с ее-то варварскими методами лечения?» — одновременно с этим гадал про себя лекарь.

— Чего это ты такая притихшая? — мазнул он свою ученицу подозрительным взглядом. — От твоей шумливости обычно деться некуда, а тут примолкла.

И перепугавшаяся вдруг Ли Мин, что ее с Главой вот-вот раскроют вмиг оживилась.

— А что вы от меня хотите? — тихо, чтобы не разбудить спящего возмутилась она. — Он же капризный и разбалованный спасу нет. Все ему не так: то еда холодная, то несвежая. То одежда грязная и все из-за одного пятнышка! То я шумлю и должна сидеть тихо, то развлекай разговорами его. Опять ему холодно, беги за хворостом, то жарко, беги за водой, что бы затушить жаровню и очаг. То я ему, видите ли, мешаю, то непременно должна растереть тушь и заваривать чай, каждый раз новый, — вдохновенно врала, валя все на

беззащитного Главу, обеспокоенная подозрительностью лекаря, девушка. — И вот после все этой беготни, когда уже клонит в сон, я, видите ли, непременно вместе с ним должна любоваться луной.

Глава вдруг всхлипнул во сне, тут же всхрапнув. Ли Мин понизив голос, умоляюще произнесла:

— Освободите меня от этой мороки хотя бы на день, — сложила она ладони в мольбе. — У меня уже все тело ломит...

Глава шумно перевернулся под тяжелым меховым пологом на другой бок.

— Не-не-не... — замахал руками испуганный беспокойным и придирчивым пациентом лекарь, которого на него хотели взвалить, и принялся отнекиваться: — Я не могу... у меня и так ногу сводит, да и маг мучается поясницей. Не забывай, что я не могу даже на полдня бросить своих пациентов в деревне. И, вообще... мне уже пора... Справляйся здесь сама, и помни — все мы слуги дафу. Так что будь послушной, предупредительной и услужливой, — и, развернувшись, поспешил прочь.

— Но... — кинулась за ним Ли Мин, только ее удержали, схватив за руку.

— Куда побежала? — дернул ее к себе Глава, севший в постели и подхватывая, завалившуюся на него Ли Мин.

— Я не собиралась... — начала она, но договорить ей не дали.

— Сейчас я рассчитаюсь с тобой за якобы несвежее белье и луну.

После они действительно любовались ночным светилом, когда утомленные любовью, вышли из пещеры в прохладную ночь. Они сидели на камне, точнее на камне устроился дафу, усадив Ли Мин себе на колени и заключив ее в объятия, читал ей стихи о луне.

Разрыв и примирение

На разрыв она решалась три дня, сделать это было необходимо и чем раньше, тем лучше. Но как начать разговор и причинить ему боль? Тем более сейчас, когда он шел на поправку и наслаждался жизнью, любя безоглядно.

— Ли Мин, что с тобой? — позвал ее Глава через некоторое время, после того, как они разошлись по разным углам пещеры: она к очагу, он к доске го с расставленными по ней игровыми камнями. А она-то пребывала в полной уверенности, что он погружен в изыски игры.

Ли Мин вышла из пещеры, сделав вид, что не услышала его, потому что еще была не готова к предстоящему разговору. Не сейчас.

Только он, оставив игру, пошел за ней. Она сидела на камне с которого вечерами наблюдала за освещенной пагодой и любовалась луной с дафу.

— Что случилось? — спросил он, встав перед нею.

Она молчала, стараясь не смотреть на него, собираясь с духом.

— Я же вижу, что с тобой что-то происходит и виновник твоих беспокойств — я. Ты чуждаешься от меня все больше. Выскажи свои мысли, что бы я мог поспорить с ними. Ты устала от моей ненасытности? Тогда я освобожу тебя, но только на время.

— Хорошо, — сказала она, взглянув на него. Лучше бы ей этого не делать. Ни он, ни она не выдержат последствия правды, но есть ли у нее выбор? И выдохнув, словно перед прыжком в ледяную воду, выпалила:

— Нам необходимо расстаться и не на время, а навсегда... вот!

— Что? — пошатнувшись, на шаг отступил он. — Но почему?

Это был именно тот вопрос, на который она не могла ответить правдиво.

— Я тебя не люблю, — замирая от ужаса и собственной жестокости, отчеканила она.

Он засмеялся.

— Ты не умеешь лгать. Зачем ты это сказала?

— Уходи. Ты мне надоел и больше не нужен.

Над ними, неотвратимым роком, повисло молчание, грозное, тяжелое, не обещающее ничего хорошего, будто занесенная для удара рука. Глава, взяв девушку за подбородок, испытующе взгляделся в ее лицо. Это было самое трудное — смотреть на него сухими глазами, отстраненно и равнодушно.

Тогда, не сказав ни слова, Глава повернувшись, ушел по тропе вниз, даже не зайдя в пещеру. Его молчаливый уход и был тем беспощадным, оглушающим ударом, что довершил их объяснение. Так плохо Ли Мин еще никогда не было. Как она вообще пережила последующие за разрывом дни? Не помогали ни слезы, ни крики в равнодушную ночь, а мысль, что она поступила правильно, как должна была поступить, ни сколько не помогала.

Однажды она обнаружила, что бродит в ночном лесу. Убивать любовь, которая не хотела умирать, было невыносимо, и выжить после этого самой, можно лишь на пределе сил, потому что любовь была сильнее и невероятно живуча. Пришлось как-то смириться с ее существованием, потому что это она скорее погубит Ли Мин, чем Ли Мин победит ее. Слишком неравными были силы, что значит слабая девушка, против вечной любви.

После ухода Главы в пещере сразу стало тихо, пусто и просторно. Она вновь

принадлежала Ли Мин, что лежала на кане в полном одиночестве, слушая шум леса, а вечером выходила посмотреть на освещенную фонарями пагоду. Но так было лишь первые три дня, когда Ли Мин пребывала в твердой уверенности, что справилась со своими чувствами. А вот после... словно могильным камнем ее придавила тоска. Уже ни минуты не могла Ли Мин находиться в пещере, где все напоминало о дафу. А круг пентаграммы казался не спасительным выходом в ее мир, а корявым бессмысленным рисунком.

С этого дня Ли Мин перебралась в деревню к вдове Е, быть в пещере стало невозможно там господствовали воспоминания о Главе в каждом предмете в каждом шаге по ней. Там еще витали отголоски его голоса, а ложе упрямо хранило запах его тела. У старичков жить как прежде она тоже не могла, просто не хватит сил выдерживать упорные расспросы лекаря Бина и сочувственные взгляды добродушного Фэй Я.

А в деревне к ней стали приходиться лечиться из Поместья: мечники после потасовок, просто слуги и другие его обитатели, прослышав, что она свободно принимает в Снежных Листопадах. Вообще, после эпидемии ее репутация и доверие к ней как к лекарю возросло неимоверно. К тому же для девушек-прислужниц она наловчилась изготавливать крема и ароматную воду красоты, настоящую на лепестках луговых цветов, а главное отвары для облегчения месячных болей.

Само собой, что от них она во всех подробностях узнавала о том, что происходило в Поместье: об отношениях и разборках среди адептов клана, об очередных закидонах надменной Ся Гэ, о новых указах Хранителей, о нарядах печальной красавицы Ли Ло и о Главе, который после «возвращения» из буддистского монастыря показывался еще реже, точнее не показывался вообще. Подозревали, что болезнь все же одолела его и ему осталось недолго.

В тот вечер она навестила своих старичков и, уступая их уговорам, решила остаться у них заночевать. Готовя ужин, она невольно слушала их беседу над доской го. Этот неторопливый разговор начался с глобальных проблем всего Среднего Китая и незаметно перешел к смакованию свежей местной сплетни. Ну, точно деревенские кумушки у колодца.

— Благородная невеста Главы прибудет дня через три, а господин все никак не оправится. Его болезненное состояние держится вот уже полмесяца, — сокрушался лекарь, к досаде Фэй Я, забыв об игре, — и я не понимаю в чем тут дело. Ведь чувствовал он после курса, назначенного Ли Мин, прекрасно и выглядел довольно бодро. А тут как в воду опущенный, все забывает, смотрит воспаленными глазами и ничего не видит.

Маг с беспокойством взглянул на свою девочку. Она задумчиво смотрела в отодвинутую дверь на начавшийся снаружи дождь, что зашуршал по крыше. Маг перевел взгляд на лекаря, встретив ответный полный тревоги взгляд. В последнее время с их подопечной тоже творилось что-то неладное. Она словно погасла, ребячество и задор покинули ее, она повзрослела как-то вдруг, словно что-то надломило ее, но упорно отмалчивалась на их беспокойные расспросы. Дождь прошел, вымыв доски галереи внутреннего дворика. Не громко позвякивали на ветру медные колокольчики, свисавшие с края крыши, да мерно стучали бамбуковые трубки. С черепицы мерно падали дождевые капли. Воздух, лес и трава омылись летним дождем.

— Ты не на то смотришь, друг мой, — продолжил неторопливый разговор маг, беря игровой камень и кладя на поле доски.

Сегодня он играл белыми. Лекарь, потирая подбородок, хмурился то ли над своим предстоящим ходом, то ли над замечанием друга.

— Может быть и так... — пробормотал он рассеянно.

Дни еще хранили летнюю жару, но ночи уже приносили осенний холод. Переночевав у старичков, Ли Мин утром вернулась к пещере застав возле нее слугу Главы Хоу и двух уже знакомых мужичков — плотников, что однажды обустроивали ее пещеру. На этот раз они от души ругались, браня друг дружку, вставляя в неровный проем хода дверь из толстых обструганных досок.

Хоу, присматривающий за их работой, при виде Ли Мин, поднялся с ее излюбленного камня на котором сидел.

— Что это такое? — неприятно удивилась Ли Мин, оглядывая мусорный бардак на утоптанном пяточке возле пещеры.

— Пришли осенние дожди и вам нужна дверь, коли вы решили остаться жить здесь, — объяснил Хоу.

— Но я не просила ни о какой двери. Мне она не нужна, да и заплатить вам нечем.

На что Хоу лишь покачал головой, разочарованный ее бестолковостью.

— То приказ Главы и вам лучше переждать эти два часа, пока мастера будут работать, в доме почтенных мага или лекаря, — посоветовал он. — А еще лучше в Поместье. Сегодня все ожидают приезда невесты Главы. Вам не интересно?

Ли Мин недобро взглянула на него. Похоже, он все знает о ней и дафу и ей вовсе не интересно. Но потоптавшись немного возле порога своей пещеры, она с независимым видом, ушла по тропинке вниз к старичкам.

Те были взволнованы.

— Глава призывает нас, — важно ответил одетый в парадное ханьфу, тщательно причесанный маг. Культяпку его седых волос, собранная на макушке, держало широкое серебряное кольцо с небольшим нефритом посередине.

Лекарь же облаченный в официальные одежды выглядел не менее торжественно, но более сдержанным.

— Глава принимает в Поместье свою невесту. Мы будем в свите встречающих эту особу.

— Нынешнее долгожданное событие станет незабываемым, — волнуясь прошептал, подавшийся к ней маг, возбужденно блестя глазами. — Ты же пойдешь полюбоваться на это действо? О Небо, хоть бы на этот раз все сложилось и их брак, наконец, свершился!

Ли Мин вздрогнула — маг саданул в ее открытую рану. Но ни в коем случае она не посчитала это предательством. Ее старики, благодаря Небу и судьбе, ничего не знали о ней и Главе и дальше пусть остаются в неведение.

Как бы плохо ей не было, она, затесавшись в толпе зевак, смотрела, как ее старички степенно раскланиваются с каждым из свиты Главы. Вскоре появился сам дафу в светлых одеждах и в своем неизменном, подбитым мехом белой лисицы, жемчужно-сером плаще. Выглядел он как всегда — невозмутимым, отрешенным и болезненным, с темными кругами под запавшими глазами, будто не спал три ночь подряд. Стража на воротах зычно оповестила о приближении эскорта гостей. Свита выстроилась по чинам: впереди Хранители, за ними мастера трех отрядов, дальше остальные, значительные и уважаемые люди клана. Все приняли чинный вид и слаженно поклонились богатому возку в окружении сопровождавшего его отряда стражников и слуг. Парчовые занавески, опущенные на оконце возка, чуть дрогнули. Ли Мин старалась как все стоящие рядом с ней, разглядеть невесту Главы, остро завидуя свите, что была ближе всех к прибывшим.

Глава подошел к трехступенчатой приступке, которые слуги поторопились приставить к

возку, и протянул руку, чтобы поддержать выбравшуюся из экипажа молодую барышню. После учтиво поклонился выбравшейся вслед за ней пожилой особе и пригласил обеих пройти в павильон Торжеств. Разглядев девушку, у Ли Мин упало сердце — невеста Главы оказалась изыскана и хороша собой. Она грациозно поприветствовала Главу, и тот поклонился в ответ. Девушка вся светилась, смотря на болезненно утомленного жениха. Процессия, растянувшись, медленно втянулась в павильон Торжеств. Стоявшие вокруг Ли Мин, зашептались, обмениваясь впечатлениями. В общем-то, никто не удивлялся равнодушию жениха, зная, что Глава всех держит на расстоянии, но мог бы теплее приветить свою невесту и выказать чуточку вежливой заинтересованности к ней. Зеваки стали расходиться и Ли Мин посмотрев вслед своим старичкам, что важно вышагивали в длинной процессии позади Хранителей, двинулась к воротам, когда ее окликнули.

— Эй, ученица лекаря!

Ну а теперь-то что? Остановившись, Ли Мин обернулась. К ней быстрым шагом шла Третий мастер, она же первая красавица клана.

— Да, Третий мастер? — спросила ее Ли Мин.

— Ты, так и не научилась манерам, — пренебрежительно заметила «первая красавица» Северного Ветра.

Ну, понятно. Ся Гэ просто необходимо выместить на ком-нибудь свою ревность и досаду.

— Вы очень проникательны, Третий мастер, — иронично ответила Ли Мин.

— Как давно ты осматривала Главу? Каково его состояние на сегодня?

— Сами видите, такое же как всегда.

— Небо! До чего же ты тупа! Я спрашиваю тебя не о том, что видят все, а о том, что видишь только ты. Иначе не обратилась бы к такой низшей как ты.

— Прошу прощения, но я не вправе разглашать сведения о состоянии здоровья моего пациента без его на то соизволения.

— Что?! Да как ты смеешь?! — задохнулась от возмущения Третий мастер и кожа ее залоснилась жирным блеском. — Немедленно отвечай!

— Сожалею, — начала Ли Мин, но ей была тут же отвешена пощечина.

— Что здесь происходит?! — раздался позади них грозный окрик и девушки обернулись на стоящего на ступенях крыльца Хранителя — самого вредного и ядовитого из них. Обе девушки поклонились ему. — Почему устраиваете скандал в такой день? В Казематное ущелье захотелось?

— Достопочтенный господин, — тут же начала ябедничать Ся Гэ. — Я только спросила ученицу лекаря о здоровье Главы, но наткнулась на недопустимую дерзость и грубость.

— И что же она сказала тебе? — с любопытством поинтересовался Хранитель, кинув на Ли Мин недобрый взгляд.

— Она посмела заявить, что это не мое дело, — буркнула Ся Гэ.

— Но это действительно не твое дело, — едко заметил старик.

— Но я его ученица, — гордо выпрямилась Третий мастер.

— Да, но не жена Главы, не сестра, даже не наложница, — пренебрежительно хмыкнул Хранитель.

Резко развернувшись Третий мастер пошла прочь от павильона Торжеств, Ли Мин и Хранитель смотрели ей вслед.

Ли Мин прекрасно понимала, почему она не вернулась в павильон Торжеств, где все

чувствовали невесту Главы. Ей невыносимо находиться там и видеть Главу рядом с другой и она попросту отыгралась на ученице лекаря, сорвав свое дурное настроение. Если бы не этот, Ли Мин бы посочувствовала ей, потому что терзалась той же болью, что и Ся Гэ. Вот странно, от ее пощечины Ли Мин стало как будто полегче.

— Подойди, — позвал ее Хранитель слабым голосом.

— Вам не хорошо? — с беспокойством подалась к нему Ли Мин взглядываясь в старика и поддерживая под дрожащую руку, которую он ей протянул, видя как его морщинистое лицо залила восковая бледность.

Хриплое дыхание Хранителя участилось.

— Да... что-то... — начал он оседать на ступени крыльца.

У Ли Мин на поясе всегда висел при себе мешочек с пилюлями на случай, если с ее старичками случится нечто подобное.

Вложив в рот Хранителя пилюлю, заставила проглотить ее, сбегала к ближайшему колодцу и принесла в бамбуковом ковшике воды. Она сидела с Хранителем на ступенях до тех пор, пока старику не полегчало и к нему не вернулся нормальный цвет лица, а синюшность спала с его сухих губ.

— Пойду я, — произнес он хриплым голосом и, опираясь на ее плечо, поднялся.

Когда Ли Мин довела Хранителя вверх по лестнице до трехстворчатых дверей, откуда доносились звуки циня, говор и смех пирующих, Хранитель спросил:

— Не желаешь зайти со мной, ученица лекаря?

— Благодарю, но у меня много дел, — отказалась она, подзывая слугу и передавая Хранителя на его попечение.

Ли Мин брела к пещере едва передвигая ноги. Тот путь, на который раньше уходило самое большее четверть часа, теперь растянулся едва ли не на час с лишним.

Как же она ненавидела себя за то, что оказалась банальной брошенкой. А ведь раньше, смотря все эти дурацкие драмы с таким вот сюжетом, она твердо была уверена, что уж с ней-то ничего подобного не произойдет. И вот тебе здрасте! Она словно героиня такой вот драмы, по собственной глупости, оказалась в столь нелепой ситуации. Как будто не она прогнала Главу, а ею попользовались и бросили за ненадобностью. Ли Мин села на корточки и заревела. Больно ведь и обидно! И некого винить, кроме самой себя! Перед глазами проходил каждый миг проведенный с Главой.

Проревевшись, поднялась и тупо пошла вперед. Какнибудь переживет, а что делать? Надо же продержаться этот год. В своем мире она позабудет, какой дурой была, горький опыт пойдет ей впрок.

Подступали сумерки. Мастерские Хао должно быть поставили дверь в ее пещере и она сможет побыть одна и вдоволь погоревать и наплакаться над своей несчастной судьбой и над тем что уродилась идиоткой. И с Главой нельзя быть и без него хоть ложись и помирай.

Показался вход в ее пещеру, в которую теперь, даже ее старички, любившие появляться у нее неожиданно, уже не смогут зайти когда заблагорассудится.

Когда она подошла ближе, стоящий у новых дверей пещеры, обернулся к ней. Ли Мин было больно видеть этого человека, больно смотреть на него, она не хотела слышать того, что он ей сейчас скажет. Лучше бы не приходил, она и так с ним сегодня попрощалась.

Он осунулся и действительно выглядел болезненным, но держался с прежним достоинством. Глаза покраснели, словно от не пролитых слез, под ними залегли темные круги. Первое, что он сказал, когда она остановилась, непонимающе и настороженно глядя

на него:

— Как ты?

— Плохо... — призналась она, сразу оказавшись в его объятиях. Говорить оба уже не могли, да и незачем. Важное было сказано.

Новая дверь немного заедала, но они не обратили на это внимание, чуть не снеся ее, когда, не прерывая сумасшедших поцелуев, ввалились в пещеру. Частично сорванная одежда, едва утоленный голод, когда они так и не добрались до кана, набросившись друг на друга, так и не закрыв перекошенную дверь.

— Тебе же жестко и больно... на камнях... — шептал, задыхаясь от переполнявших его чувств и страсти Глава, пытаясь перетянуть ее, прильнувшую к нему, на себя.

— Забудь... оставь... не думай о пустом... — стонала она под ним, не отпуская.

Жадно припав к ее губам, он вошел в нее и если он кончил бурно и мощно, то она никак не могла успокоиться, ее разрядка была изматывающее долгой. Наконец она откинулась, в бессилии раскинув руки. Он приподнялся, ложась на камни рядом с ней.

— Пол холодный. Тебе нельзя... — успела пробормотать она, прежде чем отключиться.

Он поднялся, встав перед ней на колени. Ли Мин была почти без сознания. Натянув штаны, он снял с себя нижнюю короткую кофту и скомкав, прижал меж ее бедер. После, подхватив на руки, перенес на кан и, устроившись рядом, накрыл их меховой полостью. Все, то время, что она спала, он смотрел на нее, время от времени касаясь губами ее губ и лба. Он так истосковался. Проверив, что его кофта все еще меж ее бедер и как следует прижав ее, он взглянул на нее, встретившись с ее сонным взглядом.

Нужно было поговорить, но ему захотелось снова коснуться губами ее губ мягким и податливым. И снова под медвежьей полостью бешено задвигались их тела. Шкура была сброшена, когда он наседа на нее сзади, а она едва удерживалась, упираясь локтями в скомканные простыни, сдерживая мужской таран. Но она не сдалась, когда он надел на нее глухо вскрикнув сквозь стиснутые зубы. Неуправляемые судорожные толчки повалили ее распластав на ложе. Она застонала и вдруг, поднявшись на руках, выгнулась. Не желая освободиться от нее, мужчина охватил ее, стиснув груди, прижимаясь животом и пахом к ее спине и ягодицам, сдерживая ее конвульсии. Оба рухнули на развороченное ложе. У Главы еще хватило сил на то, чтобы укрыть на их влажные тела. Оба сразу провалились в сон.

На этот раз, когда проснулся он, то встретился с ее взглядом. Оба заулыбались.

— Почему ты здесь, а не с гостями и невестой? — хриловатым со сна голосом спросила она, положив ладонь под щеку.

— Сил больше не было, так хотелось к тебе, — Глава лег на бок так, чтобы его глаза были вровень с ее глазами. — Как только Первый Хранитель упомянул о тебе, я не выдержал... Зная, что ты рядом, что ты пришла... Я все время думаю над нашим последним разговором, когда ты сказала, что мы не можем продолжать наши отношения... ты имела в виду мою болезненность?

— Нет, конечно — покачала она головой. — Я говорила о себе. Принесу попить, — поднялась она, выскользнув из-под меховой полости.

Он смотрел на нее обнаженную, взял, поданную деревянную чашу с водой, напился. После, она прохладной рыбкой скользнула к его разгоряченному телу. Согревая ее и возясь под полостью, пытаясь, как следует укрыть ее, дафу спросил:

— Что значат твои слова? — шаря у нее в ногах и вокруг ее тела.

— Что ты ищешь? — смеясь, спросила она.

— Мою нижнюю кофту.

— Ты уже уходишь? — испугалась она.

— Нет, но хочу, что бы мое семя подольше оставалось в тебе.

— Зачем это? — насторожилась Ли Мин.

— Затем, — сел он перед нею, — чтобы ты зачала.

— Но я не могу, — сглотнув, прошептала девушка, понимая, что вновь все разрушает.

— Не можешь или не хочешь? — остро взглянул он на нее.

— Не могу...

— Если так и дело не в тебе, мы справимся.

— Но я... не имею права.

— Могу я узнать, почему? — нахмурился Глава.

— Для тебя будет лучше этого не знать, — выдавила она, придавленная его взглядом. —

Не могу сказать тебе этого.

— Ты... не вольна в том, уйти тебе или остаться? — подумав, спросил он.

Ли Мин кивнула.

— Значит, ты пыталась разорвать наши отношения из-за... этого? Потому что можешь исчезнуть из моей жизни?

Ли Мин виновато потупилась.

— И когда это случится? — сухо спросил он.

— Следующим летом, — тихо призналась она.

— Значит меньше года... — пробормотал он, что-то прикидывая.

— О чем ты?

— О том, что у меня не получится жить без тебя. Я просто не знаю, не понимаю как это сделать... не смогу, но если появиться ребенок, это многое изменит. Но захочешь ли ты подарить его мне? Захочешь ли оставить со мной? А может, захочешь остаться с нами?

— Ты спятил? Подожди... ты рассчитываешь связать меня им? — подскочила на ложе Ли Мин.

— И это тоже. Я изыскиваю все способы, чтобы удержать тебя подле себя, — как ни в чем ни бывало признался он.

— Слушай, а тебе не нужно возвращаться? — рассердившись, напомнила она, склонившись с кана и шаря по полу в поисках своей одежды. Такого она не ожидала. Ребенок? Ли Мин похолодела.

— Я останусь у тебя на всю ночь, — заявил он.

— И как ты, интересно, объяснишь это покинутым гостям и невесте?

— Уже объяснил. Сказал, что нехорошо себя чувствую, извинился и ушел. И вообще, я перебираюсь к тебе.

Когда ночью, закашлявшись, он выбрался из-под одеяла и вышел из пещеры, чтобы не разбудить Ли Мин, она, у которой сна не было ни в одном глазу, раздумывала как им теперь быть. Хоть мягко подходила тёплая, дождливая осень, Главе нельзя было находиться в пещере с его-то слабым здоровьем.

А утром проснулась одна. Приведя себя в порядок, спустилась к дому лекаря, где приготовила завтрак и обед, прибралась в обоих домах, выслушала их похвальбы и восхищения невестой и пиром. Восхищался больше маг, лекарь, по своей привычке, отмалчивался.

— Жалко, что Главе нездоровилось и он ушел с половины пиршества, — сокрушался маг. — Говорят, все сидел у себя в покоях. Как он сейчас себя чувствует?

— Утомлен, — буркнул лекарь недовольно и Ли Мин поспешила уйти, чтобы ненароком не выдать себя.

Плохо без мобилы, так могла бы, хоть голос его услышать. Вот где он сейчас? Она пошла в Помесье, где неприкаянно бродила, надеясь увидеть дафу хоть одним глазком, хоть издали. С сочувствием посмотрела на Третьего мастера, что маялась на ступенях павильона Торжеств, словно часовой, бдительно оглядываясь вокруг. Ли Мин пошла обратно, остро сочувствуя ей. Трудно, наверное, быть каждый день любезной со своей удачливой соперницей. Ли Мин бы так не смогла, не выдержала. Все же лучше будет, чтобы Глава оставался в Помесье. Конечно, лучше. Иначе, как она объяснит старичкам, что Глава живет в ее пещере, когда не было никакой необходимости, чтобы он там скрывался.

Нехотя брела она в свою пещеру. Настроение хуже некуда, видеть никого кроме Главы не хотелось.

«Нет, — остановилась она посреди тропы. — Надо было остаться и проследить за Третьим мастером, она-то уж Главу из-под земли отыщет. Но толку-то, если сейчас вернуться, придется тогда искать еще и Третьего мастера».

Войдя в открытую дверь пещеры, она остановилась. За столиком сидел Глава и читал какую-то бумагу, ее стол был просто погребен под свитками. Подняв голову, он отложил документ, встал и, подойдя к ней, обнял.

— Вот где ты ходишь? Где была? — прошептал он ей в волосы. — Куда пропала? Я места себе не находил, так хотелось к тебе?

— Я тебя искала, — улыбнулась она, обняв его в ответ.

— Ты хоть поспала немного или сразу кинулась искать меня?

Она покачала головой, уютно устроившись в его объятьях. Было так хорошо!

— Тогда может, ляжем сегодня пораньше? — понизив голос, очень интимно спросил он.

Она кивнула.

— Тогда не бросай свою работу? Не буду тебе мешать, — отстранилась было, Ли Мин от него.

Но дафу снова, притянул ее к себе.

— Ты моя главная работа и мешаешь не ты, а твое отсутствие, когда я не представляю, где ты бродишь.

— Я твоя работа? И значит я основная твоя проблема?

— Разумеется.

— Это почему?

— Потому что ты многое таишь от меня, а я желаю, чтобы вся твоя жизнь принадлежала мне. Твое детство, юность, твои воспоминания, твои мечты.

Они подошли к столику, сев на циновках друг против друга.

— Так тыпустишь меня к себе жить? Пустишь? — ну вот снова «опять». Как будто он уже не обосновался здесь.

— Для тебя здесь нездоровая обстановка, — рассеянно взяла она кисть, но Глава мягко отобрал ее.

— Для меня здорово там, где ты, — с улыбкой отнял он у нее и свиток, который она опять же бездумно взяла.

И вот уже три дня Глава уходил с утра в Поместье, возвращаясь глубоким вечером, а после сидел за документами допоздна, так что засыпая Ли Мин не знала, когда он вообще ложился.

Как-то сильно закашлявшись, он все же разбудил ее.

— Все! — села Ли Мин в постели, протирая глаза и кутаясь в меховое одеяло. — Завтра же перебирайся в Поместье.

— Переберусь, если уйдешь туда со мной.

— Не могу. Мне нужно дождаться Пэн Хэна. Я скажу ему о нас с тобой, хочу, чтобы узнал это от меня, а не от других. К тому же у тебя до сих пор гостит твоя невеста и ее родня. Пойдут сплетни, а чтобы их не было, не нужно, чтобы нас видели вместе.

— Ты хочешь... что бы я отказался видеть тебя до тех пор, пока не вернется Второй мастер? Нет. Об этом не может быть и речи. Перед Небом ты уже моя жена.

— Я ведь не сказала, что мы не будем встречаться. Только теперь я буду ночами пробираться к тебе. Если застукают, то у меня как ученицы лекаря всегда найдется повод, что бы объяснить это твоим самочувствием.

Он смотрел с подозрением.

— И как ты собираешься пробираться ко мне? Опять через ограду? Но меня может не оказаться вовремя, чтобы стать той мягкой соломкой, что смягчит твое падение.

— А у меня есть две пайцзы...

Но подозрение не отпускало его.

— Что-то мне подсказывает, что я не всегда смогу тебя дождаться.

— Нет... ну я же не обещаю приходить каждую ночь.

— Не каждую? Тогда оставь эту идею. Я сам по прежнему буду приходить сюда.

Они немного поспорили, пока он не сказал:

— Хорошо, скажу тебе одну вещь, но пообещай, что кроме тебя об этом не узнает больше никто.

— Это страшная тайна?

— Эта страшная тайна касается безопасности Поместья.

— Если так, я буду молчать. И даже старички ничего не узнают от меня. Но если можно обойтись без этого, лучше не рассказывай.

Какое-то мгновение Глава улыбаясь, смотрел на нее.

— Слушай... — и он рассказал о тайном ходе, что вел прямо из его покоев за пределы Поместья, которым он пользовался, сбегая к ней в пещеру Горного духа, пока верный Хао, дежуря у дверей его покоев, отваживал неожиданных гостей.

— Такой ход существует? — удивилась Ли Мин. — Так это же меняет дело!

— Я покажу его тебе. Собирайся, пока ночь мы его пройдем. И еще одно... Давай договоримся об условном знаке. Вдруг ты не появишься тогда, когда станешь мне очень нужна, но увидев этот знак, обязана будешь быть у меня.

Горький семицвет

С некоторых пор со стороны Поместья на вечерней заре, а то и за полночь, когда на небе уже мерцали звезды, раздавалась щемящая мелодия одинокой флейты.

Нежные звуки полные тоски и безнадежной грусти, переворачивали душу. Эта мелодия манила, звала, умоляла, обещала, нежно грустила, жестоко тосковала, нехотя отступала, что бы вновь подняться к пронзительной нежности, или упасть в глубины боли от неожиданного расставания.

Теперь это повторялось, чуть ли не каждый вечер, и где бы Ли Мин ни была, она срывалась к Поместью, не оставаясь даже у старичков, ничего им не объясняя. Наигрыш флейты мог прозвучать позднее обычного часа, когда крыши пагоды уже освещались в темноте фонарями. Мелодия волнами наплывала к пещере Горного духа, окутывала, ворожила над нею, а потом отдалялась, маня за собой.

— Казематный ветер, благодарю, — шептала в ночь Ли Мин, подставляя лицо его прохладной ласке.

Как-то из Поместья вернулся расстроенный лекарь. Ли Мин как раз обедала у Фэй Я вяло ковыряясь в листьях салата с покрошенной в него редькой.

— Это никуда не годиться! — возмутился он, потрясая вздетыми к небу кулаками.

— Да, что случилось, братец? — встревожился маг.

Выпив ковшик, предупредительно поданной магом воды, лекарь сев на циновку и сердито сверкая глазами, рассказал последнюю сплетню, сводящейся к тому, что Третий мастер начала всех уверять, что мелодия ночной флейты молчаливое признание именно ей.

От кого исходит столь проникновенное признание от полноты любовных чувств, Третий мастер не признавалась, лишь загадочно молчала. И вот теперь лекарь Бин с возмущением выказывал свою обиду в кругу близких ему людей:

— И ведь, похоже, это правда. Поверить не могу, чтобы так наплевательски можно относиться к своему здоровью. Ведь каких усилий нам стоило излечить дафу! С того света его вытащили, — потряс он вздетыми к небу руками: — И что же? Снова вознамерился угробить себя?

У Ли Мин упало сердце.

— Ну, пришла охота позабавиться игрой на флейте, играй себе, но лезть на крышу пагоды, зачем?! Да еще без плаща! Да если бы барышня Ли Ло не пожаловалась мне, я бы так и не узнал, от чего Главу опять одолели приступы кашля. Вот объяснит мне кто-нибудь, что за блажь играть на флейте на продуваемой с четырех сторон смотровой площадке?! Уж от кого, но от рассудительного Главы, не ожидал подобной глупости!

С этого дня мелодия безымянной флейты больше не тревожила обитателей Поместья.

В ту ночь, что Ли Мин пробралась в Поместье к дафу, она меж нетронутых блюд, которыми был уставлен стол, нашла небольшой завернутый в розовый атлас сверток. Сдвинув его в сторону, Ли Мин взялась за палочки. К началу осенних дождей Глава, распоряжался каждый день на ночь, накрывать стол.

— Не хочешь взглянуть, что там? — негромко спросил хриловатый со сна голос с кровати.

— Что-то вкусненькое? — пробормотала Ли Мин, склонившись над тарелкой,

торопливо утоляя первый голод.

Поправив под головой валик подушки, Глава смотрел на нее со своего ложа.

— Это мой подарок. Так посмотришь его?

— Хорошо, — кивнула Ли Мин примерившись было к рыбе на пару, она отложила палочки, развернула розовый атлас свертка. На нем сверкнула золотом изящная шпилька и сережки с изумрудными капельками.

— О-о! — восхищенно выдохнула она.

Глава оставил постель и, кутаясь в одеяло, пошлепал к ней.

— Не хочешь примерить? — но опоздал со своим предложением.

Когда он подошел к столу, то засмеялся при виде Ли Мин в заношенных одеждах с небрежно хвостом волос в которые была воткнута шпилька, а уши украшали золотые серьги, что смотрелись на ней так же как свадебное платье нанеумытой бродяжке.

Глава подавил вздох.

— Дождусь ли я когда-нибудь, что увижу тебя одетой и убранной как девушка, а не деревенский сорванец?

Ли Мин несколько не обидевшись, лишь пожала плечами, и принялась снимать сережки. Он сел рядом, отпустив одеяло, что скользнуло с его крепких плеч. Так и есть, он под ним — в чем мать родила.

— Хотелось бы больше узнать о тебе, — Глава притянул к себе Ли Мин. — Кем были твои родители? Мой долг как твоего супруга, воскурить благовония перед их памятными табличками и поклониться им. Хочу знать, что ты любишь, а что нет. Где ты жила до того как появилась у горы Доуфань? Были ли у тебя братья и сестры?

Но заметив тень, пробежавшую по ее лицу, отступился.

— Но я подожду, пока ты сама этого не захочешь.

Ли Мин выдохнула и отпила из чаши. Глава придержал на животе сползшее с плеч одеяло. Ли Мин задумчиво посмотрела на него: это ли не удобный момент рассказать ему все? И решаясь, в волнении потерла ладони о штаны.

— Послушай...

— Нет, — вдруг жестко оборвал ее Глава, накидывая на плечи одеяло. — Ничего не хочу знать. Если услышу то, в чем хочешь признаться, боюсь, не справлюсь. Не делай меня малодушным и подлым. Что бы это ни было — я не смогу отпустить тебя... ни сейчас, ни через год... никогда.

— Ладно, — согласилась Ли Мин с облегчением выдохнув — ее признание, что она из будущего откладывалось Ну и правильно, они оба не готовы к этому.

— Знаешь, о чем я сейчас мечтаю?

— О, конечно! — встрепенулся Глава, придвинувшись ближе.

— Я как, врач, мечтаю, чтобы мои пациенты были здоровы, а вот кое-кто позволяет себе музицировать на осеннем ветру, приводя своих врачей в отчаяние.

— И это все? — разочарованно протянул глава, приблизив свое раскрасневшееся лицо к лицу Ли Мин.

— Угу.

— погоди, но как ты узнаешь, что я желаю видеть тебя?

— Легко, — засмеялась Ли Мин, а у Главы от ее смеха по телу пробежали мурашки. Он тяжело сглотнул, а девчонка продолжала веселиться.

— Ты же каждый день развлекаешь Помесье и Снежные Листопады своим

музицированием, так что я не ошибусь если буду навещать тебя по вечерам.

— Хорошо, — прошептал Глава. — Согласен, — и оглянулся на постель.

— А о чем ты еще мечтаешь? — спросила она и с готовностью выслушать его, подперла щеку рукой.

— Э-м... хочется все-таки увидеть тебя в красивом наряде приличествующей девушке. Потом увидеть тебя матерью и бабушкой. Но ты и об этом не хочешь говорить, правда? — но приглядевшись увидел, что как будто, слушавшая его внимательно Ли Мин спит.

— Значит поговорили? — усмехнулся он и, покачав головой, сбросил с себя одеяло, встал и, подхватив Ли Мин на руки, пошел к кровати.

Утром в кабинете дафу появилась Ли Ло, принесла свою стряпню, а готовила она отменно. Глава как всегда был по-деловому сух, холоден и по нему нельзя было сказать, пребывал ли он в плохом настроении, либо в беспокойстве, потому удивил ее, отказавшись от изысканного угощения. Ли Ло не обижалась, зная его холодную и отчужденную натуру, вечно погруженную в себя, просто напомнив себе о терпении. В конце концов, когда-нибудь, у него откроются глаза, и он узнает в ней свою судьбу. Она свято верила в это, потому что в последнее время, он будто оттаял, а на его губах нет-нет да появлялась беспричинная улыбка, что не могло не воодушевлять дочь казначея, повергая ее сердце в трепет безумной надежды.

Она не оставляла мысли приручить Главу к своим рукам и даже сейчас, когда он с жуткой вежливостью отказался от ее угощения, пообещав попробовать позже, она, наливая ему чай, предложила отнести свою стряпню в его покои. Он не возражал. Ли Ло боялась дышать, ведь он позволил ей войти в его опочивальню. И воодушевленная девушка решила коснуться его руки, передавая ему чашу с чаем, которую он тут же так предсказуемо убрал, досадливо поморщившись.

— Тогда, я оставлю вас, — поклонилась Ли Ло, чтобы не выглядеть жалкой и окончательно не уронить себя в его глазах. Она хорошо чувствовала момент, когда нужно было уйти, не навязывая своего общества. Он должен чувствовать ее легким, нежным муаром, который хотелось бы поймать и удержать. Потому одевалась соответственно и с особой тщательностью. Она должна представлять перед Главой безупречной.

Она знала, что сейчас Глава пребывал в раздумье, по-видимому, так и не придя к решению по поводу долгожданного гостя. Он лишь кивнул, когда она попрощалась, но мимолетное, неясное впечатление от ее присутствия все же осталось.

Видимо, потому он не мог заснуть допоздна, она видела свет в его окнах, проходя мимо его павильона к себе. Глава действительно долго не ложился, читая и прислушиваясь к звукам за приоткрытой дверью. Потом, вздохнув, свернул документ и, погасив светильник, отправился спать. Так-то несносная девчонка держит свое обещание?

Среди ночи его разбудил неясный шум. Подняв голову от подушки, он различил шорох, а потом, кто-то как будто налетел на ширму, чуть не повалив на его кровать, тихо чертыхнувшись. Откинув одеяло, он сел в постели. При лунном свете разглядел, склонившийся над столом, силуэт, таскающий и шумно поедающий лакомства, принесенные ему дочерью казначея. Покачав головой, Глава зажег светильник и, выйдя из-за ширмы.

— Ты бы хоть свечу зажгла, — проговорил он, — ты же могла пораниться, упав.

— М-м... — промычали в ответ с полным ртом.

— Вкусно, — присел он рядом.

— У-гу... Бу-у-у...! — вообще-то она хотела сказать: «О-о-о!» Но так как рот был полон

рисовой лапши, получилось то, что получилось.

— Не торопись... запей, а то подавишься. Вот ешь еще, — придвинул он лохматому, помятому призраку блюдо. — Где ты была, я ждал тебя раньше? И почему ходишь по столь позднему часу? Помнится, мы договорились, что ты не разгуливаешь ночную порой по нашим глухим местам. И, вообще, посмотри, на кого ты похожа. В чем ты так перепачкана? Это глина? У тебя не только лицо вымазано, но и волосы в ней. Ты что валялась в грязи? Не давишь, ешь медленнее, а я велю согреть воды, помоешься.

— Не... не... не...

— Погоди-ка... хочешь сказать, что собираешься уйти сейчас? Не останешься у меня? Но почему?

— Потому что потихоньку улизнула от учителя, — сыто икнула Ли Мин. — Ой, ам сори... все так вкусно... Твой повар сегодня в ударе?

— Это стряпня Ли Ло.

— Понятно... скажи ей, что она бесподобна.

— Непременно. Почему ты сегодня такая грязная? Где ты была?

— Да упала я, упала. Просто мы с лекарем лазали по горам в поисках Горького семицвета. Сейчас самое время для его сбора. Он отцвел, и его семена уже опадают. Вот мы и искали его.

— В горах? Но это же опасно! Зачем лекарь Бин потащил тебя туда?

— Вот ты интересный! Думаешь, я буду спокойно смотреть на то, как старик с больной ногой отправляется в горы?

— Давай, я отправлю с ним трех крепких воинов, чтобы сопровождали и помогали ему.

— Ну, замечательно! Знаешь, как это называется?

— Благодарумием...

— Палевом! Ты нас палишь.

— Палю? Я? Но ничего же не горит... — растерялся Глава, принюхиваясь и оглядываясь по сторонам. Но вспомнив о иногда странной речи своей возлюбленной, спросил: — Что ты имеешь ввиду?

— Все, я побежала. Учитель, наверное, уже хватился меня.

— Ночью?

— Этот горецвет нужно переворачивать каждые три часа. А если лекарь обеспокоен, то бродит по дому, страдая от бессонницы.

— И ты пришла всего лишь на полчаса? Зачем тогда вообще пришла?

— Просто очень хотелось увидеть тебя.

— Ох, Ли Мин...

— Погоди... я же грязная...

— Плевать!

— Ну, все... все... отпусти... мне, правда, уже пора...

— Погоди еще чуточку...

— Смотри, с моей одежды глина сыпется на твой дорогуший ковер.

— Не бери в голову... Давай заверну тебе эти печенья с собой.

— Вот же... как по-твоему я объясню своим старикам откуда они взялись?

— По дороге съешь. Я пойду с тобой.

— Но...

— Не спорь! Провожу тебя, иначе не усну.

— А вдруг тебя заметят?

— Не беда. Как всегда отговорюсь бессонницей...

— А если со мной увидят?

— Скажу, что отловил мешающего мне спать шумного призрака, — смеялся Глава.

— Куда ты мне столько кладешь? Я же не успею все это съесть по дороге? Хотя давай, в горах все сгодится, учитель даже не спросит откуда вкусняшки.

— погоди, так ты все же собираешься в горы, не смотря на мое недовольство?

— Тыковка моя, мы будем лазать по горам, пока не наберем этого Горького цвета целый сноп. Лишь тогда учитель успокоится.

— Нет... так не годится... я тебя не отпускаю! Пойдем, я сейчас же поговорю с ним!

Что это такое...

— Да тише ты! Все Поместье перебудит.

— Живо пошли к нему... и если он не спит... — потянул Глава Ли Мин к дверям.

— Давай, валяй, сдавай меня и я неделю не смогу ни на спину лечь, ни на попу сесть, когда он отлупит меня своей палкой.

— Он... бьет тебя... — задохнулся Глава. — Да как он смеет!

— Да, блин... чего ты разголосился!

— Завтра же переезжай ко мне... Нет! Останешься здесь сейчас... с этой самой ночи!

— Ой, ну успокойся. Давай я поцелую тебя вот так... и вот так...

— О... Ли Мин... моя сладкая девочка...

— Не... не... давай без рук! Мне нужно бежать...

— погоди... я с тобой.

На четвертый день, ветренным вечером, Глава вдруг вошел в ворота усадьбы лекаря Лю Бина. Хозяина дома не оказалось, зато его встретил Фэй Я.

— Глава, — поклонился маг. — Что привело вас в наше скромное уединение? — спросил он тревожно оглядывавшегося вокруг Главу. — Не уж то занедужили? Если так, то это не очень хорошо. Лекаря вот уж второй день нет дома.

— Где же он? — хмуро спросил Глава.

— А в горах, где собирает травы. А я вот присматриваю...

— Но может ученица лекаря сможет мне помочь?

— Так она с ним увязалась. Как же без этой шалопайки...

— И они до сих пор не вернулись? Может, что-то случилось? Надо немедленно послать людей на их поиски.

— Господин, у вас действительно ничего не болит? А то я пошлю весточку лекарю и он к вечеру будет здесь.

— Но, может, не стоит отвлекать его, пусть придет вместо себя ученицу лекаря и та даст мне или изготовит пилюлю от кашля?

— Кашль попрежнему донимает вас? — Озабочено покачал головой Фэй Я.

Глава кивнул.

— А вот и они! — радостно сообщил подхватившийся Фэй Я торопясь навстречу, появившемуся в воротах лекарю Бину.

— Глава? — удивился, снимая со спины корзину наполненную ворохом трав, лекарь. — Что-то случилось? Как вы себя чувствуете?

— Неплохо, а... где ваша ученица?

— Где? — мрачно буркнул лекарь. — В горах где-то шляется. Сказано ведь,

бестолковой, прийти к большому камню у начала обрыва к полудню, так нет... понесло ее куда-то лезть по скале наверх... — разворчался недовольный лекарь. — Вот только пусть попадется мне на глаза... Спасу с нет... Глава... вам не хорошо?

Насилу его отправили домой, уговорив не посылать Драконов Дождя на поиски Ли Мин.

На следующий день Глава был у дома лекаря ни свет ни заря, застав всех троих за утренней трапезой, когда Ли Мин, живая и здоровая, сидела в углу рядом с жаровней и сортируя разложенные не циновке свежие травы, с улыбкой слушала ворчливые пререкания стариков за игрой в го, когда в дом вошел Глава. Поклонившись, он выжидающе посмотрел на замерших на месте лекаря и мага, пока Бин не поднявшись на ноги, поклоном не поприветствовал его, пригласив присоединиться к ним. Старики все никак не могли привыкнуть к тому, что Глава зачастил к ним.

— Господин, неужели пилюли, что я выдал вам вчера не подействовали? — удивился лекарь. — Господин?

— Что? Ах да... — тут же очнулся Глава, все это время украдкой посматривавший на сидящую над травами Ли Мин.

Маг понял все по своему.

— Выпейте с нами чаю. Ведь вы проделали немалый путь от Поместья.

— Пожалуй, — согласился Глава, не чинясь.

Ли Мин принесла чай, разлила по чашам, подала каждому и снова устроилась в углу, у жаровни тихой мышкой, перебирая свои травы.

— Я пришел к вам за советом, мудрейшие, — кашлянул Глава.

— Для нас неслыханная честь, что вы обратились к нам, господин, — поклонился маг. — Только, что сможем мы, старики, если не смогли ваши многоученые Хранители?

— Но мы можем выслушать, и помочь советом, — добавил лекарь, сглаживая язвительность мага.

— Конечно, — кивнул Глава, усаживаясь у доски го и отпивая поданный ему чай. — Дело вот в чем. У некоего господина имеется документ, необходимый императору, однако, интерес к которому он не может обнаружить. Речь идет о некоем записанном в нем историческом факте, доказывающим легитимность императорской семьи. Но владелец свитка несговорчив и не желает расставаться с ним, до некоторого времени считая этот документ гарантом для своей семьи. Господин этот богат и пресыщен. Но он, как-то проговорился, что может выменять его на что-то столь же равноценное и редкое. Только его поместье уже полно всяких древностей и чужестранных диковинок. Еще он ценит красивых женщин, но и этим его не удивишь — у него семь красивейших наложниц. Чем скажите, можно поразить такого человека, чтобы он отдал этот документ через наш клан императору, чтобы его величеству не потерять лица.

Лекарь задумчиво огладил свою редкую длинную бороду, глядя перед собой. Маг вздохнув, покачал головой.

— Вот и я в замешательстве, — тихо вздохнул Глава. — Подумайте вместе со мной, почтеннейшие, может вам придет необычайная мысль как можно решить сию проблему.

— Что же случится, если никто ничего так и не придумает? — забеспокоился маг.

— Ничего страшного не произойдет, — улыбнулся Глава. — Просто впервые за несколько столетий своего существования клан потеряет свою репутацию, способного решать все вопросы и разрешать любые трудности. Что ж, тогда я не буду больше беспокоить

вас и оставлю, — поднявшись, дафу почтительно распрощался с ними, пожелав доброго вечера.

Как только он вышел, маг и лекарь воззрились на Ли Мин.

— А чего опять сразу я? — возмутилась она.

— Ты же, как никак демоница, — озвучил свой излюбленно безотказный аргумент маг.

— Я так понимаю, что этого очень важного господина нужно просто напросто чем-нибудь удивить, — принялся рассуждать лекарь.

— Скорей всего так, — кивнула девушка и, подумав еще немного, сказала: — Мне нужен барабанщик, флейтист, паровоз и собака такса... — и видя, как старики испуганно переглянулись, быстренько поправилась: — Шутка. Нужен только барабан и флейта.

— А с-собаку? — растерянно напомнил маг.

— Ты только придумай выход, а мы доставим тебе все что нужно, пообещал лекарь, неуверенно добавив: — И собаку... какую потребуешь. Ленточка подойдет?

Вернувшись в пещеру, Ли Мин нашла на столике записку от Главы, в которой он предупреждал, что какое-то время не сможет уделять ей должного внимания и чтобы она смирилась с этим.

Поместье готовилось к приему важного гостя. Там царила суматоха, но у пещеры Ли Мин было не лучше. На второй день с утра к дому лекаря и мага пришли молодой парень и девчонка. Парень неплохо бил в барабан, а она славилась игрой на флейте. Но Ли Мин просто измучилась с ними. Оба никак не могли сыграть слаженно, и все время ругались, обвиняя друг дружку в своих неудачах.

Уже подошел день, когда должно было появиться важное, долгожданное лицо, а ни у Ли Мин, ни у ее музыкального сопровождения толком ничего не выходило. Но и важное лицо, надо сказать, так и не прибыло в назначенное время, открыто проигнорировав приглашение клана Северного Ветра.

Являлось ли это вынужденной уступкой давлению Царедворца, и значительное лицо, которое так ждал Глава, не имело храбрости отказать напористому могущественному вельможе, не видя необходимости ссориться с ним из-за клана Северного Ветра.

Теперь было важно сдержать и этот удар. Глава размышлял о других путях, какими можно было бы заполучить необходимый документ, засидевшись допоздна, когда ему доложили, что его спрашивает объявившийся неизвестно откуда безымянный бродяга.

Глава, облокотившись о столик, обложенный документами, утомленно потирал лоб, а верный Хоу, что сейчас докладывал ему о ночном госте, ожидал его распоряжений. Стоило ли принимать какого-то оборванца в час Тигра (три-пять часов ночи).

— Кем бы этот человек ни был, не отказывай ему в приюте, — распорядился Глава устало.

— Судя по потрепанным одеждам бродяги и манере говорить, прежде он был приличным человеком. Но сейчас вид его плачевный и жалкий, — заметил Хоу. — Он явно попал в беду и, кажется, не избежал нападения разбойного люда, каким-то чудом избежав гибели.

— Разбойники? — вскинулся Глава, мигом стряхнув сонливость. — Но разве все здешние шайки не были истреблены нами? Откуда им здесь появиться?!

«А ведь Ли Мин совсем одна в нашей пещере, без защиты», — подумалось ему в страхе.

— Зови сюда этого человека. Надобно расспросить его подробнее о встреченных им разбойниках. И вели отряду Второго мастера прочесать всю округу, вплоть до Сяофэнь! —

распорядился Глава. — И если обнаружится, что на наших землях осела воровская шайка, предупреди стражу города. После, разведав все как следует, устроим облаву, чтобы вновь очистить наши земли.

— Господин, это лишь мое предположение, — поспешил успокоить разнервничавшегося Главу Хоу. — Этот человек сказал, что все расскажет вам.

— Где он сейчас?

— В привратницкой под присмотром стражи?

— Помогите ему привести себя в порядок и накройте стол в Гостевом павильоне. Буду ждать его там.

Через то время, которое гостю хватило, чтобы омыться и сменить одежды, он вошел за Хоу в Гостевую павильон, учтиво приветствовав Главу. Сам Глава ни взглядом, ни жестом не выдал своего крайнего удивления при виде его. Попавший в беду и теперь попросивший убежища в Поместья Северного Ветра безымянный оборванец, оказался никем иным, как той важной особой, которую так ждал Глава.

— Вижу, вы узнали меня, — учтиво ответил на поклон и приветствие хозяина поздний гость.

— Как я мог не узнать вас, господин, когда с таким нетерпением ждал к себе. Мало того, что мы не позаботились о вашей безопасности, но, кажется, еще допустили в наших краях появление разбойников, подвергая риску как живущих здесь, так и наших гостей. Это моя вина, как никчемного Главы.

— О нет, нет... вам не в чем себя винить, ибо это были вовсе не разбойники. Во всем случившемся нет вашего недосмотра. Причина моей нынешней передраги собственная беспечность, поверьте.

— Прошу вас, — пригласил его к столу хозяин Северного Ветра. — Подкрепитесь и отдохните, как следует, а утром мы поговорим.

— О нет, нет... не оставляйте меня, умоляю. Я сейчас в таком состоянии, что нипочем не усну, если не выпью и хоть немного не успокоюсь.

— С удовольствием составлю вам компанию, — ответил Глава.

Намного подкрепившись и выпив сладкого вина, поздний или скорее ранний гость, начал свой рассказ.

— Я оплошал, не потрудившись обеспокоить вас известием о своем прибытии, самоуверенно полагая, что ехать от города до Поместья всего ничего и неужели я не способен добраться до вас самостоятельно. К тому же желал появиться неожиданно, внезапно. Но в Сяофэне повстречал своего давнего закадычного приятеля и мы засиделись за чаркой местного вина и потому отбыл я из города в час Собаки. Со мной был лишь слуга. О безопасности я не беспокоился, зная, что в здешних землях безопаснее, чем во всей Поднебесной. Видя, что солнце клониться за край леса, я велел вознице срезать путь по горам. И хотя он возражал, я был пьян и от того непреклонен, не желая, чтобы сумерки застали меня в пути. Возница не посмел ослушаться того, кто так щедро заплатил ему, и нахлестывал лошадь, позабыв о всякой осторожности, не меньше меня, стремясь побыстрее очутиться в Поместье. Так бы и случилось, не налети колесо возка на злополучный камень. Нас знатно потрянуло и подбросило на узкой тропе над самым обрывом. Возок вильнул и ухнул в пропасть. Меня выкинуло раньше, я покатился к краю и как ни старался удержаться на осыпающихся камнях, все же неуклонно съезжал в пропасть. Мигот протрезвев, все же умудрился уцепиться за какой-то кустик, выросший над бездной и чудом попавшийся мне

под руку. Я повис, с ужасом глядя, как разбивается глубоко внизу возок с несчастным возницей. Вместе с бешено колотящимся сердцем, во мне билась одна мысль, что ему недолго дожидаться меня и я тоже скоро последую за ним. Сколько сможет выдержать меня чахлый кустик, невероятным образом вросший в каменную расщелину? К тому же как-то вдруг стемнело. В отчаянии, стараясь хоть на скольконибудь оттянуть неизбежность смертного часа, я начал как безумный звать на помощь. Но слыша собственный слабый зов, не поднимающийся выше обрыва под которым я болтался, понимал, что только зря надрываю голос. Да и кто бы мог услышать меня ночной порой в горах? И я, уже ни на что не надеясь, смирился со своей участью и, удивляясь, что еще жив, упрямо цеплялся за тот кустик. В эти минуты безысходности вся моя жизнь, что свиток развернулась перед моими глазами. Я охрип и потому, молча молить Небо даровать мне либо мгновенную смерть, либо все же спастись, как вдруг кто-то схватил меня за руку. С удивлением, радостью и безумной надеждой, я пылко возблагодарил Небо и поднял голову, чтобы со слезами радости увидеть моего спасителя. Но что я увидел?! — рассказчик выдержал драматическую паузу, чтобы еще больше заинтриговать своего собеседника.

Глава слушал, хоть и внимательно, но без эмоций, проявляя лишь вежливый сдержанный интерес.

— Моим спасителем оказалась молоденькая девушка, которую впору было спасать саму, потому что под моим немалым весом, она, стараясь вытянуть меня, сама начала соскальзывать в пропасть вслед за мной. Тогда, чтобы отделаться от нее, я велел ей бежать и звать на помощь. На что она прямолинейно заявила: «Смеетесь? Кого в горах в такой час можно дозваться?» «Тогда сама, что здесь делаешь?» — спросил я, бесстыже вцепившись в ее руку. «Собираю травы. Теперь вот возвращаюсь домой».

При этих словах губы Главы дрогнули и побелели.

— «Мы умрем вместе, если не отпустишь меня, — просил я ее. — Не упорствуй! Уходи!» Я уже вполне свыкся с мыслью о смерти. «Мы не умрем!» — заявила она с такой уверенностью, что я понял — мы действительно не умрем. «Постарайтесь ногой, найти хоть какой-нибудь упор», — попросила она. Я начал осторожно шарить носком сапога по каменной стене, пока не нашел щель в ее неровной поверхности. И надо сказать вовремя, потому что измочаленный мной куст, который держал меня на одном честном слове, вдруг сдался. Мы успели договориться, пока я шарил ногой по скале, что как только оттолкнусь от скалы, она тут же дернет меня вверх. Это было невыполнимо и опасно. Как бы девчонка могла вытащить меня, здорового мужчину? Все это вряд ли окончилось благополучно — скорей всего я утянул бы эту глупышку за собой. Я не предполагал подобной самоотверженности от совершенно незнакомого человека, тем более от девчонки. Я не обделен женским вниманием и женщины перестали быть для меня загадкой. Я знал, что в такой ситуации, подумает каждая женщина. Прежде всего о собственной выгоде, какую сможет поиметь от меня. Не было сомнений, что как только девица разглядит на мне богатые одежды, то захочет моего благоволения и благополучия, захочет женить меня на себе или стать моей наложницей, — гость был увлечен своим рассказом, переживая вновь все пережитое с ним с каким-то удовольствием.

Потому что сидя в тепле и безопасности, миновавшая опасность виделась уже увлекательным, щекочущим нервы, приключением. Пребывая в эйфории, рассказчик не замечал, что Главу клана словно заморозило. Он слушал, глядя перед собой остановившимся взглядом.

— Девчонка та, простолюдинка, а простолюдинки напористы и пронирыливы, такие сразу ставят условия, перед тем как кого-то спасти, но эта даже словом не обмолвилась ни о чем подобном, а зря. В тот момент, я готов был пообещать все на свете. Так упорно бороться за жизнь незнакомого человека, идти до непредсказуемо опасного конца без всякой выгоды для себя — это действительно впечатляет. Но я отвлекся. Между тем, отчаяние одинаково придало сил и ей и мне, потому что на счет три, я что есть мочи оттолкнулся носком сапога от камней, подавшись вверх, она же рванула меня на себя, дернув со все мочи за руку. И вот я лежал животом на краю обрыва, а девчонка тянула меня за шиворот и за руку подальше от него. Пока мы в бессилии пытались отдышаться, лежа на камнях, не веря, что спасены, я повернул голову, разглядев, наконец, свою спасительницу. Небо! Да она оказалась красоткой! И даже в обтерханных мужских одеждах была очаровательна. Знаете, есть женщины, что с первого взгляда не приметны, но чем дальше, тем притягательнее становится их красота, раскрываясь постепенно, словно бутон розы. Меня, помню, взяла досада, что она не требует от меня своей законной награды — жениться на ней.

Клянусь предками, я бы тут же согласился, не раздумывая и это при том, что она была чумазой и растрепанной, словно огородное пугало. А ведь всем известно, что я придиричив к женской красоте.

Глава отвел взгляд от поверхности стола, тяжело подняв его на собеседника.

— Тогда я решил сам идти ей в руки, сказав: «А знаешь, я очень богатый человек». Знаете, что она мне ответила? — увлекшийся рассказчик, наконец, посмотрел в бледное лицо Главы.

— И что же? — глухим замогильным голосом выдавил Глава.

— Она сказала: «Рада за вас». Представляете?! Только и всего, — в своей восторженности гость, не придавал значения странному поведению хозяина Поместья. — «Но разве ты не хочешь, чтобы я щедро одарил тебя?» — спросил я тогда напрямую. «Вы живы и это главное, — вот, что она ответила и спросила: — Куда держите путь?» Когда я ответил, что в Поместье, она сказала, что проводит меня. Помогла подняться и отряхнуться. «Я измотан и не способен пройти ни шага. Почему бы тебе не отвести меня к себе и не приютить до утра?» — не сдавался я. Девчонка оказалась с характером. «Не почему... — огрызнулась она. — До Поместья не так уж и далеко». Ну, что за небывалая ночь! Впервые в жизни мне отказали! Хоть обратно в пропасть прыгай! Дальше мы брели вместе, едва передвигая ноги, а она к тому же несла на спине корзину с какими-то травами. Я даже принялся уговаривать ее дать мне понести эту корзину, на что девчонка язвила, что богачу ее нести не почину. Мы вышли к воротам Поместья в глубокой темноте. «Что ж, — сказала она. — Прощайте». «Подожди! — остановил я ее. — Скажи хотя бы свое имя, чтобы я мог найти тебя и отблагодарить». И тут она сказала то, чего я до сих пор не могу постичь: «А пофиг! Просто не попадайте больше в подобные передряги и позаботьтесь о семье возницы, чтобы не получилось, что я зря выгащила вас». И теперь, я хочу во чтобы то ни стало найти эту девчонку! И не успокоюсь, пока не заполучу ее! Знаю лишь, что живет она в окрестностях Поместья. Больше ни о чем думать не могу.

— Вам не стоит ее искать, — неприязненно проговорил Глава, словно эмоциональный рассказ гостя утомил его.

— Но от чего же?! — пылко воскликнул мужчина.

— От того, чтобы после вы не испытали разочарования, — с холодным спокойствием ответил Глава. — Эта женщина уже принадлежит другому.

— Небо! Как же я не подумал об этом. Разве может такая девушка оставаться одна.

— После пережитых треволнений, вам необходимо успокоиться и отдохнуть, — поднялся Глава. — Вы выговорились и, наконец, сможете уснуть.

Хао проводил уставшего, но все еще возбужденного гостя в отведенные ему покои.

Под утро сон особенно крепок, а перед рассветом снятся чудные необычные сны. Вот и Ли Мин пригревшейся под медвежьей полостью, снилось, что дверь пещеры открылась и с утренним туманом вошел Глава. Он подошел и встал над ней в своих светлых одеждах, как будто те были сотканы из тумана. Сел на кан рядом, погладил ее по волосам, прошептал: «Не пугай меня так больше». Посидев немного и глядя на нее, встал и с туманом покинул пещеру.

Восточный танец

На следующее утро Глава Северного Ветра чувствовал в своем Поместье долгожданного гостя с ленивыми движениями, пресыщенным выражением и искушенным взглядом. Учтиво и сдержанно без излишней угодливости Глава Северного Ветра доброжелательно приветил его. В честь гостя в павильоне Торжеств был устроен роскошный пир с редкими яствами и лакомствами. Гость вежливо, но равнодушно без всякой заинтересованности смотрел вокруг, его речи были вежливы и добродушны, только было заметно, что все его помыслы заняты другим. Со вздохом посмотрел он на пиршественные столики, сказав, что прибыл сюда единственно потому, что хотел предаться приятной беседе с Главой.

Видимо здешние разносолы как и скромная обстановка не впечатлила его, но это не означало, что он не был благодарен за гостеприимство. Когда Глава с гостями, Хранителями, невестой и ее родственниками устроились за пиршественными столиками, внимание гостя вдруг захватили девушки-служанки, которых он разглядывал исподтишка. К Главе подошел слуга и что-то шепотом доложил. Глава повернулся к гостю.

— Танцовщица нашего клана пришла вас развлечь. Будьте великодушны к ее безыскусному исполнению. Я сам узнал об этом только что. Видимо мои слуги специально пригласили ее из Сяофена. Увы, я не помню, чтобы они старались так ради меня.

Гость рассмеялся и сказал, что ему уже любопытно, приготовившись терпеливо вынести нечто провинциально не умелое, конечно же, умолчав, что танцами его развлекали чуть ли не каждый день. Он был хорошо воспитан, чтобы простить неуклюжесть и посредственность здешней танцовщицы, лишь бы не обидеть хозяина. Налил себе вина из фаянсового кувшина, что бы выдержать скучное зрелище как ожидалось, здешнее вино оказалось кислым. Но это ничего, он готов вытерпеть все, лишь бы увидеть ту, что так поразила его вчера, вытащив из бездны, буквально отвоевав у смерти. И дело не в том, что она спасла его, а в том, что он не стал для нее трехпалой Чань Чу, которой ей посчастливилось вытянуть, а одним из многих, которым бы на так же помогла.

*Трёхлапая жаба — символ богатства, жаба с тремя лапами. Некогда была существом злобным и мстительным настолько, что люди обратились к Будде. В процессе обуздания жаба утратила одну из своих лап. В качестве расплаты за свои грехи выплёвывает золотые монеты. Поэтому изображается сидящей на стопке золотых монет и держащей одну во рту, часто с красными глазами и ноздрями.

Он раздумывал над тем, как выкупит ее у семьи и уговорит мужа, расстаться с ней, улестив переездом в столицу на полное его иждивение. Он готов был пообещать все, чтобы они ни попросили и, конечно же, пристроит всю ее родню, да хоть всю деревню, попроси она. Только тот единственный усталый и короткий разговор с ней, подсказывал, что это будет не просто.

Между тем в зал вошла танцовщица, одетая на манер женщин Западных пустынь. Обычно, такие исполняли редкий в Лияне, танец живота и подобных искусниц было одна две на всю столицу. Держа в руке чарку из оникса, гость смотрел на приближающуюся к его столу молодую женщину со все возрастающим интересом. Ее лицо до глаз было закрыто короткой воздушной вуалью.

Шаровары из голубого шелка, как и очень короткая кофта, открывали гладкий плоский

живот, который, как и оголенные руки покрывали длинные нити из бусин и бисера. Запястья и щиколотки украшали браслеты из мелких бубенцов, издававших рассыпчатый мелодичный перезвон.

За ней шел барабанщик — молодой человек с серьезным лицом и невысокая, хрупкая девушка-флейтистка. Поставив барабан на пол, он уселся перед ним в стороне, прежде поклонившись Главе и гостям. Девушка-флейтистка смущаясь, устроилась рядышком. Подойдя к столу гостя и хозяина, танцовщица, прижав ладони к животу, поклонилась. Послушался тихий барабанный перестук, призывающий к началу действия, все ускоряющийся ритм, становясь все громче.

Без плавных и мягких переходов, обычно начинающие танец, танцовщица вдруг, подняв руки, закружилась на месте, обдав гостя и хозяина благоуханной волной тонкого аромата, делая его почти физически видимым из-за взметнувшихся бисерных нитей, что создавали впечатление блестящих благоуханных струй. Блестящие нити разлетались, открывая плоский совершенный живот и гладкие руки.

Барабанный ритм начал затихать, замедляя темп танца, пока танцовщица не остановилась, а перезвон бубенчиков на ее запястьях и щиколотках стих. И когда барабан умолк, в полной тишине мелко и дробно зазвучали бубенцы, от ритмично вздрагивающих бедер, живота и плавных движений рук. При всех ее манящих, призывающее соблазнительных движениях, глаза девушки были скромно опущены.

Но только подумалось, что танцовщица замедляя танец, вот-вот остановится опять, как барабан неожиданно забил в бешеном ритме и девушку словно снесло ураганом от столов гостя и Главы на середину зала. И когда она, вытянув руки к гостю, семена и брэнча бубенцами, уносилась от него спиной вперед, не спуская больших темных глаз с его лица, вдруг застыла на месте. Барабан успокоился, как будто приглаженный нежными звуками флейты. Миг тишины. Стукнул барабан — дернулось бедро, и мелко задрожали бубенцы. Вновь бухнул барабан — вздрогнуло другое бедро, как бы отдельно от тела, потому что плечи и руки танцовщицы оставались неподвижны. Прервав буханье барабана, флейта изгнала его резкие звуки и теперь ее нежную мелодию повторяли плавные и округлые движения рук, изгибы талии и бедер... И тут нетерпеливо забил упрямый барабан под чей ритм ходуном заходили живот и бедра исполнительницы.

Зал Торжеств не дышал. У гостя, что зачарованно смотрел на танец, из рук выпала чарка, стукнувшись о стол и расплескав содержимое. Глава смотрел с неподвижным лицом, ничего не выражающим лицом.

Даже исполнение восточных танцовщиц, которые видел гость, не были столько темпераментны, порывистыми, со столь отточенными движениями, эмоционально стремительными и откровенно возбуждающими. Танец напрочь сносил голову, проносясь ураганной мощью чувственного впечатления.

Привыкшие к плавным, изящным, даже деликатным танцам, зрители невольно поддались учащающемуся барабанному ритму. Кто-то, не удержавшись хлопал, кто-то постукивал ногой в такт поднимающий дух, барабанной музыке. Но вот он резко смолк и в звенящей тишине, танцовщица поклонилась. Гость в неистовстве вскочил на ноги.

— Это же... это же... Пофиг! — взволнованно воскликнул он. — Я бы узнал тебя в любом убранстве.

Он поторопился выйти из-за столика, чуть не опрокинув его, спеша к ней.

— Я впечатлен... впечатлен, — бормотал он взволнованно. — Это самый чудесный

танец, что я когда-либо видел. Клан Северного Ветра поистине может удивить.

Под общие восторги и хлопки, Глава до того, не спускавший с танцовщицы глаз, следуя взглядом за каждым ее движением, что не укрылось от внимания тех на пиру, что в свою очередь не сводил с него глаз, закашлялся. Его невеста тревожно подалась к нему.

— Уедем со мной, — подошел знатный гость к танцовщице на глазах у всех почти вплотную. — Разве ты не хочешь выбраться из этой дремучей глуши? Ты увидишь роскошь и блеск столицы. Ты станешь единственной для меня, — с тихой страстью, чтобы слышала лишь она, говорил он, заставляя присутствующих мучиться любопытством. О чем они негромко беседуют, стоя посреди залы?

— Не находите, что это грубо и вызывающе? — шепнула Главе его невеста. — О чем идет разговор у этих двоих?

Молча поднявшись, Глава подошел к гостю, встав позади него.

— Благодарю, — ответила в это время танцовщица гостю. — Но я не могу уехать.

— Почему? Тебя здесь кто-то держит? Если так, я выкуплю тебя, — тихим шепотом уверял ее гость.

— Не все можно купить, господин.

— Ты так думаешь? А если я предложу то, чего так жаждет ваш клан, в обмен на тебя?

— Вы не можете... — шагнул к ним Глава, но гость, подняв руку, остановил его.

— Вы сами сказали, что все решает она, — напомнил он, не оборачиваясь к нему. — Ну, так как?

В зале повисло молчание, полное томительного ожидания.

— Разве любовь покупается? Разве она не даруется? Вы потому думаете обо мне, что мы ночью пережили опасность и сейчас кладете к моим ногам то, что имеете. Взамен вы требуете моей любви, но я не могу полюбить вас.

— Это не важно. Я подожду, — с готовностью проговорил он. — Ты спасла меня бескорыстно, ты ничего не просила и не просишь. Взамен я, ничего не требуя, отдам клану документ. Мне он не нужен.

Танцовщица поклонилась и вышла. Следом последовали ее барабанщик и флейтистка. Глава закашлялся и вернулся на свое место за пиршественным столом. Гость сел рядом, желая поговорить о танцовщице, но Главу некстати одолел удушающий приступ кашля. К нему тотчас поспешил Хоу, помог подняться. Прижимая платок к губам, дафу жестом попросил прощения у гостя и своей нареченной и вышел из зала Торжеств. Третий мастер проводила его беспокойным взглядом.

Как только Глава покинул зал и отослал от себя Хоу, его глухой кашель чудесным образом пропал и он быстро прошел в Тихие покои, где его ждала танцовщица. Она повернулась к нему от стола, глядя вопросительно и тревожно. Переступив порог, Глава решительно пошел на нее.

— Что? — испугалась Ли Мин, готовая к нагоню, и отступая, когда он молча оттеснил ее к стене. Он чуть ли не вжал ее в стену, так что ей пришлось упереться руками в его грудь, чтобы хоть немного, отодвинуть от себя.

Глядя в ее лицо опаляющим взглядом, Глава нетерпеливо перехватил ее запястье и, вздернув руки над головой девушки, притиснул ее к стене, прижавшись губами к ее губам. А после накинута. Она засопровтивлялась его безудержным поцелуям, пытаясь остановить, но он был безжалостно и неумолимо настойчив.

— Немедленно... сейчас же... — задыхаясь, бессвязно бормотал Глава.

Она была в его руках, что прижали к горячему напряженному телу. Сердце его бухало, дыхание прерывалось. Безостановочные поцелуи жестким, язык бесновался в ее рту, а руки нетерпеливо срывали, стягивали с нее шаровары, оголяя бедра. Она дернулась, стремясь высвободиться, еще помня, где они, но Глава, просунув колено между ее бедер, сжал ее грудь.

— Обними... — потребовал он, оторвавшись от ее рта.

Его пальцы, только что ласкавшие ее грудь, прошлись прохладой меж ее ног.

— Ты сочишься, — выдохнул он в ее губы и, взяв ее руку, прижал распластанной ладонью к своему паху.

Она легонько погладила его возбужденную, вздрагивающую от нетерпения плоть.

— Осторожно... иначе изольюсь, — стонал он, опять прижав ее к стене. — Надо... в тебя.

Она тут же подняла колено, открываясь ему. Сразу же горячее и сильное, неотвратимо вошло в нее. Оба издали стон. Она вцепилась в его напряженные каменные ягодицы. Вот они расслабились и таран внутри, подался из нее. Она протестующе всхлипнула, и он жестко всадил себя в нее... Теперь его было не остановить, он бил и бил в податливую, мягкую мишень, яростно стискивая ее, пока она не вскрикнула от бури наслаждений, когда он буквально насадил ее на себя.

И сам, уткнувшись ей в шею, глухо застонал, не отпуская ее, пока его тело сотрясали конвульсии. Переведя дух, он, подхватив ее под бедра так, что она вынуждена была обхватить его ногами, сел на табурет и посадил ее на себя.

— Я был не слишком груб? — шепнул он тревожно, обнимая ее. Он плохо помнил себя, настолько сильно было его желание.

— Нет, — ответила она, утомленно положив ему голову на плечо. — Ты был просто нечто.

— Я соскучился, — шепнул он в ее волосы. — И мне мало...

— Мне тоже.

Тогда прижавшись губами к ее виску, он шепнул:

— Давай, родим ребенка.

— Кем же он станет здесь, где все кичатся своим происхождением?

— Сделаю тебя госпожой, — проговорил он, торопливо взяв ее одежду.

— Нет, подожди, — отвела она его руки. — У тебя же есть невеста...

— Ли Мин, прости тебя, дай мне все это решить, — снова взялся он за ее одежды.

Она ощутила, что его плоть снова поднялась и с помощью его рук, держащих ее под ягодицы, она приняла его в свое еще не остывшее влажное лоно. Глава обнял ее, запахнув за ее спиной полы своего жемчужного плаща так, что они оказались закутаны в него словно в кокон.

— Ужас... что ты вытворяешь... — пробормотала она увлеченная ощущениями, которые он в ней поднимал.

— Согласен... но это жизнь. Мы единое целое, — не переставая двигаться, он поцеловал ее, и она, задумчиво кивнула. — И прошу, больше так не танцуй, я и так еле сдерживаю себя... Ты услышала мои слова?

— Да, — вздохнула Ли Мин, потому что при воспоминании о танце, он задвигался в ней энергичнее и жестче.

— О-ох... — выдохнула она протяжно.

— Небо... — вторил ее мужчина.

Когда оба успокоились и привели себя в порядок, Ли Мин обеспокоенно спросила:

— Но, как быть с гостем? Вдруг он передумает отдавать документ и вновь проявит настойчивость насчет меня?

— Не переживай. Если он опять примется уговаривать тебя, я скажу, что ты принадлежишь мне.

То ли Глава все же намекнул одержимому Ли Мин знатному гостю, что она принадлежит ему и тот не посмел обидеть хозяина Северного Ветра. То ли решил, быть верным своему слову и дать Ли Мин самой все решить. Тем не менее, документ, столь необходимый и желанный императору, гость передал Главе, поставив единственное условие, что Ли Мин станцует для него еще раз. О желании гостя ей сухо передал недовольный лекарь, вернувшись вечером из Поместья, откуда Ли Мин, по велению Главы, удалили от греха подальше.

— Но как же мой барабанщик и флейтистка? Они же вернулись в Снежные Листопады, — озадачилась Ли Мин.

— За ними уже послали. Однако Глава заявил, что это на твое усмотрение и если ты не хочешь, не танцуй, он вернет документ владельцу. Это слова Главы, я же тебе велю, иди и сделай то, что хочет гость. Давай, доставай свои восточные тряпки.

Так с узлом одежды, понукаемая, отстающим от ее быстрого шага лекарем, Ли Мин в одночасье добралась до Поместья, где у ворот их нетерпеливо ждал Хоу. Первое, что он сказал, увидев ее, это:

— Господин будет недоволен.

Вскоре подошли флейтистка и барабанщик со своими инструментами. Кажется, они подружились, а то во время репетиции вечно ругались обвиняя, друг дружку в ошибках и промахах. По дороге в павильон Торжеств Ли Мин объяснила им, что от них требуется. Всю дорогу до Поместья она решала дилемму, как ей теперь быть. Ведь она пообещала Главе не танцевать «так», отягощая их непростое положение. Но и отказать нужному человеку и гостю, тоже не могла. Все же от него зависело многое, и он отдал желанный документ почти бескорыстно — за ее танец.

Когда Хоу тихо доложил Главе сидевшему за пиршественным столиком, что пришла Ли Мин и что она готова танцевать для гостя, он лишь стиснул зубы.

— Что-то случилось? — опустив чарку, с живейшим интересом подался к нему, сидящий рядом гость.

— Танцовщица станцует для вас, — ровно сообщил Глава, которому предстояло со стоическим равнодушием пережить очарование и соблазнительную женственность своей возлюбленной.

— Замечательно! — оживился гость и с этого момента с нетерпением ждал появления Ли Мин, чтобы еще раз увидеть ее, а может быть даже уговорить уйти с ним. И, наконец, этот момент настал.

Ли Мин вошла в зал в сопровождении уже знакомой флейтистки и барабанщика. Она была в тех же восточных одеждах, украшенных бисерными нитями, только на этот раз лицо ее прикрывала не вуаль, а темная широкая повязка на глазах. Но даже не это изумило сидящих в зале Торжеств, а то, что она держала в руке саблю.

Она остановилась посреди зала. Ее тело вытянуто и напряжено как клинок в ее руках. Длинные ноги, высокая грудь. Волновало все. Бесстрастное лицо, широкая повязка на глазах

в опасном танце с клинком.

На это раз главной была флейта, чью протяжную тягучую напевность, разбавляло глухое барабанное буханье. Зал замер.

Она стояла неподвижно, держа меч вертикально перед собой. Все тело словно окаменело и меч в ее руке — прямой, гладкий, остро отточенный клинок.

Она дождалась, когда нежно запела флейта и неспешными, плавными движениями, пристроила на макушку саблю, поставив ее на лезвие, и замерла.

Через мгновение неподвижность холодного клинка, как и четкую неподвижность рук, бедер и плеч, начало оттенять волнообразные движение живота, начинавшиеся, едва заметно от бедер, постепенно набиравшее силу в такт убыстряющегося барабанного ритма.

Но вот двинулись рука, сгибаясь и разгибаясь сломанными безвольными движениями. Деревянно сдвинулось, чуть повернулось тело, будто сдвинули статую, что неожиданно толкнулось бедром, но плавно потушила движение.

Потом толчками задвигались бедра, переходя в волнообразные движения. Одновременно в охватившей танцовщицу мелкой дрожи, затряслись, зазвенели колокольчики и монисты, соревнуясь с барабанным ритмом. Бедра и живот начали ходить ходуном, но в этом бешеном темпе плечи, грудь и голова на котором покоился на лезвии меч, оставались неподвижны

Гости зачарованно смотрели на завораживающие движения танцовщицы. И не понятно от чего больше сжимались в волнении сердца и перехватывало дыхание: от обольстительных ли движений бедер, ходящих, словно маятник под волнующий кровь, барабанный бой. Или от того, что при чувственной пластике тела, лицо танцовщицы с широкой плотной повязкой на глазах, оставалось бесстрастным.

Вот она взяла меч и, подняв его с головы, одним волнообразным движением прогнулась животом и бедрами вперед и назад. А выпрямившись, снова аккуратно положила меч, держа его двумя руками, лезвием на макушку, при том, что бедра не переставая выписывали восьмерку ритмично позвякивая монистами под барабанный ритм и напев флейты.

Когда поднялась на цыпочки, а волнообразность движений бедер словно передалось рукам, вдруг рывком опустилась на пол, на бедро, удерживая на голове меч. Держа голову прямо и сохраняя полную бесстрастность, она медленно легла на бок, перевернулась на другой, продолжая удерживать меч. Зал испуганно и напряженно следил за каждым ее движением, затаив дыхание, ожидая, что меч вот-вот, упадет на пол с металлическим звоном.

Но танцовщица плавно встала на колени, молитвенно сложив перед собой ладони. Зрители перевели дыхание. Казалось бы, необычный танец закончен, как вдруг она, держа голову, на которой покоился меч, начала откидываться на спину, прогнувшись назад так, что коснулась пола лопатками. И так же медленно без видимого напряжения выпрямилась и поднялась.

Зал не дышал. Все это время зрители в страхе ждали, что сабля упадет, и все усилия танцовщицы с повязкой на глазах будут напрасны. И когда она двумя руками сняла, наконец, с головы саблю, с облегчением перевели дыхание.

Но танцовщица принялась вдруг описывать оружием опасные круги вокруг своего тела, как будто стесывала его острым лезвием все лишнее с себя. Гости напряглись, игра с опасным оружием продолжалась. Движение становилось все быстрее, сабля-ятаган свистела в опасной близости от плеч, груди, живота и бедер. И вдруг она резко остановилась, застыв

изваянием, держа ятаган вертикально перед собой, вновь застыв изваянием с последним ударом барабана. В том же положении с какого начинала свой необычный танец. Эх, недаром на репетициях с нее снимали семь стружек.

И словно закончилось волшебство, пирующие задвигались, послышались вздохи и шепот. Гость поднялся из-за столика, и решительно направилась к танцовщице, с тем видом, словно для него больше никого не существовало, ни гостей, ни Глава. Он подошел к ней, глядя в неподвижное лицо с повязкой на глазах, горящим взором.

— Я твой, — страстно проговорил он и накиннул ей на шею медальон. — Я буду ждать столько, сколько потребуется.

Но девушка стояла неподвижно, храня бесстрастное молчание будто и, впрямь, перед ним была статуя.

Главу зоть и подмывало сорваться с места и вмешаться в разговор этих двоих, все же проявил завидную выдержку, оставшись сидеть за столом. Ему лишь оставалось наблюдать с ироничной улыбкой за которой прятал жгучую ревность.

Он бы все-таки подошел к дорогому гостю, рискуя вызвать пересуды окружающих: ведь не спроста уже второй раз вмешивается в разговор этой пары, если бы не лицо Ли Мин — бесстрастное и неподвижное словно каменная маска. А, вообще, его окружению уже нужно привыкать к тому, что Ли Мин станет его супругой и госпожой клана.

— Тогда, отныне я тоже слуга Северного Ветра, — решительно повернулся гость к хозяину клана.

Глава был вынужден принять выражение верности вместе с вожаемым документом от своего нового адепта.

Когда ночью Ли Мин пробралась в покои дафу, он ей выговорил:

— Так ты, оказывается, умеешь носить наряды и быть обольстительной?

— Ты что, сердисься? — удивилась Ли Мин. Вообще-то, она была готова к похвале, но никак не к отповеди.

— Сержусь, ты так танцуешь перед другими мужчинами, но ни разу передо мной.

Ли Мин смотрела на него во все глаза. Он что... жалуется?

— Не думаю, что ты дал бы мне дотанцевать до конца — фыркнула она.

— Ах, ты еще и дразнишься...

Они носились по его покоям, пока не повалили лакированную ширму и не опрокинули письменный столик. В двери сунулся встревоженный заспанный Хао, но увидев ученицу лекаря в объятиях своего раскрасневшегося господина тут же исчез. Пришлось утомиться. Когда обе подняв ширму, и вернув столик на место, уселись друг против друга, дафу заявил, что сейчас у них состоится семейный совет.

— Завтра мне уезжать в столицу, чтобы передать документ императору и только Небо знает, когда увидимся с тобой снова, — вздохнул он и замолчал, выжидаяюще смотря на нее.

— Что? — не выдержала Ли Мин его многозначительного тона.

— Не хочешь отправиться со мной? Ведь это такая возможность полюбоваться роскошью столицы, ты ведь не была там, зная лишь Сяофэнь. К тому же нам не нужно будет разлучаться.

У Ли Мин опустились руки. Вот они начинающиеся сложности и проблемы.

— Разве ты едешь надолго? — спросила она, понимая, что отказывать нужно издали, ища причину за которую можно зацепиться и причина эта должна быть веской и убедительной.

— То мне не ведомо. Все зависит от желаний императора и дела, которое он может мне поручить.

— Я... не могу надолго оставлять стариков и деревню, прости.

Было бы хорошо, если бы он заругался на нее, тогда бы она огрызнулась, и они разругались в пух и прах, тогда бы расставание прошло намного легче. Но Глава лишь сказал:

— Хорошо. Постараюсь обернуться как можно быстрее. Но...

Но? Ли Мин поднапряглась.

— Я поговорю с императором о своем браке с тобою.

Ли Мин медленно выдохнула, прежде чем сказать:

— Не очень хорошая идея. Его величество, хорошо если, просто откажет тебе в этом браке, а то еще и высмеет перед всем двором. Твоя невеста и я состоим в разных весовых категориях.

— Ты меня стыдишься? — неожиданно спросил Глава.

Приехали! Как он умудрился прийти к столь поразительному выводу? И она обижено кинула:

— Ты чего? Разве не ты должен стыдиться брака с такой как я?

Глава улыбнулся.

— Ты же сама была свидетелем того, каких усилий стоило навязать мне брак. Так что мысль, что моя избранница необыкновенная девушка, вполне предсказуема. А, насчет моей нынешней невесты, не беспокойся, я все улажу.

— Не стоит все же торопиться с нашим браком. Твоя нынешняя невеста беззаветно влюблена в тебя и твой отказ, может повлечь непредсказуемые последствия.

— Для меня никаких последствий, все сделает мой недруг Царедворец. Будь уверена, он разрушит этот брак.

— Как?

— Оговорит меня. И тогда мне только и останется жениться на такой как ты. За что я буду благодарен ему во все мои последующие перерождения.

— Мы же и так принадлежим друг другу, правда?

— Нам так хорошо, — согласился Глава, обняв ее за плечи, — что скоро может появиться наш ребенок, и я желаю, чтобы он был законным. Моим детям должен остаться клан Северного Ветра. Так что прошу тебя подумать об этом как следует, — попросил он и отошел к ложу, торопливо снимая одежду.

— Тебе тоже стоит хорошенько подумать, — буркнула Ли Мин, покорно идя за ним. Ночью осторожно ворочаясь, чтобы не разбудить Главу, она думала, что ее проблема с ним становится неразрешимой.

До рассвета ей так и не удалось заснуть. Еще не поднялось тусклое, осеннее солнце, а она уже тихонько выбралась из покоев Главы. Они договорились, что она не станет провожать его, но ужиная у Фэй Я, после того как закончила корпеть над изготовлением лекарств, слушала рассказ лекаря о том, что в полдень Глава умчался в столицу с небольшим отрядом воинов, дав распоряжение Хранителям и Первому мастеру необходимые распоряжения.

Ся Гэ оставалась ее прежняя обязанность, поддерживать порядок в Снежных Листопадах.

Главу сопровождала его невеста со своей свитой и дорогой гость, ставший адептом его

клана, но обоим он оставил позади, позволяя двигаться к столице без спешки. Глава заверил девушку, что к тому времени как она доберется до городских ворот, он устроит все свои неотложные дела.

Ли Мин в отсутствие возлюбленного, ломала голову, как избежать уз брака или хотя бы оттянуть его до следующего лета, потому что напрямую убедить Главу отказаться от этой затеи выглядело бы по меньшей мере странно и подозрительно.

Она и не предполагала, что судьба предоставит ей прекрасный шанс избавиться от неразрешимой проблемы, которым ей оставалось только воспользоваться.

Через две седмицы, вернувшийся из деревни лекарь, сообщил невероятное: Глава пропал, вместе с сопровождавшим его отрядом.

Превосходство сильного над правым

Главу схватили у городских ворот, поздним вечером едва он въехал в столицу. Прежде чем потерять сознание от вонзившегося в шею дротика, увидел как с безжалостной стремительностью невесть откуда взявшиеся воины не отличимые в ночи, перебили его сопровождение.

А в час Быка (с часу до трех ночи) в Поместье Северного Ветра вторглись люди Тайной Канцелярии. Не для того, чтобы арестовать адептов клана вслед за его Главой, а чтобы вырезать полностью воспользовавшись тем, что законопослушные обитатели Поместья поначалу не оказали сопротивления, не понимая, что происходит. А когда поняли, было уже поздно что-то исправлять и некому уже сопротивляться.

Вслед за карателями клана Каменных псов в Поместье ворвались чиновники Тайной канцелярии, подчиняющиеся Царедворцу, для изъятия, прежде не доступного никому, Тайного архива. Где находился этот архив, толком никто не знал, полагалось, что он размещен в пагоде Поместья, только вот атаковавшие яростно прорывались к Тихим покоям Главы, которые отчаянно защищал отряд Серебряного инея.

Мечи уже звенели во дворе, и кровь лилась на галерее павильона Тихих покоев, когда на подмогу Серебряному Инею пришли Драконы дождя. Стойко отбивались воины клана, но все же были смяты и потеснены и атакующие ворвались в покои Главы, сразу же кинувшись к стене вдоль которой тянулись полки с книгами и свитками. Повалив их на пол, ворвавшиеся принялись разбивать стену кувалдами, которые несли на плечах самые мощные воины Каменных псов. Они размеренно долбили тяжеловесными молотами по стене, пока не разломали в крошево, не озаботившись поисками секретного механизма, открывающего в ней потайной вход.

Когда часть стены была достаточно разбита для того, чтобы можно было свободно войти, атакующие хлынули в пролом, топча остатки стены. Очутившись в узком помещении потайного архива, с идущими по всей длине наружной стены, массивными полками, плотно заставленные коробами доверху забитыми свитками и бумагами, чиновники Тайной канцелярии кинулись было стаскивать их с полок. Когда же их содержимое рассыпалось, раскатившись по полу: свитки, книги, бесценные рукописи безжалостно и равнодушно втаптывались в хрустящий щебень воинами Каменных псов, искавшими здесь сокровища. Но долбежка внутренней стены не прошла даром и внешняя стена к которой примыкали полки, пойдя трещинами и широкими разломами, вдруг обрушилась вместе с частью пола, увлекая за собой массивные стеллажи с коробами, корзинами с книгами свиткам и документами.

— Живо подбирайте все, что успеете! — послышался истошный вопль одного из чиновников Тайной канцелярии, что крутился в проходе, толкаясь с воинами.

Выкрикнув это, он тут же закашлялся от стоявшей в воздухе густой взвеси каменной пыли. Когда все заторопились выполнить его приказ, часть пола обвалилась, вместе с неосторожными, что увлеклись поисками ценностей обреченного клана. Остальные, слыша затихающие далеко внизу вопли сорвавшихся вместе с каменными плитами пола, разом подались назад, подальше от места обрушения, в ужасе хватаясь друг за дружку, пятясь назад. У их ног зияла бесконечная бездна, властно притягивающая в свою мрачную глубину.

Чиновник Тайной канцелярии был вне себя, так что опять наглотался пыли и надсадно

закашлявшись, прервал свою изощренную ругань.

Ценный архив за которым явилась сюда Тайная канцелярия, канула в бездну и была теперь безвозвратно потеряна.

Тем временем растерянных Хранителей взяли под стражу. Напуганные, они не сопротивлялись и не возмущались, особенно после того, как им объявили, что Глава арестован и обвинен в измене. После чего окончательно пали духом, но все же потребовали отвезти их в императорский суд, чтобы доказать, что обвинение против клана бессмысленно и ложно.

И пригласили сесть в крытый возок, что бы отправить в столицу как ценных свидетелей по делу об измене клана Северного Ветра, в Поместье они больше не вернулись.

Глава очнулся от холода в крошечной тьме с ощущением, что лежит глубокой ночью на улице, на мерзлой земле. По тяжелой голове и невнятным мыслям не желающим проясниться и по неприятной сухости во рту, понял, что был отравлен. Опыт отравления уже имелся, сразу припомнился дротик. Тронув ноющую шею, обнаружил вспухшую поджившую ранку, которая чуть он ее коснулся, дала о себе знать стрельнувшей болью. Наверняка игла дротика была смазана усыпляющим ядом. Он вспомнил, как на них напали у городских ворот. По отточенным движениям и слаженности, против его отряда действовали бывалые воины, а по манере владения оружием, напавшие принадлежали клану Каменных псов. То был клан отщепенцев, без принципов и моральных устоев, безжалостных, скорых на расправу убийц — клан палачей.

Теперь он знал, кто добрался до него. Только Царедворец мог позволить себе роскошь умыкнуть не угодившего ему императорского сподвижника из-под носа его величества, не считаясь с распоряжениями и приказами владыки Поднебесной. Знает ли об этом император? Похоже, что нет, ведь Главу банально похитили. Царедворцу от него что-то очень нужно и он Глава — основная фигура его очередной гнусной интриги.

Царедворцу уже давно была нужно от Главы одно — его гибель, чтобы он исчез с лица земли вместе с кланом Северного Ветра. Значит ли это, что его тайно казнят?

Пока Глава раздумывал, он пытался осмотреться, и определить где он в конце концов. Вытянув перед собой руки, он наткнулся и ощупал сырой холодный камень стены. Он в застенке. Держась стены, он прошел вперед, снова наткнулся на стену и пошел вдоль нее, миновав угол, вот еще один, снова сплошная каменная стена и вот его рука ощупала железные брусья решетки-запора. Он заперт в застенке. Тогда, перебравшись в угол, Глава сел и обняв колени, попытался согреться. Он жестоко мерз, к тому же его изматывал голод. Он потерялся во времени, и не представлял, как долго здесь находиться.

Он потерял счет, сколько раз засыпал и просыпался мучимый холодом и голодом, чувствуя, что все больше слабеет и вновь впадал в болезненную дремоту. Когда окончательно уверился, что погребен и позабыт в этом склепе, тяжелая решетка, со скрежетом отворилась и узник чуть не ослеп от рассеянного света тусклого фонаря.

Два вошедших тюремщика, похожие на адские тени, подхватили ослабевшего Главу, бесцеремонно потащили из темницы, мимо открытых нор и клеток, где томились узники. Его приволокли, судя по пыточным орудиям, в комнату дознания и бросили на грубо сколоченный табурет перед столом, на котором горела свеча в глиняном подсвечнике, погребенная под толстым слоем восковых натеков, вызвав вялый интерес у ослабевшего узника, что для него стало сродни хоть какому-то развлечению. Появился тощий узкоплечий дознаватель, в одежде чиновника управы по особым делам нижнего ранга с постоянным

выражением подозрительности на лице и темным скользким взглядом узких глазок. Не дожидаясь его вопросов, Глава спросил:

— Что с моими людьми?

У него была надежда, что кому-то из них повезло избежать гибели и скрыться.

— Молчать! — рявкнул дознаватель, чуть не сорвав голос, что никак не дотягивал до грозного рыка. — Здесь ты никто и не имеешь права открывать рот без моего позволения! Отныне у тебя есть лишь одно право — отвечать на мои вопросы.

Именно за эту провинность Главу для начала, привязав на деревянной крестовине, жестоко высекли. После избитого Главу вернули в его холодную нору. Немного придя в себя, он отметил, что никакого обвинения ему не было предъявлено, просто пытались унижить, сломить его волю мучениями, как следует напугать. Все разъяснилось для него этим же вечером.

Сначала он различил звуки шагов в дальнем конце тюремного коридора, потом показался слабый смазанный отблеск фонаря. И вот к его решетке подбежал тюремщик, суетливо завозившись с запором. Дело пошло быстрее, когда к нему вальяжно подошел рыхлый человек в высокой шапке евнуха из темной кисеи и поднял фонарь. А после к решетке приблизился тот, кого Глава меньше всего хотел видеть. Пока тюремный служака понукаемый недовольным взглядом евнуха, неловко отпирал массивную решетку, вельможный старец потирал ладони пытаясь согреться. Наконец служака с поклоном распахнул перед ними низкую дверцу.

Войдя в клетку, Царедворец зябко повел узкими сутулыми плечами под тяжелым толстым шерстяном подбитом меховым плащом, оглядывая стылое узилище. Было видно, что он замерз здесь едва ли ни сильнее, чем на пронизывающим зимнем ветру.

Вельможа с брезгливой надменностью оглядел обледеневшие подтеки на стенах и похожую на черный иней налет плесени, как и сидящего на прелой соломе изможденного узника в окровавленных лохмотьях, гадая, почему столь слабый здоровьем Глава до сих пор еще жив. Было заметно, насколько узник ослаб и измучен, но, кажется, так и не сдался, находясь в безнадежном и плачевном состоянии. Он так и не шевельнулся при виде своего вельможного врага и на него тот час коршуном налетел оскорбленный евнух, отвесив измученному Главе пощечину.

— Как смеет подлый изменник, проявлять столь наглую непочтительность?! Встань на колени и поприветствуй его светлость как подобает!

— Оставь, — поднял сухую ладонь вельможа, остужая пыл своего слуги.

— А... вы так любезны, что сами потрудились принести вино, дарованное императором? — иронично прошептал узник простужено, глядя на Царедворца запавшими глазами с горящей от пощечины щекой на которую не обратил внимания.

— Ах ты, наглец! — вновь замахнулся разъярившийся евнух.

— Выйди, — велел вошедшему в раж слуге вельможа.

И недовольному евнуху, сгоравшему от любопытства, пришлось подчиниться. Какое-то долгое мгновение Царедворец и узник смотрели друг на друга. Узник устало, без всяких переживаний на счет своего унижительного состояния.

Вельможа смотрел со спокойным торжеством человека уверенного в том, что по-другому и быть не могло. Всегда больно падать с тех высот, на которые возносит императорская милость, но каждый должен знать свое место. Если бы Глава клана это знал и не дерзал переходить дорогу его могуществу, то может быть Царедворец до сих пор

позволил оставаться ему на тех высотах.

Глава молча ждал, не собираясь начинать разговора, ради которого появился в это отвратительное место его враг. Ничего хорошего этот визит ему не принесет. Царедворец лишь унижить своим торжеством и продлит его мучения, сделав их изощреннее и невыносимее. Так и вышло.

— Тебе уже известно, что твоего клана уже не существует и спасения тебе ждать неоткуда. Император больше не видит в тебе надобности, без своего архива ты бесполезен для него.

— Почему я должен верить тебе? — прохрипел Глава. Его лоб покрыла холодная испарина, но выражение лица не изменилось, не выдавая ни страха, ни других чувств.

— Верить мне или нет, дело твое, — устало отозвался Царедворец, зябко поежившись. — Простой ночью клан Северного Ветра перестал существовать. Дабы добраться до твоего пресловутого архива, люди Тайной канцелярии разломали стену твоего кабинета, пока Каменные псы вырезали Помесье, равняя его с землей. Надо отдать тебе должное ты хитро устроил архив, что канул в бездну на глазах моих людей.

Говоря это, старый сыч не сводил цепкого взгляды с помертвевшего лица узника. Он побледнел так, будто его накрыли саваном, глаза запали, черты заострились. Пусть он не произнес ни слова и не рвал на себе волосы, но и этой его ироничной улыбки больше не было.

В свое время Глава сам сконструировал потайное хранилище и то как он исчез в Казематном ущелье, по словам Царедворца, не вызывало сомнений, как и то, что он не врет и архива больше не существует.

— Пусть твои бумаги не достались мне, но и у тебя уже нет того, чем ты долгое время сдерживал меня. У тебя больше ничего нет. Мне не интересно, что тебе известно обо мне, потому что мои постыдные тайны умрут вместе с тобой. Без своего архива ты, что оса лишенная жала. И пусть теперь бесполезен, но я не стану убивать тебя, — продолжал Царедворец с вкрадчивым превосходством кошки, играющей с обреченной мышью. — Потому что это сделает сам император, которому ты так предан. Твоя казнь обелит мою репутацию коварного интригана. Пусть все увидят, что вовсе не от моих рук ты принял гибель. Пусть видят, как ценит император верных ему людей. А что бы императору и Совету было легче принять решение о твоей участи, ты признаешься в измене трону и в том, что злоумышлял лично против его величества.

Опустив голову, узник молчал. В тусклом свете фонаря стоявшим на полу, были видны его бледные дрожащие губы.

— Можешь не рассчитывать на чью бы то ни было помощь, — по отечески посоветовал Царедворец уронив перед ним глухо стукнувшиеся о земляной пол перепачканные кровью потрескавшиеся таблички четырех Хранителей. И это тоже было... правдой.

Его раздавили эти ужасные вести, у него больше не осталось надежд ни на Хранителей, ни на императора. Лоб Главы покрылся холодной испариной.

— Понимаю, не просто принять полное поражение и крах. Все же надеюсь на твоё благоразумие, ты всегда был расчетлив. Когда хорошенько подумаешь, то поймешь, что Совет непременно одобрит решение о твоей казни и твой союзник и не состоявшийся тесть не сможет поддержать тебя. Ведь у него не будет необходимых документов обличающих меня. Но если все же будешь упорствовать и не признаешься в измене, на легкую смерть не надейся. Ты в полной мере извещаешь искусство заплочных дел мастеров, а они способны

заставить виновного три дня кряду мучиться от непрерывных пыток, не позволяя ему умереть, — пригрози он скрипуче. — В следующий раз мы встретимся у места твоей казни. Ты был достойным противником, и я провожу тебя в твой последний путь.

Царедворец медленно поднялся, плотнее запахнув на себе плащ. В нору узника тут же вбежал мелкими шажками евнух, подхватив с пола фонарь.

— Да, — обернулся у низкой дверцы решетки Царедворец, — можешь поздравить меня. Мой сын берет себе очередную наложницу и это твоя бывшая невеста.

И, пригнувшись, вышел. Спешащий за ним евнух, обернулся, обнажив желтые зубы в злорадной улыбочке.

Последовали один за другим допросы, где его, опять распинали на крестовине и секли, не давая старым рубцам затянуться, от него требовали признания в том, что он злоумышлял против императора и его семьи, преступно втеревшись к венценосному владыке в доверие. Но что именно, он злоумышлял, не говорили, добиваясь, чтобы он сам рассказал об этом. Допрос проводил все тот же тщедушный, въедливый чиновник. Обязательный писарь, протоколирующий все показания допрашиваемых при этом не присутствовал.

Придя в себя после очередного допроса, лежа боком на ледяном полу, что бы лишний раз не тревожить исполосованные кнутом грудь и спину, Глава попытался прозреть замысел Царедворца. Похоже, его не убьют, пока он не оговорит себя. Только никому он, Глава Северного Ветра, такого удовольствия не доставит.

Но не желая облегчать жизнь своему врагу, свое собственное нынешнее существование он сделал невыносимым.

Царедворец знал, что император не поверит голословным обвинениям и усомнится предоставленным доказательствам вины Главы клана, особенно если эти доказательства будут представлены его давним недругом, какими бы убедительными они не были. Но вот признание самого обвиняемого, его самообличение, император игнорировать не сможет, а это смертная казнь без всяких проволочек и снисхождения. Это означало одно — его признание вырвут силой, и пытки ужесточатся.

Но он не хотел давать императору повод для своей казни. Тем более такой повод, с которым император не сможет справиться. Если император и в самом деле отвернулся от него, пусть сам выискивает причину для казни.

Чтобы подавить волю слабого здоровьем Главы, его заставили присутствовать при пытке другого человека. Несчастливого посадили верхом на отточенную пилу, да так и оставили. Не в силах спокойно усидеть на пиле, да и кто был бы способен на такое, бедолага ерзал, причиняя тем себе невероятную боль. Глава впал в беспамятство от криков несчастной жертвы и пришлось возвращать его обратно в темную.

Царедворец все рассчитал правильно, лишив его смысла дальнейшего существования. Глава жил ради процветания и усиления Северного Ветра, теперь его клан уничтожен. А напоследок Царедворец болезненно ударил по его сердцу, заявив о измене, якобы его возлюбленной, невесты, выбив из-под ног врага основу жизни. Будь так, Глава сам искал бы смерти и, отчаявшись, оговорил себя.

Но тут Царедворец промахнулся. Страшно было подумать, что бы стало с Главой, если бы речь шла о Ли Мин. Царедворец лишь обманулся с предметом сердечной привязанности Главы и потому его сокрушительный удар прошел мимо. Как же права была Ли Мин, что хранила их отношения в тайне ото всех.

Как же вовремя в его жизни появилось это чудо — Ли Мин и он выживет ради нее.

И когда боль отступала и немного забывалась в тишине промозглого узилища в полной темноте всплывал образ Ли Мин и его обдавало жаркой волной. Воспоминание о ней согревало его, оживляло вымотанную бесконечной нестерпимой болью душу. Все это время он старался не думать, что с ней могло случиться при нападении Тайной канцелярии и Каменных псов на клан. Она, конечно же, избежала гибели, ведь ее пещера находилась в стороне от Поместья. Об этом он неустанно напоминал себе.

Он должен был выжить не для того, чтобы убедиться в безнадежности своего положения, а в том, что Ли Мин жива. Только ею он теперь держался.

Лишь воспоминание о ней, не позволяя сдаваться невыносимой боли истерзанного пытками тела и сойти с ума в беспросветной темноте полного одиночества.

Изо всех сил он старался сохранить дух, что бы избежать смерти, хотя со дня на день ждал казни. Но если император, явно тянул с этим указом, то Царедворец мог в любой миг отравить его. Так оно и произошло

Хоть пытки изматывали, он так и не признался в измене трону.

Может потому его решили отравить, сунув в ухо уховертку, и несколько дней не допрашивали. Глава хорошо помнил слова Царедворца, обещавшего ему публичную казнь, и не был намерен убивать его тайно...

Яд уховертки начал действовать, погружая свою жертву в бред и плавающий жар. Он должен был звать на помощь, понимая, что уховертка вот-вот пустит в его организм жгучий яд, соглашаясь на все даже на оговор. Лучше мгновенная смерть от рук палача, чем жуткая агония от яда и выжирающего внутренности паразита.

Но он молчал.

Посланные за ним тюремщики, были изумлены, найдя его, хоть и в беспомощности, но живым. Разве не странно, что слабый здоровьем Глава, оказался столь вынослив. Что такое? Глава никак не хотел умирать. И это человек, что доживал последние дни своей никчемной жизни.

Глава тоже вяло изумлялся этому, досадуя от того, что не может умереть быстро от нестерпимой боли и все мучается, но догадывался в чем тут дело. Похоже, то действовала пилюля, которую изготовила Ли Мин вместе с Лю Бином. Она говорила о каких-то абсорбирующих яда веществах и что туда, кажется, входил и Горький семицвет, ради которого она облазила все горы Доуфань. Лекарь Лю Бин уверял, что пилюля поправит его ци.

Его приволокли в допросную, где знакомый чиновник, велел палачу, как следует промыть организм Главы.

Каким-то снадобьем его привели в чувство и еще слабого, заставили непроизвольно глотать через кожаную воронку не перестававшую литься воду, пока он не захлебнулся.

Очнувшись уже в своей каменной норе, жестоко промерзнув в мокрых одеждах. Дрожа от озноба, он чутко прислушивался к себе, ощущая, что разъедающий внутренности яд уховертки больше не действует.

Еще два раза его допрашивали, но истязания уже мало действовали на изможденного Главу, все время впадавшего в беспомощность.

Что-то у Царедворца пошло не так, потому что дафу неожиданно оставили в покое, неосмотрительно дав время перевести дух собраться с мыслями и подготовиться к худшему.

И, словно подтверждая его опасения, как-то в темницу внесли фонарь. Глава напрягся, зная, что за этим последует визит в допросную. В последний раз, когда он находился там,

ему под ногти всаживали бамбуковые щепы, обещав в следующий раз вовсе содрать ногти.

Вслед за тюремщиками, вошел тот, которого Глава уже не чаял увидеть. Глава равнодушно глядя на Царедворца из под падавшие на лицо длинные пряди спутанных волос, заметно напрягся, собирая немногие оставшиеся физические и моральные силы. Ведь не просто так тот заявился в казематы сырого подземелья.

Вельможа, разглядев дафу, брезгливо поморщился. Он был явно раздражен и, похоже, испытывал сильное беспокойство, что подточило его самоуверенность. Сам он выглядел неважно, издерганным и уже не походил на высокомерного победителя.

— Подумай, кто еще мог знать о тайном ходе, кроме тебя? — сразу начал он, ошарашив Главу своим вопросом. — Твой архив меня не интересует, но он в руках моего неожиданного недруга и я хочу знать кто это! Твои сторонники, если не повержены, то предали тебя, так кто же посмел поднять против меня голову? Отвечай!

— Ты стал стар и забывчив, — усмехнулся своей невыносимой улыбочкой узник. — Не ты ли бросил меня сюда еще до того, как вырезал мой клан? И теперь, по твоему, я должен знать, кто тебе докучает? Откуда же мне это знать, если ты утверждал, что из клана не уцелел никто? Но окажись он, вдруг, моим самым ненавистным врагом, я буду молить, чтобы Небо дало ему сил уничтожить тебя.

— По-видимому, вырезаны не все, — не остался в долгу Царедворец, потирая свои узловатые пальцы. — Такое ощущение, что выжило половина клана. Ты можешь избежать страшной и позорной участи, если скажешь, кто из твоих приспешников настолько дерзок, чтобы осмелиться идти против меня.

Узник пронзительно глянул на вымотанного старика, стоявшего перед ним.

— Клан уцелел и сопротивляется? — прошептал дафу, чувствуя прилив безумной надежды.

— Кажется, все дело в твоём маге, спутавшегося с какой-то нечистью, которую вызвал в наш мир. Хочешь, что бы императору стало известно, что ты повинен и в черном колдовстве тоже?

— У тебя нерадивые шпионы, — хрипло рассмеялся узник. — Как поверить, что кто-то выжил и занимается черным колдовством, когда клан, как ты похвалялся, полностью разгромлен? Кто? Мой маг, которого ты ни во что не ставишь?

Вельможа, поняв, что его ненавистному врагу до смерти хотелось узнать, жив ли этот никчемный Фэй Я, который, по сравнению с колдуном Сумеречных, действительно, казался сущим ребенком.

— Но подумай сам, — с усилием прохрипел узник. — Существой такой демон, призванный Фэй Я, разве находился бы я тут?

— Тогда кто справился с атакой колдуна Сумеречных и с мором в Снежных Листопадах? Твой никчемный Фэй Я? Кто еще как не демон смог бы противостоять мне, после того как я изничтожил Северный Ветер?

Глава вдруг тихо засмеялся, пока его смех не перешел в безудержный хохот. Царедворец вскочил в бешенстве.

— Тебе придется хорошенько подумать. Не поверю, что ты не знал о нечестивых делишках твоего мага. Тебя будут пытать до тех пор, пока не назовешь, кого вы призвали из опасной бездны! На этот раз снисхождения не будет! Наизнанку тебя вывернут! — брызгая слюной, выкрикнул он в ярости и поспешно вышел из клетки, сопровождаемый захлебывающимся хохотом безумца.

Этот мерзавец не сдавался, продолжая безумно бесить его.

— Давай! — выкрикнули ему вслед: — А то твои палачи вовсе разленились!

Как же его ободрило раздражение Царедворца. Но после разговора с ним был озадачен не хуже Царедворца.

Он не переставал размышлять об его странном визите и не смел, верить что клан сопротивляется? Но тогда действительно, кто мог уцелеть и решиться противостоять Царедворцу? Выжившие Хранители? Но если даже Хранители выжили, они для этого слишком осторожны, медлительны и не решительны, чтобы не то, что пойти против Царедворца, а довести его до растерянности. Помоги, Небо! Что же происходит за стенами его темницы?

Может действительно демон, о котором упоминал Царедворец, которого якобы призвал Фэй Я? Демон вполне мог заставить Царедворца растеряться, хотя вряд ли колдун Сумеречных позволил бы провести подобный ритуал. Все так, однако, призвать не то что сильного демона, даже слабого Водного духа, Фэй Я не был способен, а уж удержать его и заставить повиноваться себе тем более.

Но если это не Хранители и не демон, тогда кто мог действовать против Царедворца столь дерзко, безрассудно и напористо, что напугал всемогущего вельможу настолько, что тот прибежал к поверженному врагу, чтобы искать у него ответы?

Может архив в руках верного сторонника Северного Ветра, который тот смело использует? Архив не мог попасть ни в чьи руки, это было невозможно.

Потому что никто не способен поднять рассеянные по дну бездонного ущелья бумаги и свитки. Да и существует ли дно у Казематного ущелья? Разве что небожителям да... демонам это то было под силу.

К тому же Глава не мог представить, кто в клане способен был снова сплотить вокруг себя выживших, подавленных и растерянных адептов? Кто мог пользоваться настолько сильным авторитетом, кроме Хранителей и его самого?

И главное, какую цель преследует этот отчаянный, играя против всемогущего Царедворца, помоги ему Небо!

Но оказалось, что это был не последний сюрприз, ожидавший его.

Следуя приказу Царедворца, обещавшего, что дафу сию минуту подвергнут изуверским истязаниям, его потащили в допросную и привязали к деревянному пыточному креслу. Перед ним в жаровне раскалялись добела пыточные инструменты, а на длинном узком столе, разложены в строгом порядке, ножи, топоры и клещи. Пыточных дел мастер был страшным аккуратистом, в чем Глава не раз убеждался.

За письменным столом обиженным сусликом сидел чиновник по особым делам, видимо получивший разнос от Царедворца, сорвавшего на незначительном служащем паршивое настроение.

Водные часы отмерили половину часа, а к Главе так никто не подошел, пока, расстроено сопевший за своим столом чиновник, не сорвался с места, чтобы выяснить, что происходит и, где демоны носят, заплечных дел мастера?

Глава слышал, как в коридоре за стеной ему невнятно отвечали виноватые голоса тюремной охраны.

— Так пойд и сам все сделай, раз его до сих пор нет! — надрывался чиновник по особым делам.

В допросную влетел один из тюремщиков и, торопясь выполнить приказ, схватился за

ручку, торчавшего из жаровни пыточного инструмента. На пронзительный визг сбежались чуть ли не вся тюремная охрана. Стонущего, обливающегося слезами бедолагу увели, а Главу вернули в темную.

С этого дня отношение к Главе изменилось. Его не оскорбляли, на него не давили, требуя признаться в несуществующей измене, даже перестали избивать.

— Если все это время вы, господин, имели столь всесильного покровителя, отчего же до сих пор прозябаете и томитесь в столь безрадостном месте? — туманно произнес чиновник управы по особым делам, странно глянув на своего бесправного подопечного.

Глава тоже испытывал неоднозначные чувства, оглядывая мрачную допросную, где от пыточных орудий в которой бросало в дрожь.

В ней по-прежнему не хватало заплечных дел мастера, который усердно занимался им. Тюремщики вдруг стали с Главой подобострастны, открыто заискивали перед ним, а некоторые старались держаться от него подальше. Он сам слышал, как младший тюремщик смел, перечесть старшему, умоляя не ставить его на дежурство перед узилищем Главы, у него мать, братья и сестры... кто их прокормит...

Глава озадачился: когда это он успел нагнать на тюремных служивых такого страху?

А проводивший допрос чиновник даже расстарался и, проявив не свойственную ему самостоятельность, прислал к Главе лекаря, что осмотрел и подлечил его раны.

И когда Глава уже перестал теряться в догадках столь чудесных перемен, его неожиданно освободили.

Месяц Туманной зимы

С железным стоном отворились дрогнувшие ворота, тюремные служки вывели изможденного узника в перепачканных кровью лохмотьях и оставили за порогом, со скрипом закрыв за ним тяжелые створки.

Шел крупный снег.

Узник неподвижно стоял под падающими снегом, что сплошной завесой застилал все вокруг и мокрыми хлопьями мягко ложился на его длинные спутанные волосы.

Вдохнув полной грудью, он закрыл глаза и поднял лицо навстречу кружившемуся снегу.

Вокруг слишком просторно, пугающе свободно и бесконечно огромно. Воздух льдист, по-зимнему чист, без душной затхлости крови, пропотевших заскорузлых одежд с запахом испражнений.

Он дышал талой льдистостью кружащегося снега, испытывая полное, невероятное счастье и тихое умиротворение, которое охватывает в такие вот снежные дни.

В этой снежной пелене мутным пятном приближался к нему свет фонаря в чьей-то поднятой руке.

— Глава, — вышел к нему из завесы снегопада несший фонарь, подняв его повыше. — Как еще Небо не упало на Землю от беззакония, что было учинено над вами?!

— Ся Гэ? Ты? — потрясено прошептал он.

— Да, господин... — вдруг тихо заплакала Ся Гэ. — Это я...

Она поняла о чем он спрашивал и он понял о чем был ответ. После последнего визита Царедворца, он перебирал в памяти всех тех, на кого возлагал особые надежды, как Глава клана и среди них не было Ся Гэ.

Невероятно, что его посредственная ученица так проявила себя.

Прикрыв глаз он, с тихим удовольствием чувствовал прохладу ложившихся на лицо снежинок. Ему все не верилось, что он свободен и это ощущение было радостно тяжелым, почти неподъемным.

— Я пришла за вами, господин, — дрожащим от сдерживаемых слез, голосом, проговорила Ся Гэ. — Обопритесь на мою руку, я уведу вас отсюда. Вам больше не о чем беспокоиться. Царедворец арестован. Все же, зная, что он так просто не сдастся, можно ожидать всего, — мягко увещевала Главу Ся Гэ, бережно ведя его сквозь снегопад, — я позабочусь о вашей безопасности. Мои люди осматривают близлежащие улочки, как и те, что прилегают к гостинице, где мы остановились и что выходят к императорской темнице.

— Арестован? — равнодушно переспросил Глава как о чем-то не значащем, не имеющим к нему отношения, тяжело опираясь на руку Третьего мастера. — Так он на самом деле повержен?

— Поторопимся, иначе вы совсем продрогнете, — Ся Гэ накинула на исхудавшие плечи бывшего узника меховой плащ.

— После стальных стен каземата мне ли бояться холода, — усмехнулся Глава. — Слышал, Северный Ветер жестоко вырезан, как же ты сумела спастись?

— Мне удалось отступить и с остатками клана укрыться на горе Доуфань, — доложила Ся Гэ, примериваясь к неспешному шагу Главы, что шаркал разбитыми сапогами как дряхлый старик. — Туда нас провели деревенские, прятавшиеся там же.

Больше Глава ни о чем не спрашивал и молчал весь тот путь, что они шли до гостиницы. Им встречались редкие прохожие, старательно прятавшие лица от вьюжившего снега в чей густой пелене едва различались темнеющие громоздкие силуэты домов, да едва угадывался свет окошек и мерцание фонарей над воротами усадеб и заведений.

Средней руки гостиница, в которую девушка ввела исстрадавшегося узника, была неприязательной, но приличной и по-домашнему уютной.

В коридоре комнат для постояльцев было тихо, лишь из обеденного зала доносились аппетитные запахи, да негромкий говор трапезничавших. Главе, долгое время лишённого даже минимума человеческих удобств, теперь жадно оглядывавшегося вокруг, все это казалось верхом незначущей роскоши.

— Позвольте помочь вам омыться и смазать ваши раны, — заботливо предложила Ся Гэ, с болью смотря на Главу, что остановившись на пороге комнаты, свыкался с обстановкой.

Она узнавала и не узнавала его. Осунувшееся лицо стало тверже, черты резче, тело крайне исхудало, но, не смотря на шрамы, увечья, незажившие от пыток раны, он только стал крепче, словно выдержавшая огненную ковку сталь. Ся Гэ услужливо подвела Главу к ширме за которой в деревянной лохани исходила паром настоянная на целебных травах горячая вода.

Когда же он сбросил с себя грязное тряпье заскорузлое от засохшей крови и пота, она с ужасом увидела его истерзанное тело, дрогнув подбородком, едва сдержав рыдание. Глава коротко взглянул на нее.

— Оставь, справлюсь сам, — глухо проговорил он.

— Нет, — сжав зубы и расправив плечи, ответила Ся Гэ. — Позвольте служить вам, никто не позаботится о ваших ранах, так как я.

— Позови лекаря Бина.

— Его нет здесь.

Глава ничего не сказал и зашел за ширму к лохани с остывающей водой.

— Передай целебную мазь и собери всех людей, что с тобой, — велел он оттуда. Третий мастер помедлила и лишь когда плеснулась вода под опустившимся в нее телом Главы, она поняла, что он не позовет ее и вышла.

Когда курительная палочка полностью истлела, Глава отлежавшись и омывшись в воде с целебными травами, со смазанными лекарством ранами, в шелковых одеждах с промытыми, еще влажными распущенными волосами, смотрел на стоявших перед ним воинов, которых в его комнату ввела Третий мастер. Никого из них он не знал, они не принадлежали Северному Ветру.

— Это верные вам люди, — уверила его Третий мастер.

— Назови их.

Представив каждого, Ся Гэ добавила:

— Они примкнули ко мне в трудное для клана время. Каждый из них проверенный и верный боец.

Разглядывая воинов, стоящих перед ним, Глава объявил:

— На днях я возвращаюсь в Помесье Северного Ветра, потому каждый пусть решит для себя присоединиться ему к клану или уйти. Тех, кто пожелает покинуть нас, получит достойное вознаграждение за труды.

— Да, господин, — слаженно поклонились воины Ся Гэ, все пожелали стать адептами

клана.

Приняв от них клятву верности и отпустив, Глава направился к столу, споткнувшись о сбитый край потертого ковра. Отступив, он взглянул на досадную помеху, заметив под завернувшимся ковровым углом темное пятно. Наклонившись, коснулся его. Кровь... еще не совсем подсохшая. Откинув край ковра дальше, рассмотрел, что его изнанка пропитана ею. Выпрямившись, Глава внимательно оглядел покои.

Что здесь произошло? В комнате кого-то убили или ранили за час до его появления. По довольно простой гребенке, немудрящей шпильке, да забытой ленте до него ее занимала женщина, подвергшись нападению, и покинувшая ее поспешно, это была ее кровь.

Он поинтересовался о прежней постоялице у гостиничного слуги, который принес ему обед и тот ответил, что да, до него сию комнату сняла женщина, вдруг поспешно покинув ее, оставив на столе щедрую плату за недолгий постой.

На следующий день в гостиницу в сопровождении свиты младших евнухов, явился Главный евнух и торжественно огласил указ о помиловании и снятии всяческой вины с клана Северного Ветра, о возвращении отнятых земель и даровании императорской аудиенции. Когда все, преклонив колени, приняли указ, Главный евнух и Глава восстановленного в правах клана, отправились к императорскому двору в роскошном возке.

Призванный императором Глава, был принят сразу.

Взглянув на подданного, его величество участливо осведомился о его здоровье, на что Глава, церемонно поклонившись, просил владыку не беспокоится о таком ничтожном слуге как он. Понятно, что пребывание в стылых застенках императорской темницы, здоровья, вечно хворому и болезненному человеку, не прибавляет, потому император милостиво даровал своему верному вельможе год отдыха на поправку здоровья и восстановления клана.

— Твои люди доказали преданность Северному Ветру, — по-свойски проговорил император, когда вышел с Главой из зала Мудрости, где при высших чиновниках империи Глава был вновь восстановлен в своих правах и ему были возвращены все звания и титулы. — Ты взращиваешь талантливых и верных слуг Поднебесной. Если бы не был уверен, что твой тайный архив уничтожен, то решил, что твой приспешник, бившийся все время твоего заключения за твое спасение использует его.

Глава покачал головой.

— Увы, — поспешил успокоить он владыку. — Вам ли не знать, насколько дотошен Царедворец и, что его целью было добраться до архива, так неужели не пустил бы в ход материалы, что попали бы ему в руки, спаса себя. Что касается того, кому обязан я своим спасением, то им было использовано лишь то, что сумел я собрать на Царедворца недавно.

— Это так, — подтвердил император. — Полгода назад я вспомнил о Серебряных рудниках, но дело успешно замяли. И вот открылось это дело вновь с неожиданной и ужасающей правдой, что дало веский и неоспоримый повод, расправиться с Царедворцем. Но верны ли слухи, что против Царедворца действовал демон Черной Луны, вызванный магом Северного Ветра? Что якобы этот демон возродил Тайный архив, безвозвратно сгинувшим в Казематном ущелье?

— Вы, правда, верите, что маг Северного Ветра способен заставить послушаться злого и могущественного демона, ваше величество? — удивился Глава.

— Когда Царедворец попытался изобличить тебя в черном колдовстве, я приказал поднять все старые дела о призыве каких либо демонов, случавшиеся в последнее столетие. В анналах указывалось, что лишь будды могли приказывать им. Но ты не догадываешься,

кому обязан своим спасением? — лукаво поинтересовался император.

— Нет, ваше величество. Ведь клан мой уничтожен полностью.

— Тогда тот, кто встретил тебя у ворот городского узилище и есть твой спаситель.

Придворная свита тактично держалась в стороне, не смея мешать беседе владыки Поднебесной, ревниво следя как император, оставив все церемонии, по-свойски беседует со своим оправданным доверенным слугой.

— У ворот тюрьмы меня встретила Третий мастер, отряда Горного Лотоса.

Император приподнял редкие брови, он не помнил эту девицу.

— Что говорит она сама?

— Что противостояла Царедворцу и одолела Каменных псов.

— Раз она так говорит... — с сомнением проговорил император. — Но ради тебя твоя ученица пошла на то, на что мы с тобой так и не решились. Не побоялась столкнуть Сумеречный клан с Каменными псами, улучив для этого нужный момент. Вся столица затаив дыхание, следила, как никому неизвестный адепт Северного Ветра красиво загоняет в угол Царедворца, методично уничтожая его приспешников. Ты должен даровать ей свой брак, эта девушка стоит того, а после представишь свою супругу мне. Кстати, сам Царедворец просит о встречи с тобой как о последней милости.

— Разве посмеет ваш слуга отказать вам? — учтиво поклонился Глава.

После аудиенции у его величества, Глава выйдя из Зала Небесной Справедливости увидел поджидавшего его Главного Евнуха.

— Глава, — поприветствовал он, поклонившись.

— Главный Евнух, — вернул почтительный поклон Глава.

— Я вас поздравляю, — любезно улыбнулся Главный Евнух. — Вашему человеку, даже будучи вне дворца, без влиятельных связей и без поддержки, удалось не только справиться с Царедворцем, освободив вас, но и обелить имя клана Северного Ветра, сняв с вас все нелепые обвинения.

— Благодарю вас, господин. Я слышал о вашей поддержке даже тогда, когда шансов выбраться у меня уже не было И буду помнить об этом до конца моих дней. Вы всегда можете рассчитывать на меня и клан. Но не странно ли, — печально улыбнулся Глава, — что будучи обязан своему спасителю всем, не знаю кто он и что сделал для моего спасения и спасения клана. Очень прошу, достойного господина, не отказать в нижайшей просьбе и просветить недостойного, что произошло за время моего заключения в имперских темницах.

Главный Евнух в раздумье смотрел на него, пока Глава не подтолкнул его нерешительность:

— Завтра, с разрешения его величества, покидаю столицу и возвращаюсь в Поместье, чтобы заняться восстановлением клана.

— Понимаю ваше нетерпение, — учтиво проговорил Главный Евнух. — Тогда прошу, пройти в мои покои ибо разговор выйдет долгим.

И Глава, выразив готовность легким поклоном, пошел за влиятельным евнухом, который то и дело оглядываясь и кивая, привел Главу в роскошные покои, прохладные и тихие. Когда оба расположились на кане перед лаковым переносным столиком и предупредительный служка принес и разлил чай по фарфоровым чашечкам, Главный Евнух проговорил:

— Я готов рассказать вам все что знаю о непонятной истории вашего освобождения и

свидетелем чего являлся непосредственно. В свою очередь, надеюсь, что выслушав меня, вы, наконец, проясните, кому мы обязаны тем, что Царедворец оказался в темнице. И особенно то, что волнует не только вашего покорного слугу, а именно: уничтожен ли полностью архив Северного Ветра?

— Вы не должны больше беспокоиться о нем. Изначально архив был устроен так, что как только в него проникал чужак, он саморазрушался. Потому от него ничего не могло остаться. Задняя стена помещения, где он хранился, обрушивается напрямик в глубины бездонного ущелья.

— Так и случилось, — кивнул Главный Евнух. — Потому что не только дотошный Царедворец самолично убедился в этом, но и я, ваш покорный слуга, был свидетелем тому. Ибо по повелению его величества, был тайно послан убедиться в том, что архив уничтожен и Царедворец не завладел им. Как вы и сказали, стена вашего павильона была обрушена в темный обрыв и даже намек на него не осталось. Ни одного свитка, ни рукописного листа, ни документа.

— Тогда отчего вы по-прежнему сомневаетесь?

— Но как иначе объяснить то, что случилось после того как Поместье было разорено и уничтожено полностью? Я хорошо помню тот утренний Совет на котором Царедворец первым делом принялся настаивать на вашей казни, говоря, что ваша вина очевидна и что откладывать далее казнь недопустимо. Единственный, кто ему тогда посмел возразить, был министр финансов. Однако и он, не встретил поддержки даже у своих сторонников запуганных, либо подкупленных Царедворцем. Увы, на том утреннем Совете не было тех, кто вступился бы за вас. Вам суждено было принять смерть от палача или яда. Однако в этот момент ко мне подошел один из младших евнухов, передав старый свиток с восковой печатью, шепнув, что приславший просит, чтобы его открыл государь и что этот свиток от министра финансов.

Разумеется, я не мешкая, тут же поднес свиток императору с одной мыслью потянуть время. Но когда его величество ознакомился с ним, то выкручиваться на том Совете пришлось уже Царедворцу, потому что это был документ об изъятии им из казны немалой суммы для личных нужд. И, что важно, что составлен был еще предшественником нынешнего министра финансов, как раз за три дня до своей гибели. Разумеется, Царедворец горячо и убедительно принялся доказывать, что это подлый навет и клевета, потому император назначил вновь расследовать дело о гибели министра финансов и как следует изучить сей документ. Так что Царедворцу стало очень не до вас. Но вы-то как никто знаете, что он это так просто ни за что не оставил бы и опасения, что жизни нынешнего министра финансов грозит опасность были не безосновательны. Для Царедворца, дело времени узнать, что сей гибельный для него документ был подан с его подачи.

— Удивительно как он не прознал об этом еще раньше и не воспрепятствовал тому, что бы свиток попал в руки государя. У него при дворе полно шпионов, — покачал головой Глава, слушавший внимательно.

— Конечно, хоть и запоздало, он узнал, чьих это рук дело, но к тому времени министра финансов уже не было столице. Предвидя к чему может привести сей опасный поступок, министр финансов спросившись у императора и с его дозволения, покинул столицу. Хотя все понимали, что его бегство не спасет его жизни и дело времени, когда его отыщут и казнят Каменные псы, что служат Царедворцу.

— Каменные псы? — переспросил Глава с упавшим сердцем. — Тогда министр

финансов, увы, был обречен. Столица еще помнит ту резню, что они устроили по приказу Царедворца, лишь только император отбыл из дворца, совершая поклонение в храме Нефритового Будды.

— Как прекрасно помнят и то, что ни он, ни его Каменные псы не ответили за те злодеяния, степенно согласился Главный Евнух. — Император попросту оказался бессилён перед Царедворцем. Но на этот раз судьба благоволила министру финансов. Не смотря на все противодействие всесильного вельможи, следствие проводилось, хотя и Каменные псы тихо убирали неугодных и опасных свидетелей, двор и столица начали роптать, потому что это, каким-то образом становилось известно всем. Как и служи, свидетели против Царедворца, появлялись неожиданно, словно из ниоткуда. Я говорю о том мелком чиновнике, которого Царедворец, в свое время, не озаботился убрать, просто не приняв во внимание, что тот мог, что-то знать. Не то странно, что этот человек выжил и жил тихо, затаившись, а то, что он решил проявить себя. Мы уже после выяснили, что все эти годы, он неприметно жил в далекой провинции, только вот как и почему в нужный момент оказался в столице? После того, как Царедворца заковали и бросили в казематы, я пришел к нему, чтобы задать кое-какие вопросы, но он исчез из столицы так же неожиданно как и появился. Но мы знали, как неистово Царедворец старался уничтожить его, так же, как мы старались его защитить. Вижу ваше нетерпение, но ни мы, ни Каменные псы так и не нашли этого мелкого чиновника. Тем не менее он предстал перед императором и его свидетельство стало решающим. И то, что он уцелел в столь опасные для него дни, как и то, что его умело защищали, придало этому маленькому чиновнику уверенность великого человека. Тайная канцелярия задействовала своих осведомителей. Но и они мало что могли поведать лишь то, что столь ценного свидетеля охраняли люди из низов, как-то нищие, попрошайки, воры и мошенники и даже городская стража и торговцы. Что подтверждали доклады императорских дознавателей тоже о необычайной оживленности городских низов. Но и это еще не все. До столицы дошли слухи о стычке Каменных псов с кланом Восьмой Звезды. Понятно, что такой небольшой клан каким был клан Восьмой Звезды не выступил бы против Каменных псов лишь из-за того, что держал сторону Северного Ветра. Только потом мы узнали, что Восьмая Звезда взял под защиту укrywшегося у нее министра финансов. А на следующий день после этого известия взбешенный Царедворец начал обвинять Восьмую Звезду в сговоре с Северным ветром и измене престолу, ибо, по его словам, эти два клана готовили измену и что нужно срочно послать солдат на помощь Каменным псам. И тогда перед императором лег документ о тайных переговорах Царедворца с тайшетским князем Урбаши.

Эти переговоры, шедшие за спиной императора, касались наших северных границ и приграничных земель, которые Царедворец обещал Урбаши, если тот будет пропускать только его обозы с товарами. От этого чудовищного предательства были сданы два города и погублена армия генерала Сы Туна. Кстати этот документ об отчуждении наших земель Урбаши, принес гонец. Как оказалось он был одним из уцелевших солдат Сы Туна. Он тут же во всех подробностях свидетельствовал о гибели армии перед лицом императора. А старому лису Царедворцу вдруг стало плохо и его отправили под домашний арест, до конца разбирательства этого гнусного дела. Конечно, все то время, что притворялся больным, он не бездействовал, броси все свои связи на то, чтобы избежать заслуженного наказания. Не только он, но и мы, приготовившиеся противостоять ему, были удивлены, что эти связи перестали работать, вынужденные союзники и приспешники вдруг решительно отвернулись

от него, а его шпионы в одну ночь оказались арестованы по весьма серьезным обвинениям. Императрица прежде покровительствовала ему, бездействовала. От ее служанки мы дознались, что ее высочеству передали бумаги, которым Царедворец держал ее судьбу в своей власти. Его же сторонники — высшие чиновники двора были оскорблены доказательствами того, что оказывается были преданы им и обмануты не раз.

Огромная родня Царедворца, явилась к императору с уверениями, что их родственник подло оболган и принялась перечислять все заслуги Царедворца перед троном. Тут-то и обнаружили долги его сына, чьи долговые бумаги кто-то выкупил и обнаружил. Это случилось вместе с трагедией произошедшей в доме Царедворца, но он не уступал, продолжая упорствовать и обвинять других. Он надеялся на страх перед его Каменными псами. Все знали, что эти наемные убийцы способны выследить и уничтожить любого, кто не угодил Царедворцу. Только вот о Каменных псах, посланных разобраться с кланом Восьмой Звезды и за головой министра финансов, не было ни слуху, ни духу, они так и не вернулись. Только на днях нам стала известна вся подспудная история этого противостояния.

— Знаю, что отнимаю ваше драгоценное время, но со всем почтением прошу, просветите меня об этом странном и важном деле, — проникновенно попросил Глава и как бы не был занят Главный Евнух, но не смог отказать столь горячей просьбе.

А дело было так

Когда министр финансов прибыл в свое поместье в уезде Х., на него было совершено покушение, которое успешно отбило его сопровождение.

И подоспевшие на подмогу люди Восьмой Звезды, увели его и его семью в свой клан, где они укрылись после от подосланных Царедворцем убийц. Тогда Царедворец послал к ним одного из своих чиновников с требованием, чтобы выдали вельможу немедленно. Дескать, тогда Восьмая Звезда избежит участи Северного Ветра. С того времени о том чиновнике не было слышно. Тогда Царедворец приказал Каменным псам разобраться с мятежным кланом. Понятно, что это был лишь предлог, чтобы уничтожить очередной несговорчивый клан. Поговаривали даже, что Царедворец приказал своему посланцу намеренно задержаться в клане, что создать повод для вторжения. Ни кто не ожидал, что Восьмая Звезда вдруг окажет стойкое сопротивление.

Стычка между Псами и Звездами была жестокой и никто не поверил, что Псы уничтожены, но это подтвердил вернувшийся вдруг в столицу министр финансов. По его словам за Восьмую Звезду неожиданно выступили Сумеречные, которые перебили Псов, хотя сами были хорошо потрепаны ими. А случилось так потому, что в то время как в клан прибыл посланец Царедворца к Восьмой Звезде прибыл посланец Сумеречных с какими-то своими требованиями. И оба самоуверенных высокомерных посланца столкнулись по какому-то незначительному поводу. Дело дошло до оскорблений, и кто-то из сопровождения чиновника, без всякого предупреждения убил безликого. Через день клан Восьми Звезд был осажден безлицыми, потребовавших, отдать им виновного в гибели их собрата, что клан не долго думая и сделал при этом послав Царедворцу весточку о судьбе его посланника. Узнав об этом, Царедворец кинул Каменных Псов на уничтожение Восьми Звезд, кто ж знал, что их там поджидали Сумеречные, потому что Звезды и им послали весточку, где скрупулезно перечисляли, какими словами и эпитетами награждал их Царедворец и какую судьбу им прочил от рук Каменных Псов.

— Мы тоже не сидели сложа руки и по своим связям с которыми сносились через

аптеку возле дворцовых ворот, прознали о школе боевых искусств достойной барышни Ли Ло и воина Цао, — продолжал рассказывать Главный Евнух. Похоже дни тревог и неизвестности, тяжелого ожидания, что Царедворец поднимется вновь, требовали выхода в столь откровенном долгом повествовании, давая рассказчику выговориться.

— Признаться, я было уверился, что все это дело рук дочери казначея, ибо она выдержана, разумна, предана вам и у нее имелся веский повод мстить Царедворцу, как вы знаете. И для нас, сторонников императора, стало трагедией гибель ее и ее мужа в засаде, устроенной лучниками Царедворца. Кажется, с гибелью барышни Ли Ло все прекратилось, но не тут-то было, напротив тогда-то и случилась та ужасная трагедия в его семье. Но до того случая к Ли Ло присоединилась Третий мастер Ся Гэ.

— Вы думаете, что против Царедворца столь решительно выступила Ся Гэ? — спросил Глава прямо.

— Ну, а кто же тогда столкнул Каменных псов с Сумеречными, как не она? Ли Ло и Цао к тому времени уже трагически погибли.

— Каменных псов и Сумеречных? — потрясенно переспросил Глава.

— Вот именно!

Глава задумался. Слова Главного Евнуха подтверждали уверения Третьего мастера, что именно ей он обязан своим спасением и в то же время еще больше озадачивал. Ся Гэ была сильна в угрозах, но не в действиях. Слишком хорошо знал он свою ученицу, что бы поверить в подобный размах и дерзость, не свойственных ей, действий, хотя бы потому, что она не отличалась богатым воображением, чтобы задумать такое. Выполнить да, но не задумать. Да и благоразумная, здравомыслящая Ли Ло вряд ли действовала столь рискованно, непредсказуемое и опрометчиво, пусть даже на руках у нее нужные изобличающие бумаги. Рассчитать дальнейшие действия и тактику она могла, но без фантазии. Она сама была предсказуема. Царедворец мигом бы вычислил бы ее.

Эти одолевавшие его сомнения, заставили дафу отложить возвращение на гору Доуфань к своему разоренному Поместью и просить его величество разрешить встретиться с поверженным Царедворцем, что было милостиво разрешено ему.

И вновь он стоял перед решеткой тюремного каземата, куда его проводил дворцовый евнух, но уже не как бесправный узник.

По воле ли Небес, что воздаст в равной мере по заслугам, или по злой усмешке Судьбы, что любит насмеяться порой над сильными и самоуверенными, но Царедворец был брошен за ту же решетку за которой до недавнего времени томился Глава.

Гремя цепями, вельможный узник с достоинством поднялся с прелой соломы на каменном полу.

— Неужели победа надо мной не радует тебя? — с никуда ни девшимся высокомерием поинтересовался он, близоруко сощурившись на Главу. — Всегда знал, что ты непростой враг, вот и справиться с тобой так и не смог. Спросить желаю: теперь, когда я уже никто перед тобой, можешь ответить мне прямо, не таясь?

— Спрашивайте, — откликнулся Глава, недоумевая: у них обоих были вопросы друг к другу, хотя все уже окончилось.

— Как этой девке удалось сохранить документы из пропавшего архива именно на меня? Знаю, что он огромен, но как сохранили губительные записи только на меня? Пусть ты изъяс их, чтобы представить их императору, но никто, я уверен, не смог выбраться из оцепленного Тайной Поместья.

— Ваши люди могли быть не столь добросовестны, — заметил Глава.

— Чушь! — раздраженно воскликнул Царедворец. — Помимо Тайной канцелярии, в Поместье были Каменные псы и доверенные люди, которые должны были особо позаботиться, чтобы обвиняющие меня свитки и записи исчезли без следа. Все они стали свидетелями, как стена потайной комнаты обрушилась в пропасть, в такую глубокую, что ее дна не достигали солнечные лучи, ни дневной свет, а брошенные в нее факелы гасли, не долетев до середины. Тогда как они оказались в руках твоего человека?

— Я тоже задаюсь сим вопросом, — проговорил Глава. — Возможно, бумаги, касающиеся вас, были отбиты моими людьми, в пылу боя? Но вы говорите, что никто из них даже не держал ничего подобного в руках.

— Так и есть! Каменные псы следили за моими личными исполнителями, те за Тайной канцелярией, а она в свою очередь, не упускала из виду никого из них. Будь иначе, кто-нибудь да донес об ослушавшемся. И эта девица... — покачал головой Царедворец в молчаливой досаде. — Не думал, что меня может кто-то обыграть...

— Я передам ваши комплименты Третьему мастеру, — сдержанно пообещал Глава.

— Третий мастер... — цепко взглянул на молодого человека его поверженный враг. — Третий мастер... м-да... Однако, она мастак ругаться, да так, что задела меня за живое своими оскорблениями. Очень действенный способ перейти от изысканной вежливости к уличной грубости. И вот ты уже не понимаешь, как относиться к собеседнику, кто перед тобой и чего ожидать от него.

— Третий мастер отважилась на встречу с вами?

— Захотела встретиться со мной лицом к лицу. Какая наглость! Накануне вашего освобождения из темницы, — ответил низвергнутый Царедворец, закашлявшись, — посмела явиться ко мне и прямо таки «выкрутила руки», требуя вашего освобождения, обойдя мою ловушку «мерцающей пыли».

Замолчав, вельможа чинно поклонился Главе низким поклоном и, загремев цепями, соединил ладони перед собой.

— Будучи моим недругом ты многому научил меня, молодой господин. Прежде полагал, что одолев тебя, сотру клан Северного Ветра с лица земли. Но оказалось, что уничтожив его, я сгубил сам себя.

Хоть и с отчужденным лицом, Глава поклонился в ответ.

— Вы были мне достойным врагом, — сказал он.

Глядя, как за Главой закрылась решетка и на его высокую удаляющуюся фигуру, губы Царедворца тронула улыбка и, вздохнув, удовлетворенно закрыл глаза. Теперь он может без сожалений покинуть этот мир. Кто теперь помешает возникновению хаоса в Северном Ветре и последующем его исчезновению, когда клан развалится изнутри.

Возвращение на Доуфань

По дороге в гостиницу, Глава раздумывал над странным выражением мелькнувшем на лице Царедворца, всегда прекрасно владеющим собой, которое объяснить себе не мог.

В гостинице Глава объявил Ся Гэ, что завтра они отправятся в Поместье, после заявил, что поднял ее до Первого мастера. Окрыленная столь желанной новостью, Ся Гэ, сдерживая восторг, спустилась в обеденный зал, чтобы объявить своим людям о предстоящем отъезде и чтобы начинали сборы, а не бездельничали за выпивкой. Сама она была полна радужных надежд. Она заслужила быть Первым мастером, ведя нелегкую борьбу за клан и Главу, который может гордиться своей ученицей, наконец проявившей свои способности и верность клану.

На следующее утро, люди Ся Гэ, оправившись после ночной попойки, быстро снялись с места, а через два дня пути прибыли в Сяофэнь. В дороге Глава и Ся Гэ обсудили восстановление Поместья, как следует обсудив все это. И все же Главе не давал покоя его последний визит к Царедворцу, которого казнили тем же днем, подав Белую чашу с ядом.

Воспоминаниями он обратился к визиту самого Царедворца, перед тем как сам был освобожден из темницы, и перебил восторги, ехавшей рядом с ним Ся Гэ, что господин, наконец, на свободе, которую она так долго, опасно, добивалась для него, вопросом:

— В каком преступлении обвинили Царедворца?

— В измене трону и расхищению казны.

— Царедворец дознавался о демоне Черной Луны, — проговорил Глава. — Что это значит? Неужто Фэй Я призвал демона?

— Демон Черной Луны всего лишь досужий вымысел, который мы вовремя поддержали, чтобы он сыграл нам на руку.

Глава кивнул, ехавшей рядом Ся Гэ.

— Этим ты заставила Царедворца нервничать? — озадачился он, спрашивая себя, так ли уж хорошо знал своего врага. — А сей господин не отличался особой впечатлительностью. Как ты выживала, Третий мастер, пока я был в заточении?

— Я с риском для себя противостояла нашему врагу Царедворцу, — скромно опустила взгляд Ся Гэ.

Какое-то время Глава разглядывал ее, словно увидел впервые, а Ся Гэ придержала коня, держась рядом с ним.

— Я не спрашивал, но теперь спрошу: как тебе удалось взять над ним вверх?

Этого вопроса она ждала, потому что этот разговор должен был случиться.

— Мне удалось кое-что сохранить из документов Тайного архива.

— Это невозможно, — покачал головой Глава. — Все годы нашего противостояния целью Царедворца было уничтожение архива, и он его уничтожил.

— Это так, но волею Неба, мне и моим воинам Горного лотоса удалось кое-что спасти.

— Как же получилось, что у тебя оказались именно документы, касающиеся лишь Царедворца?

— Все просто. Именно эти документы Тайная канцелярия изъяла в первую очередь, пытаясь уничтожить их. Волею судьбы, отряд Горного лотоса схватился с ними, когда они пытались избавиться от опасных бумаг. Мы ими завладели, но вынуждены были спастись от

Каменных псов, укрывшись на горе Доуфань.

— И как же ты сумела распорядиться тем, что попало тебе в руки? — продолжал допытываться Глава.

— Я внимательно прочла каждый документ, что оказался в наших руках и решила, что пришло время пустить их в ход. Ваша жизнь была важнее этих записей, чтобы и дальше хранить их. Без вас клан Северного Ветра не возродить. С кем как не с вами станет считаться император? Люди никому не верят так, как вам. Потому-то Царедворец стремился как можно скорей казнить вас.

Глава кивнул, слушая своего Первого мастера.

— В те дни я желала лишь одного, оградить вас от скорой расправы и бесконечных истязаний, которые вы, с вашим слабым здоровьем, могли не выдержать. Потому я послала один из документов придворному чиновнику. И когда Царедворец озаботился проблемой возникшей при дворе, поднятой благодаря этому документу, я дала ему понять, что дело в вас. Чтобы прекратились его напасти, он больше не смел и пальцем вас тронуть. Когда же он не поверил в мои угрозы, пришлось кое-что отослать в Тайную канцелярию в обход его людишек. И на него вновь обрушились трудности, уже намного серьезнее. На этот раз пришлось, уже впавшему в немилость Царедворцу, поверить в мои угрозы, но он исподволь натравил на меня Каменных псов. С этого момента я старалась не дать ему обнаружить себя и вовремя предавать огласке бумаги изобличающие его.

— Так ты действовала одна? Кто же помогал тебе? — спросил Глава, понимая, что Первый мастер в таком деле не могла полагаться лишь на воинов Горного лотоса.

— О ком именно вы спрашиваете?

— Что с Хранителями?

— Увы, они погибли, и приходилось принимать решение самой на свой страх и риск.

— Знаю об этой ужасной утрате, — вздохнул Глава, все же до конца не веривший в это, — но что с остальными?

— Если вы спрашиваете о Ли Ло, то она погибла, попав в засаду лучников Царедворца.

— Вот как, — пробормотал потрясенный ее смертью Глава. — Что с лекарем?

— Он пропал сразу в ту роковую ночь нападения на Помесье Тайной канцелярией и Каменными псами.

— Маг Фэй Я?

— Многие исчезли бесследно после резни устроенной Царедворцем.

— Ученица лекаря? — с усилием прошептал Глава.

— Погибла.

Глава пошатнулся в седле и остановил лошадь и непонимающе смотрел на нее.

— Погибла? — выдохнул он. — Как это может быть? Ее хоронили? Ты видела ее тело?

— Нет. Люди Тайной канцелярии скидывали убитых в Казематное ущелье.

Глава сжал поводья, лицо медленно застилала смертельная бледность, приобретая землистый оттенок.

— Это невозможно... — шепнул он, начав хватать ртом воздух, не в силах вдохнуть, на лбу выступила холодная испарина. — Ты... не видела... ты... ошиблась...

— Тайная канцелярия спалила Помесье и прилегающие к ней усадьбы. Дом лекаря и мага были сожжены, — безжалостно продолжала Ся Гэ. — Их самих убили тут же, во дворе мага. А Ли Мин... как бы я к ней не относилась, но ни за что не пожелала бы ей столь ужасной и позорной кончины... прежде чем вышвырнуть в ущелье, ее насильно все кому

не лень...

— Замолчи... — прохрипел Глава, чьи черты заострились, а кожа на лице натянулась, будто получил смертельный удар в сердце. Осторожно перевел дыхание, боясь потревожить его, готовое разорваться от острой боли и открыл глаза.

— ...прямо возле трупов стариков... Она не успела уйти со всеми на гору Доуфань и захотела спастись любой ценой, отдав себя на поругание, стремясь тем снискать снисхождение своей жалкой жизни. Она испустила дух под последним из тех, кого привлекло ее истерзанное тело.

Глава съехал с седла и, пошатываясь, ввалился в ближайший кустарник, не замечая, что гибкие ветки хлещут его по лицу, царапая кожу, не понимая, куда идет.

— Объяви привал, — повернувшись в седле, деловито скомандовала Ся Гэ одному из своих людей.

К вечеру, когда Первый мастер уже собралась созвать людей на поиски Главы, он сам пошатываясь вышел к ним. Как он их нашел, когда явно был не в себе, оставалось загадкой, но его облик потряс всех. Первый мастер прижала ладони ко рту, сдержав испуганный возглас. В длинных волосах Главы белела широкая седая прядь. Лицо осунулось, глаза покраснели и смотрели отрешенно, словно к ним вышел живой мертвец. Ни на кого, не глядя, не обращая внимания на вопросы испуганной Ся Гэ, он взгромоздился на лошадь и дернул поводья, тронув ее в путь. Похоже, он не осознавал, что делал. Ся Гэ и ее воины, не мешкая, последовали за ним.

Взошла луна, и землю сковали заморозки, а они все продолжали свой путь.

Небольшой отряд Северного Ветра проехали нехоженными лесистыми тропами, срезая путь к землям клана.

Через два дня прибыли в Сюэфань. Не останавливаясь, проехали городок, двигаясь к Поместью, пока перед вернувшимися не предстало печальное зрелище разоренной усадьбы и пепелища — все, что осталось от Поместья. Для Главы и Ся Гэ это стало тяжким зрелищем, которое было непросто перенести. Пока Глава потерянно ходил по руинам, Ся Гэ отправилась в Снежные Листопады — нанимать людей для будущих работ.

Деревня не пострадала в роковой для Поместья резне, потому что была не интересна Царедворцу, а может он хотел сохранить ее для себя.

Деревенские с удивлением и радостью приветствовали Ся Гэ, словно потерянного родственника вдруг объявившегося нежданно.

Поприветствовав деревенский люд и наняв на работу желающих, она поспешила обратно в Поместье, отыскав Главу на краю Казематного ущелья, там, где обвалилась задняя стена павильона, что был ему домом и куда не так давно к нему тайком пробиралась Ли Мин.

Судя по разрушенной и обвалившейся стене, архив весь исчез в глубинах пропасти.

— Вы стоите у самого края, — взволнованным, дрожащим голосом проговорила перепуганная Ся Гэ. — Умоляю, отойдите от него подальше, камни здесь все еще осыпаются и летят вниз.

— Скажи, Первый мастер, как к тебе попали документы из Тайного архива? — безжизненным голосом произнес Глава, будто и не помнил их разговора.

Ся Гэ покачала головой. Что тут сделаешь? Глава так и не пришел в себя от смерти ученицы лекаря, что сломала его. Он стал забывчив, рассеян и начал заговариваться. Но лекарь из Сюэфеня сказал, что со временем это пройдет, нужно только дать Главе время и

покой, ограждая от всяческих волнений.

— Когда я и мой отряд Горного Лотоса бились здесь, не позволяя воинам Тайной канцелярии завладеть архивом, несколько книг и свитков выпали из коробок и были затоптаны. Я сумела их подобрать в пылу боя, пока остальной архив летел в бездну Казематного ущелья, — начала терпеливо объяснять она.

Глава, посмотрев в глубину пропасти, отошел от края с полным равнодушием.

Пока отстраивалось Поместье, жили в шатрах и каждый вечер Глава смотрел на обрушенную пагоду с провалившимся вторым и третьим этажами. Ся Гэ неотступно следовала за ним, всегда была рядом, хотя при этом успевала следить за восстановлением Поместья и развернувшимися строительными работами. К месту и не к месту, она то и дело напоминала, чем Глава обязан ей.

— Ся Гэ, — как-то со вздохом отозвался Глава, — я и без твоих напоминаний, собираюсь сделать тебя Главой Северного Ветра. Ты вполне заслужила это, борясь за клан и спасение его уцелевших адептов.

— Благодарю вас, господин, ведь только я способна теперь восстановить Поместье и собрать, с вашей помощью, вокруг него верных адептов. Но, учитель, разве я не могу просто стать вашей супругой? Вдвоем мы начнем править кланом, — опустив глаза, скромно призналась она в своем сокровенном желании. — Ведь я могу поддержать вас во всех ваших начинаниях и поддержать во всем.

Глава обессилено вздохнул.

— Я отдам тебе владение кланом, но стать твоим супругом не могу.

— Но мне не нужна эта власть без вас. Если выбирать, то я откажусь от главенства над кланом, чем от вас.

— Оставь эту мысль, — отвернулся от нее Глава.

Что ж, Первому мастеру терпения было не занимать. Она уже близка к заветной цели, на которую было потрачено столько времени и усилий, можно ли отступать сейчас. Не получилось в этот раз, получится в другой и он даст свое согласие.

Ся Гэ как могла отвлекала Главу от его горя, стараясь пробудить в нем, хоть какие-то чувства к ней, но он лишь все больше замкался. И раньше не общительный, дафу сделался нелюдимым, чураясь всех, лишь отстраненно наблюдая как правление клана прибирает к рукам Ся Гэ. Она больше не донимала Главу своими притязаниями, посчитав, что стать его женой — дело времени. Ведь, как бы, само собой разумеется, что соправительница после становится супругой владыки. И то, что Глава пожаловал ей, первый же отстроенный павильон, укрепило ее в уверенности, что она на правильном пути, нужно лишь не терять терпения. Ненавистной соперницы больше нет, она же приблизилась к Главе настолько, что не сегодня-завтра, станет его супругой, поскольку уже необходима ему. И не важно, что сейчас ему ничего не нужно и, что его ничто не интересовало, это пока. Ее любовь, терпение и забота вернет его к жизни.

Днями сидел он в своей продуваемой палатке-шатре, равнодушный к холодным весенним ветрам и стоящей сырости, отстраненно выслушивая доклады Первого мастера, оставляя ей право все решать на свое усмотрение.

— Извини, помощник из меня никакой, — качал он головой. — Но ты и сама хорошо справляешься. Жаль, что рядом нет Хранителей и все тяготы восстановления Поместья легли на твои плечи. Мне даже неизвестно где погибли достойные и, кажется, что они и не погибли вовсе и это всего лишь какая-то злая ошибка. Может потому, что по ним так и не

провели погребального обряда, не оплакав их, что мучит и тревожит меня.

— Учитель, я могу отвести вас к месту их гибели. Мы отыщем тела Хранителей, всех до единого, и похороним с подобающими почестями.

— И ты знаешь это место? — с надеждой и сомнений посмотрел на нее Глава, впервые проявив живой интерес.

— Я гналась за их возком, когда Каменные псы увозили их из Поместья.

— Проведи меня туда, где они погибли, — потребовал Глава, поднимаясь.

Утром следующего они нашли тела четырех старцев, в стороне от Поместья в лесном овраге, там куда указала Первый мастер. С почестями их привезли в Поместье, и на площади перед пагодой, с тщательно выполненным ритуалом погребения, сожгли разложившиеся трупы Хранителей на костре. Их пепел в четырех серебряных урнах, с именными табличками на каждое, был торжественно помещен на уже отстроенном втором ярусе пагоды.

После этого Глава почти не покидал храма, выходя лишь временами, чтобы прогуляться да бросить равнодушный взгляд на отстроившееся Поместье. В этих прогулках его неизменно сопровождала Первый мастер, обряжавшаяся уже барышней богатого дома, но видя, что он неизменно доходит до сгоревших дворов лекаря Бина и мага Фэй Я, а после поворачивает обратно, предоставила его в этих прогулках самому себе.

На все ее попытки открыть ему душу, он отмалчивался, и она больше не осмеливалась беспокоить его. Тем более он так же вел себя и с другими: приставленных к нему слуг игнорировал, на вопросы деревенских, что всегда почтительно приветствовали его, не отвечал. Его помрачение скоро пройдет, уговаривала себя Ся Гэ, нужно лишь набраться терпения и ждать. Она должна быть благоразумной и дать Главе справиться со своей потерей. Чувства не вечны и преходящи, со временем они успокаиваются, скорбь уляжется и в конце концов, он позабудет приبلудную ученицу лекаря, свыкшись с этой никчемной потерей. Ну, а там Ся Гэ поможет ему совсем выкинуть ее из головы и из памяти.

Свои каждодневные посещения сгоревших усадеб лекаря и мага но настойчивые вопросы, обеспокоенной Ся Гэ дафу как-то объяснил тем, что приходит туда поминать мудрецов, канувших без вести, и не может отказаться от этого. Ся Гэ приказала стражникам Поместья не препятствовать этим его посещениям. Пусть излечит душевную боль, может так быстрее зарубцуется сердечная и телесные раны и он, в конце концов, смирится с этими потерями.

И в этот ненастный вечер, когда бог холода пригоршнями швырял мокрый снег на землю, Главе пришла вдруг охота прогуляться. Как уже повелось, за ворота следом за ним вышел соглядатай Ся Гэ, но потоптавшись на месте, проводил тоскливым взглядом одиноко бредущую от Поместья фигуру и решил, что ничего такого не случится, если и на этот раз он не станет сопровождать Главу. Что с ним станется, сам вернется.

Путь господина был выучен соглядатаем до зубовного скрежета. Вот еще морока, тащиться за ним в такое-то ненастье. И соглядатай повернул к деревенскому кабаку, уверенный, что Первый мастер ничего не прознает о его нерадивости.

А Глава брел к таким знакомым обугленным остовам домов лекаря и мага, а дойдя до них, остановился, внимательно огляделся и быстро свернул на лесную тропу, где перешел на бег. Ему, до своего возвращения в Поместье, нужно было успеть побывать еще в одном месте.

С первого дня возвращения, целью его прогулок была пещера Горного духа. Он хотел не просто побывать там, предаваясь болезненным воспоминаниям, но умереть в ней, на их с Ли

Мин супружеском ложе, застеленной медвежьей полостью. Он подметил, что соглядатаи Ся Гэ, поняв, что их небрежность остается без всяких последствий, предоставляли подопечного в его прогулках ненастными днями, самому себе, тем более Глава неизменно возвращался в Поместье, ни разу не потерявшись.

В такие дни Глава отчаянно пытался преодолеть невидимый барьер-преграду на которую натыкался все время, едва ступал на тропу, ведущую к пещере.

Тропа оказалась «опечатана» и ему удалось, проведя ладонью по воздуху, наконец, «считать» печать мага. Точно такую печать, только более легкую и не такую тяжеловесную, он «снял» в их первую с Ли Мин ночь в пещере, защищавшую Ли Мин от Горного духа, но не уберегший от него, Главы. Ему ли было не узнать печать, которую «снял» в ту роковую ночь, когда сделал Ли Мин своей. Только на этот раз тяжеловесная печать была «поставлена» не для того, чтобы препятствовать Горному духу, а для того, чтобы отвести глаза излишне любопытному или попросту заблудившемуся человеку.

Означало ли это, что маг Фэй Я жив и где-то рядом? Видеть лицо Фэй Я как нечаянная отрада в непроглядной тоске и горя, что ни на миг не отпускали Главу. Вместе с магом он сможет оплакать свою девочку, вдоволь наговорившись о ней, наслушавшись ее имени. Не передать, как ликовал Глава от мысли, что может отыскать мага и не только затем, чтобы узнать, зачем старику «опечатывать» пустую пещеру, ведь местные и без всякой печати не посмеют сюда сунуться. Ся Гэ в свое время старалась застрашать всех, уверяя, что Ли Мин — демон. Иначе, будь она человеком, сразу же, едва поселилась в пещере, стала бы жертвой Горного духа. И та жуткая пентаграмма у Песчаной хижины, составленной из останков некогда пропавших деревенских, была приписана ею Ли Мин.

Но могло быть и по-другому. Фэй Я желая защитить Ли Мин, «запечатал» тропу и погиб и теперь Ли Мин ждет в пещере, когда ее освободят. И теперь раз за разом он пытался взломать, скovyрнуть тяжеловесный магический запор, выходя из себя и ненавидя его все больше и больше.

Он вышел к знакомой изрытой просеке, где светилось слабым светом окно Песчаной хижины, которая прежде была всегда погружена в глухую темноту запустения. Словно в изнеможении Глава прислонился к стволу бука, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Неужели его тайная надежда сбылась и он, войдя в хижину, увидит Фэй Я? Оттолкнувшись от надежного ствола бука, Глава, проваливаясь в рывины полные стаявшего снега, двинулся к вожделенному освещенному проему хижины, когда к нему от порога метнулась какая-то тень.

— Ленточка... — восторженно прошептал Глава. — Не уходи...

Собака принюхалась и, завиляв хвостом, подошла к нему. Глава порывисто обнял ее и Ленточка, поскуливая, облизала его лицо, а после, вырвавшись скачками убежала к хижине, затем вернулась, нетерпеливо тьякнув.

И вот Глава толкнул приоткрытую дверь, войдя в пустую комнату, но за то что в доме кто-то обитал говорили неубранные свитки на столе, еще не остывший очаг и глиняная чаша с недопитым чаем. Ленточка деловито обнюхала свою миску, и шумно полакав из нее воды, взглянула на Главу.

— Где твой хозяин? — спросил он.

Ленточка облизнулась, тьякнула и выскочила за порог. Глава поспешил за ней. Они вновь пересекли изрытую просеку и углубились в лес. Глава не замечал промокших насквозь сапог и отяжелевшего покрытого грязью намокшего подола длинных одежд, хлеставших как

плети ветвей, то и дело успевая уворачиваться от них, боясь упустить из виду Ленточку. Фэй Я и Ленточка являлись важной частью жизни Ли Мин и значит они приведут его к ней.

Наконец они остановились у начала «запертой» тропы, Глава как и прежде натолкнулся на невидимый барьер, а вот Ленточка, припав к земле и прижав уши, проползла на брюхе вперед. Недолго думая, Глава, упав на колени, полез за ней, уже поняв, что это небольшая лазейка в магическом барьере, нарочно оставлена для собаки. И вот он на хорошо знакомой тропе, по которой взлетел в страшном нетерпении, ожидая, что вот-вот увидит мага, а то и саму Ли Мин. Вот и пещера в глубине которой теплился огонек, мелькая сквозь доски двери, которую Глава в нетерпении рванул на себя. Вслед за Ленточкой вбежал в пещеру с ощущением, что вернулся в родные стены. Но на пороге замер, встав как вкопанный, схватившись за косяк низкой двери. Ноги не держали его, внезапно ослабев.

В тусклом свете светильника он разглядел лежащую на кане фигуру.

Ему стоило невероятных усилий, чтобы сделать шаг к ней. Третьего шага не было, потому что Глава рухнул на пол. Ноги отказывались держать его.

На кане, вытянувшись, лежала Ли Мин. Не в силах вздохнуть он, потянувшись схватился за безжизненную холодную руку Ли Мин как утопающий за соломинку. Он задыхался, пока не захлебнулся рыданиями. Подобравшись к кану, он гладил ее лицо, беззвучно благодаря милостивое Небо, потому что говорить не мог. Ли Мин жива! Гладил ее руки, плечи, пока не обнаружил, что ее тело стягивает тугая повязка с лекарственным компрессом на ране в груди. Повязка оказалась свежей, ее недавно меняли. Глава жадно прижался губами к ее бледной руке, а после приложил еебезвольную ладонь к своей мокрой от слез щеке.

Опустошенный валом чувств, которые едва вмещало его сердце, он прижался лицом к ее плечу, с наслаждением вдыхая такой родной и знакомый запах ее тела, что успокаивал его, в тоже время вливая жизненные силы, желание жить. Но не утерпел и приподнявшись, осторожно коснулся горячими губами ее холодных губ, уловив едва слышное дыхание и, боясь поверить, что это все ему не снится. Но если это сон, то пусть бы не кончался, ему не пережить пробуждения.

— Она жива, — раздалось позади него. — Но серьезно ранена.

Быстро утерев лицо рукавом, Глава обернулся и вскочил. Этот день был поистине щедр на радостные сюрпризы.

— Лекарь? Вы живы? Но меня уверили, что вы сгинули безвозвратно.

— Хм, я, кажется, знаю, кто наплел вам эту небылицу, — неприязненно хмыкнул лекарь Бин, поклонившись Главе.

Но того уже ничто больше не интересовало, кроме Ли Мин.

— Ли Мин... — повернулся он к кану. — Насколько серьезна ее рана? Прошло уже больше двух месяцев, а она не приходит в себя.

— Больше двух месяцев? — с недоумением переспросил лекарь, подходя к кану и взяв руку своей подопечной.

— Но разве ее... она ведь пострадала при нападении на Помесье. Ее ведь... тяжело ранили после того как... надругались...

— Господин, — с суровым отчуждением произнес лекарь, — вы бы встретились с ней сразу у тюремных ворот, если бы ее не попытались убить.

— Так... она была ранена недавно... две недели назад?

Лекарь кивнул, проверяя пульс Ли Мин.

— Что же произошло на самом деле? — прошептал Глава.

— Дайте мне и вашу руку тоже, — попросил вдруг вошедший в пещеру маг. — Ли Мин сама вам все расскажет, ведь у вас с ней особая, неразрывная связь. Вы выжили, потому что жила она. Она тоже выживет, потому что выжили вы.

Взяв руку, которую Глава тут же протянул ему, маг положил ее на голову Ли Мин и Глава вновь опустившись на колени рядом с ее ложем, закрыл глаза, внимая ее видениям.

Жесткий пергамент, бамбуковый свиток

В пещере становилось все холоднее и Ли Мин с тоской вспоминались уютные дома мага и лекаря на пристанище в которых могла рассчитывать в любое время. Она ведь уже подумывала перебраться к ним на зиму, когда обрушилась эта страшная беда. В те дни она думать боялась о постигшей Главу судьбе. Слишком больно было выносить мрачные подсказки собственной фантазии. Что ж, решила Ли Мин, перезимует в деревне, где любой дом с охотой примет ее. Ведь и податься ей было больше некуда. Да и люди вокруг невольно будут отвлекать от назойливых тревожных мыслей и беспокойства за Главу и ее старичков. Если бы она хоть представить могла, что надо делать, она бы не колебалась ни минуты.

В те дни полного одиночества, что мучилась своими думами, пытаясь согреться у небольшого очага, слушая лишь вой ветра, компанию Ли Мин составлял лишь Горный дух, обнаруживая себя глухим сочувствующим рыком. Ночами он хранил ее покой, так что Ли Мин ничего не опасалась, а днем исчезал, будто и не существовало его вовсе. Но стоило Ли Мин произнести что-нибудь вслух, как тут же раздавалось глухое ворчание или шумное сопение. Обычно то, что она произносила вслух, были вопросы из разряда: где Глава? Что с ее старичками? Почему на клан напали и кто напал?

Лишь после Ли Ло убежденно говорила, что искали тайный архив Главы, а Цао успокаивал, что напавшие так ничего не нашли. Архив попросту исчез. Пропал с концами в пожарище.

Горный дух лишь озадаченно рыкал. А когда Ли Мин в отчаянии жаловалась, что не представляет, что ей теперь делать, разочарованно ухал лесным филином и обрушивал небольшие камнепады.

Но главное из-за чего Ли Мин не хотела покидать пещеры, была надежда, что ее старички и Глава все же сюда вернуться. И когда она страшно скучала по ним, Горный дух рыдал с нею болотной выпью. Когда же сердилась, недовольно скрипел словно дерево в лютой мороз или когда его гнет под ураганом.

Через неделю после ухода подруги и Цао, когда стихло ненастье и прекратился буран с мокрым снегом, Ли Мин отправилась в Помесье от которого ничего не осталось, а то что не сгорело было разрушено и разграблено.

Ничто не напоминало о былом изысканном великолепии павильонов, пышного тенистого парка и Лotosового пруда, обмелевшего и больше похожего теперь на мутную лужу. Широкие листья лотосов пожухли, потемнели и свернулись.

«М-да, — оглядывалась она, бродя по пепелищу, — грабили здесь не по-детски. Тащили все, что можно утащить. Ну, хоть стены уцелели, а вот от сгоревшей крыши нет и помина, как от выломанных дверей и окон. Это все понятно, но как возможно обрушить заднюю стену дома? Что за побоище здесь происходило?»

Подойдя к пролому Ли Мин тут же отшатнулась от мрачной захватывающей дух бездны, что срывалась вниз прямо у ее ног. Казематное ущелье! Так вот почему стена обвалилась! Пока вытянув шею, Ли Мин с опаской заглядывала через край обрыва, к ее ногам мягко, словно упавшее птичье перо, лег измятый книжный лист.

— Это откуда? — не поняла ученица лекаря, в недоумении оглядываясь по сторонам и даже посмотрев вверх, но оказалось, что нужно было все же смотреть вниз.

Через мгновение ее буквально засыпало разрозненными листами рукописей, свитками и больно попало книгами, что шлепались на ее голову, потом валилось к ногам бумажной шуршащей лавиной, что закручивающимся вихрем поднимались из темного бездонного зева ущелья. А половина этого добра рыбешками в омуте еще сновали в его темной бездонности.

Подняв один из листков, Ли Мин пробежала его глазами. Похоже на чью-то расписку. «Это же архив! — дошло до нее. — Так он был похоронен в Казематном ущелье!» Развернутые свитки шелковые и из жесткого пергамента, все поднимались из ущелья, планируя по воздуху, шлепаясь к ее ногам.

Возле уха девушки, погладив ее по щеке легким дуновением, проплыла мелодия романса.

— Прости... конечно же, укрыт и сохранен, а не похоронен. Все благодаря тебе...

И ее словно воздушной ладонью хлопнули пониже спины. Получив шлепок-посыл по попе от Казематного ветра, Ли Мин с несколькими листами в руке, помчалась в сторону пещеры.

Мало надежды хоть что-то понять из трех листочков, что ей удалось унести, но хотя бы общее представление они дать должны.

Подходя к родным стенам Ли Мин опять услышала знакомый мотив, что поднимался легким дуновением ввысь, то опускался, вплетаясь в голые ветви деревьев, проходился шепотком в жухлой траве. Казематный ветер? Здесь?

Вбежав в пещеру Ли Мин застыла на пороге не столько от удивления, сколько от того, что дальше не пускала высившаяся посреди пещеры покосившаяся, осыпающаяся гора документов и свитков. Пещера была буквально забита ими, не протолкнешься.

— Ни фиги себе! — выдохнула ошарашенная девушка. — Мне теперь на улице ночевать, что ли? Спасибо, конечно...

Из пещерной глубины раздался такой же недовольный рык Горного духа и тут же в пещеру влетел Казематный ветер, развалив и порушив забившую ее до самого свода гору книг и свитков, вороша и выкидывая наверх короба и корзины с бумагами.

На глазах Ли Мин книги начали укладываться аккуратными устойчивыми стопами, а в выстроенные ряды корзин ложились свитки, забивая их доверху. Так же было и с коробами в которые планируя, укладывались листы документов.

Между высившимися стопами, коробами и корзинами, громоздкой, неуклюжей тенью с хозяйским видом сновал Горный дух, порывивая и ворча на Казематный ветер за легкомысленную небрежность. Тот же, подразнивая его, подбрасывал свитки, играл листами книг, раскрывая их своим дуновением, нарушая тем столь любезный Горному духу порядок. То, что у Ли Мин на уборку и сортировку всего этого добра ушел бы месяц у Казематного ветра составило четверть часа.

— Супер! — вдохнула, все еще не пришедшая в себя от изумления и облегчения, даже не успевшая как следует испугаться предстоящего трудоемкого дела, Ли Мин.

Засвистел довольный Горный дух, а Казематный ветер едва уловимым дуновением прошелся по ее лицу.

Прежде чем взяться за записи, Ли Мин на плоском жертвенном камне позади пещеры оставила Горному духу и Казематному ветру подношения из своего ужина.

Задоблив тем добрых друзей и неожиданных союзников, выказав им свою благодарность, Ли Мин бочком прошла в пещеру и вдоль стены, чтобы не обвалить стопы книг, пробралась к кану, а усевшись на нем в позе лотоса, взяла с ближайшей стопы,

лежащие сверху записи.

С этого момента жизнь Ли Мин едва успевала вмещаться в дни. Помимо того, что ей приходилось усваивать кучу сведений, вникать в дела клана и сортировать материал по степени важности, так еще повадились развлекать ее два «братца-акробатца». Казематный ветер и Горный дух, кажется, подружились и чуть ли не каждый день докучая Ли Мин своими шалостями и разборками, мешая вчитываться в архивный материал.

— А ну прекратили живо! — то и дело прикрикивала на них Ли Мин из пещеры, когда за его стенами поднималось торнадо с воем и визгами.

Вихрь опадал, гвалт стихал и Казематный ветер виновато струистой змейкой вползал в пещеру, за ним пришаркивая топал присмиривший Горный дух. Легким дуновением Казематный ветер вился возле ног девушки, а Горный дух вздыхал и сопел из темного угла пещеры, поблескивая оттуда красноватым отблеском глаз.

— Ой, ну ладно... — откладывала Ли Мин бумаги в сторону.

Все равно ведь не отстанут. И начинала напевать первую же пришедшую на ум песенку, которую Казематный ветер тут же подхватывал. Что поделаешь, если духи заделались заядлыми меломанами.

Начитавшись компромата, а архив Главы оказался ничем иным как компроматом на первых особ империи, исключая самого императора как священной особы, Ли Мин начала понимать, что должна делать.

Оказывается клан Северного Ветра возник задолго до эпохи «Воюющих Царств» (пятый-третий вв. до н. э.) и, как своеобразная служба «внутренней разведки», в то же время оставался больше «семейным» кланом со своими втайне разработанными методами «агентурной работы».

Для того, чтобы Северный Ветер держала одна семья, он должен был все время доказывать свою преданность императорской династии. Однако не раз вступал в конфликт с императорской властью, так как вставал на сторону страны, при этом гибели и уничтожения клану как-то удавалось избегать, благодаря не только уму и дальновидности его Глав, возглавлявших его на тот нелегкий исторический момент, но и удаче. Похоже, именно с тех времен клан начал вести тайный архив, чтобы обезопасить себя от перепадов императорских настроений.

Нашла Ли Мин и последнее дело красиво провернутое ее любимым нынешним Главой.

А дело было так.

Какой-то наместник, самонадеянно отмахнулся от предупреждения Главы поумерить свои непомерные воровские аппетиты. Наместник понял это вежливое предупреждение так, что молодчик в скромных одеждах, возомнивший себя Главой ничем не примечательного клана, решил перейти дорогу его интересам и соответственно рыпнулся на него. Ему тут же прищемили хвост. Буквально на следующий день перед императором легли письма к Первому министру соседнего государства Вэй, откровенно изобличающие наместника в измене.

Но самое интересное то, что на эти письма у наместника были ответы Первого министра, что значило, что шпионы Главы умудрились стащить письма наместника из-под носа Первого министра. А ведь можно предположить, что Первый министр отнюдь не разбрасывался подобными изобличающими его вещами, то есть выкрали письма по-видимому из его тайника. О как! Окончилось дело тем, что самоуверенного наместника казнили.

Но выбирая бумаги и сведения последних лет, Ли Мин заметила одну закономерность, а именно: казенный наместник оказывается состоял в родстве с Царедворцем, пусть и не близком, но у Царедворца явно были какие-то интересы в уделе наместника, которого он, кстати, туда и назначил. Но самое ужасное, что увидела Ли Мин в сложившейся картине систематизированных документов за последние пять лет, что Царедворец не только опутал императорский двор своими связями, считай шпионами так, что у императора проваливался один проект за другим, не угодный Царедворцу, зато непопулярные законы принимались императорским Советом быстро и без колебаний, делая императора совершенно беспомощным перед сильным лобби Царедворца.

Как поняла Ли Мин, Глава начал подготовку по минимизации влияния Царедворца при дворе, пытаясь снять с его крючка влиятельных чиновников и вельмож, а так же выявляя тех, кто зависел от него или был ему чем-то обязан.

Тех же, кто имел с этим гнусным интриганом свои счета набралось немного, в их число входил и министр финансов, чья дочь числилась в невестах Главы. Эти немногие были уперты, с твердой решимостью идти до конца.

Собственно понять все это ей помог сам Глава, делая особые пометки на документах, по которым Ли Мин и ориентировалась. Конечно, все это не давало ясного понимания, что же происходило на самом деле, но она твердо знала, что за эти бумаги клан Северного Ветра готов был вырезать не только Царедворец и ни его одного беспокоит существование собранного Главой компромата. Что невольно подтвердила новость, которую она услышала, спустившись в деревню каким-то зябким сырым днем, в конец промерзнув в своей пещере.

Новость дошедшая в Снежные Листопады из Сяофэна оказалась хуже некуда. Поместье и земли клана были пожалованы императором Царедворцу, означавшее, что Царедворец не собирался оставлять поиски архива.

Пришло время заканчивать отсиживаться в пещере, сторожа магический круг пентаграммы, начать действовать и быстро соображать. Нельзя было допустить, чтобы Поместье, хоть и разоренное отошло к Царедворцу. В конце концов, оставаться в пещере зимой слишком холодно, так не порезвиться ли ей тогда в здешней столице, с пользой переждав сезон холодов?

Все это заставило Ли Мин тем же вечером в скором порядке, собрать свои немудреные пожитки, большую часть которых составляли бумаги архива, спрятанные в широком поясе и жилетке и покинуть обжитую пещеру, присматривать за которой было поручено Горному духу и Казематному ветру.

— И что б ни одно бумажки не пропало из архива, — строго наставляла их она, быстрым шагом сходя с тропы. — Никому не позволяйте приближаться к пещере. Надеюсь на вас, ребята.

«Ребята» слаженно провыв, пообещали ей это. Горный дух остался сторожить пещеру, а Казематный ветер еще долго сопровождал ее: сперва до Сяофэна, а потом по дороге в столицу, налетая то справа, то слева, то толкая в спину, заставляя поплотнее запахнуться в толстый шерстяной плащ, да опустить на голову капюшон поглубже, только тогда отстав.

Через три дня Ли Мин стояла на городской суматошной улице перед усадьбой, читая над воротами вывеску извещавшую, что находится она перед школой «Ветра трех земель». Сам иероглиф «ветра» однозначно указывал, что она попала по адресу.

То, что Ли Мин так быстро добралась до столицы, было благодаря ее помощи в родах жене торговца вином, который в благодарность мало того, что пристроил ее в свой обоз

направляющийся в столицу, так еще настояла дегустации его товара, попутно обмывая рождение сына. Радость-то какая? Так что Ли Мин можно сказать, в бессознательном состоянии доставили по назначению.

От того же торговца, — как же его звали? — дай Небо здоровья ему и его потомству, — она узнала, что в столице несколько школ боевых искусств и по иероглифу «ветра», решила, что эта именно то, что ей нужно. Вот интересно угадали она или нет? Если угадала, то все получится, если нет... будет стараться до конца.

Ворота усадьбы скрипнули и через высокий порог перешагнул паренек в простой одежде с метлой в руках. С подозрением покосившись на замершую перед воротами деревенщину с тощим узелком в руках и заляпанном дорожной грязью плаще, он принялся усердно сметать снег с дорожки.

— Скажи, братец, кто учитель в этой школе боевых искусств? Это ведь школа боевых искусств, да?

Тот снисходительно фыркнув, перестал гонять морозную пыль и оставив метлу как джентльмен элегантную трость при разговоре с дамой, торжественно объявил:

— Это школа боевых искусств мастера Цао.

— Ага, — пробормотала Ли Мин. Надо же, как она сразу попала по адресу. — И много ли в ней учеников, добрый мальчик?

— Достаточно, что бы составить конкуренцию «Летящему шагу» и «Огненному лотосу», — похвастался паренек, не без гордости добавив: — Я тоже ученик мастера Цао.

— С чем тебя и поздравляю... Ээ... Нисколько в том не сомневаюсь. А скажи-ка, юный Брюс Ли, девица Ли Ло тоже ученица прославленного Цао?

Лицо паренька мигом оживилось и с него слетела вся важность.

— Так вы знаете жену нашего мастера? — и кинувшись к воротам, распахнул в ней дверцу, приглашая: — Входи же, входи, сестрица. Не стой у порога, а я мигом доложу о тебе нашей госпоже.

Переступая порог Ли Мин уже нисколько не сомневалась, кто у учеников школы пользуется непререкаемым авторитетом. Она остановилась посреди огороженного высокой оградой просторного двора перед домом крытым черепицей и опоясывающей его галереей. Через распахнутые трехстворчатые двери, как со стороны двора, так и со стороны внутренних помещений, можно было видеть на учебной площадке заднего двора строй учеников, отрабатывающих замахи и удары.

У каменной ограды размещалась кухня, курятник, отхожее место и другие хозпостройки. Возле противоположной стороны ограды, явно стараниями Ли Ло был разбит небольшой сад и огород, чьи грядки сейчас были присыпаны снегом.

— Эй, Бао! — окликнул мчавшегося к дому подметальщика, долговязый парень тащивший охапку хвороста в летнюю кухню. — Чего это ты от работы отлыниваешь?! Смотри, доложу о тебе мастеру!

Но Бао даже не замедлился, а отмахнувшись от ябеды, вбежал в открытые двери, громко зовя: «Хозяйка! Хозяйка!» Парень с хворостом вошел в летнюю кухню и тут же вышел уже без своей ноши. Ли Мин все переминалась у галереи, пока из дома не выбежала Ли Ло.

— Ты все же приехала?! О Небо, даже не верить, — и подбежав, схватила гостью за руки, тихо добавив: — Почему-то именно по тебе я скучала вдали от Поместья.

— Мне тоже тебя очень не хватало, — растрогалась Ли Мин, с невольной навёрнувшимися слезами.

— Заходи... быстей же заходи в дом...

Пока Ли Ло хлопотала устраивая подругу с дороги, Ли Мин с удивлением обнаружила в ней разительные перемены. Прежде всегда такая выдержанная, воспитанная Ли Ло, выверяющая каждый свой шаг, стала намного проще и раскованнее. Она не опростилась, нет, но стала эмоциональнее что ли. Пока они, перебивая и перескакивая с одной темы на другую, болтали, пришел Цао и служанка подала чай и обед. Когда разулыбавшийся Цао оправился от удивления, они с Ли Ми церемонно поприветствовав друг друга, уселись за стол и дочь казначея принялась ухаживать за ними.

Ли Мин охотно отвечала на все вопросы Цао об их общих знакомых, порадовав его известием, что все раненные, которых он оставил в деревне, поправились, а после поинтересовалась:

— Кажется, у вас во дворе я видела одного из воинов Второго мастера.

— Это так, — подтвердил Цао. — За мной в столицу перебрались воины, те кто уцелел из нашего клана. А ты здесь из-за Главы?

— Что-нибудь известно о нем?

Цао мрачно кивнул.

— Сначала мы думали, что он в императорской тюрьме, но там его не оказалось.

— Это точно? — расстроилась Ли Мин, от того проявив недоверчивость.

— Я подкупил тюремного служку и он тайком провел меня мимо всех клеток, чтобы я мог опознать Главу. Его там нет. Плохо то, что стражник, что стоял той ночью у ворот и видел, как напали и перебили свиту Главы, а его самого похитили, не мог опознать похитителей. Все напавшие были черном с закрытыми лицами. Разумеется, это не остановило наших поисков. И это дало пусть и небольшой, но результат, мы наткнулись на нищего попрошайку, который рассказал, что видел странный возок, остановившийся ночью двадцатого дня одиннадцатого месяца возле глухих ворот дома придворного цензора.

— Что же в этом странного? — осторожно спросила Ли Мин, юясь потерять и эту мелькнувшую, надежду.

— То, что дом этот, вот уж как год выставлен на продажу, однако так и не был куплен, потому что его не позволяют купить.

— Как это?

— А так. Как только покупатель, желая приобрести сей добротный дом с хозяйственными постройками, павильонами и обширным двором и начинает прицениваться сразу же поднимают цену до немыслимого и сделка срывается. А тех, кто жаловался на такое бесчинство, запугивали и угрожали, а это были все люди не из простых семей.

— Вот как.

— Мы стали следить за этим особняком, там явно кто-то жил. Оказалось, что там обитает домоправитель со слугами, но он такой же домоправитель как я святой, а его слуги, больше похожи на жестоких разбойников, чем на послушную робкую челядь.

— Хотя Цао посчитал эту затею пустой, я все же под видом покупательницы, желающей приобрести жилище, приценяясь к сему дому, посмотрела его план... — добавила Ли Ло.

— И? — Ли Мин едва сдерживала нетерпение.

— Там добротные подвалы...

— Черт!

— В таких держали беглых рабов, да еще и пыточная.

— Торговец недвижимостью, когда мы его подпоили, ничего толком о домоправителе

сказать не смог. Ему лишь один раз озвучили требование, — не продавать этот дом, регулярно платя ему за труды, — рассказывал Цао. — Но вот слежка, которую мы приставили к тому сомнительному дому, дала свои результаты. Туда, чуть ли не каждый день, навевается искусный в своем деле, заплечных дел мастер.

— Почему не напали на дом? — яростно спросила Ли Мин.

— Успокойся, — попросила ее Ли Ло, успокаивающе похлопав по руке. — Выпей чаю и ты не притронулась к блюдам... Понимаю, об этом даже больно думать, но сама посуди, вдруг мы ошибаемся? К тому же мы понятия не имеем сколько там сил, ведь Царедворец располагает ими достаточно. Мы можем спугнуть его, и тогда Главу перевезут в более надежное место, такое, где нам нипочем не добраться до него.

— Так... хорошо... — вдохнула и выдохнула Ли Мин, пытаясь взять себя в руки. — Тогда вопрос: зачем похищать Главу и пытаться? И почему устроили это прямо под носом императора? Почему не вывезли из столицы, в какое-нибудь укромное место и там не расправились с ним?

— Они чего-то добиваются от него, — неуверенно предположила Ли Ло, переглянувшись с Цао. Таких вопросов они себе не задавали.

— Чего? — Ли Мин была на взводе. Какой нафиг чаек?! — Цао у вас выпить есть?

— Я принесу, — сразу подхватила Ли Ло, пока Цао обдумывал, новый поворот в их деле.

— Может, они выпытывают у него место где спрятан архив? — выдала свою версию Ли Мин.

Цао покачал головой.

— Не имеет смысла из-за этого прилагать столько усилий. Царедворец настоял, чтобы император пожаловал ему Поместье Главы, которого обвинили в измене трону и который от того, скрывается в бегах. А если учесть, что Царедворец зачем-то поручил мастерским изготовить подъемники, то это наводит на мысль, что задумал он поднять архив Главы из Казематного ущелья.

— П-фы... — фыркнула Ли Мин. — Да пусть ковыряется сколько душе угодно.

— А вот то, что он настаивает на казни Главы, очень тревожит. Император требует доказательства измены Главы, кои Царедворец обещает ему предоставить.

Ли Мин нахмурилась.

— А вот если нет таких доказательств, то в каком случае можно казнить изменника?

— В том, — вошла Ли Ло, неся три кувшина вина, — если виновный сам сознается в этом.

— То есть, оговорит себя? — выдохнула Ли Мин.

— Ему не дадут умереть под пытками, пока он во всеуслышание перед императором не скажет, что предал его.

— Глава скорее умрет, чем оговорит себя, это же приговор не только ему, но и всему клану, — мрачно проговорил Цао и забрав кувшины у жены, рывком откупорил их, поставив на стол.

— Этим Царедворец сможет оправдать свое нападение на клан и арест Главы, — кивнула Ли Ло, наливая из кувшина вино в чашу Ли Мин, Цао, а заодно и себе.

— Нападение тоже его рук дело? — сузила глаза Ли Мин и когда Ли Ло кивнула, забрала у нее кувшин, выхлебав вино словно воду прямо из горлышка.

Итак счет открыт и счетчик тикает, зло хмыкнула она, кажется, проговорив это вслух.

Каменные псы

— Ты хочешь противостоять Царедворцу? — Ли Ло схватила в беспокойстве за руку Ли Мин. — Но ты не устоишь перед этим, опасным и прожженным интриганом, добрую половину жизни, удерживавшего свое влияние при дворе. И можно не сомневаться, что с его возможностями, он быстро отыщет тебя.

— Но Царедворец упорно добивается казни Главы, доказывая его предательство и измену и отнеся обвинения министра финансов в том, что он самовольно уничтожил клан. Теперь он точно не отступится, потому что просто должен доказать свою правоту, — мрачно закончил ЦаоЮ забывая еще один гвоздь неверия в решительность Ли Мин. — Мы не сдюжим против него. Он всемогущ.

Ли Мин лишь скептически хмыкнула. Еще в пещере Горного духа и по дороге в столицу она раздумывала над этим. И понимала, что браться за дело нужно тогда, когда честно ответишь на вопрос: из-за чего затеяна вся эта чудовищная интрига против Главы, вплоть до уничтожения клана?

По собранным в секретном архиве документам, на Царедворца шел просто зашибенный компромат из-за которого каждый вырежет целый город, рука не дрогнет.

А что она, действительно, может сделать с горсткой уцелевших из клана? Даже с убийным компроматом на руках, пойти против Царедворца смерти подобно. Ее схватят, подвергнут изощренным нечеловеческим пыткам, когда при страшных муках ей не дадут умереть, и выложит все о местонахождении архива. Царедворец, когда она пустит в ход первую «ласточку» компромата на него, сделает все, чтобы отыскать источник опасных сведений.

Значит, необходимо тщательно скрываться и таиться, добраться до самого Царедворца, чтобы схватить его за горло. Но людей на которых она могла положиться, недостаточно, чтобы осуществить подобное. И пока она соберет силы, чтобы противостоять Царедворцу, он уже раз десять покончит с Главой. Нужно действовать быстро, жестко и без оглядки. Единственно верным решением было опираться на обиженных и обманутым Царедворцем, а таких, судя по архиву, предостаточно, хотя о них и упоминалось вскользь. И все эти люди явно жаждали не просто справедливого суда, а жестокой мести Царедворцу.

Но сначала очень хотелось освободить дафу, так было бы спокойнее противостоять всемогущему врагу. Он являлся самым уязвимым местом в плане Ли Мин, сковывая ее по рукам.

Захватывать тюрьму глупо, да и не имели они с Цао столько людей. Даже если бы их было достаточно, как тягаться с вымуштрованной и многочисленной дворцовой охраной? Втихаря выкрасть его нереально, хотя Цао был готов к этому, не видя иного выхода освободить господина. Ну, подкупят они стражника или евнуха Царедворца, где гарантия, что, взяв деньги, они тут же не сдадут ее. Все эти потуги мало, что пусты, они сильно навредят Главе, подтвердив все, в чем бы его там ни обвиняли.

Допустим, им невероятно повезет и Главу удастся вытащить, куда после с ним податься? Уготовить ему жизнь беглого преступника, вечного скитальца в бегах? Захочет ли Глава такой судьбы? Она-то уж точно такого ему не пожелает.

Вот непонятная позиция императора в вопросе обвинений Главы тоже вызывало

недоумение и опаску. Так слить своего верноподданного! Ли Мин этого не понимала. Чем Глава так прогневал императора, что он сменил милость на гнев, позволив, буквально стереть с лица земли клан Северного Ветра?

Как-то плохо верилось, что всегда выдержанный Глава мог не осторожно вывести из себя владыку до такой степени, что тот жестко поквитался с ним. Но главное она не понимала, на чью сторону встанет император в ее борьбе с Царедворцем? Может из-за нашептываний и внушений хитрого Царедворца, владыке придет охота вонзить ей нож в спину. Такое вполне вероятно, если учесть то, что Царедворец постоянно ошивается возле императора. Ну, значит нужно уравнивать шансы, выманив вельможу из императорского города. А что может быть важнее для придворного в рискованной игре возле трона? Родные и близкие. Семья.

С этих пор в столице начали происходить необъяснимые вещи, а из дворца приходили тревожные слухи. Столица наполнилась противоречивыми новостями и сплетнями.

Царедворец терялся в тревожных догадках, он ничего не понимал. Вроде бы он, победитель, поверг своего назойливого врага, свалив его, однако не чувствовал себя спокойно. Почему? Потому что, оказалось, что помимо Главы против него действовал еще кто-то, более изощренный, чем Глава. Еще один заговор? Кто мог дерзнуть на такое?

Вот ведь Глава после долгих изощренных пыток все-таки выдал место, где прятал свой архив. Но посланная в Поместье Тайная канцелярия ничего там так и не нашла: ни одной бумаги, ни одного свитка, листочка. Ничего! Казематное ущелье как показала магия Сумеречных оказалось пустым как выскобленный котелок. Понятно, что тут не обошлось без воровства, только ведь смешно думать, что к этому причастен Фэй Я. Или все-таки он?

Теперь уж Царедворец не мог позволить Главе клана умереть, прежде не выгнав все об этом. Но вот три дня назад его человек в тюремных застенках донес, что император подослал своего шпиона освободить Главу. Царедворец приказал убить засланного тайно освободителя и скрыть тело так, чтобы императорские ищайки не нашли его останков.

А после Царедворец и думать об этом забыл, но сегодня на Утреннем Совете чиновник Тайной Канцелярии доложил вдруг о том, что напал на след виновного в гибели одного из императорских служащих. Царедворцу не было дела до этого доклада, пока не понял о чем идет речь. Как? Кто сумел докопаться до этого убийства?

Конечно, он сумел сохранить невозмутимость, выказав даже вежливый интерес и недоумение, но заметно напрягся. Убийство императорского служащего с заданием самого владыки — может иметь губительные последствия даже для него — правой руки императора.

Вернувшись к себе, Царедворец призвал верного немногословного исполнителя, велел устроить дворцовому дотошному чиновнику-дознавателю и его семье смерть в случайно вспыхнувшем пожаре. Из императорской тюрьмы доложили уже дежурное: «Глава молчит». Но если Царедворец думал, что уже уладил это дело, то на следующее утро понял, что сложности для него только начались.

С утра из тюрьмы прибыл насмерть перепуганный старший надзиратель и, трясясь, доложил, что один из пыточных дел мастер найден изувеченным. Царедворец с отвращением и брезгливостью воззрился на Старшего надзирателя, не понимая, какое ему должно быть дело до какого-то тюремщика из допросной. Но Старший надзиратель, низко кланяясь с дрожью в голосе пояснил, что изувечен тот точно так же, как и Глава, то есть у него перебиты пальцы и сломаны ноги.

— Занятно, — угрожающе протянул Царедворец и распорядился: — Замените пыточных дел мастера. Пыток не прекращать, и разузнайте, что произошло с пострадавшим.

Но этим же днем ему доложили о происшествии, которое крайне встревожило всесильного вельможу. Его личный слуга, матерый опытный убийца, все это время безупречно делавший всю грязную работу, погиб в пожаре вместе с семьей, что неожиданно вспыхнул в доме. Царедворец растерялся. Кто это? Что это? Откуда? Тут даже близко ничего нет от магии. Смешно думать. Что ему могли угрожать какие-то жалкие остатки разгромленного клана, он был словно во тьме.

Этой ночью Царедворца мучила бессонница, а утром в тюрьму не явился заплечных дел мастер, что допрашивал накануне Главу, вместо покалеченного собрата по ремеслу. Его отыскивали дома лежащего на скомканной перепачканной кровью постели, бледного, стенающего от боли. Ибо под каждый ноготь на его руках, были вогнаны иглы. Именно таким излюбленным способом пытал он вчера Главу. После этого случая никто из тюремщиков не рисковал не то, что притрагиваться к Главе, а даже приближаться к нему, чтобы не навлечь на себя гнев Демона Тринадцатого месяца. Потому что именно такое указание дал Царедворец вчера — вызнаться у Главы о том, смог ли Фэй Я призвать Демона Черной луны. Ведь только так объяснялось упорное противостояние Царедворцу. Однако как ни истязали Главу, он упрямо продолжал молчать о Демоне Тринадцатого месяца.

Царедворец был вне себя, он ничего не мог поделать с этой истерией поднявшейся вокруг Главы, что отдаляла Царедворца от его цели — полной победы над этим молокососом. Император уже начал задавать неудобные вопросы, а маг Сумеречных так и не увидел во всем этом никакой магии.

Все ошивающиеся вокруг дома Царедворца, будь то бродяги, нищие или честные торговцы и просто ничего не понимающие прохожие, были схвачены и подвергнуты суровому допросу. Столица возмутилась, о бесчинствах и беззаконии всесильного вельможи тут же донесли императору и Царедворец пережил несколько неприятных тягостных минут, не зная что ответить на неудобные вопросы владыки Поднебесной. Вернувшись из императорского города Царедворец призвал свою тайную личную гвардию.

Именно тогда Ли Мин и ее сторонники столкнулись с Каменными псами. И неизвестно, чем бы закончилось это противостояние, если бы неожиданно объявилась Ся Гэ.

А дело было так...

В столице вынужденная сменить мужскую одежду, в которой ходила в Поместье на не приметное платье прислуги, Ли Мин теперь считалась служанкой молодой госпожи Цао. К тому же потихоньку лечила тех, кто обращался к ней со своим недомоганием, откуда-то прознав, что школа боевых искусств имеет собственного лекаря. Ли Мин все вполне устраивало, так как давало свободу передвижения и подруга особо ее не контролировала, работой не загружала, только просила, чтобы она предупреждала куда уходит. Больше тревожился Цао, пеняя Ли Мин, что это с него Глава строго спросит, если Ли Мин не уберется, а ведь она даже не умеет защитить себя. Причем Цао не уставал ворчать об этом, каждый раз, когда они собирались за столом. Он неустанно повторял снова и снова, что Ли Мин просто необходимо выучить хотя бы один два простейших приема самозащиты, которые могли бы дать ей фору, чтобы убежать от нападавших. Ли Ло шепнула подруге, что той лучше послушаться и уступить ему, иначе муж не успокоится и будет продолжать доносить их ворчанием. К скрытой радости Цао вместе с Ли Мин на тренировочную площадку на заднем дворе их дома стала приходиться и Ли Ло. А ведь он даже не смел уговаривать ее, боясь

за ее драгоценное здоровье. Но первое же занятие показало, что дело это бесполезное и девушки просто необучаемые. Мало того, что все валилось у них их рук, так еще обе хихикали, отвлекали остальных немногочисленных учеников своими неуклюжими нелепыми движениями, пока Цао не изгнал нерадивых и безнадёжных учениц с тренировок. Но по крайней мере он перестал нудить каждый ужин, чтобы они изучали боевые приемы.

В тот вечер Ли Мин возвращалась от одного из своих случайных пациентов и шла обычной дорогой — узкой улочкой, отходящей от рыночной улицы, торопясь побыстрее пройти это глухое место, потому что даже городского дозора поблизости не наблюдалось. Как чувствовала...

Хотя ведь даже не пробила первая стража, так что бояться было нечего и Ли Мин торопливо шла, погруженная в свои мысли. Только в какой-то момент ее отвлекла напряженная тишина. Не слышны были обычные разговоры из-за оград, детская возня или даже плачь, переругивания взрослых, стариковская брань. Будто обитатели улицы вымерли. Окна домов плотно закрыты ставнями, к тому же над дверями и вывесками не везде горели фонари. Жутковато! И Ли Мин прибавила шаг. «Если что, начну орать: 'Пожар!'» — решила она и остановилась. Ей послышалось, что по крыше дома, возле которого она остановилась, что-то словно прощуршало. «Может кошка? — успокаивала она себя, с места перейдя на бег. — Ну, нафиг! Страшно-то как!» Позади слышались нагоняющие быстрые шаги. У нее вовсе не было желания оборачиваться и выяснять, кто преследует ее. Какая разница кто ее ограбит или, не дай бог, убьет. Сейчас важно ноги унести и Ли Мин поднажала, несясь что есть духу, пока не влетела в вывернувшего из-за угла человека.

— Бегите! — крикнула она. — Позади грабитель!

Но вместо того, что бы улепетывать вместе с ней наперегонки, прохожий схватил ее за руку, удерживая подле себя. Сразу все поняв, Ли Мин заехала ему корзиной в лицо и отскочила к стене дома, прижавшись к ней спиной. Эх, все-таки надо было изучить приемы защиты. К ней не торопливо подходили трое мечников одетых в темные неприметные одежды. Лиц не разглядеть из-за широких полей бамбуковых шляп. Они даже выглядели опасно и двигались слаженно со спокойной уверенностью, что жертва никуда не денется.

— Какие-то проблемы, ребята? — задыхаясь спросила Ли Мин, едва переводя дыхание. — Может, поговорим? Не помню, чтобы перешла вам дорогу? Надо-то чего?

— Ты должна умереть, — глухо проговорил один из этой жуткой тройцы, голосом похожим на просыпающийся песок.

— Ну... это вам нужно. Вот честно, я не помню, чтобы обижала таких ребят как вы. И не умею я этого делать... а главное за что? — надо было их заговорить, хотя для чего? Все равно ей от них не убежать.

— Ты мешаешь достойному человеку. Тебя не должно быть на этом свете.

Не очень-то они разговорчивы, ее убийцы, только поставили в известность, что она негодна «достойному человеку» и все. Кто был этим достойным человеком' даже гадать не приходилось. Видя как они перехватывают мечи поудобнее, Ли Мин приготовилась разыграть истерику к которой действительно была близка, желая поднять как можно больше шума и может убедить убийц, что они ошиблись, напав на простодушную дурочку-служанку.

Откуда появилась эта верткая тень, вставшая между мрачными убийцами и нею, Ли Мин так и не поняла. Только ее неожиданный защитник метнулся к троим, сходу атаковав замешкавшихся наемников. Ли Мин жалась к стене, пока перед ней кружились и прыгали, словно шоу какое-то... ей же важно было не попасть под горячую руку дерущихся.

Тайнственный защитник первым делом ранил одного из троицы, выведя его из боя, и теперь пытался проделать это с оставшимися двумя. Те, подхватив своего товарища, отступали, огрызаясь выверенными точными ударами, пока не скрылись за угол здания.

А Ли Мин присматривалась к своему спасителю, который показался ей очень знакомым. И к тому времени, когда он, опустив меч, направился к ней, Ли Мин уже знала, кому обязана своим спасением.

По сравнению со Вторым мастером Третий заметно уступала ему в искусстве мечного боя, тем не менее ей защитить Ли Мин.

— Ся Гэ? Ты выжила? — заикаясь, не веря своим глазам спросила Ли Мин, когда Ся Гэ отогнала от нее троих волчар в бамбуковых шляпах.

— Как видишь. Пойдем провожу тебя, заодно и поговорим, — предложила Ся Гэ пока Ли Мин рассеянно отряхивала юбку, во все глаза недоверчиво разглядывая Третьего мастера.

— К-кто это был?

— Каменные псы, — сурово ответила Третий мастер, прям крутяшка из крутяшек. — Тебе повезло, что я проходила мимо. Сама знаешь, нам — адептам Северного ветра, теперь приходится таиться. Вот я и передвигаюсь только ночами, что не попасться на глаза соглядатаем Тайной канцелярии.

— А ты реально искусный мастер боя. Спасибо тебе, — горячо поблагодарила Ли Мин и хоть искренно обрадовалась Ся Гэ, все же чувствовала ее натянутость. Но если сама Ли Мин быстро забывала обиды, то Ся Гэ отличалась повышенной вредностью, но ведь она же спасла ее.

— К чему мне твоя благодарность, — проговорила Ся Гэ, вгоняя меч в ножны. — Главное, что ты осталась жива и будешь дальше теснить Царедворца. Ты ведь используешь против него архив Северного Ветра, верно? Так он все же уцелел?

— Не знаю о чем ты. Где уж мне грязной деревенщине, что-то там прочитать. К тому же Тайная канцелярия перерыла в Поместье все, что можно.

Третий мастер смерила ее недоверчивым взглядом.

— Уж и не знаю, чего ожидать от тебя, — хмыкнула она. — Тогда откуда у тебя, простушки, столь опасные познания? Дочь казначея рассказала? Вы разве не подружки?

— Небо, да в клане давно все всё уже знали. Ты о чем? Ли Ло больше разговаривает со своим мужем Цао, чем со мной, — врала Ли Мин. Не очень-то хотелось откровенничать с Третьим мастером. Холодность Ся Гэ не располагала к откровенности, хотя казалось бы, общая беда должна сблизить их. Но Третий мастер, видимо, была не в силах переступить через свои предубеждения.

Однако, как она не в даваясь в подробности, поведала Ли Мин, привела с собой воинов своего отряда Горного лотоса и рассказала как пыталась спасти Хранителей. Увидев, что их увозят люди Тайной канцелярии она, тогда, бросилась в погоню с намерением отбить их. Но служители Тайной канцелярии предвидели это и обхитрили погоню, потому Ся Гэ не сумела, ни нагнать ни найти плененных Хранителей. Когда же вернулась в Поместье, оно уже полыхало вовсю и вмешательство Горного лотоса в происходящее уже ничего не решало.

— Кроме тебя кто-нибудь еще спасся? — спросила Ся Гэ, закончив свое повествование. — Ты ведь не сама добралась и обустроилась в столице, верно?

— Ли Ло помогла это верно? — кивнула Ли Мин. — Я здесь в услужении. Давай встретимся завтра в харчевне «Луна в вине» и поговорим. Сейчас мне нужно поторопиться, иначе госпожа рассердится.

— Хорошо. Давай провожу...

— Нет... все в порядке. Тут недалеко. Тогда до завтра?

— Ся Гэ? — не поверили Ли Ло и Цао, когда вернувшаяся наконец Ли Мин рассказала с неожиданной ночной встрече. — Можно ли верить тому, что она понарасказывала?

— Сомневаешься в ее намерении спасти Главу? — задала встречный вопрос Ли Мин. — Правильно ли записывать ее в предательницы лишь потому, что мы с ней не ладим? Пусть так, но ее стремлению спасти Главу можно верить.

Цао кивнул, одобряя беспристрастность Ли Мин, но Ли Ло слушала, смотря в сторону. Ей идея ввести в их круг Ся Гэ, не нравилась.

— Нам не лишне иметь опытного воина, когда Советник привлек Каменных псов. Давай просто выслушаем ее, — предложил Цао.

— Хочешь сказать, что Ся Гэ заставила отступить кого-то из Каменных псов?

— Что ж, — высказалась Ли Ло, — ничто не мешает нам просто послушать, что она скажет.

Получив согласие Ли Ло, Ли Мин на следующий день отправилась к условленному времени в «Луну в вине», где ее уже ждала Ся Гэ. Когда Ли Мин вернулась в школу «Ветров четырех сторон» в сопровождении Ся Гэ, их хотя и сдержанно, но приветливо встретили Ли Ло и Цао. Ся Гэ поздравила их с супружеством, а потом рассказала все то, что рассказывала Ли Мин: что прибыла в столицу, чтобы найти Главу и поквитаться с теми кто уничтожил клан Северного Ветра. Она подтвердила, что уничтожали Поместье не одна Тайная канцелярия, а Каменные псы, которым воины Северного Ветра уступали в жестокой напористости. В своих поисках виновного в разрушении клана, Ся Гэ тоже пришла к тому, что в этом был преступный умысел Царедворца. К тому же она разузнала о Каменных псах к которым у нее появились личные счеты. Это сообщество наемных палачей являлись зубами и клыками Царедворца, и Ся Гэ не представляла, кто из нынешних кланов мог противостоять им.

Цао, проведя с Третьим мастером тренировочный бой не мог не признать, что Ся Гэ заметно повысила уровень своего мечного боя. Теперь Ся Гэ стала вторым преподавателем в школе «Ветров четырех сторон», чем заметно разгрузила вечно занятого Цао. Она, хоть и вела себя по-прежнему надменно, но к Ли Мин уже не цеплялась, относилась к бывшей сопернице спокойно и Ли Мин нет-нет, но ловила на себе ее задумчивые взгляды.

С появлением Каменных псов, что чуть не достали Ли Мин, Цао велел всем затаиться, кроме разумеется соглядатаев при дворе и в доме Советника. Жизнь в школе «Ветров четырех сторон» текла буднично и тихо, потому весть о том, что один из соглядатаев в доме Царедворца раскрыт и убит, потрясла заговорщиков. Они были подавлены и ждали тяжелых последствий. Пока Цао и Ся Гэ вынуждены были проводить занятия с учениками на тренировочной площадке, Ли Ло с Ли Мин обсуждали произошедшее. Слишком много возникало вопросов.

— Странно то, что Царедворец убил нашего человека прежде, не допросив его, — качала головой Ли Ло.

— Уверена, что не допросил? — с тревожным сомнением спросила Ли Мин.

— Его убила невестка Царедворца, вторая наложница его старшего сына, спасая жизнь тестя. Она вонзила бедняге нож в самое сердце.

— Мгновенная смерть, — кивнула Ли Мин. — Это был лучший выход для храбреца. Только вот почему Царедворец вдруг заподозрил именно его?

— Нам остается о том только догадываться, — пожалала плечами Ли Ло.

На следующее утро на кухню где хлопотала, готовя завтрак Ли Мин, заглянула Ся Гэ.

— Послушай, — проговорила она, явно колеблясь, и оглядев кухню, вошла, плотно прикрыв за собой дверь. — Давно хотела спросить у тебя: ты уверена в Ли Ло?

— Что? — выпрямилась Ли Мин над котлом, встроенного в каменную печь, с половником в руке. — Не смейся.

— Тогда отчего наш соглядатай в доме Царедворца, вдруг раскрыт, ни с того ни с сего? Ведь только она знала, кто именно заслан к нему. Я узнала о нем только вчера.

— В этом случае нет ясности, чтобы обвинять кого-то. Я тоже знала об этом человеке и что? Малый мог сам по неосторожности чем-то выдать себя. Нельзя указывать на кого бы то ни было основываясь лишь на своих догадках. Измена, знаешь ли, тяжкое обвинение, чтобы им вот так разбрасываться.

— Вот именно, — упрямо хмурилась Ся Гэ. — Если мы не убедимся во всем и не расследуем это дело, для всех нас это может иметь губительное последствие. Так что я присмотрю за ней.

— Дело твое... — хмыкнула Ли Мин, яростно мешая похлебку в котле.

Ни на чем не основанные подозрения Ся Гэ ей не нравились. Нет, чтобы сначала присмотреться, а потом уже выдвигать на основе чего-то свои обвинения. Так, нет, сначала брякнет, заставляя мучиться сомнениями. Но Ли Мин видела как переживает Третий мастер из-за Главы и как никто понимала ее. Они обе не позволяли себе сходить с ума от страха за него.

Следующим вечером Ся Гэ пришла к камерке Ли Мин, когда все разошлись на покой, шепотом рассказала, что выследила Ли Ло. Дочь казначея встречалась с человеком Царедворца и они назначили встречу эти вечером в укромном месте и следует поторопиться, чтобы застать обоих врасплох и как следует допросить.

У Ли Мин упало сердце. Да быть такого не может, чтобы Ли Ло... Она полностью и бесспорно верила подруге, даже сейчас. Но в этом недоразумении следовало разобраться. Нельзя было просто отмахнуться от слов Ся Гэ.

— Жду тебя у ворот к часу второй стражи, — прошептала Третий мастер. — И оденься теплее, — предупредила она.

Весь день у Ли Мин все валилось из рук. Ли Ло и Цао ушли в город, куда не сказали. К вечеру вдруг повалил мокрый снег. Когда в доме стояла сонная ничем не нарушаемая тишина, Ли Мин выскользнула за дверь своей комнатки. У ворот ее уже поджидала Ся Гэ. Не выспавшаяся Ли Мин шла за уверенно ориентирующейся на темных улочках Ся Гэ. Фонари еще не зажигали и они, потухшие раскачивались на ветру. Молодые женщины направились к городской стене и вовремя подошли к открывающимся в это рассветное время городским воротам. Если в городских стенах падал мягкий снег, то за ними гулял пронизывающий ветер, слепя глаза. Идя к месту тайной встречи, а это судя по всему случится в деревушки, находящийся у самых городских стен, Ли Мин, прикрываясь рукой от ветра, вдруг спросила.

— Как ты спаслась, Ся Гэ?

— Почему ты спрашиваешь об этом? — остановилась та. — Помнится, я уже рассказывала об этом.

— Знаешь, мне известно как спаслась Ли Ло. Ее вытащил Цао, когда сражался вместе с воинами Серебряного Инея. Ты рассказала только, что со своими людьми преследовала тех.

Кто увозил Хранителей, но не подробности как именно спаслась.

— Т-с-с... — оборвала ее Ся Гэ, они подошли к какому-то амбару, стоящему сразу при входе на деревенскую улицу. — Они уже здесь, видишь их?

— Вижу только следы на снегу... проклятый ветер не дает поднять головы... — пожаловалась Ли Мин.

— Подойдем к двери, из-за воя ветра нас не услышат, — тихо предложила ей на ухо Ся Гэ.

— И мы тоже ничего не услышим...

В ночной темноте они подкрались к приоткрытым дверям амбара.

— ...вы хотели сказать мне о нем, — узнали девушки хорошо знакомый им голос дочери казначея и заглянули в щель приоткрытой двери.

— Он жив, — успокоил ее правая рука Царедворца. — Это все, что мне известно, но вы помните, что обещали передавать мне все, что затевается против моего господина?

Вместо ответа дочь казначея, что-то достала из рукава теплого плаща, но от вонзившейся в ее сердце стрелы, рука ее бессильно упала, так и не довершив начатого движения. Ли Ло рухнула скошенной мгновенной смертью Правая рука Царедворца повалился рядом, умерев мгновением позже. Его спина была утыкана стрелами, как игольная подушечка булавками.

— Что ты делаешь?! — развернулась разъяренная Ли Мин к Ся Гэ, что опускала небольшой арбалет. — Зачем нужно было убивать их?

— Ты же сама видела, она хотела что-то передать ему, — процедила сквозь зубы Ся Гэ. — Она предала нас.

— Забери тела, — бесстрастно велела Ли Мин, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться ей в волосы. — Пусть слуга Царедворца исчезнет по неведомым для его господина причинам.

Из-за амбара вышли трое воинов, незримо сопровождавших Ся Гэ и Ли Мин. Завернув тела в плащи, они, взвалив их на плечи, побрели сквозь снегопад к телеге, что стояла у дороги. Стража на воротах пропустили скрипучую телегу, что нехотя тянула сонная лошадка с сидящими на ней в ворохе сена двумя женщинами, что зябко кутались от ветра.

Только оказалось, что это еще не конец трагедии. Ли Мин все не мучилась, как расскажет Цао о гибели, а главное о предательстве его жены. Даже увидев все своими глазами, она не могла поверить этому и толком осознать случившееся. Возле школы «Ветра четырех сторон» они увидели собравшихся у распахнутых ворот учеников, стоявших над телом своего учителя. Из их сбивчивых слов Ли Мин и Ся Гэ поняли, что Цао погиб в стычке с неизвестными воинами в черных одеждах.

А дело было так...

Как только Ли Мин с Третьим мастером ушли тайком, к школе подошли неизвестные, запретив ученикам выходить за ворота и вмешиваться, пока они не проведут поединок с их учителем. Так они бросили вызов мастеру Цао, вынуждая его к поединку.

— Каменные псы... — презрительно бросил, вышедший к ним Цао, без раздумий обнажая меч. — Видимо туго совсем вашему хозяину, что спустил вас с цепи, — процедил он сквозь зубы со сдержанной яростью.

Напрасно ученики пытались сдержать безрассудный порыв учителя, чью ярость и гнев подпитывали оскорбления Каменных псов. Один из нападавших, что кружили вокруг него неторопливым крадущимся шагом, тихо заметил:

— Ни у тебя, ни у твоей школы нет шанса выжить, сердцевину яблока жрёт червь измены.

Цао стиснул зубы. Плохо! Если в его школе соглядатай Царедворца их дело обречено.

— Кто он? — бросился Цао на противника, стараясь сохранять самообладание, но именно в этот момент допустил ошибку.

Слушая это, Ли Мин опустила руки, им не победить. Царедворец — твердыня. Что ей теперь делать одной, без друзей? Все безнадежно, Ли Ло и Цао унесли в могилу имена тех, кто составлял всю их разветвленную сеть заговорщиков, был их глазами и ушами, кто связывался с Главным Евнухом и министром финансов. Все ее потуги «вытащить» Главу и одолеть Царедворца мало, что напрасны, они привели к гибели друзей. Теперь она осталась одна и совершенно беспомощна.

На второй день похорон супругов Цао о которых хлопотала Ся Гэ и к которой, как само собой разумеющееся, перешла сама школа, в дверь к Ли Мин заглянул Бао.

— Госпожа, — тихо позвал он. — Вас хотят видеть.

Ли Мин не ответила, вот ей видеть никого не хотелось и она продолжала сидеть неподвижно, не удостоив взглядом стремительно вошедшего в ее комнату человека, закутанного с головы до ног в теплый плащ лилового бархата. Пришедший откинув капюшон и шагнув к ней, отвесил Ли Мин звонкую пощечину. Девушка шмыгнула носом и уставилась на бывшую невесту Главы.

— Знаешь, кто я? — властно спросила она. — Я по доброй воле стала первой наложницей старшего сына Царедворца. Это я убила неосторожного соглядатая, избавив его от мучительной смерти в допросной своего тестя. А ты руки опустила? Все слезы льешь, жалея себя? — прошипела молодая дама и в ярости взвизгнула: — Делом займись!

Оказывается пощечина здорово проясняет ум и прочищает мозги. Туман горя рассеялся и Ли Мин смотря на рассерженную красавицу красными опухшими от слез глазами, гудносно поинтересовалась:

— Что ты хочешь от меня? Что я сейчас могу сделать? Мои друзья гибнут один за другим, лучше... — и снова получила пощечину.

— Не смей! Ты думаешь Главе, что едва выживает в застенках день за днем, терпя мучительную боль от изощренных пыток, легко? Да ему один день как целый год! Думаешь легко мне выносить вонючего нудного супруга, ублажая все его прихоти, только чтобы выведать замыслы его ненормального отца. Глава и я один на один противостоям Царедворцу, каждое мгновение рискуя быть убитыми по прихоти ненавистного врага. Чего же ты жалуешься? Ты, которая имеет хоть какую-то свободу действий! Ты, о которой я и словечка не скажу под самыми страшными пытками. А ведь ты мне никто и мне дела нет до тебя! Но ты сильно потеснила Царедворца, да так, что он и его семейка крутились словно уж на сковороде. Ты привела его в такое состояние, что он уже ничего не способен контролировать и сбила спесь со всей его семейки. Так неужели все бросишь?! Ненавижу тебя! — в неистовстве взвизгнула молодая женщина. — Если бы я стала выбором Главы, то не раздумывая, шла до конца и ценой своей жизни даровала ему свободу. Но я все равно выпрызу его врагов, как только подберусь к ним ближе, что бы ничто больше не угрожало ему в будущем. И это произойдет с тобой или без тебя!

Ли Мин враз пришла в себя, после такой пламенной речи. Первой ее мыслью было: откуда она знает о ней? А второй: что это она собралась делать? Такую неистовую энергию да направить в нужное русло.

— У тебя есть идеи? — остановила Ли Мин вопросом, развернувшись к выходу молодую женщину.

— Разумеется, — холодно бросила та через плечо.

— Притормози-ка.

— Что еще ты хочешь от меня?

— Не торопись, говорю, — удержала Ли Мин героически свирепую женщину. — Присядь... Вот, выпей воды и обговорим спокойно, как нам быть дальше. Сама знаешь, что слаженный удар намного сильнее, чем разрозненные, от которого этот старый козел вряд ли оправится. Импульсивностью и горячностью можно все запороть.

— Не понимаю о чем ты... У меня нет времени рассиживаться с тобой, — высокомерно отрезала бывшая невеста Главы, передавая Ли Мин чашу из-под воды, которую осушила до дна одним глотком. — Однако, я выслушаю тебя.

— Сначала скажи, чего ты добьешься убийством семьи своего мужа, кроме того, что тебя за это казнят?

— Конечно же, расследования! — вспыхнул бывшая невеста Главы. — Тогда всплывут все делишки тестя и император увидит на какого вероломного негодяя и двуличного подлеца полагался прежде.

— Понятно. Только вот в его делишках участвовали слишком многие и они-то, пустив все свое влияние и связи, постараются, чтобы расследование, на которое ты надеешься, прошло так как выгодно им.

— И как будет выгодно им? — иронично поинтересовалась молодая дама, всем своим высокомерным видом подчеркивая, что такая как Ли Мин ничего не может смыслить в тонкой политической игре интриг.

— Они повернут расследование не против причин убийства, а против совершившего преступления. Тогда вспомнят, что вы и ваш батюшка хотели через брак породниться с Северным Ветром, придав этому альянсу особое опасное для трона значение. Итогда вместе с вами казнят и Главу тоже. Уж сторонники Царедворца позаботятся закончить начатое им.

Бывшая невеста Главы во все глаза со страхом смотрела на ученицу лекаря.

— Ты права, — спохватилась она. — Но что же делать тогда? Дайте еще воды.

— Кто кроме вашего батюшки при дворе противостоит сейчас Царедворцу?

— Главный Евнух.

— Знаешь, как связаться с ним?

— Нет. Я не имею возможности выходить из дома без позволения своего господина. А сейчас за мной следят особенно усердно, потому что я дочь министра финансов и свекор моей несвободой связывает тем руки моему отцу. Но я могу доносить тебе все, что узнаю в этой гадкой семейке, — она вдруг замолчала, задумавшись. — Если тебе это поможет, то отец как-то говорил, что связывался со своими сторонниками при дворе через аптеку, что у дворцовых западных стен, он одно время покупал там лекарства для сердца.

Ли Мин задумалась. Не отсюда ли Цао мог знать все, что происходило при дворе? А ведь помнится, что Цао частенько ходил на рынок, покупал там грушевые пирожные, заодно подходил к уличному предсказателю, что определял благоприятные дни для любых начинаний.

— Я знаю только это, — поднялась со стула бесстрашная союзница Ли Мин. — Жаль, что я мало чем могу помочь вам.

— Ну... это пока, — «успокоила» ее Ли Мин. — Ваши связи и знания о семействе

Царедворца очень пригодится.

Когда с умным противником работает лишь примитив

Первым звончком для Царедворца стало дело об обещанном им императорунеоспоримом доказательстве измены клана Северного Ветра. Заключалось оно в некоем, избличающем Главу письме и обернулось пустым обещанием. Люди Царедворца так и не смогли добраться до злополучного тайного архива, где это письмо якобы хранилось, но раз такового доказательства не существовало, его следовало создать.

Царедворец решил поставить на то, чтобы вынудить Главу оговорить себя, номерзавец упорствовал и никакие пытки не могли сломить его. А тут случились странные казусы с заплочных дел мастерами. Тогда по велению Царедворца был подкуплен мелкий чиновник письмоводитель с большими денежными затруднениями, который легко согласился подделав Главы почерк, написать от его имени письмо измены. В тот же вечер к шпиону в Вэй был послан тайный вестник от Царедворца с соответствующими указаниями. На следующий день Царедворец намекнул его величеству, что имперехвачен гонец с обещанным тайным посланием из Вэй и что это письмо завтра же доставят, и он сможет самолично узреть долгожданное доказательство измены Главы Северного Ветра.

Только гонец с пресловутым письмом так и не прибыл. Более того, письмоводитель вдруг подался в бега. Но хуже всего, что и шпион Царедворца в Вэй не подавал о себе вестей.

Одновременно с этим мошенничество самого Царедворца с серебряными рудниками никак не удавалось замять. Более того, только ему удавалось оттягивать или сворачивать одно расследование, как каким-то непонятным образом, вскрывались новые неприглядные обстоятельства казнокрадства Царедворца и его клики. Доверенный слуга всеильного вельможи, его правая рука, неизменно следовавший за ним все эти годы, встревожился.

— Разве вы не видите, господин, некой злой закономерности? Стоит вам замять очередной избличающий нас факт с Серебряными рудниками, как тут же всплывает новый. Только мы заштопаем в одном месте, как сразу рвется в другом, — сказал он. — Кто-то упорно не дает забыть двору о рудниках. Если вы снова пустите в ход подкуп и связи, чтобы обойти очередное неприглядное обстоятельство, боюсь, дойдет до того, что императору станет известно, что рудники уже давно не принадлежат казне.

— Этого не случится, — заверил его Царедворец. — Все документы о собственности, что были переделаны на мое имя, хранятся лишь у меня, а чиновники что выписывали эти документы, давно покинули наш бренный мир.

Но уверенности его поубавилось, когда без его ведома неожиданно прошла череда арестов чиновников Казначейства, да и само министерство вдруг начали основательно трясти. И где бы ни обнаруживали махинации, сразу всплывало имя Царедворца. Гнев императора выразился в том, что всеильному придворному отказали в аудиенции, чего никогда прежде не случалось. Царедворец с нетерпением ждал утра следующего дня, когда должен был состояться Совет, где он мог бы объясниться перед владыкой. Он основательно подготовился перед этой встречей, готовясь встать перед императором с объяснениями, пусть и лживыми, но вескими и аргументированными. Он ни в коем случае не собирался оправдываться, лишь ненавязчиво напомнить императору, что он в своем праве, превратив тем большую проблему в незначительную.

Но следующий день на утреннем Совете двора, министр Денежной палаты, упредив его,

вновь напомнил вельможным чиновникам, что дело о Серебряных рудниках ожидает своего решения, заметив, что длится оно уже довольно долго и что его расследованием занимался еще Глава Северного Ветра, намекнув, кому был угоден арест и оговор Главы. Слушая этого Цин Дю, Царедворец ясно видел, что тот копает под него не просто яму, а целый ров и что все его незаконные деяния, вот-вот вскроют перед императором. Он припомнил их последнюю встречу в кулуарах императорского павильона Нефритовых Небес, когда Цин Дю предупредил, что если он не прекратит истязать Главу, то перед императором лягут более серьезные документы, чем о Серебряных рудниках, тем ясно дал понять, что имеет доступ к материалам Тайного архива Главы. Но всемогущий вельможа был столь самоуверен, что не придавал этому разговору должного значения. Сколько же на своем веку он получал пустые угрозы, и сейчас не собирался оставлять это безнаказанным, пусть даже дочь Цин Дю вошла в его семью. К тому же необходимо было срочно заставить молчать о Серебряных рудниках.

Он так и не вышел перед императором, понимая, что не время для этого.

Но вернувшись после Совета, домой выпустил свой гнев на трепещущих домочадцах, рвал и метал в своем кабинете, а подуспокоившись, сразу же отправил на рудники гонцов с приказом тамошнему управляющему, подчинявшемуся только ему, немедленно подчистить там все, как в документах, так и избавиться от нежелательных свидетелей.

После в ход пошли деньги для подкупа столичным чиновникам и тем из Тайной канцелярии, кто расследовал дело о рудниках.

Но главное следовало разобраться с главным недругом — министром Финансов. Свалит его, тогда непотопляемый Главный Евнух сразу примирится с ним, Царедворцем.

Его соглядатаи при императоре донесли, что Цин Дю, зная, что будет подвергнут преследованию и покушению со стороны Царедворца, отпросился у императора от двора, чтобы обезопасить свою семью.

Для него, опытного интригана, это стало лишь на руку, такой предсказуемо удобный момент расправиться с сильным противником, глупо упускать. Он начнет издали и кто потом докажет, что свершившееся преступление его рук дело?

Потому в провинцию, куда отбыла семья министра, были посланы трое убийц из Каменных псов. И то, что дочь Цин Дю вошла в его семью наложницей его старшего сына, не остановила этого человека.

Оставалось дожидаться тайного доклада от посланных вдогонку наемников и тех Каменных псов, что должны были «прибраться» на рудниках, до прибытия туда дознавателей Тайной канцелярии, а подкупленный Царедворцем чиновник задерживал их выезд, сколько мог. Неудивительно, что он пребывал как на иголках. Именно тогда его призвали во дворец.

Император встретил его сухо, заявив, что поскольку по Серебряным рудникам назначено расследование, Царедворец должен быть под домашним арестом.

Разгневанный, перепуганный Царедворец оказался бессилён тут, что-либо поделать. Император не пожелал не то, чтобы выслушать, а даже взглянуть на опального подданного.

Пришлось скрепиться, подавить гордость и со смиренным видом, покинуть императорский павильон. Ничего, он выдержит этот удар.

Весь вечер и ночь вельможа провел в семейном храме, воскуря благовония и молясь перед многочисленными табличками предков.

На следующий день, не дождавшись посланных их Каменных псов с долгожданными

новостями, велел своему слуге отправиться в тот уезд и выяснить в чем дело. Примчавшись обратно слуга, доложил, что никого из Каменных псов, отправленных в погоню за Цин Дю и его семьей, не видели в тех краях и семья министра до сих пор здоровствует.

Необходимо было разобраться в этом непонятном деле, потому был призван матерый воин, которому поручали особо щекотливые дела. Звали наемника Немой Джа, был он искусным мечником, недоверчивым, оттого и держался ото всех особняком. Выслушав наказ хозяина, молча поклонился и вышел исполнять поручение.

Тем же вечером с голубиной почтой прибыла из клана Сумеречных пугающая весть. Соглядатай Царедворца, докладывая, что Немой Джа находится в их клане, что он якобы нашел разыскиваемых Каменных псов обезглавленными и, что не желает себе такой участи, потому что против Царедворца якобы ополчился сам Демон Тринадцатого месяца.

Царедворец без сил рухнул в кресло, это известие буквально раздавило его. Его впервые предали! Доверенный убийца искусный воин, являвшийся его тайным безотказным оружием, немногословным и исполнительным, вдруг посмел отказаться от службы у него, Царедворца. Оставлять это так, тем более в такое нелегкое время, было нельзя, Немой Джа хоть и не мог говорить, но знал многое и мог писать. За изменником тотчас выслали небольшой отряд, дав наказ либо вернуть беглеца, либо убить его. Но тот, будучи виртуозом меча и кинжала, перебил всю погоню.

От разгневанного Царедворца к Сумеречным пришел приказ немедленно выдать предателя и в кандалах привезти к нему. Но прежде всегда послушный колдун Сумеречных вежливо напомнил, что сего воина так же требуют на расправу Каменные псы. А им, сумеречным, не нужна вражда с Каменными псами. Но, то было явным лукавством, потому что клан Сумеречных тоже располагал такими искусными бойцами как Безликие и Царедворец это знал.

Что ж столь открытое неподчинение должно караться и к Сумеречным были направлены Тайная канцелярия и Каменные псы, чтобы якобы предотвратить угрозу, исходящую от клана затаившихся колдунов.

Однако Сумеречные избежали участи Северного Ветра, потому что Царедворцу вдруг стало не до них и своего взбунтовавшегося протеже.

А в это время в его доме произошла трагедия — покончила с собой наложница старшего сына, повесившись на потолочной балке. Эта дрянь прекрасно знала, что носит ребенка и как ее гибель подкосит старшего отпрыска Царедворца. От такого потрясения его наследник обездвижил и способен был шевелить одной рукой. Такая же мошенница как и ее отец Цин Дю.

Неведомым образом вскрылись махинации его младшего сына, заведовавшего столичными продовольственными складами, где посланная туда ревизия обнаружила огромные хищения. Царедворец заметался. Его методично обкладывали со всех сторон как лису в норе, не оставляя лазейки для спасения, вытаскивая на свет его тайные делишки о которых никто не должен был знать, так как в свое время он позаботился об этом, старательно подчищая за собой.

Вельможный интриган потерялся, не представляя за что браться в первую очередь, все вскрылось одновременно и как-то сразу. Удар следовал за ударом, не давая ему спасительной передышки и возможности хоть как-то собраться с мыслями. К тому же он не представлял, кто действует против него, тогда-то и бросился в темницу к Главе, понимая, что он является источником его бед,

потерявшись в догадках. Почему, нынешний одолевающий его противник, до сих пор не помог Главе освободиться. Или тут был изощренный расчет, не ведомый Царедворцу.

Но измученный узник, в котором вальяжный старик едва узнал прежнего молодого красавца Главу, лишь бессмысленно смотрел на него, похоже вообще не понимая, о чем тот спрашивает.

Когда растерянный и раздраженный вернулся от него, его ждала хорошая новость. Единственная за все это время. Ему доложили, что с Ли Ло — императорской шпионкой, приставленной к Главе и ее мужем покончено. Тогда почему так и не вернулся его доверенный помощник, что этим же вечером ушел на встречу с ней, куда-то за городские стены? А ведь Царедворец провел бессонную ночь, ожидая его возвращения. Но соглядатай передавший новость, этого не знал.

А утром ему передали письмо. Кто его принес, слуга сказать не мог, потому что лежало оно на ступенях у ворот, прижатое камнем. Прочитав письмо, Царедворец бессильно опустил на кан. В этом злосчастном письме цитировалась его переписка с царством Вэй.

Шла уже третья стража, а Царедворец так и не покинул своего кабинета. Сидя на мягкой толстой циновке за низким столиком темного дерева, лишь смотрел перед собой неподвижным взглядом. Он не понимал, что происходит. Почему поверженный, обескровленный клан Северного Ветра продолжает ломать его как сухую хворостину?

Как получилось, что едва взяв вверх над заклятым врагом, его жизнь начала рушиться? Как получилось, что уничтожив клан, что все это время был бельмом в его глазу, он уничтожил и себя? А ведь был уверен, что разгромив и заточив Главу в темнице, сторонники Северного Ветра, лишившись всего, разбредутся кто куда, скрываясь, гонимые всеми и отовсюду. Однако полной свободы и вседозволенности, когда не то, что становиться на его пути, никто не смел, а даже подвергать сомнению его слова, так и не наступило. Напротив, его начали упорно и неотвратимо подталкивать к гибельной черте, не оставляя ни единого пути отступления. Кто-то уцелевший из клана решительно и безжалостно действовал против него, не скрывая, что именно он, Царедворец, является целью.

Ему сумели связать руки так, что он даже пальцем не смел тронуть поганца Главу. Но кто это мог быть? Фэй Я? Этот никчемный старик со средними магическими способностями? Неужели слухи, на которые он в свое время не обратил должного внимания, оказались правдой, и магу на самом деле удалось призвать некоего демона? Это объясняло, почему с Северным Ветром не смог справиться колдун Сумеречных. Насланный им мор, заклинания на Главу и его отравление — все прошло впустую. Теперь вот кто-то из клана жестоко и упорно противостоит ему, все еще всемогущему вельможе. Этой твари известны даже самые давние его прегрешения и тайные преступления. Или все же кто-то грамотно использует ненавистный архив Северного Ветра, потому что лебедки подъемников, доставленные в Поместье, достигнув дна, не сумели поднять ни единой бумажки из знаменитого архива.

Получалось, что Глава обыграл его, тайно подготовив себе преемника. От своего шпиона Царедворцу было известно все об окружении Главы и о том ближайшем круге, куда Глава мало кого допускал. И ни один из этих приближенных не подходил на роль преемника — будущего Главы Северного Ветра.

Его шпион еще не докопался до сути, а Царедворец просчитавшись, ударил по Северному Ветру слишком рано, поддавшись нестерпимому желанию освободиться от давнего соперника.

Теперь вот преемник Главы, угрожает самому Царедворцу. А в том, что против него действительно действует таинственный преемник, уже не было сомнений, ведь Глава не мог передать архив абы кому.

Так кто же он? А между тем Хранители были уничтожены, как и все сподвижники Главы. Значит кто-то остался. Кто-то кого Глава тщательно спрятал ото всех. Кто же это мог быть? Но сколько бы озадаченный вельможа, ни ломал голову, вычислить таинственного преемника был не в силах. Оставалось одно: выманить его хитростью и убить.

Но этот преемник мыслил не избито. Он не позволял своему противнику подготовиться, связывая его собственными заботами. Царедворец чувствовал, что его положение при дворе меняется, и он лишается сторонников одним за другим. Не помогало даже те, известные только ему делишки, которыми он прежде удерживал их. Каким-то непостижимым образом, эти, прежде покорные его воле люди, выходили из-под его подчинения.

Какая-то тень мелькнула у окна, дрогнуло пламя свечи, затрепетав пойманным мотыльком. Когда успокоилось и уверенно выпрямилось, перед Царедворцем стояла темная фигура с лицом закрытой черной маской. Тем не менее, Царедворец хорошо знал ночного гостя.

— Ты, — проговорил он без всякого выражения. — Раз ты здесь, значит, у тебя что-то есть для меня.

— Увы, я по-прежнему не знаю где бумаги архива.

— Почему? — последовал недовольный вопрос. — Тебе до сих пор не доверяют?

Маска помолчала, потом нехотя призналась.

— Мне и моим людям перешла школа «Ветров четырех сторон». Мы полностью обыскали ее снизу доверху, но ни чего не нашли.

— Хоть что-то тебе удалось разузнать?

— Что будете делать, если скажу, что это была дочь казначея? — глухо проговорила маска. — Она мертва и теперь вам ничто не угрожает.

Царедворец разгневанно ударил ладонью по столу.

— Как смеешь?! Считаешь, что я не вижу твоего стремления поквитаться с соперницей? Вместо дела, ты решила расправиться с неугодными тебе?

— Но они мне уже не соперницы, — возразила маска.

— Полагаешь, поверю, что у ничего не представляющей из себя девки, хватило духу прижать меня так, что я не только оказался в немилости у двора, но вся моя жизнь повисла на волоске. Через кого приходили к ней приказы от императора?

— Но кроме нее и ее мужа, мастера Цао, я больше никого не видела. Похоже, что это они все решают...

— Чушь! — саданув по столику уже кулаком, выкрикнул взбешенный Царедворец. — Думаешь, в этом есть смысл?! Тогда разузнай, передавал ли кто Ли Ло или Цао какие-нибудь бумаги? Нади тех через чьи руки получила она документы из канувшего в преисподнюю архива и оборви эту связь немедленно! Уберем исполнителей и оставим без рук моего врага и, кем бы он ни был, сам появится передо мной!

— Я все сделаю, господин, но...

— Чего тебе еще?

— Вы обещали, что отдадите Главу мне.

Царедворец раздраженно отмахнулся.

— Он будет твоим.

— Тогда ждите от меня добрых вестей.

Кого ждал Царедворец? Искушенного интригана в котором вдруг узнал бы одного из придворных чиновников из враждебной ему коалиции с хитрющими, как у него самого, глазками или сурового, непримиримого воина, мастера цзянху в совершенстве владеющего приемом Северного Ветра? Подспудно он был уверен, что увидит перед собой Главного Евнуха с рыхлым лицом властной женщины.

После вечерней трапезы, когда домашние разошлись готовиться ко сну, Царедворцу доложили о госте. Несмотря на то, что для визитов было уже поздно, хозяин усадьбы велел принять визитера больше из любопытства: все равно мучает бессонница, почему бы изошренно не поразвлечься на сон грядущий с беспомощным просителем. А то, что это проситель, он не сомневался. Все они являлись ночной порой, чтобы никто не видел их мольб и унижений.

Когда ночной гость вошел и откинул капюшон зимнего плаща, хозяин удивился девчонке, может чуть старше погибшей наложницы его сына. Была она как будто барышня из небогатой, но благородной семьи, держалась без подобострастия, уверенно. Точно пришла просить деньг, а то и продавать себя.

— Я знаю тебя? — спросил Царедворец, неожиданно почувствовав себя не очень уютно под ее недоуменным взглядом. — Говори, что хотела и уходи, не до пустых мне разговоров с тобой.

Он ожидал ее робких просьб войти в ее непростое положение и уверений, что согласна на все... А может, правда, взять ее наложницей?

— Так я тоже вижу тебя впервые, — хмыкнула незнакомка, ничуть не смутившись его резкостью, глядя открыто, не как подобает благовоспитанной просительнице. — Тем не менее, мы хорошо знаем друг друга и...

— Что за дерзость!

— ... рекомендую отпустить Главу, — спокойно закончила она, не испугавшись его властного окрика.

Царедворец поперхнулся гневом и теперь осторожно, как будто видел змею, спросил:

— Ты?

Она прекрасно поняла его вопрос и вздохнула, развязывая завязки теплого плаща. В кабинете стояла жаровня полная раскаленных углей.

— Пришла нам пора встретиться, мы уже достали друг друга.

Ее спокойствие заметно сбивало спесь с властного хозяина дома.

— Ты имеешь какое-то отношение к Северному Ветру? — спросил он, силясь припомнить, кто вообще это такая. — Как я и предполагал, кто-то все же уцелел, — и разочаровано покачал головой: — Ты должно быть из рядовых людей клана, которых по небрежности не добились...

— Ну да, — подтвердила гостя насмешливо. — Не добились.

Хотя держалась она вроде бы и отрешенно, как от чего-то неприятного и оскорбительного, вельможа явственно чувствовал насмешку, от которой юбло неприятно и выводило из себя. Он привык, что всякий, включая императора, кроме разве что Главы, заискивал перед ним. Негодницу следовало хорошенько проучить, припугнуть и унижить, растоптать, указав тем на ее место.

— Знаешь, что бывает с теми, кто храбрится и хорохорится передо мной? — оскалил старый интриган гнилые зубы в гаденькой усмешке. — Они превращаются в руках палачей в

человеческий обрубок без рук, ног и даже без носа, этакое подобие свиньи.

Но эта особа совсем не впечатлилась и вместо того, что бы упасть на колени и просить о милосердии, открыто разглядывала его не скрывая разочарования, как будто вельможный хозяин обманул ее ожидания, чем снова оскорбила его. А ее угрозы, словно отпустили.

— А валяй, старый хрыч, — с вежливой улыбкой, проговорила эта девка. — Но видимо тебя, выживший из ума старикашка, последние события так ничему ни научили? Уверен, старый маразматик, что я заявила в твою вонючую нору, не обезопасив себя прежде? Похоже, ты ослабел умишком от манивеличия, так позволь напомнить тебе о твоём письме из Вэй.

Ее оскорбления были так невероятны, что сперва выбили из вельможного старика весь дух, как это бывает, когда с разбегу упадешь в холодную воду. В следующее мгновение он пребывал в недолгой уверенности, что ослышался, потому что все это было произнесено любезным тоном с вежливой улыбкой и... было невероятно.

Неожиданное и оправданное оскорбление, действенное средство, что бы сбить человека с толку.

Он лишь открывал и закрывал рот, полностью потерявшись. Никто и никогда не смел разговаривать с ним подобным образом. А между тем незнакомка продолжала, как ни в чем не бывало, обращаясь к себе как будто и не было рядом никакого всесильного Царедворца.

— Поверить не могу, что этот суслик возомнил себя пупом земли.

— Кто послал тебя? — пискнул Царедворец, потому что горло запершило.

Но девка, смерив его пренебрежительным взглядом, вдруг по-свойски уселась перед ним напротив.

— Слушай, не доставай меня... и так руки чешутся отвесить тебе оплеуху. Не беси больше, чем уже выбесил.

— Не наигралась, дрянь? — сквозь зубы угрожающе процедил Царедворец.

— А как ты хотел? Думал, что так и останешься одним игроком на поле и не получишь ответки?

— Как такое ничтожество как ты, смеешь заявляться в мой дом и разговаривать со мной?

— А что с тобой не так? Нужно особое разрешение, чтобы сказать, какой ты мудака? — насмешливо проговорила девица, мило надув губки. — К тому же не вы ли так настойчиво добивались встречи со мной, что запытали Главу Северного Ветра?

— Так ты... Демон Черной Луны! — осенило старого интригана. Это все объясняло и ее дерзость и бесстрашие перед ним. Ведь это самый настоящий демон.

— Вот и познакомились, — хмыкнула гостя.

— Теперь понимаю, почему он до сих пор не сдох от всех истязаний коим подвергся, — ядовито усмехнулся Царедворец. — Ты, демон, поддерживала этого греховодника все время его заточения. Но мы ведь тоже можем заключить сделку. Поверь, я дам тебе много больше чем неудачник и недоучка Фэй Я.

— С тобой? — демоница в недоумении подняла тонкие брови и мило наклонив голову набок, поинтересовалась: — И что же ты можешь предложить такого, чего нет у Фэй Я?

Знатный старец открыл было рот, что бы пообещать... богатство? власть? Но ведь демоны сами наделают смертных этим в избытке.

— Тогда, что смог предложить тебе Фэй Я? Чем прельстил тебя, демон, служить себе?

— О! — мечтательно возвела вверх глаза демоница. — У него есть душа. Она полна

воздушной доброты, целительного сострадания, горьких как дым сомнений, сладкой грусти, глубокой любви и неподъемной самоотверженности, о которую мы, демоны, извечно натываемся и разбиваемся из века в век. Эта душа насыщает щедро, она бездонна... короче, потому мы и служим таким как он.

— Но я...

— Что ты? — хмыкнул демон. — Ты про свою иссохшую от зависти и гордыни душонку? Это здесь, в земной юдоли, ты чего-то стоишь, но мне такая мелочь не интересна. Смысл париться за такие крохи. Тебе и отдать-то Небесам нечего, когда придет твой смертный час, разве что последний вонючий вздох. Фэй Я переродиться много-много раз, а ты разве что на перерождение в земляного червяка сгодишься. Без обид — я вернула тебе ровно столько, сколько ты отмерял другим. Я не жадная и мне много не надо. Все справедливо и я забираю свое. Тебе лишь надо вернуть Главу. Проблемы?

Но старик упрямылся не желая верить... Слишком страшным было то, что сейчас сказала ему эта девка. Пусть она и демон, но в человеческом облике, значит, сможет чувствовать боль.

— Не боишься, что велю пытаться тебя? А пытаться будут так, что выложишь все, где спрячешь бумаги тайного архива! — ярься, прохрипел Царедворец, не замечая капелек пота стекавших по его вискам и впалой щеке.

— Да я и без пыток скажу, — мило улынулась девица, — что они там, куда тебе со своими гранитными песиками не добраться. Все! Заканчиваем с любезностями и перейдем к делу. Так вот, если не пошевелишься сейчас, то этим утром императору станет известно о твоей переписке с царством Вэй, которое насквозь пропахло заговором и изменой. Там ведь, ты, старый захребетник, не ломаясь, предлагаешь передать врагу план ваших северных приграничных крепостей. Так, что сядь прямо, не прыгай и давай уже рожай свое решение, на которые, помнится, ты так скор.

Старик снова онемел от непривычной ему грубости, и лишь потом до него дошел смысл сказанного. Держась за сердце и хватая ртом воздух он вдруг ясно осознал, что дни его сочтены и перед ним на самом деле сидит Демон Черной Луны, которую ничто не берет и которой плевать на его величие и возможности.

— Ну, так как? — очаровательно склонив голову на бок, поинтересовалась эта страшная девица. — Прошло уже четверть часа, — напомнила она, не давая ему столь необходимого времени собраться с мыслями.

— Пилюли... — прохрипел старик, шаря по столу в поисках коробочки. — Мои... пилюли...

Придвинув к себе лакированную коробочку, резко открыл ее, прикрыв нос и рот рукавом, когда изнутри коробочки вырвался белесый клуб дыма. Старик торжествующе взглянул на ненавистную гостью и поник. Демон, глядя на него своими глазищами, прижимала к лицу вышитый платок.

— Ну, понятно, — проговорила она, встала и пошла к двери.

— Остановись! — взвизгнул в панике сановный вельможа, чувствуя себя глубоко несчастным, массируя свою грудь там, где, якобы, у него имелось сердце. — Как я могу быть уверен, что твое обещание не пустые слова?

— Поймешь, когда завтра выпустишь или не выпустишь Главу, — бросила она через плечо и вышла, растворившись в ночной темноте.

Тихие слова демона придавили Царедворца не хуже скалистого валуна. К сердцу, туманя

сознание, подступала непроглядная тоска и осознание, что все чего он добивался не более чем пустота, которая не спасет, не удержит от вечных мук пекла Диюя и что он без своего величия все так же одинок и незащищен, каким родился на этот свет.

А демон, выйдя за ворота усадьбы Царедворца, пошатнувшись, оперлась о привратный столб. Ноги ослабли и дрожали от запоздалого страха, которого она не чувствовала, когда разговаривала с этим старым пакостником. Все-таки вовремя она соориентировалась и прикинулась Демоном Черной Луны.

Как все-таки вовремя вспомнила, что она Демоном Черной Луны.

Разгром

О какой-то там пещере Тайная канцелярия понятия не имела. Вот так и получилось, что именно в ней укрылось большинство спасшихся жителей Поместья и Снежных Листопадов. Сюда же потихоньку приносили раненных, которых удалось незаметно вынести от бесчинствующих в Поместье солдат.

Самой Ли Мин не привелось стать участницей кровавых событий. Когда она проснулась среди ночи от зарева осветившего ее пещеру, Поместье горело вовсю. В ночи была отчетливо видна полыхающая пагода. Ли Мин быстро одевалась, но стоило ей шагнуть за порог, как была встречена бесформенной глыбой Горного духа с рыканьем надвигавшейся на нее.

Отсветы пожара безжалостно высветили, четко обозначив его угловатый безобразный образ, светящиеся кровожадностью глазки. Ли Мин машинально захлопнула тяжелую дверь перед его корявой мордой, а после, отдышавшись, рискнула приоткрыть ее вновь. Горного духа не было, зато перед дверью сидела Ленточка с подпаленной шерстью, мордочкой вымазанной сажей и от нее пахло гарью. Переминаясь Ленточка твякнула, а потом устало легла на землю, но обернувшись твякнула опять. Нерешительно переступив порог, Ли Мин вдруг увидела на тропе людей. То были деревенские и раненные из Поместья, которых они притащили с собой.

— Ли Мин, — позвала ее тетушка Е, — лекарь Бин приказал нам следовать за твоей собакой. Сказал, что приютишь и укроешь нас.

— Проходите скорей...

Теперь она и хромой охотник Юй, что знал окрестности, спустились к Поместью, украдкой выводя уцелевших по двум тайным тропам в Сяофэн, где их прятали у себя родственники и добрые знакомые.

Но деревенские не желали покидать Снежные Листопады, потому переживали случившуюся напасть в пещере, переживая и боясь за тех, кто остался в деревне.

В те дни в пещере Горного духа стало тесно, что невозможно было развернуться, спали вповалку. В ней поместилось несколько семей. Раненных устроили у источника за пещерой, поближе к воде. Повсюду валялось окровавленное тряпье, слышались стоны раненных, тревожные причитания, детский плач и рыдания безутешного горя тех, кому повезло выжить в дикой и бессмысленной резне, устроенной Тайной канцелярией.

Дозорные, что стояли на тропе, карауля подступы к пещере, тревоги так ни разу не подняли.

Перевязывая раненных, поя их обезболивающими отварами, Ли Мин прислушивалась к неутешительным разговорам отчаявшихся людей, не представляющих, как им сейчас быть и куда податься.

— Как думаешь, что сейчас с деревней? — тихо спросила Ли Мин у помогавшей ей с ранеными Ли Ло, которую уберег в бойне и вывел из Поместья Цао.

— Уверена Снежные Листопады пострадали не так как Поместье и у жителей деревни было время укрыться.

— Если только туда не был специально отряжен карательный отряд.

Дочь казначея кивнула, дрогнула подбородком и украдкой смахнула слезы.

— Что с нами теперь будет? — прошептала она.

— Ничего хорошего, — покачала головой Ли Мин. — Но как бы то ни было должны пережить этот кошмар, дожждаться когда отсюда уберется Тайная канцелярия и собрать уцелевших. А там уже думать, как быть дальше.

Все кто ее слышал, согласно закивали. Хотя клан был практически уничтожен, все хотели выжить. Ли Мин страшно волновалась за своих стариков, не смея думать, что они может быть уже погибли, раз так и не появились здесь.

В пещеру вошли дозорные, сообщив, что пожар в Поместье угас.

Под утро, устраиваясь спать, Ли Мин шепнула Ли Ло:

— Не странно ли, что Тайная канцелярия не обшаривает местность в поисках уцелевших адептов клана? Или они уверены, что никто не выжил?

— Я думала об этом, — тихо, чтобы не тревожить спящих, отозвалась Ли Ло. Она знала, что Ли Мин и охотник Юй денем, после ночного нападения, выводили остатки Серебряного инея и Драконов дождя из Поместья, укрывая в лесу, до тех пор пока Тайная канцелярия не начала прочесывать окрестности, добывая уцелевших.

И теперь затаившиеся в пещере пребывали в напряженном ожидании, что их тоже отыщут и жестоко расправятся.

— Не в привычке Тайной канцелярии оставлять свидетелей своего бесчинства. Они всегда всех подчистую вырезают будь то деревня, род или клан, дотошно выискивая всех кто имел хоть какое-то отношение к преступнику, пусть даже это был лишь мимолетный знакомец. Никого не оставляют в живых. Тайная канцелярия беспощадна.

— Вот и я о том же, — пробормотала смертельно уставшая Ли Мин.

Небрежность Тайной канцелярии объяснилась этим же утром.

Из пещеры отрядили ловкача, чтобы украдкой пробрался к Поместью и посмотрел, что там происходит. Важно было узнать, покинули напавшие земли клана или до сих пор шарятся по Поместью.

Настроились на долгое ожидание, отгоняя беспокойство, что посланный лазутчик может неосторожно попасться и тогда единственное укрытие будет раскрыто. Как и о печальной участи самого лазутчика, если попадетсЯ в руки Тайной канцелярии.

— Не подумайте, что я струсил, — начал с порога оправдываться тот, вернувшись через минуту, — но в конце тропы меня что-то дальше не пропускает.

Что именно его не пускает, объяснить он не смог. Тогда от пещеры по тропе спустились несколько оправившихся от ран мужчин, тоже тут же вернувшихся.

— Похоже, на магический заслон, — сказал один из них. — Пройти через него нет никакой возможности.

Ли Мин закусила губу, чтобы не разреветься. Вот оно что! Похоже, все это время Фэй Я незаметно держался рядом с пещерой и когда все спасшиеся укрылись в ней, в том числе и Ли Мин, запечатал все подходы к ней. Но что случилось с ним самим и лекарем Бином? Где они сейчас?

Фэй Я оказался достаточно искусным, чтобы отвести глаза ищущим Тайной канцелярии, только вот спасшиеся теперь словно в западне запертые, не имея возможности покинуть пещеру. В течении дня, кто-нибудь да спускался по тропе, что бы попробовать выйти за магический заслон. Вода у пленников имелась в достатке, но вот с продуктами была беда. И где их можно было раздобыть в этой странной осаде холодной промозглой осенью, никто толком не представлял.

Этим вопросом задавался каждый, оказавшийся в магическом плену, готовясь перенести

тяжкое время надвигавшегося голода, которое уже не перенесут ослабленные и раненые.

Следующим утром по нужде вышел один из бывших дозорных и по привычке прошел по тропе вниз. Справив нужду у вросшего в землю замшелого валуна, вдруг пошел дальше, так и не встретив препятствия на своем пути. Вышел на дорогу к Поместью, откуда неясно темнели в рассветных сумерках остовы крыш дома мага и лекаря.

Он поспешил подняться к пещере, чтобы поделиться обнадеживающей новостью, когда из зарослей его тихо окликнули. В появившемся из-за дерева изможденном воине в посеченных доспехах, дозорный едва признал Цао, который был назначен на командование отрядом Драконов дождя. Это он привел своих воинов на подмогу Серебряному инею, но увидев, что все они оказались окружены и, что их попросту методично истребляют, невероятным усилием и ценой половины своего отряда, прорубился через окружение, позволив отойти остаткам Серебряного инея и Пятого лотоса.

Уцелев в месиве боя, он при этом умудрился под конец вывести из него двух раненых товарищей, вместе с которыми скрылся в лесу. Переждав облаву Тайной канцелярии, прочесывающей лес, зарывшись в листву в глубоком овраге, он дотащил их до пещеры Горного духа, но вот уже который день, не мог попасть туда.

Дозорный, подхватив одного из раненых, дотащил его до пещеры, попутно рассказывая Цао, тащившего за ним другого раненого, причину того, почему они не могли попасть к ним.

Когда Ли Мин и Ли Ло, жавшихся в утреннем сыром холоде друг к дружке, осторожно разбудили, они сонно щурясь на Цао и двух раненых, не сразу поняли, что магия Фэй Я больше не запечатывает тропу. А когда все осознали, вмиг проснулись.

Цао, присевший перед Ли Ло на корточки, остудил их готовые прорваться восторги, простым вопросом:

— Что все это могло значить? Кто поставил магическую защиту?

— Это Фэй Я постарался. Похоже он поставил ее на определенное время, — предположила Ли Мин, деликатно зевнув в ладошку. — Либо запрограммировал все так, что защита исчезла, как только отсюда убралась Тайная канцелярия.

— Может, пока не стоит обнадеживать людей, а проверить, что с Поместьем? — предложила Ли Ло, потирая не желавшие открываться глаза.

Цао одарил ее ласковым взглядом, будто без слов похвалив: «Умница ты моя». Но вслух сказал:

— Быть посему. Держите то пока при себе, а я отдохну и отправлюсь обратно в Поместье. Посмотрю, что к чему.

— Как скажешь, командир.

— Не беспокойся о том, братец, — пообещали девушки разом.

Ли Мин и Ли Ло принялись осматривать и хлопотать над вновь прибывшими ранеными. Потом осмотрели тех, кого разместили у ручья за пещерой. Двое из пятерых не пережили этой ночи. За это время, Цао, поспав немного и подкрепившись водой и сухими лепешками из скудных пещерных запасов, убрел с двумя воинами из отряда Драконы дождя на разведку. А девушка за печальными хлопотами об умерших, ожидали возвращения лазутчиков. Они вернулись скоро да не одни.

Поднявшееся солнце высушило росу на пожухлых травах и уже отцветших цветах, когда в пещеру вошел Цао в сопровождении деревенских.

Проснувшиеся, жавшиеся от холода и сырости люди, увидев их оживились, радостно потянувшись к ним, обступили со всех сторон.

— Деревня примет всех кто здесь выжил, — объявил Старейшина деревни, вздыхая и качая головой. — У нас уже укрылся кое-кто из Поместья.

— Значит Небеса хранила Снежные Листопады и она уцелела? — обрадовалась Ли Ло и Ли Мин.

— Ну как... пожгли немного домов, да пограбили малость, — добродушно отозвался Старейшина. — Мы то уже привычны к таким разорениям от разбойничьих шаек, а вот Поместью досталось... — покачал головой старик. — Слишком тяжело смотреть на его руины и пожарище.

Деревенские принялись укладывать раненых на носилки и выносить из пещеры. За ними потянулись остальные, отсиживающиеся здесь. К Цао, Ли Мин и Ли Ло подошел охотник Юй.

— Мы то своих схоронили, — сказал он. — Да не много у нас погибших. Двое стариков которых хватил удар, да трое горячих молодцов и четверо воинов из отряда Пятого Лотоса. А вот Поместье все вырезано подчистую, тела так и валяются... Похоронить бы нужно.

Цао с воинами и двумя девушками последовали за ним на пепелище разоренного Поместья. Опустевшее оно угнетало и удручало этим промозглым серым днем. Пришедшие сюда едва справлялись со своей печалью и отчаянием, чувствуя себя сиротливо и бесприютно, как навсегда потерявшие свой дом.

Не погребенных было много.

Ли Мин, Цао и Ли Ло с помощью деревенских хоронили их до позднего вечера. И вот последняя дань погибшим была отдана, вино пролито и бумажные деньги сожжены и все устало расселись кружком, передавая друг другу кувшин с Ароматом сена. Когда хмель взяла свое, разговорились. Ли Мин сидела рядом со Старейшиной крепким основательным стариком и расспрашивала его о лекаре и маге.

— Не припоминаю, чтобы кто-то видел мудрейших или говорил о них, — проговорил с другой стороны сын Старейшины, малый лет тридцати с вечно недовольным выражением на маловыразительном лице. — Сам я ни того, ни другого не видел, потому говорить про то не буду.

— Раненые останутся в деревне, — проговорил с другой стороны, ни к кому не обращаясь Старейшина. — Но остальные из Поместья должны уйти. Мы не желаем неприятностей с Тайной канцелярией.

— Поместье не поставит под удар Снежные Листопады, — заявил, сидевший напротив, через горящий костерок, Цао. — Но вы уж присмотрите за ранеными.

— Куда вы пойдете? — спросил у него Старейшина.

— Отправимся в Сюэфэнь, а там посмотрим. Здесь больше делать нечего.

— Это правильное решение, — кивнул Старейшина. — Боги отвернулись от этих мест, и только Горный дух охраняет пещеру, потому что ученица лекаря оправдала его от нашего несправедливого навета. Так сказал нам почтенный Фэй Я.

Девушки переглянулись, а Цао высказал их готовый сорваться вопрос:

— Хотите сказать, что Горный дух все это время охранял тропу к пещере? Мы считали, что обязаны этому магии почтенного Фэй Я.

— Нет, — отмахнулся Старейшина. — Это Горный дух водил людей Тайной канцелярии кругами и морочил, не позволяя приблизиться к пещере, и он же создал марево ограды. А когда чужаки убрались из наших пределов, убрал марево.

— А вы знаете, где сейчас могут быть лекарь и маг? Что с ними? — спросила с

надеждой Старейшину Ли Мин.

— Увы, то мне неизвестно, — ответил тот. — Но не переживай за своих наставников.

Оба они высокоученые мужи и уж по-всякому выкрутятся, — успокаивал ее старик.

— А... тогда, что с Главой? Почему его нет, когда здесь форменный бардак?

Тут поднял голову Цао, напряженно посмотрев на Ли Мин.

— Может вы что о нем знаете, слышали? — с беспокойством спросила Старейшину и Ли Ло.

— Эх, если бы, хоть какой-нибудь слух дошел до нас, непременно бы сказал. Тут ничем не могу вас обнадежить, милая барышня, — покачал головой старик. — Как в воду канул, ни слуху о нем, ни духу.

— Ты что-то знаешь о дафу? — спросила тихо Ли Мин подавшись к Цао.

— Ничего и это тревожит.

— Но ты же, не думаешь, что он... что его...

— Если бы с ним случилось непоправимое, мы бы об это уже знали... Такое не скроешь. Посему отправлюсь в Лоян, чтобы разузнать там о Главе.

Темнотой и неизбывной сыростью обступила осенняя ночь сидящих у небольшого костерка, что потухая с треском взметал к ярким звездам россыпи искр. Цао и девушки, попрощались с деревенскими и воинами, что решили остаться в Снежных Листопадах, вернулись в пещеру, показавшейся им, что-то уж очень просторной.

Девушки устроились на канне, а Цао уселся на циновке у двери, загораживая собой вход.

На следующий день Ли Мин с утра ушла к домам лекаря и мага, оставив Ли Лс хозяйничать в пещере. Цао ушел еще на рассвете. Ли Мин бродил по пепелищу двух дворов. Ничего не осталось от прежней жизни. Ничего! В душе кипел гнев, давило горе. Отчаяние засасывало в вязкое болото уныния, лишая сил и воли. Она опять все потеряла.

Не выдержав, девушка села на корточки посреди затоптанных бесценных грядок лекаря Бина, горько заплакав о своих без вести пропавших старичках и от обиды на Главу, когда он так здесь нужен. Ее слезы капали на пепелище ее недолгого пристанища.

И в этом мире она была счастлива и беззаботна. Где ее судьба? Где Глава? Что с ним? И он и ее старички... словно все они были сном.

Что же теперь? Ни Поместья, ни клана больше не существуют. Что ей делать? Что?

Она снова одна, нужно как-то выживать и ей было страшно. Всклипнув в последний раз, Ли Мин принялась за дело. Она помнила, где хранил свои лекарства Бин, закопав отвары и мази, которые требовали определенной выдержки в определенной температурной среде, чтобы усилить их целительные свойства. Сейчас они пригодятся как никогда.

Ли Мин перекопала чуть ли не весь двор Лю Бина, пока не нашла три кувшинчика запечатанных воском. И Ли Мин, со своей добычей поспешила в деревню. Когда она появилась там перепачканная с тремя сосудами похожими на комья грязи, никто особо не удивился. Чего только не учудит эта девчонка.

В одном из кувшинов хранился темный, вязкий настой. В двух других вонючая мазь. Из десяти раненных, которых выхаживали в Снежных Листопадах, трое шли на поправку. У пятерых раны уже затянулись, и они набирались сил.

Осмотрев всех и объяснив женщинам присматривающих за ранеными, как пользоваться лекарствами, Ли Мин поспешила к пещере, чтобы вернуться затемно, вечерело очень рано.

Еще на подходе к ней она учуяла аппетитные запахи жаренного мяса. Позади нее послышалось уже знакомо пугающее сопение и бурчание. Резко обернувшись Ли Мин

торопливо пообещала в сгущавшиеся сумерки:

— Не переживай, без жертвенной еды не останешься.

Уркнув, Горный дух успокоился. В пещере Ли Ло и Цао сидя рядышком на кане, тихо разговаривали. С Ли Мин разом слетела усталость, когда она вдруг разглядела то, что было ясно без слов. Этих двоих объединяло одно переживание и волнующее притяжение между ними.

Слишком близко они сидели друг к другу, слишком долгим взглядом смотрел на нее Цао. И с чего бы подруге при появлении Ли Мин смущенно оправдываясь, рассказывать, что вот братец Цао принес зайчатину, что бы приготовить из нее жаркое. И так уж необходимо разбивать чашу, бестолково суетясь у очага?

Это что же, Ли Мин тут оказалась третьим лишним? Цао поднялся и вышел из пещеры, словно почувствовав недоумение и недовольство хозяйки пещеры, ведь влетит-то за разбитую чашу не кому-нибудь, а ей. Сначала от лекаря, а потом и от Фэй Я.

Кто бы мог подумать, что из нежной утонченной барышни и брутального немногословного воина получится пара. Хотя что-то ведь сложилось у неприступного капризного господина с некой безродной простолюдинкой. Где вот теперь Глава? Откуда его вызволять прикажете? Что-то на сердце не спокойно.

Все эти переживания не мешали Ли Мин уплетать за обе щеки тушеную зайчатину, приправленную травами. Ли Ло, то и дело, виновато взглядывала на подругу, складывая и расправляя холстинку, что служила им полотенцем.

Ли Мин видела, что ей хотелось поговорить, но воспитание не позволяло благонравной девице самой приставать с откровениями.

— Спасибо, было очень вкусно, — вежливо поблагодарила Ли Мин, что послужило сигналом для Ли Ло, начать разговор.

— Не думаешь, что деревенские правы и приверженцам клана оставаться здесь опасно? — начала она издалека. — Цао решил уйти поутру, здесь ему делать больше нечего. Он решил открыть в Лояне свою школу боевых искусств. У него там дальняя родня и они помогут ему встать на ноги.

— Хорошее решение, — одобрила Ли Мин, взяв с блюда небрежно обглоданную ею косточку.

— Он и меня зовет с собой, и... я согласилась. Я должна узнать, что с Главой.

Ли Мин подняла на нее удивленный взгляд, который Ли Ло отчего-то истолковала как укор.

— Не осуждай меня за это!

Ли Мин осмотрела очередную косточку, на которой еще оставалось мясо, и положила в миску к остальным костям.

— Цао хороший парень, надежный.

— Ли Мин, пойдем с нами. Подумай сама, ты остаешься здесь совсем одна. Поместье разрушено, клан разгромлен, деревня разорена. Как ты будешь выживать этой зимой?

— Не могу я уйти, — вздохнула Ли Мин. — Вдруг вернуться мои старики, где же еще им искать меня как не здесь? Да и лекарь начнет браниться, что оставила деревенских без присмотра. Давай устраиваться спать, — поднялась Ли Мин и, пресекая дальнейшие уговоры Ли Ло, прихватив миску с костями, вышла из пещеры.

Темень стояла такая, что не было видно на шаг впереди. Не светилась вдали фонарями пагода клана Северного Ветра. Небо обложили плотные тучи, через которые не пробивался

ни свет луны, ни мерцания звезд.

— Позволь посветить тебе, сестрица, — сказали рядом в плотной темноте и перед Ли Мин слабо затеплился огонек в бумажном фонаре.

— Скажи только куда направляешься? — качнулся фонарь.

— Спасибо, брат Цао, это совсем рядом, — поблагодарила Ли Мин, тихо радуясь, что не одна в плотных потемках и храбро зашла за пещеру, выходя к журчащему ручью.

Там, на плоском камне, она выложила косточки, все, что осталось от тушеной зайчатины.

— Это для Горного духа, — пояснила она и тихо добавила: — Сестрица сказала, что вы уходите завтра. Не обижай ее, она хорошая девушка.

— Я знаю это как никто другой, — отозвался мужчина. — Она приглянулась мне сразу. Но я, грубый воин, мог лишь мечтать о ней.

— Много об этом не думай, — посоветовала Ли Мин отряхивая ладони. — Просто сделай ее счастливой.

Когда они возвращались в пещеру, позади послышалось чавканье и довольное урчание. Горный дух был удовлетворен подношением.

На утро, прощаясь, Цао вложил в руку Ли Мин клочок шелка.

— Ежели доведется тебе быть в столице, спроси торговца пряностями с Восточного рынка, тебе всяк укажет его дом. Ему самому скажешь, что ищешь меня и покажешь эту записку. Он тебе укажет где меня найти.

Кивнув, Ли Мин заверила, что все запомнит. Обняв подругу, она пожелала им обоим счастья и благополучия, а после проводила до конца тропы. Глядя им вслед, она знала, что не быть ей в столице и что видит их в последний раз.

И Ли Мин, не считая Горного духа, осталась одна.

Разоблачение

Кое — как добралась до гостиницы, где Ли Мин остановилась с Ся Гэ, не пожелавшей отпускать ее одну и следовавшей за ней повсюду.

Встревожив своим видом Ся Гэ, так что она бросились отпаивать вернувшуюся девушку чаем, с удивлением слушая ее короткий сбивчивый рассказ о переговорах с Царедворцем.

Утром от Царедворца прибыл посыльный с запиской, извещающей, что к часу Лошади (с одиннадцати до часу дня) Главу освободят. О чем Ли Мин тут же известила Ся Гэ. Подчиненные Третьего мастера подняли гвалт до потолка, шутка ли они одержали вверх над могущественным Царедворцем. А Ли Мин поспешила в свою комнату, чтобы подготовиться к долгожданной встрече. Догорела уже половина благовонной палочки, а она еще не привела себя в порядок.

В какой-то момент она вдруг опустила руку с гребнем и взгляделась в бронзовом зеркале. «А ведь у тебя получилось» — сказала она своему отражению. Это был момент торжества, тихое удивление и гордость за себя, ведь она готовилась к худшему... и спохватилась, нужно поторопиться.

Ся Гэ уже дала команду своим людям осмотреть прилегающие к усадьбе Царедворца улочки на предмет засевавшего в укромном месте убийцы. Ясно же, что Царедворец так просто не сдастся. Чтобы унять волнение, Ли Мин, повернувшись от зеркала, смотрела на медленно падающие хлопья снега в окне, когда к ней вошли.

— Прости, я еще не готова, — обернулась она к Ся Гэ. — Дай мне минуточку.

— Поправлю тебе волосы, — сказала та, подойдя к Ли Мин. — Вот здесь, — и с размаха всадила нож в грудь Ли Мин. — Вот и все, — проговорила она тоном человека хорошо выполнившего свою работу.

Ли Мин рухнула, не сводя с нее ошеломленного взгляда.

— Ты ведь понимаешь, что отныне тебя не должно быть рядом с ним, — проговорила Третий мастер, вытирая лезвие ножа о праздничные одежды Ли Мин.

Спрятав нож в ножны, Ся Гэ подойдя к двери, открыла ее, приказав:

— Вынесите ее куда-нибудь и выбросите подальше за городом.

В комнату вошли два воина ее отряда. Взяв убитую за руки, выволокли из комнаты. Когда ненавистную соперницу, от которой она, наконец-то, избавилась, унесли, Ся Гэ придиричиво осмотрела комнату. Ногой подвинула ковер на полу, чтобы он прикрыл натекшую кровь из раны убитой, и вышла, торопясь к воротам усадьбы Царедворца, чтобы встретить Главу.

А похоронная команда из двух молодчиков, прекрасно знавшие и прежде улыбавшиеся и заискивавшие перед Ли Мин, вытащили ее через черный ход на задний двор, поспешно завернули ее тело в промерзшую циновку и закинули на телегу закидав охапками соломы. В городских воротах телегу со старой слежавшейся соломой, которую сопровождали крепко подгулявшие деревенские парни, не то что досматривать не стали, а даже внимания не обратили, позволив беспрепятственно выехать из города.

Отъехав так, что городские стены скрылись за деревьями леса, телега остановились и двое мужчин стащили с нее свой страшный груз, небрежно затащив его в густые заросли.

— Закопаем или бросим так? — спросил один второго, небрежно бросив тело.

— Зачем бестолку потеть, — пыхтя, ответил тот, что шел впереди. — Кинем в первый же овраг, а там за нас постарается дикое зверье и воронье. Так, что останутся лишь обглоданные косточки, да и они вскоре почернеют и сгниют под дождями и ветрами. А если кто и наткнется на них невзначай, то не признают кому прежде принадлежали — человеку или животному.

Ли Мин бросили в небольшую ложбинку, заросшую голым кустарником, прежде сорвав с нее все более менее ценное, а после закидав мокрой землей и грязным снегом, вперемешку со слезавшейся листвой и ветками.

Сделав дело, два могильщика, облегчившись напоследок, покинули это глухое место, выбравшись через непролазные заросли обратно на дорогу. Сели на телегу и понукая ленивую лошаденку, шумно решали остановится ли им в ближайшей чайной или доехать до трактира в котором можно не только подкрепиться, но и хорошенько выпить, заодно сбыв хозяину заведения вещи убитой.

Лишь только ветви кустов сомкнулись за ушедшими и над впадиной снова воцарилась тишина зимнего леса, нарушаемая несмелым чивканьем птиц, ветви кустов дрогнув, раздвинулись и в ложбинку ввалились два старика. Невысокий и щуплый истерично причитал:

— Небо! Какое неслыханное злодейство! Мое бедное дитя! Да за что же ей такое?!

Второй старик, высокий и плотный с длинной редкой бородой, угрюмо молчал, сдерживая гнев горе и отчаяние. Оба кинулись к засыпанному лесным сором телу, раскидывая в сторону сырую землю. Пока щуплый старец, положив голову бездыханной девушки себе на колени, вытирал рукавом плаща с ее бледного лица грязь, рыдая и причитая над нею, второй осматривал рану и, поднеся два сомкнутых пальца к ее носу, прошептал:

— Она еще жива... если не поторопимся, потеряем ее навсегда. Поспешим же, Фэй Я.

Маг тут же прекратил лить слезы.

— Что мне надлежит делать, друг мой? — спросил он с готовностью действовать сейчас же, чтобы спасти Ли Мин.

— Сходи к дороге и останови первого, кто проедет по ней. Обещай все что угодно, нужно скорее вывезти ее отсюда, — говорил он вслед магу, уже скрывшегося в кустах, посыпая рану девушки порошком Горького семицвета.

* * *

Глубоко и прерывисто вздохнув, Глава открыл глаза, очнувшись от видения, когда маг убрал его руку со лба Ли Мин.

— Не беспокойтесь о ней, — проговорил, сидевший у очага лекарь Бин, взмахами веера поддерживая умеренный жар глиняного очага под горшочком с томившемся в нем отваром. — Мы ее выходим. Не только она была моей ученицей, но и я учился, наблюдая ее возмутительные методы лечения. Все же я кое-что смог и, опираясь на свой опыт и врачебную интуицию, с помощью Фэй Я сумел провести сложную операцию на ее теле. Кризис, благодаря милости Небес, миновал. Теперь нужно время, что бы ей набраться сил.

— Сколько понадобится дней, чтобы она пришла в себя? — сухо спросил Глава с неподвижным лицом.

— Две седмицы.

— Я не появлюсь здесь все это время. Позаботьтесь о ней.

— Пойдемте, господин, провожу вас до конца тропы, — устало предложил маг. — Ведь опять не скоро увидимся.

Глава кивнул. Нужно возвращаться в Помесье, но не было ни сил ни воли, чтобы оторваться от Ли Мин. Выбредя из пещеры, Глава прислонился к холодному камню.

Теперь все встало на свои места. Он и раньше сомневался, что именно Ся Гэ удалось сладить с Царедворцем. Что же до Ли Мин... его жена способна и не на такое способна. Но он винил себя, страшно сожалея, что опоздал и едва не сгубил ее. И хотя не было в том его вины, но сама мысль, что всего лишь несколько его шагов, несколько каких-то мгновений отделяло его от Ли Мин в день их встречи, в день когда она была убита Третьим мастером. Но главное она не могла погибнуть так извращенно и позорно, как расписала ему подлая Ся Гэ.

А ведь он в какой-то момент даже сожалел, что не способен одарить Третьего мастера своей благосклонностью.

— Глава, — позвал его маг, ушедший по тропе далеко вперед, и когда Глава поспешил к нему, скорбно качая головой, проговорил: — Знаете, в те дни жестокого противостояния Ли Мин с Царедворцем нас не было рядом с ней, — словно оправдываясь со вздохом сказал он. — Бин держал лекарственную лавку, что возле дворцовых ворот, я же на рынке вещал уличным предсказателем.

— Вы были глазами и руками императора, помогая Ли Мин?

— Да, — кивнул маг. — Связывались мы через Цао, когда он приходил в аптеку за лекарствами, а ответ он получал от меня — уличного предсказателя. Мы сумели возобновить все старые связи, но этого никто не знал, не говоря уже о Третьем мастере. Цао и Ли Ло были под началом Ли Мин, когда та схватилась с Царедворцем.

Глава слушал рассеянно, сейчас это было уже не важно. Он еще боялся поверить, что вновь обрел Ли Мин, слишком долго старался жить без нее, отказываясь отпустить какие-то безумные надежды, на то, что смерть ее — неправда, какая-то дикая ошибка, которая вот-вот разрешится, нужно только набраться терпения и ждать. Но уговорить себя не получалось и он рвался в пещеру, чтобы в ней уйти вслед за Ли Мин. Сердце ныло не переставая, он умирал каждый день медленно и мучительно, но, почему-то все еще оставался жив. Он не принимал правду Третьего мастера, потому что это не могло быть правдой о его Ли Мин.

Небо! Он уже все для себя решил. Решил, что уйдет за возлюбленной, как только дождется возвращения Второго мастера, чтобы передать клан в его руки. Он упрямо рвался в их с Ли Мин пещеру, желая надышаться родными запахами, что еще хранила медвежья полость. Немного отдохнуть в ней иллюзией близости к Ли Мин, побыть среди ее вещей. Он так истосковался, что только это могло придать ему хоть какую-то толику сил дожждаться Второго мастера. И он едва не ушел за любимой, когда сердце сжалось так, что на миг лишило его воздуха, когда следуя за Ленточкой, наконец, увидел стены родной пещеры.

И вот Небо вняло его отчаянной мольбе и безумные надежды сбылись, и теперь надлежало укрепить свое сердце, сделав его непреодолимой крепостью, чтобы защитить Ли Мин. И чтобы не выдать себя нечаянной радостью и нетерпением, он должен на время позабыть о ней.

С этого дня началась игра между Главой и неусыпно стерегущей его Ся Гэ. Глава был настроен окончательно разобраться с ней пока Ли Мин выздоравливала. Он должен был сделать безопасной ее возвращение и обеспечить ей спокойную надежную жизнь с ним в Помесье. Потому тайком, негласно собирал силы, с кажущейся привычной уже безучастностью, бродя по окрестностям Помесья.

С первого дня своего освобождения он машинально отметил, что в живых остались

почему-то воины Третьего мастера, но не придавал тогда этому значения. Сейчас, когда правда открылась, это мимолетное наблюдение помогло ему узреть замысел Ся Гэ.

А через день после того как Глава побывал в пещере, Ли Мин очнулась.

Прошли две седмицы, когда в клан прибыл некий торговец Хо с товарами редкими и изысканными и в этих краях невиданными. Причем просил он за них цену весьма доступную и умеренную, чем и удостоился внимания Первого мастера, которая пригласила его погостить в Поместье. А так как приехал он с женой, то и она была любезно приглашена на ужин с мужем к негласной хозяйке Северного Ветра.

Супруга толстого, обрюзгшего и непомерно болтливого торговца оказалась сдержанной, молчаливой, все время держащейся позади мужа.

На подозрительный вопрос Первого мастера, почему лицо госпожи закрыто вуалью, словоохотливый торговец игриво захихикав, ответил, что его послушная жена подчинилась его требованию закрывать лицо при посторонних дабы ее, вечно занятой муж, не мучился ревностью.

— Так вы потому берете супругу с собой в нелегкое путешествие, чтобы не оставлять ее дома одну без присмотра? — догадалась Первый мастер, смерив уничижительным взглядом жену торговца стоявшую за спиной низенького мужа, опустив взгляд долу.

С женской подозрительностью Ся Гэ быстро взглянула на Главу, но тот взирал на гостей без всякого интереса с вежливым равнодушием слушая бесконечную болтовню залетного купца, ни разу не подняв взгляда на его безмолвную жену с какой бы ревнивой бдительностью не следила за ним Первый мастер.

И во время ужина молчаливая супруга словоохотливого торговца не проронила ни словечка, в отличие от своего неумного муженька, говорившего за столом в полном одиночестве, старательно развлекая небольшое общество.

Почтенный Хо с воодушевлением рассказывал, что Царедворец признался во всех своих грехах и преступлениях в каких его обвиняли, взяв на себя еще и вину своего младшего проворовавшегося отпрыска.

Но какими бы тяжкими не были его прегрешения перед престолом, все же влияние сторонников Царедворца было настолько сильно, что заставило императора нехотя смягчить его приговор, заменив казнь ссылкой в северные степи.

В какой-то момент Ся Гэ с чуткой ревностью заметила, что Глава стал тяготиться общей беседой за столом, а потому попросила торговца Хо показать тот товар, что он принес с собой. Не переставая нахваливать его, торговец разложил вещи на столе, который перед этим споро освободили расторопные слуг, убрав с него все блюда. Разумеется он разложил лучшее из лучших, товар особый и не для всех, все на выбор Первого мастера.

И пока Ся Гэ загоревшимися глазами увлеченно разглядывала яркие и броские шелка, сверкающие украшения и ароматные крема, жена торговца подошла к Главе, чтобы попрощаться и поблагодарить за гостеприимство, отдавая тем дань вежливости. Он поклонился в ответ, глянув на молодую женщину ничего не выражающим взглядом. Неожиданно ее рука поднялась к его лицу, на которую Глава, чуть подавшись назад, посмотрел настороженно и с опаской, как будто не приблизившийся готовый поразить его клинок. Сразу же вмешался торговец, не прекращавший до этого расхваливать свое барахло, мимоходом подхватив жену под руку.

— Дорогая, — захихикал он, — ты могла бы просто спросить господина, какими средствами он смягчает свою кожу на лице и отчего она у него столь гладкая и белая.

Простите ее, — начал кланяться он в сторону с недовольным и настороженным видом выпрямившейся Ся Гэ. — Дело в том, что супруга сама изготавливает крема для лица, вот, например, тот пузырек, что вы изволили взять, так называемый «блеск для губ».

— Глава клана не пользуется никакими кремами и притираниями тоже, — отрезала Ся Гэ, с неприкрытой угрозой глянув на жену торговца. — И не любит, когда к нему прикасаются.

Молодая женщина поклонилась словно закаменевшему Главе и недовольному Первому мастеру.

— Простите, простите... — суетливо извинялся торговец Хо. — Благодарим вас за столь щедрый прием, но моя бедняжка, похоже, утомилась. Госпожа, не откажите мне в удовольствии выбрать из моего товара, что я вам оставляю, то что вам приглянется. Я же буду терпелив в надежде, что вы по достоинству оцените его. Окажите ничтожному такую милость, преподнести вам подарок.

Пока торговец Хо многословно восхищался оказанным Главой гостеприимством его жена под бдительно недобрый взглядом Первого мастера, стояла рядом с не умолкавшим мужем, опустив глаза. Наконец странная чета ушла и Ся Гэ, глядя им в след ехидно подумала, что молодые женщины, которым не повезло стать женами стариков, порой не умеют держать себя в руках при виде чужого привлекательного мужчины.

Но сама она, уж точно избежит подобной участи, самодовольно подумалось ей. И если хоть кто-нибудь из бесцеремонных красоток, посмеет протянуть к ее мужчине свои жадные руки, живо оттяпает их своим клинком.

Глава развернувшись ушел к себе, предоставив Ся Гэ вдоволь налюбоваться разнообразным тряпьем, которое щедрый Хо, можно сказать, подарил ей. Хотя драгоценные украшения были хороши, а косметика искушала нежным ароматом свежести и действительно освежала кожу, от болтовни торговца у Ся Гэ не на шутку разболелась голова.

Придирчиво выбрав то, что приглянулось, она ушла с обновками в свои покои. Долго и кропотливо наряжалась, сменив одежду офицера клана на шелк и воздушный вуаль, и с помощью служанки уложила волосы в изысканную прическу. Наконец волосы были закреплены последней золотой шпилькой, и Ся Гэ придирчиво посмотрелась в бронзовое зеркало на свое тщательно накрашенное лицо, не узнавая в вызывающе яркой женщине себя. После этого величественно поднялась и решительно вышла из покоев, уверенно направившись в павильон Серебряной пыли. Глава в бархатном плаще накинутом на плечи, сидел на циновке за низким столиком и, грея ладони над жаровней, читал.

— Ты опять мерзнешь? — заботливо спросила Ся Гэ, переступая высокий порог.

Он скользнул по ней равнодушным взглядом.

— Как я тебе? — спросила она, повернувшись перед ним вокруг себя. — Стоит мне оставить этот наряд или нет? Тебе нравится?

— Как хочешь, — угрюмо ответил он.

— Но я хочу нравится тебе, — подошла она к его столу.

Он отвернулся, откровенное и неумелое кокетство Ся Гэ только раздражало.

— Посмотри, наконец, на меня. Я тоже женщина, а не только офицер Третьего отряда и твоя ученица и могу с не меньшим пылом и страстью дарить любовь.

— Чего ты хочешь?

— Хочу быть с тобой. Я всю жизнь со времени своего ученичества ждала тебя. Мечтаю быть твоей женщиной.

— О чем ты? — холодно спросил он, желая прекратить этот разговор. — Я не могу думать о другой, и о тебе тоже.

— Но она мертва, пойми! Ее нет больше на этом свете! Она умерла грязной, позорной смертью и не заслуживает, чтобы о ней помнили! — топнула ногой Ся Гэ близкая к истерике. — Почему не хочешь смириться с этим и принять ее смерть? Почему не хочешь делать со мной то же, что делал с этой грязной девкой, что потом легла под солдат, осквернив себя и подаренное тобой вожделение?! Я видела... видела... вас с ней... — сглотнула слезы гнева Ся Гэ и подойдя к нему вплотную бесстыдно заглянула в глаза просящим, умоляющим взглядом. — Видела вас тогда в павильоне Торжеств... после ее вульгарного, вызывающего танца, что распалил твою похоть. Видела все, что ты делал с ней, — задохнулась она, не в силах унять свои порывы, понимая, что сейчас на ее глазах, все, что она с таким терпением, так кропотливо строила и возводила, рушится безвозвратно. — Видела... от начала до конца.

Дафу невозмутимо слушал бессвязную речь заговаривающейся Ся Гэ, разум которой помутился от ревности и неудовлетворенных чувств.

— Ты потому не хочешь покидать это место и велел возвести точно такой же павильон взамен сгоревшего? Чтобы все напоминало о том, что ты делал там с ней. Но ты можешь делать тоже самое и со мной... Почему нет?

— Остановись! — резко приказал он, порывисто встав и шагнув к ней с явным намерением ударить, но вместо этого брезгливо обойдя ее, процедил сквозь зубы: — Видеть тебя не желаю...

— Но почему! — взвыла раздавленная Ся Гэ, готовая унижаться и дальше, все приличия были уже сметены и она хотела лишь одного — удержать Главу любой ценой. — Она сдохла! Ее нет! Понимаешь?! Нет ее больше!

Теперь он знал, почему в комнате гостиницы тем вечером, когда был освобожден из плена, чувствовал смутное беспокойство. Если до сего момента у него еще теплилась кроха сомнения, что именно Ся Гэ убила Ли Мин, то сейчас стараниями отвергнутой Третьего мастера и она исчезла. Ся Гэ сама подтвердила, что стала убийцей Ли Мин и он больше не мог находиться рядом с ней. Все, что Ся Гэ говорила — подлая ложь за которую она цеплялась до конца. Из плена Царедворца, он угодил в плен к обезумевшей от любви и ревности Ся Гэ. Она окружила его своими людьми и своим неусыпным надзором.

А он чуть не совладал с собой. Ему с трудом удалось сдержать волнение рядом с женой торговца Хо, голова кружилась от сознания, что Ли Мин рядом, только руку протяни. Она сделала это первой, и он едва не поддался своему порыву, чуть не сгубив ее.

Стража привычно выпустила Главу, когда он прошел мимо них к воротам в неурочный, поздний час. Что ж поделаешь, если Глава не в себе? Первый мастер велела потакать его причуде — прогуливаться за пределами Поместья, неприкаянно бродя по лесным тропам. А Глава свернул с дороги в лес и почти побежал по знакомой тропе, оскальзываясь в грязи раскисшей от снега тропы, на ходу сняв печать мага.

Он вошел в пещеру, когда Фэй Я избавлялся от иллюзии «изменения черт», превращаясь из рыхлого смешливого торговца в прежнего шуплого подвижного старика.

Ли Мин платком стирала с лица пудру и румяна.

— Понимаю, что ты соскучилась, — выговаривал ей Фэй Я. — Ибо сам в дни своей молодости проходил через тяжелые и болезненные любовные переживания. Но ты должна скрепиться ради дафу, держа в уме и сердце, что он сейчас ходит, словно по лезвию меча и

ему никак нельзя отвлекаться и хоть какой-то мелочью обнаруживать то, что он знает всю правду и уж тем более, что ты жива. Он же чуть со страха не помер, когда узнал тебя, от того, что ты сунулась в Поместье прямо к руки к Ся Гэ.

Она кивала, признавая его правоту и потому, не поняв, почему он неожиданно замолчал, обернулась.

На пороге стоял Глава и выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Когда он пошел прямо на мага, тот заторопился оправдаться, привычно прикрывая свою девочку:

— Это все моя вина... она тут ни при чем... — тараторил он, уже отработано преграждая путь к Ли Мин, с беспокойством оглянувшись на нее. Но этой дурочке, похоже, было не важно, что им обоим сейчас здорово попадет.

Уронив руку с платком перепачканный пудрой, смотрела она на Главу с бесконечным обожанием, готовая снести от него жесткую взбучку. Ее взгляд просто лучился от счастья. Глава, мимоходом отодвинув мага, налетел на нее, сгреб в объятия, набросившись с отчаянными поцелуями. Чуть ли не пригибая ее к земле, с остановившимся взглядом, сдвинув брови в напряжении сдерживая наплыв чувств, на позволяя им раздавить ни себя ни Ли Мин.

Все поняв, маг мигом исчез, скрипнув дверью. А Ли Мин умирала под его бесноватыми остервенелыми поцелуями.

— Зачем приходила в Поместье? — хрипел он, с трудом переводя дыхание над ее губами, и подхватил на руки. — Зачем появилась перед Ся Гэ? Чуть не разорвалось сердце от страха за тебя.

— Очень хотела... увидеть тебя, — шептала Ли Мин, судорожно обнимая и пряча лицо на его плече.

— Только увидеться? — севшим голосом прошептал он, валясь с ней на медвежью полость.

— Не могу без тебя... — тихо призналась она, притягивая его к себе.

Не отстраняясь, он начал быстро раздеваться, дергая на себе одежды, не отпуская ее взглядом, смотря, как и она в нетерпение путалась в юбке, не выказывая смущения, ведь все остальное было неважно.

После они сидели укрывшись как прежде медвежьим пологом и разговаривали.

— Ты же читала архив, верно? — перебирая ее пальчики, спросил Глава то, что сейчас больше всего беспокоило его.

Ли Мин кивнула и вид у нее был донельзя серьезный, так что он не смог сдержать улыбки.

— Тогда ты должна понять, что об этом запрещено распространяться.

— Ага, — кивнула любовь его жизни. — Само собой буду помалкивать.

И тогда Глава, притянув ее к себе, прижался губами к ее губам.

А Ся Гэ остро переживая свой позор, разорвав все шелка и нарядное одеяние, что сорвала с себя. В ярости разбросав украшения и разбив баночки и флакончики с косметикой, все, что подарил ей словоохотливый торговец Хо, приказала позвать соглядатая, который последние три дня следил за дафу.

— Ты вызнал, почему Глава все время уходит из Поместья? — требовательно спросила она, когда тот предстал перед нею.

— Говорят, ищет какую-то собаку, — поклонившись, доложил тот.

— Собаку?

— Да, госпожа. Он увидел ее как-то в лесу, и вот уже который день ищет ее.

— Собаку, — раздумчиво проговорила Третий мастер. — Должно быть, это лишь повод, чтобы покинуть Помесье и бродить бесцельно целыми днями.

— Госпожа, дафу просто не в себе, — пробормотал соглядатай искоса посматривая на учиненный разгром в покоях Первого мастера.

Мятеж Ся Гэ

Стоило большого труда отговорить Главу остаться и убедить уйти, чтобы раньше времени не всполошить Ся Гэ и заставить ее действовать. Нехотя признавая правоту возлюбленной, Главе скрепя сердце пришлось оставить ее. Они еще не наговорились, не насмотрелись друг на друга и опять расставались. Но с Ся Гэ нужно было заканчивать. Однако еще не все уцелевшие адепты клана, откликнулись на его тайный призыв и собрались в Снежных Листопадах до которых Ся Гэ теперь не было дела.

В Поместье Глава появился под утро, о чем доложил Первому мастеру все тот же нервничавшей слуга и она бросилась во двор встречать его. Он стоял у ворот, как будто раздумывая идти дальше или выйти вон и уже навсегда покинуть Поместье. На приближавшуюся Ся Гэ взглянул, будто впервые видел ее.

— Где вы были, господин? — с беспокойством спросила она.

— Не помню, — последовал отстраненный ответ.

— Вы до сих пор сердитесь на меня? — подошла Ся Гэ к нему так, что бы только он слышал ее доверительные повинные слова.

— Я должен был на что-то сердиться? — спросил он, взглянув на нее исподлобья темным взглядом.

Его спутанные распушенные волосы были влажны от утренней росы, выглядел он утомленным и пусть с залегшими кругами под глазами, но его лицо было умиротворенным и что-то тихое счастливое проскальзывало в его взоре.

— Вы не помните? — замирая сердцем от сладкого предвкушения спросила Первый мастер. Ей мнилось, что буря его чувств улеглась и он, успокоившись, понял ее правоту не умом, а сердцем, осознав, наконец, что той, за которую он так исступленно держался, больше нет. И наконец-то народившееся в это благословенное утро чувство к ней наполнит его душу.

— Я очень устал, — пробормотал Глава, обходя ожидавшую с предвкушением его признания Ся Гэ, проходя мимо.

Ничего он, конечно же, призовет ее к себе и возможно эти же вечером. Она шла за ним до павильона Снежной Пыли, все же надеясь, что это произойдет прямо сейчас и встретившему их слуге приказала нагреть воды для дафу.

В полдень они встретились за столом трапезной как ни в чем ни бывало. Ся Гэ попыталась было осторожными расспросами, выяснить, что он помнит о прошедшем вечере, воспоминание о котором до сих пор унижало ее, вызывая жгучий стыд за свой опрометчивый, необъяснимый порыв. Но Глава на все расспросы отвечал непонимающим взглядом, и она с облегчением оставила свои попытки, втайне радуясь его недугу беспамятства, и с упорной подозрительностью и ревностью продолжала следить за дафу.

Приходилось набраться терпения и ждать. Глава сдерживался, сколько мог. Пришло неожиданное известие — Царедворец, готовясь к отбытию в далекую холодную ссылку, неожиданно скончался в императорской темнице. Все догадывались, чьих это рук дело, но сторонники Царедворца ничего не могли доказать.

— Не понимаю, зачем было так поступать? — небрежно дернула плечами Ся Гэ, заведя разговор за трапезой. — Извести могущественный род ценой собственной жизни и гибели

неродившегося ребенка. Как это глупо и недальновидно.

Глава поднял на Ся Гэ тяжелый неподвижный взгляд. Ей захотелось говорить об этом за обеденным столом?

— Это не повод Цю Даню ликовать, что месть свершилась. Ведь он лишился дочери и внука. Ваша бывшая невеста на поверку оказалась несдержанной и глупой, — уверенно продолжала Первый мастер.

Глава швырнул палочки на стол и, поднявшись, вышел.

— Куда вы? Вы же еще не окончили трапезу, — недоуменно проговорила она ему в спину и вздохнула.

Взялась было за палочки, но положила обратно. У нее тоже пропал аппетит. Но что она ему такого сказала, что он вышел из себя? Когда это он сердился на правду? Сколько же еще выносить его причуды? Все же она терпелива и добьется своего. Глава отличается чувствительностью и надо дать ему время забыть случайную страстишку. Только вот она уже устала все время ждать и уговаривать себя.

В трапезную ворвался человек из ее отряда.

— Мастер, Глава уходит!

Ся Гэ с недоумением смотрела на ворвавшегося.

— Что здесь такого? Он постоянно уходит, но после возвращается, — поджала она губы. Этак скоро среди слуг начнутся пересуды о ее семейной жизни.

— Мастер, он сказал, что больше не воротится.

— Созывай людей! Закройте ворота! — сорвалась она с места.

Ся Гэ догнала Главу у самых ворот.

— Куда вы отправились, мой господин? — запыхавшись, окликнула она Главу стоящего с узлом в руках перед плотно закрытыми воротами.

— Не устраивай скандала, — попросил он, глянув с откровенной неприязнью. — Ты же понимаешь, что так дальше продолжаться не может. Сама едва терпишь наши отношения. Мы расстаемся, оставляю правление клана на тебя.

— Ты никуда не уйдешь! — с тихой яростью прошипела Ся Гэ. — Не позволю!

— Почему же?

— Ты предназначен мне и клану. У нас общая судьба.

— Так я твой раб? Полагаешь, я должен безоговорочно согласиться с решением которое ты приняла за меня?

— Почему нет? Разве у нас не одна цель? — развела она руками. — Ты не понимаешь? Ты не сможешь без меня.

— Прекрати! Разве ты сейчас поступаешь не так же как дочь Дзю Дяна? Мне не нужны твои чувства. Не нужен твой клан, потому что мой клан исчез. Не нужна ты. Прощай.

— Взять его! — взвизгнула Ся Гэ.

Ее люди плотным кольцом окружили Главу, который уронив узел, медленно обнажил меч.

— И тебе не стоит применять тайный прием Северного Ветра, — с насмешливым превосходством предупредила Ся Гэ. — Ты же знаешь, чем это обернется для тебя... для твоего здоровья? Ты принадлежишь мне и нашему клану, и я не позволю тебе умереть. Здесь все подчиняется мне.

— Уверена? Ся Гэ, Ся Гэ, ты всегда была нерадивой ученицей, сколько я не втолковывал тебе, что надо уметь видеть ситуацию в целом.

— Вам ли говорить об этом, мой учитель? Не я ли вызволила вас из мучительного плена Царедворца?

— Это не твоя заслуга, Ся Гэ. Ты всего на всего преступница, изворотливая лгунья и трусливая предательница. Пусть клан сам решит, нужен ли ему такой Глава?

— И кто станет это решать? Оглядиесь! Вокруг мои люди. Из этих ворот я выйду Главой Северного Ветра. Но если захочешь, все брошу, мы уйдем вместе, мне ничего этого не нужно без тебя? Давай уйдем вдвоем.

— Мне дорога другая.

— Она мертва! Как можно любить мертвеца?

— Это ничего не меняет.

— Я следовала за вами, куда бы вы ни шли, но вы даже не смотрели в мою сторону. Да я стала предательницей и убийцей, но вина в том не моя, а только ваша. Ведь только я как никто предана вам, но вы упорно отказываетесь посмотреть на меня и одарить своими чувствами.

— Ся Гэ, любовь не плата, а дар, — улыбнулся Глава.

В нерешительности стояли люди Первого мастера вокруг него. Кто-то из них поднял меч в ожидании глядя на Первого мастера.

— Раз отказываешься быть со мной, то отправишься к ней. Ты... принимаешь такую судьбу? — с неприкрытой угрозой Ся Гэ тоже медленно вынула меч из ножен, который машинально прихватила с собой, выбегая из трапезной.

— Я уже давно принял ее, — усмехнулся Глава, не упуская из вида окруживших его воинов Третьего мастера.

— Чего вы ждете? Схватить его! — в исступлении выкрикнула Ся Гэ.

Первую атаку Глава отбил скорее потому, что нападавшие не проявили особой ретивости.

Ворота Поместья вдруг с треском распахнулись, выпуская яркую вспышку магического сгустка, а за ней, протискиваясь, ввалилась толпа жителей Снежных Листопадов и державшиеся позади слаженным строем выжившие Драконы Дождя, ведомые Вторым мастером Пэн Ханом. Плечом к плечу с ним шагал воин в темных лиловых одеждах, чье лицо скрывалось под глубоким капюшоном. А за ними ковылял запыхавшийся Фэй Я, что с помощью удара магии вынесся ворота.

— Ся Гэ, — пошел к Первому мастеру Пэн Хэн. — Что происходит? — со значением оглядел он незнакомых воинов одетых в форму отряда Горного Лотоса. — Глава, — поклонился он дафу.

— Рад видеть тебя живым и невредимым, Второй мастер, — кивнул тот, стоя посреди окруживших его людей Ся Гэ с мечом в руке.

— Ся Гэ? — вновь повернулся к ней Пэн Хэн за объяснением, но она высокомерно перебила его.

— Перед тобой новый Глава клана, Второй. Все о чем ты хочешь доложить ему, — указала мечом на дафу, — докладывай мне. Пришло время донести до всех вас, что по причине слабого здоровья и помрачения рассудка, после тяжелых допросов в заточении, Глава больше не в состоянии возглавлять клан. Вы сами каждый день видели, каким потерянным он бродит по окрестностям и даже когда мы пробовали удерживать его в Поместье, дабы он не навредил себе, рвется искать канувших в вечное безвременье Хранителей. Потому, Второй, подойди ко мне, я приму приличествующие новому Главе

почести и клятвы верности.

— Я сделаю это, если нынешний Глава Северного Ветра подтвердит переданные тебе полномочия, — спокойно ответил Пэн Хэн и повернулся к Главе.

— Разве ты не услышал, что я только что сказала? — враждебно проговорила Первый мастер.

— Я очень хорошо слышал тебя. И почему, ответь мне, Глава не может пойти и узнать, что случилось с Хранителями? — в свою очередь удивился Пэн Хэн.

— Потому что он, — и Ся Гэ вновь показала обнаженным мечом на дафу, — не в себе. Моим людям постоянно приходится разыскивать его, чтобы вернуть в покои, дабы продолжить его лечение.

— Его смотрит Ли Мин и доктор Бин? — живо поинтересовался Пэн Хэн.

— Ты только что вернулся Второй, потому ничего не знаешь из того, что здесь произошло. Какая-то ничтожная бродяжка, которую вы приветили и на которую вдруг возложили какие-то надежды, мало, что предала своих наставников лекаря и мага, она убила Хранителей!

Деревенские зароптали. Из толпы вышла женщина и трое ее сыновей: двое подростков и младший, который прожил всего пять зим.

— Мы свидетельствуем перед всеми кто здесь собрался и пусть Небо услышит всю правду! — возмущенно воскликнула женщина. — Что, спасаясь от ворвавшихся в Поместье убийц, мы укрылись в лесных зарослях у самого Казематного ущелья, и отчетливо видели как вы, Третий мастер, гнались вместе с Каменными псами за возком Хранителей, крича им остановиться. А когда возница подчинившись, остановился и к вам навстречу поспешили Хранители, Каменные псы мигом вырезали беспомощных стариков и возничего. Тогда как вы Третий мастер просто смотрели на весь этот кровавый ужас.

— Да кто поверит твоей бесстыжей лжи?! — накинулась на женщину Ся Гэ. — Вы все слышите, как она бездоказательно оговаривает меня! Схватить лгунью!

— Но я не лгу! Пусть Небеса станут мне свидетелями, что я рассказала лишь то, что видела собственными глазами! — стояла на своем чудом спасшаяся женщина. — Все это — истинная правда. Что докажут тела несчастных мудрецов, которых ваши приспешники, Третий мастер, сбросили в Казематное ущелье.

— Схватите лживую тварь! — вне себя орала Ся Гэ. — Я сама допрошу ее!

Трое воинов ее отряда бросились исполнять приказ, но Драконы Дождя преградили им путь, оцетинившись в их сторону клинками.

— Значит и ты, Второй, поверил клевете и взбунтовался против меня? — с ненавистью процедила Первый мастер. — Вы все обязаны мне спасением клана и Главы, но вы платите мне тем, что верите наветам какой-то ничтожной и ненормальной! Как низкородная сможет от страха правильно понять, что на самом деле происходило на ее глазах, если даже от страха пугливая кошка в ее глазах видится свирепым тигром.

— Ты изолгалась, Третий мастер, — вышел из толпы лекарь Бин. — Я и Фэй Я свидетельствуем, что не тебе обязан своим освобождением Глава! Это заслуга Ли Ло, Цао и Ли Мин.

— Это Ли Мин, которую ты, Третий мастер, оболгала и обругала, спасала и укрывала адептов клана и жителей Снежных Листопадов! — встал рядом с Лю Бином старейшина деревни. — И я свидетельствую об этом перед Небом и людьми!

Ся Гэ зло расхохоталась и вдруг бросилась на лекаря Бина, воскликнув:

— Будто от тебя можно было услышать нечто другое! Вы, никчемные старики все время защищали и оправдывали эту подзаборную дворняжку!

Ее атака, не столько быстра, сколько неожиданная, застала всех врасплох. Второй мастер запоздало кинулся ей наперерез, понимая, что не успевает. Но клинок Ся Гэ, нацеленный на Бина, был вдруг резко отбит, стремительно промчавшимся перед ней воином в лиловых одеждах.

Едва устояв на ногах от молниеносной атаки, Ся Гэ недоуменно смотрела на так знакомую кожаную маску безлицых.

— Что это значит, Второй? — прорычала она, едва переведя дух. — Ты посмел привести в Поместье безликого Сумеречных? Когда ты стал их прихвостнем? Ты предал клан! И ты, будучи изменником, еще смеешь осуждать меня?! Вы все всерьез полагаете, что какая-то никудышная побирушка в жалких обносках, не знающая ни единого иероглифа, способна сладить с Царедворцем? Просто смешно! К тому же это собачье отродье погибла во время нападения на Поместье и не могла...

— Ся Гэ! — окликнули Первого мастера, перебив ее негодующую речь.

Ся Гэ застыла, побледнев так, словно к ней приближалось привидение и медленно, с подступающим ужасом, обернулась.

— Ты?! Но как...? — испуганно и недоверчиво смотрела она на Ли Мин.

— Ну, как — то так... — пожала плечами воскресшая. — Как видишь, выжила после того как ты убила меня в гостинице.

— Нет... — пробормотала Ся Гэ, с испугом оглядевшись, но быстро пришла в себя, воскликнув: — Не верьте ей! Она лжет... все лжет! — затравленно озираясь, Ся Гэ вглядывалась в лица стоявших вокруг людей. — Она же не могла... она демон, вы сами видите. Я лишь стремилась быть с Главой. Потому что он по праву мой... — бормотала она, тут же яростно выкрикнув: — Небеса ошиблись! Почему она, а не я?!

В это время Глава в тревоге поспешил к Ли Мин, что снова взбесило Третьего мастера, от чего она мигом пришла в себя.

— Отойти от нее! Вы должны знать, что она демон! — указала она трясущейся рукой на Ли Мин. — Никто не способен выжить после смертельного удара меча... Ее призвал Фэй Я... спросите его... Где маг?! Пусть подтвердит мои слова! Она Демон Черной Луны! Вы все грешники, раз служите демону, а скоро станете ее бессловесными рабами! Она потому и смогла одолеть Царедворца, потому что проклятая демоница...

Люди подались от Ли Мин и Ся Гэ торжествующе выпрямилась, и теперь с видом победительницы смотрела на Главу.

— Разве тебя это не остановит, Господин? Лучше вам отойти от нее, дабы мы смогли свершить справедливую кару над этим исчадьем ада.

— Мне все равно, — не отводя взгляда полного чувства от Ли Мин, проговорил Глава. — Демон она или нет, не имеет значения.

— Разве она не демон? Она исцелила Главу, уничтожила Царедворца, справившись с этим змеем. Разоблачила безликих и воскресла сама. Разве это не доказывает, что она демонское отродье?! — кричала Ся Гэ. — Мало того — соблазнила Главу намеренно, чтобы добиться своего! Она жаждет власти! Неужели вы все так слепы, что не видите всего этого?!

Казалось, ее аргументы достигли цели, люди переглядывались, шептались, глядя, на стоявших друг против друга девушек. Ся Гэ свысока бросила на спокойно внимавшую ей соперницу взгляд полный презрения. Молчал и стоявший рядом Глава. Ся Гэ уверенно

распрямила плечи: правильно, им всем нечего возразить против ее слов.

— Госпожа Третий мастер, — вдруг поклонился, вышедший вперед старейшина Снежных Листопадов. — Вы столько раз защищали нас, но почему в день нападения Тайной канцелярии оставили деревню на поругание и разграбление? Вы сказали, что вам важнее спасти Хранителей, которых увозили в тот злосчастный момент, и повели свой отряд в спасительную погоню за ними. Только вот вы их так и не спасли. Брошенная вами деревня была разорена, а эта девчонка, — указал старейшина на Ли Мин, — сумела сплотить остатки разгромленного клана, привлекла союзников, чтобы расправиться со злейшим врагом Главы, и вернула ему и всем нам честное имя. Разве не ее стараниями клан возрожден вновь? Глава, если эта девочка так хочет власти, я желаю одного — подчиниться ей.

Улыбнувшись, Глава чуть кивнул и добавил:

— Я с вами согласен, старейшина, и с охотой выполню ваше желание. Что касается репутации Ли Мин, то беру грехи этой «совратительницы» на себя и дам ей соответствующий статус заключив брак с ней.

— Вы, как всегда мудры, господин, — поклонился Главе старейшина и весь деревенский люд, что стоял за ним.

Третий мастер продолжала беситься, видя свою беспомощность, полный крах надежд и, надвигавшийся позор.

— Это она предала всех нас, потому я убила ее, мстя за свою подругу, дорогую Ли Ло, которая узнала ее подлую натуру и ее недвусмысленные делишки! — сделала она последнюю попытку оправдаться и обелить себя.

И тут сказал свое слово Второй мастер.

— Очень горько, сестрица, видеть то, какой ты стала. Ведь на самом деле это ты предала клан.

— Что? И это говоришь мне ты? Но твои слова ничего не стоят. Все видели, как ты послушной собачонкой таскался за той тварью по пятам, заглядывая ей в глаза, потому до сих пор выгораживаешь ее.

— Если вы не верите Второму мастеру, то поверите мне, — встал рядом с ним воин в лиловых одеждах.

— А ты кто еще такой?! — презрительно фыркнула Ся Гэ, с настороженной враждебностью разглядывая нового нежеланного свидетеля. — Вижу, в последнее время в Северном Ветре начали привечать наших злейших врагов. Но при мне такого не будет.

Был этот воин в лиловом хрупок и невысок, едва доставал до плеча Второго мастера. То ли ребенок, то ли девушка, но недооценивать этого воина было нельзя, как уже убедились в этом Ся Гэ.

— Я Синий Скорпион и до сего дня не имела чести знать ученицу лекаря. Так что меня трудно обвинить в предвзятости. И я как никто другой знаю, кто именно предал Северный Ветер.

— Позволь мне, — положив руку на хрупкое плечо девушки, склонился к ней Пэн Хэн. — Мы узнали, что Сумеречные охотились на мастеров цзянху, и кого им удавалось пленить, одурманивали. В этом состоянии они стесывали их лица, которые закрывали потом кожаными масками. Особо упрямым пленникам, которых не останавливало уродство, угрожали расправой над их семьями. Синий Скорпион была самой беззащитной и послушной из пленников, подавленной девушкой, потерявшей свою красоту и потому безразличной ко всему. Ее не опасались и, держа на положении бессловесной рабыни,

свободно говорили при ней то, о чем знать никому не полагалось. Но мы смогли убедить ее довериться нам и потому сразу узнавали, что замышлял глава Сумеречных, как и то, от кого он получал сведения...

— Замолчи! — крикнула трясясь от подступавшей истерики Ся Гэ. Она все еще держалась, желая выглядеть достойно. — Вы все... — обвела пальцем стоящих вокруг, включая и воинов своего отряда, что недоуменно переглянулись, по-прежнему держа мечи нацеленные на Главу и Ли Мин. — Вы все околдованы демоницей... Никому из вас нет веры! Никому! — задыхалась она от ярости.

— Даже мне? — послышалось позади нее тихое.

Первый мастер вздрогнула, как будто в ее сердце угодила стрела, меч выпал из ослабевшей руки, звякнув о мостовой камень, и она деревянно повернулась на голос.

— Но как... — прошептали против воли ее помертвевшие губы.

— Небо решило мою судьбу, сохранив эту никчемную жизнь для того, чтобы восстановить справедливость и обличить тебя, Ся Гэ.

— Это не может быть явью... ты морок... — бормотала Ся Ге, глядя на воскресшего Четвертого Хранителя безумными глазами. — Ты же упал... упал в Казематное ущелье...

— Это правда, — кивнул совершенно седой головой белый как лунь, страшно исхудавший Хранитель. — Но духи предков хранили меня, и своим спасением обязан я Казематному ветру. Он же не дал искалечить тела моих несчастных братьев, которых твои приспешники безжалостно швырнули в пропасть. И сейчас я свидетельствую перед Небом и людьми о твоём преступлении.

— Я делала это ради любви и для любви, — прошептала Ся Гэ, глядя остановившимся бессмысленным взором в никуда. — Разве я не права? Лишь я могла дать дафу бесконечную и верную любовь, но он смотрел на мои чувства как на назойливую мошку. Моя любовь ему не нужна, но тогда нужна ли я самой себе?

В один миг, подцепив носком сапожка меч, она подбросила его и, ловко перехватив, не замедлившись ни на миг, полоснула им себя по горлу.

Люди опешили от такой стремительности и от неожиданной смерти Первого мастера. На миг все хранили тяжелое трагическое молчание свыкаясь с трагедией, произошедшей на их глазах. Никто не мог и слова вымолвить, пока Хранитель, подняв ладонь, не произнес строго:

— Она сама судила себя. Так тому и быть.

Когда все успокоились, почтительно и бережно проводили единственного оставшегося у клана Хранителя, а Ся Гэ унесли на носилках, укрыв циновкой, Глава дал знак, что бы Второй мастер подошел к нему. Тот живо протолкался мимо сельчан и солдат Ся Гэ, недоумевающих, почему их не арестовывают, и подошел к Главе, который повел его подальше от толпы.

— Я сам хотел поговорить с вами, господин, — начал Второй с несвойственной ему нерешительностью.

— О чем же? — спросил Глава в свою очередь, думая как деликатнее начать разговор о Ли Мин.

— Дело в том... не могли бы вы поговорить с Ли Мин обо мне... объяснить ей, что я... и Синий Скорпион... эта девушка помогла мне, когда я оказался в безвыходном положении у Сумеречных и... мы с ней так много вместе пережили. Словом, я не мог не ответить на ее чувства... Глава? Что с вами?

— Прости, — потер лоб, тихо засмеявшийся Глава, пряча счастливый блеск глаз. — Так ты хочешь сказать, что отказываешься от Ли Мин из-за Синего Скорпиона?

— Ну... так уж получилось, — развел руками Пэн Хэн. — Уходя к безликим я просил Ли Мин дождаться меня, сказал, что она нравится мне... Но сейчас... я не могу выполнить обещанного ей, потому что не брошу Синего Скорпиона. Только, не причиню ли я этой правдой тяжелую обиду Ли Мин, что тяготит мне душу... но вас она послушает.

— Не терзайся из-за этого, Пэн Хэн, — покачал головой дафу. — Я тоже хотел говорить с тобой о Ли Мин.

— Да? — насторожился Пэн Хэн.

— Дело в том что... я забрал ее у тебя. Теперь она моя жена.

— Как? — открыл рот, ошарашенный Пэн Хэн, не зная, что и сказать.

На его вытянутом лице разом отразилось недоверие, недоумение, обида и облегчение.

— Не вини ее... Просто так получилось... — увещевал, почти умоляя, онемевшего Второго мастера, Глава.

— Да я... это... как так-то?!

Тем временем, из столицы дошли две вести, что клан Сумеречных разгромлен, нападшими на них Каменными псами. Как они обошли магическую защиту колдуна Сумеречных оставалось загадкой, как и то, что уцелевших в кровавой и жестокой сече Каменных псов и безликих повязала неожиданно нагрянувшая Тайная канцелярия. Это было понятно — всемогущий всевластный Царедворец больше не прикрывал их и не смог примирить двух его союзников, неожиданно столкнувшиеся друг с другом.

В это же время из Казематного ущелья ветром были подняты тела остальных погибших Хранителей и теперь Помесье и Снежные Листопады проводили сложный похоронный ритуал, очень древний, чтобы достойно проводить в последний путь мудрейших.

Продолжение следует...

Что бывает, если предоставить решать судьбе. Эпилог

В хлопотах и заботах весна пролетела как один день. Просто как-то утром спеша в Зимние Листопады Ли Мин вдруг заметила, как облетели цветы яблонь у ворот деревни и не смогла подавить вздох печали по Ли Ло, вспомнив как еще летом сидели здесь, уплетая ее паровые пирожки. Сейчас бы подруга была довольна теми переменами, что происходили в клане. Поместье продолжало отстраиваться. Люди Ся Гэ после ее гибели не пожелали расходиться, когда Глава отпустил их на все четыре стороны. Отряд Горного Лотоса продолжал служить Северному Ветру под началом Синего Скорпиона, принеся присягу законному Главе. Может недовольства, и были, но никто открыто не высказывался против такого назначения. Если такие и были, опасались должно быть, памятуя стремительность безлицей девушки. Боец она первоклассный, ничего не скажешь, но очень уж скованная и стеснительная в общении даже с женщинами.

Пэн Хэн приходил с ней в пещеру. Синий Скорпион сперва дичилась Ли Мин, все жалась к Пэн Хэну и ревниво посматривала на хозяйку пещерной норы с которой Второй мастер болтал и смеялся. Оба намеренно не обращали внимания на Синего Скорпиона пока она действительно не почувствовала себя свободно и уже с интересом следила за их разговором, переводя большие темные глаза, блестящие над потертой кожаной маской, с одного собеседника на другого.

Всю весну маг, закрывшись в доме, корпел над усовершенствованием для состава восстанавливающего лицо девушке. С бывшим безликим — мастером Ши Дином с которым Пэн Хэн отправился к безликим, лицо восстановить не получилось, но его семья и так приняла его, радуясь, что он жив — здоров.

Синий Скорпион даже как-то сама пришла к Ли Мин без Пэн Хэна, должно быть поговорить о восстановлении своего лица, но ее напугали не к месту расшалившиеся Горный дух и Казематный ветер, что — то не поделившие у пещеры. Что очень удивило Ли Мин. Не ожидала она, что непобедимая Синий Скорпион боится всяких духов.

— Мышей тоже боишься? — поинтересовалась Ли Мин и засмеялась, когда отважная воительница чуть не завизжала при слове «мышь».

Вообще в эту весну Ли Мин была предоставлена самой себе. В эти дни весенней свободы, старички ее не донимали, как и вечно занятый Глава.

Поскольку Фэй Я заперся в своем доме, сидя за составлением лекарства для Синего Скорпиона, и у него там что-то гремело, билось и даже взрывалось, то лекарь Бин все время сторожил у его дверей, принося еду и унося ее иногда нетронутой.

С Главой было сложнее, потому что Ли Мин с ним поссорилась. Она дулась на него не из-за того, что он все время нудел, чтобы она оставила пещеру и перебралась к нему в Поместье, а потому, что подговорил старичков не принимать ее у себя. Фэй Я разобиженный, что она не пустила его в пещеру экспериментировать со снадобьем, в отместку Ли Мин согласился тут же. Лекарь же недовольно отмалчивался и ворчал на причуды молодых, но Ли Мин к себе все же не пустил. Вот от них-то не ожидала она такого. Предатели!

Сам Глава все время ошивался при императорском дворе, улаживая там как свои дела так и дела империи. Как только он возвращался в Поместье и принимался с маниакальным

упрямством за Ли Мин, как его снова сдерживал приказ императора явиться ко двору. Такое ощущение, что Сын Неба ничего не мог решить без него.

Вообще-то Ли Мин понимала причину его нервозности. Весна просвистела мимо пущенной стрелой, пришло яркое лето с долгими солнечными днями и светлыми ночами. Только вот неумолимо приближался день, который Ли Мин ждала нетерпеливо, а старики и Глава со страхом и словно старались оттянуть его приближение. И если Глава до жути боялся, что портал магического круга откроется раньше, то Ли Мин все же надеялась на это.

Время неслось неумолимо и, в конце концов, час икс настал.

В этот знойный день вечно занятый Глава неожиданно пожаловал в пещеру, застав в ее прохладе уже нервничавших стариков. Оба принялись приветствовать Главу обязательным поклоном, но он попросил:

— Прошу, оставьте церемонии.

И вдруг опустился перед ними на колени, почтительно коснувшись лбом пола.

— Глава! — переполошились старики.

— Почтенные, благословить наш брак с Ли Мин.

— Что? — хором воскликнули оба.

Впечатлительный маг ожидаемо схватился за сердце, и перепуганный Глава подался к нему.

— Вот ведь паршивка! — забранился лекарь.

— Демоница, — простонал маг.

Оба старика, зная истинное положение вещей, искренне переживали за Главу. Они видели, что Глава благодарен Ли Мин и даже симпатизирует их девочке, но что бы вот так! Как эта паршивка могла так жестоко обойтись с молодым господином?! Завлечь, а потом бросить с разбитым сердцем, если знала, что их отношения обречены с самого начала! Как вот теперь объяснить Главе ее предстоящий отказ? Бедный обманутый мальчик! Более решительный лекарь начал прощупывать настроение господина, что бы понять, как бы смягчить тому предстоящее испытание жестокой правдой.

— Э... э... Ли Мин знает, что вы собирались свататься к ней? — начал он издали.

— Мы прямо не говорили об этом, — пробормотал Глава сбитый с толку поведением обожаемых Ли Мин стариков.

— Но... она знает, что вы намерены... жениться на ней? — допытывался лекарь, осторожно продвигаясь в своих расспросах. Маг тревожно переводил взгляд с одного на другого, с ужасом предвидя надвигающуюся катастрофу.

Глава кивнул, понимая, что лекарь готов ухватиться за любой предлог, чтобы произнести роковые слова отказа.

— Мы не говорили о браке, потому что уже супруги, но я желаю провести свадебную церемонию как следует, — ровно проговорил он, чтобы в очередной раз не пугать старших.

— Что-о? — пробормотал потрясенный лекарь, пошатнувшись и, теперь уже маг вовремя сумел подхватить его, осторожно усаживая на толстую циновку для сидения.

— И... как давно вы... супруги?

— Давно.

— Но все ли вы о ней знаете, господин? — простонал лекарь Бин и маг кивком поддержал его вопрос.

— Я знаю все.

Старики в беспокойстве переглянулись.

— Что все? — вскинувшись, потребовал лекарь, болезненно морщась.

— Она вам сама призналась? — спросил маг, не отставая.

И Глава вынужден был отвечать одновременно обоим.

— Она не из этого мира. Я сам догадался.

— И даже то, что все говорят, что она демон...

— Мне все равно...

— Больше она вам ничего не сказала? — допрашивали кандидата в мужа дотошные старики.

Но Глава насторожился и с молчаливым требованием смотрел на них.

— Она собирается уйти... покинуть наш мир... сегодня. Мы здесь, чтобы попрощаться...

— Я здесь, чтобы ее остановить...

— Как? Она же демон... — в сердцах воздел руки в широких рукавах маг. — Что мы тут можем сделать?

— Мы обязаны удержать ее, — с горячностью, что придавало отчаяние, проговорил Глава.

Их спор, готов был уже дойти до высшего накала, когда вошла Ли Мин, остановившись на пороге. Она не ожидала увидеть своих мужчин здесь вместе. И тем чутьем, которым обладают женщины, почувствовала, что их спор касается ее.

Увидев, перед стоящим на коленях Главой, сидящего на циновке бледного лекаря и, хлопотавшего над ним мага, она поинтересовалась:

— Что у вас тут происходит?

Старики с беспокойством взглянули на нее, потом испуганно на Главу. Вот пусть теперь сама объясняется с ним!

Потом беспомощно наблюдали за тем как она собирается. Старики смотрели жалобно, заискивающе, Глава с мрачным отчаянием, сложив руки на груди. Они понятия не имели как остановить ее, что должны сделать и что сказать, чтобы она осталась. Из всех четверых только Ли Мин была на подъеме. Ни на кого не глядя, она зашла за ширму. Магический круг засветился вдруг матовым бледно-зеленым свечением. Лекарь повернулся к Главе и нервным шепотом выговорил: «Что ты за муж такой, что не способен удержать свою женщину?»

Тем временем, повозившись, какое-то время за ширмой, Ли Мин появилась в причудливых одеждах, своим видом введя в ступор Главу, что смотрел на девушку округлившимися глазами, потеряв дар речи. Конечно, это была его Ли Мин и в то же время чужая, не знакомая... обольстительно яркая, непонятно во что одетая и вместе с тем как будто бы раздетая, куцые одежды не скрывая, обтягивали ее идеальную фигуру. Так вот какая в другом мире, мире будущего, его возлюбленная. Только уж теперь он точно не отпустит ее туда в таком виде. Нет, нет и нет! Решительно нет! Он вцепится в нее, и пусть тащит его за собою в это свое будущее. Либо здесь, либо там, но вместе!

— Зачем тебе уходить, девочка? — жалобно всхлипнул Фэй Я, промокая концом широкого рукава подслеповатые глаза.

— Пускай уходит, раз решила нас бросить... не нужны мы ей, — сварливо махнул рукой в сторону входа скандальный лекарь. — Не отговаривай ее.

— Ли Мин, а я... я для тебя ничего не значу? — прошептал Глава, не в силах оторвать от нее взгляда. Не важно, в каком возмутительном виде она была, но она рвала ему сердце.

— Да... — опять нервно вклинился Лю Бин, — задурила парню голову и бросает, как

вещь не нужную.

— Девочка, понимаю, что тебе хочется домой, — начал Фэй Я, — но ведь и здесь ты давно не чужая.

— Что вы мне душу рвете? — в отчаянии швырнула сумку на пол Ли Мин, отвернувшись от разговаривающего зеленым свечением круга. — Думаете я, хоть в чем-то уверена? Я не знаю... не знаю... И хочу уйти и не могу...

— Тогда останься, — с надеждой шагнул к ней Глава. — Ли Мин ты не будешь знать нужды ни в чем... я устрою для нас пышную свадьбу. Никогда не взгляну на другую.

— А ну да... — печально усмехнулась Ли Мин. — Это конечно решает все. Ладно, давайте положимся на судьбу и провидение, чтобы никому не было обидно. Если мне что-то помешает войти в этот круг... Если такое произойдет, то я останусь. Все! Больше не говорите мне ни слова.

Трое мужчин смотрели на нее с одинаковым выражением мольбы и душевного страдания.

— Тогда все? — оглядела их Ли Мин, подхватила сумку и шагнула к мерцающему кругу, но вдруг пошатнулась, замерла и плавно осела на землю, до смерти перепугав своих мужчин. Они кинулись к ней. Девушка лежала в глубоком обмороке. Глава, успевший подхватить Ли Мин, прижал ее к себе, про себя истово благодаря Небо. Недобро глянув в сторону магического круга, он ринулся в противоположный конец пещеры подальше от него.

— Угасни, угасни уже... — повторял он как заклинание.

Пока Глава, переносил потерявшую сознание на кан, маг бестолково метался вокруг, то и дело, заступая ему дорогу и повторяя: «Что с ней?»

Лекарь расправил шкуру на кане, куда Глава аккуратно уложил бесчувственную Ли Мин. Как только уложили, лекарь Бин тут же бесцеремонно оттер в сторону заматавшегося в панике Фэй Я и нависшего над ней перепуганного Главу и подхватил вялую руку Ли Мин.

— Ну что? Ну что... Что? — бормотал неугомонный Фэй Я, не в силах совладать с страшным беспокойством за свою девочку.

Глава не отпуская мрачное сосредоточенное лицо Лю Бина лихорадочно горящим взглядом.

Лекарь, что-то уж слишком долго внимательно прослушавший пульс бесчувственной Ли Мин, мотая магу и Главе нервы. Фэй Я крепился изо всех сил, пока не вытерпев, жалобно не взвыл: «Ну что? Что с нашей девочкой?» Лекарь, молча поднялся со странным выражением на лице и, торжественно откинув длинные рукава, чинно поклонился магу: «Поздравляю и тебя Фэй Я. Друг мой, ты станешь Вторым дедушкой», после повернулся к смотревшему на него во все глаза, Главе:

— Поздравляю, господин, через восемь месяцев вы станете отцом. У вас будет наследник. Мои поздравления, Глава.

Оба замерли, ошарашено, уставились на лекаря, ничего не понимая, потом переглянулись и маг несколько растерянно почему-то спросил у Главы:

— У меня появится внук?

Глава перевел вопрошающий взгляд на Лю Бина, переадресовывая этот вопрос к нему.

— Но... но может, будет девочка? — неуверенно заметил счастливый лекарь.

— А по-фиг! — вдруг засмеялся Глава и склонился к Ли Мин.

Пока оглушенный счастьем Глава бездумно гладил по волосам так и не очнувшуюся Ли Мин, Фэй Я восторженно умилился: «Я и мечтать не мог о малыше!», но вдруг очнувшись,

недовольно поинтересовался у Лю Бина:

— А почему это я Второй дедушка?

— Потому что Первым буду я, — последовал категоричный ответ.

— Фэй Я, вы можете сделать так, чтобы проклятый круг померк, — прервал их спор

Глава, кивнув в сторону сундука. Обняв Ли Мин он баюкал ее, опасаясь разжать руки.

Но старикам было не до того, они выясняли отношения. Лекарь накинулся на мага.

— Размечтался, старый дуралей! Потуши свои магические каракули, если не хочешь, чтобы девочка и наш внук пострадали.

— Я все слышу, — простионала Ли Мин. — Не мог бы ты не так сильно сжимать меня, милый?

— Ты помнишь, что не дошла до магического круга? — сразу же напомнил Глава.

— Он еще открыт?

— Уже тускнеет... но ты обещала.

— Я ведь еще успею?

— Да, но ты же понимаешь, что я не отпущу тебя. Можешь винить и во всем только меня.

— Что со мной? — обратилась уже полностью пришедшая в себя Ли Мин к Бину, как-то умудрившись высвободиться из объятий Главы.

— Ты станешь матерью нашего внука, вот что? — сияя, объявил тот, даже не стараясь спрятать улыбку на строгом лице.

— Но... — попыталась собраться с мыслями несносная девочка. — Этого никак не может быть... Как так-то?! А все ты! — вдруг накинулась она на Главу.

Глава высокомерно глянул, разулыбался и выдал:

— Мне уже нужно думать о наследнике...

— Возьми наложницу? — проговорил она, чуть отдышавшись.

Тут маг закатил глаза, а лекарь задышал тяжело, через раз. Назревал скандал и это при том, что их девочка в интересном положении, но и Главу они понимали — он тянул время, проклятый круг еще мерцал.

— Я желаю его от своей жены, — отрезал Глава.

— Ты... ты ему, что-то пообещала? — строго потребовал у Ли Мин ответа лекарь, живо влезая в разговор.

— Нет, — покачала головой девушка.

— Да, — перебив, возразил Глава. — Ты обещала любить меня и принадлежать только мне. А разоделась так, как будто в том своем времени намереваешься завести гарем из мужчин. Маг нервно хихикнул, но тоже включился в задуривание Ли Мин.

— Зачем же тогда вскружила мальчику голову? — всплеснул он руками, сев рядом с ней на кан.

— Зачем было подпускать его так близко? — рассердился лекарь. — Ты забеременела и теперь бросаешь отца своего ребенка? Возмутительно!

И все трое уставились на Ли Мин. Та вместо ответа в панике прислушалась к себе, вспоминая, когда в последний раз у нее были месячные. Глава, замер, смотрел на нее с надеждой и отчаянием. Маг перестал дышать, а лекарь, кряхтя, поднялся с циновки. На лицах трех мужчин читалось от: «Удержать любой ценой» и «Неужели не придется понянчить внуков». Тогда как на лице Ли Мин отпечаталось: «Вот я попала!»

Эпилог

Одетая как госпожа, Ли Мин сидела в Кленовой беседке у Лотосового пруда, скрываясь в ее тени от спадающего летнего зноя. Но деревянные покрытия, решетки и скамья отдавали жар нагретой за день древесины с едва уловимым кленовым ароматом.

Особенно явственно он чувствовался из-за резкого запаха донной тины доносившейся с водной глади, над которой покачивались меж широких листьев фарфоровые чашечки лотосов.

В этот раз ей удалось сбежать из-под вездесущей опеки лекаря и суетливой заботы мага, и теперь могла, наконец, побыть в полном одиночестве.

Если так пойдет дальше ее семейная жизнь затрещит по швам. За полтора месяцев ее муж подуспокоился, стал степеннее. И хотя невозмутимость не покидала его, все же был эмоционально раскрепощеннее, чем раньше, во всяком случае, в семейном кругу открыто проявлял свои чувства и переживания.

Жалела ли она о своем выборе?

Тут Ли Мин не могла ответить однозначно. В будущем ее прошлой жизни, осталась мама, по которой она безумно скучала. Мама, растившая ее одну, жила ради дочери. И можно представить ее состояние и жизнь, после того как ее ребенок исчез и никто никогда не узнает о его судьбе. И наверное, только мама живет надеждой, что ее дочь жива и когда-нибудь вернется. Ведь никаких доказательств гибели Ли Мин ей так и не предоставят. Именно иллюзия надежды поможет маме справиться с утратой и продолжать двигаться дальше. Вспомнить, что она женщина и устроить свою судьбу, обзаведясь новой семьей. Может быть, мама вдруг почувствует, даже через разделявшие их века, что с ее дочерью все хорошо и это успокоит ее и смирит с тем, что ее ребенок никогда не будет уже с ней.

Но это была собственная иллюзия-надежда Ли Мин. Сама она действительно была счастлива, потому что вместе с потерями и испытаниями, обрела семью с гиперзачотливыми старшими и любящим, покладистым мужем.

И пусть ее отбросило во времени в далекое прошлое, и она лишилась комфортной жизни, без которой уже привыкла, зато обрела саму себя, став уверенной знающей, что ожидать от себя, способная не растеряться от неожиданных поворотов судьбы и не только позаботиться о себе, но и о других.

Если даже получится так, что она останется без защиты старших и мужа, она примет удар, выживет его и не даст другим пропасть.

Вот совершенно недавно, еще до приезда докучливых барышень Пин, когда ее мужчины объединились, что бы ограничить ее свободу и полностью взять Ли Мин под контроль, намекая, что вдоволь настрадались из-за ее своеволия и пора бы ей уже остепениться и стать послушной, она живо привела их в чувство.

А дело было так.

После катастрофы обрушившейся на Помесье и Снежные Листопады и после того как клан вновь обрел своего Главу, а жизнь вошла в привычное русло обрастая повседневными заботами. Так вот, Ли Мин застучала своих мужчин, когда Глава только вернулся из имперской столицы. Ее муж как раз рассказывал Лю Бину и Фэй Я, что не желает представлять Ли Мин двору, следуя пожеланию его величества познакомиться со знаменитой супругой клана Северного Ветра, которой обязан разоблачением и низвержением всемогущего подданного и вероломного изменника.

Глава почел за честь представить трону свою жену, как только она разрешится от бремени. Император милостиво решил подождать, поняв, как мужчина мужчину,

беспокойство будущего отца, с волнением ждущего появления своего первенца.

— Конечно же, я никогда не представлю Ли Мин двору, — решительно подытожил дафу.

— Но почему? — простодушно удивился Фэй Я. — Император настроен к нашей девочке настолько благожелательно, что может даже щедро вознаградить ее. Думаю, поездка к императорскому двору пришлась бы девочке по душе и развлекла бы ее.

Лекарь Бин лишь покачал головой на наивность и недалекость своего друга.

— Почему вы этого так боитесь? — все же спросил лекарь Главу, что задумчиво смотрел перед собой.

— Почему? — очнулся тот. — Потому что его величество опасается Ли Мин. Это было слишком явно, по тому как настороженно расспрашивал он о делах клана. Сказав, что клан только оправляется от разгрома и вряд ли в ближайшую эпоху сможет подняться, успокоил императора, внушив ему, что мы слабы.

— Тогда его величество принялся искать другую нашу слабость, — кивнул лекарь Бин.

— Или силу, — продолжил Глава. — Раз Ли Мин удалось справиться с всемогущим Царедворцем, то...

— ...способна на большее ради нас! — ужаснулся маг той опасности, какой удалось избежать Главе.

— Император подозрителен и про Ли Мин не забудет. Думаю, придется все же представить ее двору.

— Только если Ли Мин, после того как разрешится родами... вновь не окажется в тяжести... — не уверенно, вопросительно предположил лекарь Бин.

— Да, — сразу же отозвался Глава, увидев в этом единственную возможность усыпить подозрительность императора. — Думаю, это единственное, чем мы сможем оправдать ее отсутствие при дворе.

Маг, вспыхнув, подался к нему, с готовностью закивав в охватившей его тревоге.

— В самом деле? — вошла к ним Ли Мин, предотвращая заговор в самом его зародыше. — Стало быть, лишь мои постоянные беременности смогут спасти клан, и успокоит императора? И по вашему, это единственное решение проблемы или это вам так удобно?

Застигнутые врасплох мужчины беспокойно задвигались, смущенно переглядываясь.

— Ты нас не так поняла, — запинаясь, но живо начал было оправдываться маг. — Это не то, что ты подумала...

— Чем же плохо это решение? — неуступчиво поинтересовался Глава. — Разве дети не благословение Небес? Ты не хочешь их?

— Считаешь, каждый год по ребенку, для меня благо? Ну, знаешь ли! И потом, что помешает императору в будущем призвать к себе нашего ребенка и оставить при дворе заложником?

Старики сразу разволновались, то ли из-за открывшейся перспективы иметь кучу внуков, то или из-за того, что их застукали за плетением бессовестного заговора, то ли из-за открывшегося мрачного будущего для внуков.

Глава хмуро смотрел на жену, признавая ее правоту. Он решал сиюминутную проблему, не заглядывая настолько далеко.

— А знаете, что не только в тринадцатый месяц Черной луны открываются ворота в иномирье, но и каждый месяц, но лишь на полдня? Узнала это от Горного духа, — сложив

руки на груди, заявила Ли Мин и развернувшись вышла.

И хоть последнее слово осталось за ней, было обидно. Глава и Лю Бин ухватили саму суть прочного аркана, который бы удерживал ее возле них. Мало того, что в этом случае ее беременности стали бы беспроегрешной отмазкой перед императором, который не отважился бы взять ее в «заложницы», оставив при императрице. Так еще, эти трое твердо уверены, если случится «наезд» на клан, то Ли Мин будет отстаивать свое гнездо с яростью тигрицы. И потом, дети это гарантия того, что она их не оставит.

Действительно, куда она в этом случае денется?

А тем же вечером Глава в их покоях сдержанно извинялся, но не за само решение, а за то, что принял его за ее спиной. Он клятвенно пообещал, что со старшими подумает над этим еще раз и, конечно же, после расскажет обо всем ей.

Они уже пришли было к полному примирению, когда в их спальню бесцеремонно заявился лекарь, сварливо напомнив, что ложе Главы уже расстелено в его кабинете, где он ночевал в последнее время, вместе с Бином. Вообще, сложившееся благодаря его стараниям положение вещей удручало и расстраивало не только Ли Мин, но и Главу. Но упрямый и непробиваемый старик твердил одно, что думать следует о будущем наследнике Северного Ветра, а не о всяких там глупостях.

Тут-то, в беседке у Лotosового пруда, ее и отыскал неугомонный маг. И прежде чем он принялся хлопотать вокруг нее, Ли Мин задумчиво спросила:

— Вы знаете какое-нибудь заклинание, чтобы мужчина не задумывался о наложнице?

— Ой... да как же так... — сразу забеспокоился чувствительный Фэй Я, тут же удивившись: — Погоди-ка... Разве... но твой муж не подавал вроде никакого повода, чтобы ты задумалась над этим. Так сразу и не скажешь. Озадачила ты меня. Мне нужно посмотреть... У вас с ним все в порядке?

— Посмотри на меня, бегемот и то грациознее, — вздохнула Ли Мин. — Вот ты сам восхищался как изящны и грациозны дочери госпожи Пин. И сколько они собираются у нас гостить? Мой муж все, то время, что они здесь, не отходит от них ни на шаг.

— Девочка, это простая вежливость не более того. Просто из-за своего нынешнего положения ты болезненно чувствительна ко всяким незначительным пустякам. Глава просто оберегает тебя от назойливой болтовни этих шумных барышень. Оставь развлекать гостей ему, сама же думай о моем внуке. Побольше радуйся. Разве тебе не понравились подарки, которые тебе прислал твой супруг?

— Как я могу чему-то радоваться, когда Лю Бин следит за каждым моим шагом? Не дает оставаться с мужем ни на миг, — шмыгнула носом Ли Мин, — утверждая, что мы навредим ребенку. Потому и настаивает, чтобы вы вновь заняли пещеру под свои опыты. Он даже нашу медвежью полость куда-то утащил и спрятал, — от души жаловалась Ли Мин.

— Старый он греховодник, — укоризненно качал головой на слова Ли Мин маг. — Лю Бин конечно переусердствовал со своей опекой... А ты, девочка, только не волнуйся, думай о ребеночке, который у тебя под сердцем, я же вразумлю старого дуралея, а то ишь... в лягушку превращу!

— Погоди, — попыталась остановить вдруг разошедшегося мага, решительно уходящего в тростниковые заросли, — а как же заклинание?!

— О Небо! Что ж ты такая пристающая? Ты демон или нет? — донеслась до нее уже привычная отмазка сбежавшего мага.

Небо заметно потемнело, плотные тучи надежно скрыли вечернюю зарю. От воды

повеяло холодом, и нужно было покинуть этот тихий уголок Поместья. Но ветви ивы шевельнулись, раздвинулись и с другой стороны от камышовых зарослей к беседке, вышел Глава.

— Я слышал твой разговор с Фэй Я, — сказал он, садясь рядом на скамью. Еще утром заметил, что ты избегаешь меня. Пришлось сделать вид, что не заметил твоего побега, чтобы незаметно пойти за тобой. И что же? Ты сбежала от меня, чтобы пошептаться с магом?

— Так ты бессовестно подслушивал? — изумилась Ли Мин. — И ты... все слышал?

— Разумеется, — кивнул он. — Ты с утра места себе не находила. Должен же я знать причину.

— Узнал?

Он кивнул, придвинувшись к ней вплотную.

— Раз это касается меня, я скажу тебе такое заклинание. Хочешь его знать?

Ли Мин с готовностью закивала.

— Если тебя одолеют сомнения на мой счет, тебе нужно будет сказать мне лишь одно магическое слово, — он замолчал, выдерживая паузу и склонившись, прошептал: — Постель. Это заклинание постелью.

Но стоило Главе склониться к лицу жены, прихватив губами ее губы, как последовал неожиданный в окружающей тишине возмущенный окрик.

— Чем это вы тут вздумали заниматься, среди белого дня?

Вздрогнув от неожиданности, Ли Мин машинально отстранилась от мужа, но Глава удержал ее в своих объятиях.

— И чем мы тут занимаемся, лекарь Бин? — сухо поинтересовался он, не скрывая своего недовольства.

— Своей невоздержанностью, безответственностью и неразумными порывами, вы вредите моему драгоценному внуку! — гневно потрясая широкими рукавами, заскандалил лекарь.

— Мы супруги, — строго напомнил старому упрямцу Глава.

— Вот именно! — недовольно возразил лекарь. — Разве вы способны подумать о чем-то еще?!

— Уйдем, — шепнул Глава жене, отпуская ее. — Не будем раздражать старшего.

— Даже не думайте сбежать, прежде не выслушав меня. Стойте же, неразумные дети! Не смейте вредить моему внуку! Слышите! И кто из вас умудрился стащить медвежью полость?

Но шустрая молодежь уже скрылась в ивовых зарослях от нудных наставлений лекаря.

— Так, — крутанулся на месте Лю Бин и над Лотосовым прудом разнесся его негодующий зов: — Фэй Я, где моя воспитательная палка?!

Больше книг на сайте - Knigoed.net